

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЯНВАРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ,
ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ ЮРИЯ ПЕТРОВИЧА ШАГДУРОВА

*Материалы
международной научно-практической конференции
(Улан-Удэ, 19 января 2017 г.)*

Улан-Удэ
Издательство бурятского госуниверситета
2017

УДК 001(092)(571.54)
ББК 72Я222(2РосБур)
Я 601

Научный редактор
Н. С. Байкалов, канд. ист. наук, доц.

Рецензенты
Э. Д. Дагбаев, д-р социол. наук, проф.
А. М. Плеханова, д-р ист. наук, доц.

Сборник размещен в системе РИНЦ
на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru

Я 601 **Январские исторические чтения, посвященные памяти Юрия Петровича Шагдурова** : материалы международной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 19 января 2017 г.) / науч. ред. Н. С. Байкалов. — Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2017. — 252 с. ISBN 978-5-9793-1122-7

В сборник вошли статьи и сообщения широкого тематического спектра, объединенные в пять разделов: «Новые подходы к изучению национальной и региональной истории», «Современные исследования по всеобщей истории, историографии и источниковедению», «Актуальные проблемы образования, педагогики, методики преподавания», «Музей в меняющемся мире», «Социально-политические, экономические, правовые процессы: региональный аспект».

Книга адресована ученым, преподавателям, учащимся.

January History Readings commemorating Yuri Petrovich Shagdurov : materials of the International Scientific-Practical Conference (Ulan-Ude, January 19, 2017) / sci. ed. N. S. Baikalov. — Ulan-Ude : Buryat State University Publishing Department, 2017. — 252 p. ISBN 978-5-9793-1122-7

The collection includes articles and reports of a broad thematic spectrum, grouped into five sections: «New Approaches to the Study of National and Regional History», «Contemporary Issues in World History, Historiography and Source Studies», «Acute Problems of Education, Pedagogy, Teaching Methods», «Museum in a Changing World», «Socio-political, Economic, Legal Processes: Regional Aspect».

The book is addressed to scientists, teachers, students.

УДК 001(092)(571.54)
ББК 72Я222(2РосБур)

ISBN 978-5-9793-1122-7

© Бурятский госуниверситет, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Дугаров В. Д., Цыренова М. Г.</i> Человек и события в исторической памяти: о Ю. П. Шагдурове	5
Новые подходы к изучению национальной и региональной истории	
<i>Цыбиктаров А. Д.</i> К проблеме формирования в Забайкалье кочевого и полукочевого скотоводства — основы традиционного хозяйства бурят XVII — начала XX в.	11
<i>Сыденова Р. П.</i> Материальные и ментальные структуры этнической системы бурят.....	17
<i>Намнанов Д. Д.</i> Об истории Чесанского дацана.....	20
<i>Шагдурова И. Н.</i> Особенности интеграции бурят в состав Российской империи	27
<i>Спиридонова А. А.</i> Деятельность городского управления в г. Верхнеудинске в 1920-е гг. ...	31
<i>Мороз А. И., Нагачеева А. Ю.</i> Детский культпоход 1929 г. в Забайкалье.....	36
<i>Никитин Д. И.</i> Урало-Печорск: нереализованный проект создания новой угольно-металлургической базы СССР в 1950-х гг.	40
<i>Карначев А. Е.</i> Материальное стимулирование сельских тружеников Бурятии в 1960-х — середине 1970-х гг.	44
<i>Байкалов Н. С.</i> Между модернизацией и рекреацией: основные сценарии развития городских поселений постсоветского БАМа.....	49
<i>Зайцева Л. А.</i> Исторические аспекты земельной реформы в России в конце XX — начале XXI в.	55
<i>Чимитова Д. К.</i> Российско-монгольские связи в области образования: региональный аспект....	60
<i>Боронова М. М.</i> Опыт несостоявшейся модернизации: истоки и уроки современного кризиса.....	64
Современные исследования по всеобщей истории, историографии и источниковедению	
<i>Бураев А. И.</i> Новый источниковый комплекс по антропологии средневекового населения Центральной Азии.....	67
<i>Стрелков А. М.</i> Методы теории систем и теории множеств в источниковедении. Анализ корпуса базовых текстов учения Калачакра.....	74
<i>Гомбожапов А. Д., Нолев Е. В.</i> От Великой Монгольской империи к эпохе «малых ханов»: актуальные направления исследований в историографии проблемы.....	80
<i>Полянская О. Н.</i> Традиции востоковедного образования в России. К 195-летию Д. Банзарова.....	87
<i>Кузьмин Ю. В.</i> Военный монголовед Российской империи полковник Иван Васильевич Тонких (1877–1939) и две экспедиции по Монголии.....	91
<i>Дикий Я. В.</i> Повседневность пространства дореволюционного Верхнеудинска в рекламе и объявлениях (по материалам периодической печати начала XX в.)	96
<i>Тумурхонова Н. В.</i> Всероссийские сельскохозяйственные переписи 1916, 1917 гг. в отечественной историографии.....	103
<i>Очирова В. Н.</i> Производственная повседневность советских рабочих промышленных предприятий в отечественной и зарубежной историографии.....	109
<i>Дроботушенко Е. В.</i> Архивные источники по истории православия в Забайкалье в 1965–1991 гг.	112
<i>Батунаев Э. В.</i> Некоторые аспекты социально-экономического развития Монголии (1921–1940 гг.)	116
<i>Ражев А. В.</i> Сухопутные силы Великобритании к середине 1930-х гг.: общее состояние и предпосылки модернизации.....	120
<i>Даваажав Баяртогтох.</i> Монгольские исследователи о сотрудничестве СССР и МНР в подготовке кадров сельского хозяйства.....	125
<i>Родионов В. А.</i> Монголо-китайские отношения: проблемы и перспективы	128

Актуальные проблемы образования, педагогики, методики преподавания

<i>Номогоева В. В.</i> Исторический факультета БГУ на современном этапе развития.....	131
<i>Дикая Ю. В.</i> Реализация модели смешанного обучения на примере дисциплины «Методика преподавания истории»	136
<i>Дюпин А. А.</i> Понятие геополитики в современной российской учебной литературе.....	141
<i>Бабиков В. А.</i> Организация исследовательской деятельности студентов в курсе «Методика преподавания географии»	145
<i>Малунова Г. С.</i> Оценочные процедуры в процессе реализации ФГОС как условие развития единства образовательного пространства.....	150
<i>Елаев Э. Н. Н. К.</i> Елаев в истории Бурятского государственного педагогического института — Бурятского государственного университета.....	159
<i>Ряженова В. С.</i> Развитие профессионально-технического образования в Восточном Забайкалье в 1940–1991 гг.: историография и проблематика вопроса.....	163
<i>Киреев В. Ю.</i> Повышение конкурентоспособности выпускника среднего профессионального учебного заведения.....	167

Музей в меняющемся мире

<i>Арьянов А. Д.</i> Роль музеев в образовательном и воспитательном процессах современного вуза.....	170
<i>Белоусова О. Ф.</i> Музеефикация советского наследия: принципы и подходы.....	175
<i>Гарелик П. Д.</i> Музеефикация семейно-родовых культов шорцев.....	180
<i>Константинова Н. Н.</i> Музейный образовательно-выставочный проект клуба «Наследие»	186
<i>Родионова Д. Д., Родионов С. Г.</i> Разработка мастер-класса по изготовлению традиционной женской рубахи бачатских телеутов.....	191
<i>Силкина М. Н.</i> Подходы к музеефикации городских парков советского периода.....	195
<i>Глушкова П. В.</i> Интерактивная культурно-образовательная музейная программа как форма актуализации нематериального историко-культурного наследия.....	199

Социально-политические, экономические, правовые процессы: региональный аспект

<i>Кайдан Д. А.</i> Регионы Прибайкалья в международном взаимодействии: факторы трансграничного сотрудничества и национальной безопасности.....	204
<i>Кубрикова Ю. А.</i> Содействие Азиатского банка развития трансграничному сотрудничеству стран субрегиона Большого Меконга	210
<i>Дугарова С. Ж.</i> Закономерности и особенности возникновения государства в кочевом обществе.....	215
<i>Хармаев Ю. В.</i> Русская полиция глазами американского писателя Джорджа Кеннана	218
<i>Будаев К. А.</i> Об истории создания и деятельности органа конституционной юстиции в Республике Бурятия.....	222
<i>Мурзина Е. А.</i> История развития правового регулирования труда женщин по законодательству Китая.....	229
<i>Тумурова А. Т., Амагыров А. В.</i> К вопросу о происхождении правовой защиты чести.....	232
<i>Гатаулина О. А.</i> К вопросу о термине «таможенная процедура»	238
<i>Цыденов О. Б.</i> Роль молодежного парламентаризма в современной российской действительности.....	242
<i>Цыремпилова Е. Б.-М.</i> Особенности разграничения компетенции между органами судебной власти Австралийского Союза и штатов.....	247

ЧЕЛОВЕК И СОБЫТИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: О Ю. П. ШАГДУРОВЕ

© **Дугаров Владимир Доржиевич**

доктор исторических наук, профессор,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: dugarovbgu@mail.ru

© **Цыренова Марина Геннадьевна**

кандидат педагогических наук, доцент,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: tsbudaeva@mail.ru

Статья посвящена памяти Юрия Петровича Шагдурова, кандидата исторических наук, доцента, декана исторического факультета, создателя филиала БГУ в Монголии, первого проректора Бурятского государственного университета. Его биография рассматривается на фоне исторических событий конца XX в. Показана его роль в развитии исторического факультета и активная организаторская деятельность в период становления классического университета в Республике Бурятия. Уделяется внимание монгольскому периоду в жизни Ю. П. Шагдурова, где он занимался созданием филиала БГУ. Сделана попытка осмысления деятельности Ю. П. Шагдурова через призму исторической памяти. Статья посвящена 60-летию юбилею.

Ключевые слова: биография; историческая память; классический университет; исторический факультет; воспоминания; история Бурятии.

16 января 2017 г. Юрию Петровичу Шагдурову исполнилось бы 60 лет. Ему было 48 лет, когда его не стало... И спустя годы приходит осознание того, как рано и каким молодым он ушел из жизни. Он очень многое успел сделать для родного вуза, для Бурятского государственного педагогического института им. Д. Банзарова и позднее Бурятского государственного университета. Он достойно вписал свое имя в летопись университета...

Прошло еще очень мало времени, чтобы давать оценку поступкам и действиям, но хочется отметить, что время, в которое Юрий Петрович жил и работал, было достаточно интересное и сложное; в стране происходили большие изменения в общественно-политической и социальной жизни. Поэтому интересны будут воспоминания о том времени, в котором жил и работал Ю. П. Шагдуров, они позволят оценить и осмыслить его через призму исторической памяти.

Ведь не случайно на исходе XX в. наряду с понятиями «историческое знание» и «историческое сознание» появляется концепт «историческая память» и интерпретируется по-разному: как способ сохранения и трансляции прошлого в эпоху утраты традиции, как индивидуальная память о прошлом, как коллективная память о прошлом, как социальная память о прошлом и, наконец, просто как синоним исторического сознания.

Источником развития концепции исторической памяти, по мнению М. В. Соколовой, явились труды по устной истории. «В устной истории важнейшим способом «взаимодействия» с прошлым является собирание воспоминаний, их хранение и интерпретация» [7, с. 43].

Воспоминания, как память, характеризуются тем, «что сохраняют и «воспроизводят» сведения о прошлом на основе воображения, порожденного чувствами и ощущениями, вызванными настоящим. Воспоминания о прошлых событиях, как давно уже установили психологи, воспроизводятся через призму настоящего» [7, с. 37].

О. Б. Леонтьева отмечает, что в наших представлениях о прошлом обычно присутствует несколько компонентов: информативный (сведения о том или ином историческом событии, лице, явлении), концептуальный (целостное представление о ходе и смысле исторического процесса, о его факторах, о силах, борющихся в истории и т. д.), аксиологический (оценка исторических событий и явлений с точки зрения определенных ценностных приоритетов) [5].

Для понимания исторической памяти важно иметь в виду ее следующее содержание. В данном случае память как воспоминание, она здесь выступает «живой», это непосредственная память человека, индивида, социума. Она характеризуется тем, что память сохраняет и «воспроизводит» сведения о прошлом на основе воображения, порожденного чувствами и ощущениями, вызванными настоящим. Ее хранителями выступают: человек, отдельные члены общества, семья, социальное или профессиональное сообщество. Во-вторых, это память, которую мы получаем из разных исторических источников, литературы, телевидения, кинофильмов и т. д. Здесь факты, процессы и события более систематизированы и обобщены. И в-третьих, это оценочный компонент, представляющий спектр оценок конкретных исторических объектов и субъектов действия и самого знания о них, а также суждения по поводу того или иного исторического факта, события, действия.

По мнению М. В. Соколовой, с естественным уходом людей — современников исторических событий — историческая память меняется, приобретает новые оттенки, становится менее достоверной и более насыщенной «реальностями» дня сегодняшнего. То есть историческая память со временем еще больше политически и идеологически актуализируется [7, с. 37].

Особенно актуальной становится проблема отношения к прошлому в исторической памяти, если общество проходит через период серьезных социокультурных перемен, ломки традиционных стандартов и стереотипов мышления, если в сознании людей сталкиваются несхожие, а подчас и противоположные ценностные системы. Как мы знаем из собственного опыта, смысл любого исторического события и значение деятельности любого исторического персонажа могут подвергнуться радикальному переосмыслению на протяжении жизни одного и того же поколения.

По своей природе историческая память — область междисциплинарных исследований. Исследованиями исторической памяти занимались Морис Хальбвакс, Пьер Нора, Ян и Алейда Ассман, Ж. Ле Гофф, Б. Гене, П. Хаттон, и др. Огромное влияние на становление *historicalmemorystudies* оказало третье поколение школы «Анналы». В США издается авторитетный журнал «History&Memory». В наше время в России исследования в этой области ведут И. М. Савельева, А. В. Полетаев, Л. П. Репина, О. Б. Леонтьева, Н. Е. Копосов, А. И. Филюшкин, О. В. Герасимов и другие историки, социологи, философы. Проблематика исторической памяти включена в учебные курсы высшего исторического образования.

Историческое сознание порождается памятью о прошлом и становится мыслью, протянутой через цепь времен. Люди как непосредственные носители исторического сознания по-разному оценивают социальную память, являются его организующим началом. Они что-то выделяют как важное, забывают то, что не хотят помнить, устремляют взгляд в будущее с оптимизмом или отчаянием. Это невозможно объяснить только исходя из принципа историзма, но историческое сознание является двигателем выбора развития. В годы острой нестабильности даже субъективные факторы меняют историческое сознание, которое заново перестраивает понимание социальной памяти. Память — создательница прошлого, и ее историческая способность находится во времени. Лишь благодаря познанию прошлого человек в состоянии различать, что для него возможно, а что невозможно.

Если вернемся к жизни и деятельности Ю. П. Шагдурова, то можно отметить тот факт, что он не успел стать достаточно известным ученым-историком, но остался в памяти своих современников как великолепный организатор. Он возглавил исторический факультет в сложный период, как говорят, «в лихие 90-е»...

Юрий Петрович Шагдуров родился 16 января 1957 г. в с. Мальта Усольского района Иркутской области в многодетной семье. В Иркутской области семья его деда оказалась после раскулачивания в 30-х гг. XX в. Он же родился в годы, которые в истории страны характеризуются как период «оттепели», и это позволило в 1959 г. семье Шагдуровых переехать на историческую родину — в с. Кырен Тункинского района Бурятской АССР.

Юрий Петрович окончил Кыренскую среднюю школу им. В. И. Ленина в 1974 г. Он был активным пионером, ответственным комсомольцем. Очень рано стал увлекаться историей, так как в школе были замечательные учителя истории, такие как Зверева Вера Михайловна. После окончания школы работал на пилораме конторы «Скотимпорт» в с. Кырен. В 1975 г. был призван в ряды Советской армии. После службы в армии в 1977 г. Юрий Петрович поступает на историко-филологический факультет (ИФФ) Бурятского государственного педагогического института им. Д. Банзарова. В это время отделение истории ИФФ было основным поставщиком кадров «идеологического фронта» — партийных, комсомольских, профсоюзных работников. Это было востребовано обществом, и конкурс на ИФФ (отделение истории) был достаточно высок, составлял до 11 человек на одно место [2, с. 21].

В период учебы он показал себя уже как хороший организатор, он принимал активное участие в общественной жизни факультета. И после окончания института Юрий Петрович не случайно начал свою трудовую деятельность в городском комитете ВЛКСМ, где проработал с сентября 1982 по декабрь 1985 г. сначала инструктором, а затем заведующим отделом спортивной и оборонно-массовой работы.

Здесь проявился его незаурядный организаторский талант, умение творчески подойти к делу и найти новые формы работы с молодежью. За годы работы в горкоме ВЛКСМ он провел множество ярких спортивных и оборонно-массовых мероприятий в городе [1, с. 67].

В декабре 1985 г. он поступает в целевую аспирантуру Иркутского государственного университета по специальности «история КПСС», которую досрочно окончил в 1988 г. с предоставлением кандидатской диссертации к защите. В годы учебы в аспирантуре он приобрел большой круг друзей из разных городов Сибири, обучавшихся в аспирантуре Иркутского университета, близко сошелся с ведущими историками, дружбой с которыми очень дорожил.

В 1988 г. Юрий Петрович был принят на работу в БГПИ им. Д. Банзарова ассистентом кафедры истории КПСС. В эти годы произошли большие изменения в стране, изменилась политическая ситуация. В период перестройки под влиянием изменения курса партии в СССР развернулись дискуссии на исторические темы, которые способствовали началу существенных сдвигов в историческом сознании общества. Выходя за рамки партийных решений, они сыграли важную роль в либерализации официального политического курса. Дискуссии второй половины 1980-х гг. привели к началу пересмотра содержания школьных учебников отечественной истории. Такие вопросы, как альтернативность, замена формационного подхода цивилизационным, негативное освещение тоталитарного общества, поднятые в ходе исторических дискуссий в 1980-х гг., нашли свое отражение в учебниках отечественной истории, вышедших в постсоветской России.

Новое время требовало и новых подходов к изучению истории, соответственно происходит пересмотр исторического содержания.

Кафедра истории КПСС меняет не только свое название, но и содержательную основу преподаваемых курсов. Ю. П. Шагдуров, как и другие преподаватели кафедры, разрабатывает новые курсы. Он стал вести новый тогда курс — «Политическая история». Его занятия вызывали большой интерес среди студентов, он практикует активные формы проведения занятия, такие как политбои, брифинги, пресс-конференции, дискуссии и др.

В этот период Юрий Петрович, широко занимавшийся общественной деятельностью, становится одним из организаторов и вдохновителей ассоциации молодых историков, которая по мере роста ее научного потенциала переросла в общественно-научный центр «Сибирь» (16.10.1991). В работе этого центра принимали участие Б. В. Базаров, Л. В. Курас, В. Д. Дугаров, В. Ц. Ганжуров, Л. А. Зайцева, Л. Б. Жабаева и др. Молодые активные историки занимались изучением и публикацией неизвестных, слабо изученных сюжетов истории Бурятии. Проводили конференции, семинары, презентации по всей республике. Издания ОНЦ «Сибирь» были высоко оценены общественностью Бурятии.

В 1991 г. вышел указ Президента РФ о прекращении деятельности организационных структур политических и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях. Этот период охарактеризован И. И. Осинским: «Как бы там ни было, но во второй половине августа 1991 г. 180 коммунистов института в одночасье стали беспартийными...» [6, с. 333]. Среди них был и Юрий Петрович Шагдуров. Прекращение деятельности КПСС по-своему повлияло на развитие исторической науки в регионах, появилась альтернативность взглядов, открылись архивы.

В Бурятии общественно-научный центр «Сибирь» развернул активную деятельность по выявлению «белых пятен истории». Коллективом молодых и талантливых историков были подготовлены и изданы три выпуска «Истории Бурятии в вопросах и ответах». Их публикации заменили учителям учебники, они развернули «новые сюжеты» для преподавания, как тогда говорили, «белые пятна истории». Они одним из первых стали писать и публиковать материалы по истории репрессий в республике, ими были введены в научный оборот ранее закрытые архивные материалы [6, с. 365]. Теперь создатели этого центра стали известными учеными-историками не только в Бурятии, но и в России и за рубежом. Они очень тепло вспоминают свою молодость и совместную работу с Юрием Петровичем.

В 1994 г. Ю. П. Шагдуров был назначен деканом исторического факультета БГПИ им. Д. Банзарова. На ИФ он пришел после А. В. Голыха. И. И. Осинский пишет, что «его сменил деятельный молодой ученый, кандидат исторических наук Ю. П. Шагдуров» [6, с. 328]. Именно здесь проявился в полной мере его талант руководителя и организатора. Он сформировал команду единомышленников:

заместителем декана по учебной работе стала канд. пед. наук М. Г. Цыренова, заместителем декана по воспитательной работе стал вчерашний студент А. В. Дамдинов.

В это время факультет состоял из трех кафедр: истории Отечества (заведующий канд. ист. наук К. Б.-М. Митупов), всеобщей истории (д-р ист. наук Н. В. Абаев), истории и культуры Бурятии (д-р ист. наук Б. В. Базаров).

Ю. П. Шагдуров уделял большое внимание кадровой политике на факультете, именно при нем преподавательский состав факультета достиг 100% «остепененности». Привлекались молодые преподаватели. Например, был принят на работу сотрудник Кяхтинского музея, канд. ист. наук А. Д. Цыбиктаров. Совместно с деканом факультета они за короткое время поставили на необходимый уровень археологическую практику студентов первого курса.

Очень быстро, несмотря на финансовые трудности, обновилась материальная база факультета, было положено начало компьютеризации кафедр и деканата. Произошло обновление и оснащение аудиторного фонда: поменяли столы и стулья и др.

Юрий Петрович работал деканом в тот период, когда 30 сентября 1995 г. на базе Бурятского государственного педагогического института (БГПИ) им. Д. Банзарова и филиала Новосибирского государственного университета в г. Улан-Удэ был образован Бурятский государственный университет. Эти изменения требовали и новых механизмов управления факультетом. При поддержке деканата получает развитие студенческое самоуправление, активизируется общественная жизнь.

На университетском уровне формируются новые студенческие традиции: так, приобретает новый формат фестиваль «Студенческая весна». Происходила серьезная конкуренция среди факультетов. И программы ИФ всегда проходили ярко, празднично и с размахом.

Студенты активно включаются и в научно-исследовательскую работу. Впервые в истории Бурятского университета Юрием Петровичем было инициировано издание студенческого исторического журнала «Клио», ставшего фирменной маркой студенческих научных работ. Как отмечает И. И. Осинский, в этот сложный период появляются новые формы общения с молодежью, так, «в конце июня 1995 г. на историческом факультете стала выходить газета «ИстИнфо», на страницах которой выступали профессора, преподаватели и студенты. Материалы одного из номеров были помещены в республиканской газете «Правда Бурятии», в том числе беседа редактора «ИстИнфо», декана факультета Ю. П. Шагдурова с Президентом Республики Бурятия Л. В. Потаповым (Правда Бурятии. 1996. 16 марта). По решению ученого совета факультета в 1995 г. начал издаваться историко-публицистический журнал «Мысль» [6, с. 443].

Студенческая наука развивалась еще и потому, что Ю. П. Шагдуров изыскивал возможности направить студентов для участия во всероссийских конференциях в научные центры страны — Москву, Санкт-Петербург, Новосибирск, Иркутск, Читу и другие города.

В это время был проведен ряд региональных и международных конференций, издано множество научных трудов, появились регулярные научные издания: Вестник БГУ — серия «История», «Исследования по истории стран Центральной и Восточной Азии» и др.

Не случайно сегодня очень много выпускников ИФ того периода являются докторами и кандидатами наук. Кроме диссертаций по истории есть диссертации по философии, социологии, политологии, экономике, педагогике и др. Целый ряд наших выпускников обеспечивает преподавание этих дисциплин в различных вузах города, а также за его пределами. Только в нашем университете на разных факультетах работает 12 выпускников того периода.

Юрий Петрович заложил и новые традиции на факультете, которые сохраняются и поныне. На факультете появились вошедшие в студенческую жизнь и воспоминания многих поколений выпускников такие праздники, как «Шабаш Геродота», борцовские турниры «Бүхэ барилдаан», где обычно Юрием Петровичем лично вручался живой баран. А соревнования по футболу долгое время привлекали и выпускников ИФ.

За время работы Юрия Петровича на историческом факультете была открыта новая специальность — юриспруденция, создана кафедра права, которую возглавил Б. Ц. Цыденжапов. Позднее это направление выделилось в самостоятельный юридический факультет, деканом которого стал Д. И. Бураев. Это был один из первых факультетов именно университетской направленности.

Значительное развитие на этом этапе развития факультета получили направления, связанные с политологией и социологией. Это находилось в прямой связи с теми изменениями, которые происходили в обществе. Необходимость произошедших и происходящих перемен, пути дальнейшего посту-

пательного развития страны искали преимущественно в сфере современности, что способствовало резкому возрастанию потребностей в социальных и политологических исследованиях. Деканат также оказывал всемерную поддержку развитию этих направлений. При активной поддержке профессора, д-ра филос. наук В. И. Коваленко (МГУ им. Ломоносова) было открыто отделение «Политология». Но главное, что руководство кафедры в лице Э. Д. Дагбаева было вполне подготовленным к решению новых задач, что также в немалой степени способствовало ускоренному развитию этого направления.

При Юрии Петровиче активизировалось международное сотрудничество факультета с исследователями университетов Германии, США и др. Очень тесное научное сотрудничество было налажено с вузами Монголии. Многогранные способности Юрия Петровича, проявившиеся в учебной, организационной, спортивной деятельности, не мешали ему заниматься и научной деятельностью. Он автор более 40 научных работ, изданных у нас в стране и за рубежом, в том числе учебных пособий по истории Бурятии. В последнее время занимался историей религиозных конфессий в Бурятии в XX в. В 1998 г. он решил писать докторскую диссертацию.

В связи с идеей создания и организации филиала Бурятского государственного университета в г. Улан-Баторе (Монголия) Юрий Петрович в 2000 г. был отозван из научного творческого отпуска и направлен руководителем и организатором этого филиала. Становление любого учебного заведения дело трудоемкое, тем более что вуз находился за границей. Справиться с такой задачей мог только человек, обладающий высокими организаторскими качествами.

Как отмечает С. В. Калмыков в своей книге: «Второй филиал (после Боханского) открыли в Улан-Баторе, выдержав жесточайшую конкуренцию, в первую очередь с частными учебными заведениями: по статистическим данным, из 180 существующих в Монголии вузов государственных — всего семь» [4, с. 125].

Большую поддержку в Улан-Баторе оказал ректор Монгольского юридического университета «Их Засаг» профессор Няма-Сор. В первый 2000/01 учебный год Улан-Баторский филиал располагался на базе этого университета. Большую работу организационную работу провел Юрий Петрович, и в 2001 г. филиал получил государственную лицензию Министерства образования Монголии.

Студенты в филиале обучались по следующим специальностям: юриспруденция, политология, востоковедение и менеджмент организации. Процесс обучения строился по принципу — три года в Улан-Баторском филиале, и 4–5-е курсы — в БГУ. В филиале обучались не только студенты из Монголии, но и из России. Обучение велось на русском языке силами преподавателей БГУ (вахтовым методом), монгольских и иностранных преподавателей [3, с. 328].

В Монголии Юрий Петрович показал себя уже зрелым руководителем, настоящим дипломатом и политиком. В 2003 г. Юрий Петрович вернулся из Монголии и был назначен на должность первого проректора БГУ. Находясь на этом посту, он приложил все усилия для того, чтобы университет высоко держал планку развития классического университета. Он многого достиг, но еще больше осталось нереализованным. Жизнь продолжается. Поиск истины не завершен. Будущее за той моделью общества, которая, сохраняя историческую память, даст обществу и человеку выбирать способы и пути решения современных задач.

Литература

1. Бурятский государственный университет: у истоков становления: сб., посвящ. 15-летию образования БГУ / отв. ред. Ц. З. Доржиев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. 204 с.
2. Дашиева А. Д., Номогоева В. В. По страницам истории факультета: к 80-летию исторического факультета Бурятского государственного университета / гл. ред. А. А. Буркина. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. 148 с.
3. Калмыков С. В. Организация и становление университета в переходный период. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. 412 с.
4. Калмыков С. В. Университеты связывают времена. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. 125 с.
5. Леонтьева О. Историческая память и образ прошлого в культуре пореформенной России [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/history/istoricheskaja_pamat_i_obraz_proshlogo_v_kulture_poreformennoj_rossii_2014-06-30.htm (дата обращения: 20.12.2016).
6. Осинский И. И. Alma Mater. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1999. 642 с.
7. Соколова М. В. Что такое историческая память // Преподавание истории в школе. 2008. № 7. С. 37–45.

**THE PERSON AND EVENTS IN HISTORICAL MEMORY:
ABOUT YU. P. SHAGDUROV**

Vladimir D. Dugarov

DSc in History, Professor,
Buryat State University
24a, Smolin st., Ulan-Ude, 670000, Russia

Marina G. Tsyrenova

Ph.D. in Pedagogic, Associate Professor,
Buryat State University
24a, Smolin st., Ulan-Ude, 670000, Russia

The article is devoted to the memory of Yuri Petrovich Shagdurov, candidate of history, dean of the history faculty, the founder of Buryat State University branch in Mongolia, the vice-President of BSU. His biography is examined against the background of historical events of the late twentieth century. His role in the development of the history faculty and organizational activity during the formation of the classic university in the Republic of Buryatia is shown. Attention is paid to the Mongolian period in the life of Yu. P. Shagdurov, where he was engaged in the creation of a branch of BSU. An attempt was made to understand the activities of Yu. P. Stepdarov through the prism of historical memory. The article is devoted to the 60th anniversary.

Keywords: history of Buryatia; biography; historical memory; classic university; history faculty; memories.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ И ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

УДК 397 (=512.31)

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ В ЗАБАЙКАЛЬЕ КОЧЕВОГО И ПОЛУКОЧЕВОГО СКОТОВОДСТВА — ОСНОВЫ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА БУРЯТ XVII – НАЧАЛА XX в.

© Цыбиктаров Александр Дондопович

доктор исторических наук, профессор,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: a.d.tsibiktarov@gmail.com

В статье рассматривается проблема формирования в Забайкалье основы традиционного хозяйства бурят XVII – начала XX в. — кочевого и полукочевого скотоводства, которое обусловило особенности уклада жизни и быта, специфику материальной и духовной культуры бурятского народа. Автор вносит корректировку в определение специалистами-этнографами даты формирования этой формы ведения скотоводства в регионе Бурятии временем около трех тысяч лет назад. В статье предложена новая датировка времени возникновения кочевого скотоводства в Забайкалье и Монголии, которая определяется серединой 2-го тыс. до н. э., т. е. на полтысячу лет раньше, чем было принято считать раньше. Данный вывод обосновывается на корреляции материалов археологических и палеогеографических исследований на территории Южного Забайкалья и Монголии, осуществленных специалистами археологами и палеогеографами в 1980–2000-х гг. Обосновывается мнение о том, что формирование кочевого и полукочевого скотоводства в Забайкалье и Монголии происходило в результате адаптации палеоэкономики населения селенгинско-даурской культуры конца 3-го – первой половины 2-го тыс. до н. э. к изменениям климатической обстановки этих регионов в сторону усыхания на протяжении первой половины 2-го тыс. до н. э., которые завершились в середине 2-го тыс. до н. э. формированием резко континентального климата. Аридизация климата сопровождалась снижением значения земледелия в экономике населения селенгинско-даурской культуры и возрастанием роли скотоводства в условиях расширения степных и лесостепных пространств в ландшафте Южного Забайкалья и Монголии. Установление резко континентального климата в середине 2-го тыс. н. э. обусловило трансформацию хозяйственного уклада оседлых земледельцев и скотоводов в кочевую экономику кочевников и полукочевников. В результате этих процессов в середине 2-го тыс. до н. э. произошла смена селенгинско-даурской культуры культурой плиточных могил, население которой занималось кочевым и полукочевым скотоводством.

Ключевые слова: буряты; Забайкалье; Монголия; кочевое скотоводство; археология; палеогеография; климатические изменения; аридизация; селенгинско-даурская культура; культура плиточных могил.

Буряты в XVII–XIX вв. по хозяйственно-культурному типу относились к скотоводам-кочевникам аридных (сухих) степей Евразии. В структуре их хозяйства доминирующую роль занимало скотоводство кочевого и полукочевого типа. Другие отрасли хозяйства, охота, собирательство, земледелие, а также рыболовство, которым занимались в основном прибайкальские буряты, играли не столь важную роль по сравнению со скотоводством. Ремесло большей частью носило характер домашнего производства и имело вспомогательное значение, обеспечивая население орудиями труда и разнообразными предметами быта. Исключение составляли выплавка металлов и металлообработка, которыми нужно было заниматься профессионально.

Скотоводство продолжало оставаться основой традиционного хозяйства бурят до недавнего прошлого — конца XIX – начала XX в. На протяжении XVII–XX вв. по мере земледельческого освоения края русским населением и расширением занятия земледелием в среде бурят постепенно происходил переход на двухразовые сезонные кочевки по схеме летники — зимники, но и при этом традиционный полукочевой уклад скотоводства принципиально не поменялся. Таким образом, некоторые изменения, происходившие в скотоводческом хозяйстве бурят после вхождения Бурятии в состав России, все же не повлияли на формы его ведения. В целом же на протяжении достаточно длительного времени, с кануна вхождения Бурятии в состав России до начала XX в., скотоводство на территории эт-

нической Бурятии в зависимости от природно-климатических условий в той или иной области носило кочевой и полукочевой характер. Особенности его ведения определили уклад жизни, специфику материальной и духовной культуры бурятского народа.

Буряты традиционно разводили пять видов скота: лошадей, овец, коз, крупный рогатый скот и верблюдов. В условиях резко континентального климата Забайкалья и отчасти Предбайкалья с жарким сухим летом и суровой малоснежной зимой скот круглый год находился на подножном корму, что предопределило кочевой и полукочевой уклад жизни бурят. В связи с истощением пастбищ по мере выпаса скота они производили сезонные перекочевки в соответствии со временами года. Малообеспеченные скотом семьи обычно производили две перекочевки из зимников в летники обратно, а более обеспеченные люди такие перекочевки совершали и внутри сезонов, до 10–12 раз за год [10, с. 59–66; 5, с. 63–64, 67, 69–77; 20, с. 141–142; 1, с. 93–105; 11, с. 24–26].

При разведении различных видов домашних животных у бурят, как и монголов, в составе стада преобладали лошади и мелкий рогатый скот, овцы и козы. Эта особенность объясняется тем, что данные животные лучше приспособлены к перемещениям по степным просторам на дальние расстояния, а лошади, обладая свойством тебеневки (добывать корм из-под снега, разгребая его цельными копытами, при этом не травмируя их), открывали доступ к корму другим животным в зимнее время, особенно в дни сильных снегопадов. Формирование этой формы ведения скотоводства в регионе Бурятии специалисты-этнографы, в частности С. Г. Жамбалова, опираясь, видимо, на труды по разработке хозяйственно-культурных типов в этнографии и данные археологии, обычно определяют временем около трех тысяч лет назад [1, с. 93; 11, с. 24]. По археологической периодизации древней истории степной зоны Евразии, в том числе Центральной Азии, это время приходится на самый конец бронзового — начало раннего железного века, т. е. первые века 1-го тыс. до н. э.

По определению времени формирования скотоводства кочевого и полукочевого типа на территории этнической Бурятии имеется определенный объем сведений в письменных и археологических источниках. Погребальный обряд хунну и данные письменных источников Ханьского Китая не оставляют сомнения в том, что большая часть хуннского населения занималась кочевым и полукочевым скотоводством. По одному из вариантов погребального обряда в могилы помещались черепа домашних животных в количестве от 2–3 до 19 в Бурятии [15, с. 268] и до 29 голов домашних животных в Монголии [24, с. 13]. В китайских летописях, составленных современниками хунну, сообщается об их занятиях кочевым и полукочевым скотоводством. Хунну «... вслед за пасущимся скотом кочевали с места на место. Из домашнего скота у них больше всего лошадей, крупного рогатого скота и овец, а из редкого скота — верблюдов, ослов, мулов, катиров, тоту, тані (лошаков, низкорослых диких лошадей, куланов). В поисках воды и травы (они) переходят с места на место и хотя у них нет городов, обнесенных внешними и наружными стенами, нет постоянного местожительства и они не занимаются обработкой полей, тем не менее каждый имеет выделенный участок земли» [23, с. 34, 117, примечание 1].

О большом значении скотоводства в экономике населения Южного Забайкалья хуннского времени свидетельствуют и данные о доле домашних животных в мясном рационе жителей оседлых поселений, в частности Иволгинского городища, на котором жило оседлое, а не кочевое, население. В культурном слое памятника кости домашних животных составляли 92,5%, а диких животных — 7,5%. Кости домашних животных распределялись следующим образом: овцы — 22%, козы — 4%, крупный рогатый скот — 17%, верблюды, яки — 1%, свиньи — 15%, собаки — 29% [2, с. 71]. Большая доля костей собак свидетельствует о том, что мясо собак, вероятно, использовалось в качестве пищи. Этих животных и свиней, безусловно, разводили жители городища. Мясо остальных животных по большей части, видимо, поступало от скотоводов-кочевников в обмен на продукцию ремесла и земледелия, на которых специализировались обитатели Иволгинского городища.

В курганных могильниках хуннов скотоводов-кочевников наблюдается иная картина. В могилах как дырестуйского этапа 2–1-го вв. до н. э., так и суджинского этапа 1-го в. до н. э. — 1-го в. н. э. [13] кости свиней в составе заупокойной пищи не встречены. Нет черепов свиней и в скоплениях черепов домашних животных, которые как бы символизировали стадо домашних животных, которые сопровождали умершего в мир мертвых, в специальных отсеках в изголовье погребенных в могилах людей. Отмеченное обстоятельство хорошо согласуется с тем, что курганные могильники являются, по общепринятому мнению ученых, местами погребений скотоводов-кочевников. При кочевом и полукочевом скотоводстве содержание свиньи в стаде совершенно невозможно.

Таким образом, скотоводство кочевого и полукочевого типа было характерно для степного населения Южного Забайкалья с конца III в. до н. э. до начала II в. н. э., когда край вошел в состав государства Хунну и был населен собственно хуннами. По более ранним периодам древней истории края сведения о формах ведения хозяйства имеются только в археологических источниках. В «дохуннское» время в степной и лесостепной зоне Южного Забайкалья была распространена так называемая культура плиточных могил, которая в целом датируется бронзовым и ранним железным веками. Палеоэкономика ее населения сочетала отрасли как производящего, так и присваивающего хозяйства: скотоводство, земледелие, охота, собирательство и рыболовство. Но основу хозяйства населения культуры плиточных могил составляло скотоводство. Первая Бурят-Монгольская археологическая экспедиция АН СССР в 1928–1929 гг. осуществила раскопки около 50 плиточных могил в долине Селенги и ее притоков. По результатам анализа полученных материалов руководитель экспедиции Г. П. Сосновский выделил плиточные могилы в отдельную культуру и в общих чертах реконструировал скотоводческое хозяйство ее населения. Он определил его как кочевое и полукочевое [21, с. 40–41; 22, с. 308]. С выводами Г. П. Сосновского были солидарны авторы последующих раскопок плиточных могил в Монголии С. В. Киселев и в Забайкалье — А. П. Окладников [12, с. 50; 17, с. 23; 18, с. 83–84].

Углубленное изучение материалов раскопок плиточных могил в Забайкалье начиная с дореволюционного времени в 1950-х гг. осуществил Н. Н. Диков. Он отметил преобладание в них костей домашних животных над костными остатками представителей дикой фауны и привел статистические материалы о соотношении костей разных видов домашнего скота. В учтенных им более 160 погребениях кости лошади были найдены в 49 могилах, овцы и барана — в 33, козы — в 4, быка — в 12 захоронениях. Ученый, опираясь на аналогии в сведениях путешественников П. С. Палласа и М. А. Кастрена о соотношении разных видов домашних животных в составе стада бурят, определил скотоводство населения культуры плиточных могил как кочевое и полукочевое с круглогодичным содержанием животных на подножном корму [7, с. 58]. К таким же выводам в 1960-х гг. по материалам монгольских плиточных могил пришел В. В. Волков. Он также привел статистические данные по материалам 34 могил, хотя ученый в своей монографии ведет речь о 18 плиточных погребениях с костями животных [4, с. 92. Подсчет количества раскопанных плиточных могил в Монголии на середину 1960-х гг. произведено нами по: [Волков В. В. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии... С. 36–41]. В них кости лошади были встречены в 8 погребениях, мелкого рогатого скота (овцы, козы) — в 5 и крупного рогатого скота — в 5 могилах [4, с. 92].

Позже в 1980-х гг. автор статьи учел материалы раскопок 542 плиточных могил на территории Забайкалья, Предбайкалья и Монголии. По нашим подсчетам, в 187 из них были найдены кости животных. Соотношение разных видов животных выглядело следующим образом.

№	Вид животных	Кол-во ПМ	Процент	Кол-во ПМ с костями животных
1	Лошадь	101	54,0	187
2	Мелкий рогатый скот	67	35,8	- // -
3	Крупный рогатый скот	31	16,6	- // -
4	Дикие животные	9	4,8	- // -
5	Собака	2	1,1	- // -

Более представительная выборка в целом подтвердила наблюдения Н. Н. Дикова, В. В. Волкова и их выводы о кочевом и полукочевом характере скотоводства населения культуры плиточных могил с преобладанием лошадей и мелкого рогатого скота в составе стада [25, с. 21; 26, с. 48–51, 148–149].

Таким образом все исследователи, занимавшиеся изучением культуры плиточных могил, были единодушны в том, что основу хозяйства ее населения составляло скотоводство кочевого и полукочевого типа. Но определение времени его сложения в регионе зависело от взглядов ученых на датировку этой культуры.

Выделенную культуру плиточных могил Г. П. Сосновский датировал в основном скифским временем, VII–II вв. до н. э. [21, с. 40; 22, с. 308], которая в периодизации древностей степной зоны Евразии приходится на начальный период раннего железного века. В этом с ним были согласны С. В. Киселев, В. В. Волков и отчасти Э. А. Новгородова, которая конечную дату культуры поднимала до начала средневекового времени, I-го тыс. н. э. [12, с. 50; 4, с. 43–44; 16, с. 254]. В результате появление ско-

товодства кочевого и полукочевого типа в Забайкалье на территории этнической Бурятии определялось началом скифской эпохи, с VII–VI вв. до н. э.

Н. Н. Диков, в целом соглашаясь с датировками Г. П. Сосновского и С. В. Киселева, полагал, что наиболее ранние плиточные могилы могли появиться в VIII в. до н. э. [7, с. 37–42, 53, 56, 57]. Ю. С. Гришин предложил углубить начало формирования особенностей, свойственных плиточным могилам, до более раннего времени — конца 2-го тыс. до н. э., синхронного карасукскому времени (XII–VIII вв. до н. э.) по периодизации бронзового века Южной Сибири [6, с. 124–141, 194]. Таким образом, если согласиться с мнениями Н. Н. Дикова и Ю. С. Гришина, то время формирования скотоводства кочевого и полукочевого типа в Забайкалье можно удревить до конца 2-го – начала 1-го тыс. до н. э. Однако надежной аргументации Ю. С. Гришин для обоснования своей точки зрения не привел.

Во второй половине 1980-х гг. нами была разработана датировка культуры плиточных могил, которая была основана на так называемом перекрестном принципе. Материалы из плиточных могил были датированы тремя не зависящими друг от друга методами: 1) традиционным сравнительно-типологическим; 2) соотношением особенностей погребального обряда населения культуры плиточных могил с аналогичными данными культур эпохи бронзы и раннего железного века азиатских степей, что позволяло получить привязку этой культуры к общей культурно-хронологической колонке бронзового и раннего железного веков этих территорий; 3) по результатам радиоуглеродного датирования плиточных могил. Результаты трех методов датирования совпали и позволили обосновать новую датировку культуры плиточных могил XIII–VI вв. до н. э. в пределах позднего бронзового и начального периода раннего железного века (скифского времени) [25, с. 11–13; 26, с. 90–104]. Соответственно в глубь времени до XIII в. до н. э. опустился период сложения кочевого и полукочевого скотоводства в Южном Забайкалье и Монголии.

Выявляя истоки формирования скотоводства кочевого и полукочевого типа в Южном Забайкалье и Монголии, необходимо учитывать не только данные по археологии регионов, но и природно-географический фактор. Скотоводство кочевого и полукочевого типа во всех районах земного шара возникало прежде всего в областях, характеризующихся резко континентальным засушливым климатом (Центральная Азия и Средняя Азия, Северная Африка и другие регионы). Степи и лесостепи Южного Забайкалья являются естественным продолжением таких же природных зон Монголии, которые отсюда плавно переходят на территорию Забайкалья. Соответственно климатические условия обеих областей характеризуются одними и теми же особенностями резко континентального климата. Таким образом, экологическая среда обитания древних и средневековых общностей степной и лесостепной зоны Южного Забайкалья и Монголии была сходна, она одинаково влияла на формирование разных сторон их культуры в обоих регионах, в том числе на структуру хозяйства и в конечном итоге — на хозяйственно-культурный тип населения.

Позднее уже в 2000-е гг. при систематизации материалов бронзового века, в том числе энеолита — ранней бронзы, с территории Южного Забайкалья и Монголии автором статьи была произведена корреляция результатов исследования археологических материалов с накопившимися за 1980–2000-е гг. данными палеогеографии этих же территорий, относящихся к 3–2-му тыс. до н. э. Для времени энеолита и ранней бронзы степных и лесостепных районов Южного Забайкалья, Восточной Монголии и отчасти Центральной Монголии нами была выделена селенгинско-даурская культура конца 3-го – первой половины 2-го тыс. до н. э. Ее население вело комплексное хозяйство, сочетавшее отрасли развитой присваивающей (охота, рыболовство, собирательство) и набиравшей силу производящей экономики (земледелие, скотоводство). Они дополнялись появившейся металлургией. При этом присваивающие виды занятий еще не отошли на второй план, а новые еще не стали ведущими отраслями. Время селенгинско-даурской культуры было, по всей видимости, порой коренной ломки старых представлений, обусловленных присваивающим хозяйственно-культурным типом, и вхождения новых норм, устоев, обычаев и традиций, связанных с производящей экономикой, в жизнь и быт людей [27, с. 16–17, 29–30; 28, с. 74–101, 149–158]. Население селенгинско-даурской культуры на протяжении нескольких столетий с конца 3-го тыс. до н. э. до середины 2-го тыс. до н. э. жило в очень сложный в климатическом отношении период времени. Согласно данным палеогеографии, с территории Монголии и Южного Забайкалья в этих областях Центральной Азии в конце 3-го – начале 2-го тыс. до н. э. началась фаза похолодания и усыхания климата. Она завершилась к середине 2-го тыс. до н. э. установлением резко континентального климата [3, с. 165; 8, с. 197–199, рис. 1.7; 9, табл. 2; 28, с. 58–61; 19, с. 161–162; 14, с. 9–10].

Происходившие климатические изменения напрямую влияли на хозяйственные занятия и уклад жизни населения селенгинско-даурской культуры Южного Забайкалья, Восточной Монголии и отчасти Центральной Монголии времени энеолита и ранней бронзы. В условиях усыхания климата в сторону континентальности носители этой культуры вынуждены были постепенно все больше переключаться на скотоводство, т. к. аридизация сопровождалась расширением степных пространств, представлявших собой пастбища для скота. Соответственно падало значение других отраслей хозяйственной деятельности — земледелия, охоты, собирательства и рыболовства. С установлением резко континентального климата в середине 2-го тыс. до н. э. с жарким сухим летом и малоснежной зимой обитатели степей Южного Забайкалья и Монголии перешли на круглогодичное содержание скота на подножном корму. Смена хозяйственного уклада повлияла на облик материальной и духовной культуры, в том числе на погребальный обряд. В результате произошла трансформация культуры оседлого пастушеско-земледельческого населения селенгинско-даурской культуры, которая завершилась сложением культуры плиточных могил. Археологические материалы из раскопок ранней группы плиточных могил тологойского типа содержат артефакты, близкие материалам селенгинско-даурской культуры и, таким образом, согласуются с предложенным видением происхождения культуры плиточных могил [27, с. 25–26, 29–30]. В результате можно сделать вывод о том, что формирование кочевого и полукочевого скотоводства в Южном Забайкалье, на территории этнической Бурятии, произошло не в позднем бронзовом веке (конце 2-го – начале 1-го тыс. до н. э.) или в скифское время (VII–II вв. до н. э.), а раньше — в период развитой бронзы, в середине 2-го тыс. до н. э. Таким образом, в свете новых данных формирование кочевого и полукочевого скотоводства и связанного с ним подвижного образа жизни со сменой сезонных кочевий в восточной области этнической Бурятии, в Южном Забайкалье, относится к середине 2-го тыс. до н. э., т. е. около трех с половиной тысяч лет назад.

Литература

1. Буряты (Народы и культуры). М.: Наука, 2004. 633 с.
2. Давыдова А. В. Иволгинский комплекс — памятник хунну в Забайкалье. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 110 с.
3. Виппер П. Б., Дорофеюк Н. И., Метельцева Е. П., Соколовская В. Т. Ландшафтно-климатические изменения в Центральной Монголии в голоцене // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М.: Наука, 1989. С. 160–167.
4. Волков В. В. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. Улан-Батор, 1967. 148 с.
5. Вяткина К. В. Очерки культуры и быта бурят. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1969. 219 с.
6. Гришин Ю. С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.: Наука, 1981. 204 с.
7. Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 108 с.
8. Динесман Л. Г., Киселева Н. К., Князев А. В. История степных экосистем Монгольской Народной Республики. М.: Наука, 1989. 215 с.
9. Дорофеюк Н. И. Реконструкция природных условий Внутренней Азии в позднеледниковье и голоцене (по материалам диатомового и палинологического анализов озерных осадков Монголии): автореф. дис. ... д-ра биол. наук. М., 2008.
10. История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ: Бурят-Монгол. кн. изд-во, 1954. 496 с.
11. История Бурятии: в 3 т. Т. 2. XVII – начало XX в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 624 с.
12. Киселев С. В. Эпоха производства орудий из бронзы // История Монгольской Народной Республики. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Гл. 2. С. 46–51.
13. Кызласов Л. Р. О памятниках ранних гуннов // Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969.
14. Лбова Л. В., Гречищев Э. Р. К проблеме поселений эпохи металла степной зоны Западного Забайкалья // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. С. 7–17.
15. Могильников В. В. Хунну Забайкалья // Археология СССР. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992.
16. Новгородова Э. А. Древняя Монголия. М.: Наука, Гл. ред. вост. литературы, 1989. 383 с.
17. Окладников А. П. Эпоха первобытнообщинного строя на территории Бурят-Монгольской АССР // История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1954. Т. 1. С. 9–24.
18. Окладников А. П. Древнее население Сибири и его культура // Народы Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 21–107.

19. Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1980. 176 с.
20. Очерки истории и культуры Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. Т. 1. 491 с.
21. Сосновский Г. П. Ранние кочевники Забайкалья // КСИИМК. 1940. Вып. 8. С. 36–42.
22. Сосновский Г. П. Плиточные могилы Забайкалья // ТОИПК ГЭ. 1941. Т. 1. С. 273–309.
23. Таскин В. С. Материалы по истории сюнну. М.: Наука, 1968. Вып 1. 178 с.
24. Торбат Ц. Погребальная обрядность рядовых хунну: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Батор, 2004. 23 с.
25. Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 24 с.
26. Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. 288 с.
27. Цыбиктаров А. Д. Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (II – первая половина I-го тыс. до н. э.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2003. 49 с.
28. Цыбиктаров А. Д. Центральная Азия на заре бронзового века (конец III – первая половина II тыс. до н. э.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. 236 с.

**TO THE PROBLEM OF FORMATION OF NOMADIC AND SEMI-BREED CATTLE
IN THE TRANSBAIKALIE — THE BASES OF THE TRADITIONAL ECONOMY BURYAT
XVII – EARLY XX CENTURIES**

Alexander D. Tsybiktarov

DSc in History, Professor,
Buryat State University
6, Ranzhurov St., Ulan-Ude, 670000, Russia

The article deals with the problem of forming the formations of traditional buryat's economy in Transbaikalia from XVII — till the beginning of XX centuries. The nomad and semi nomadic cattle's breeding has determined features way of life, specificity of material and spiritual culture of the buryat people. The author submits adjustment into definition of the date of formation of conducting cattle breeding in the region of Buryatia around three thousand years ago by expert ethnographers. In the article is proposed a new chronological dating of nomad cattle breeding origins in Transbaikalia and Mongolia, which is defined by the middle of the 2nd millennium AD, i.e. on the half of the millennium earlier than it was accepted before. The deduction is based on the correlation of archaeological and palaeogeographical researcher's materials in the territory of southern Transbaikalia and Mongolia, which were held by archaeological and palaeogeographical experts in the 1980-2000-s. Justifies an opinion that the formation of nomad and semi nomadic cattle breeding in Transbaikalia and Mongolia occurred as a result of paleoeconomy's adaptation of the population of selengino-daurian culture in the end of the 3rd millennium till the first half of the 2nd millennium AD because of the climate changing in these regions. The shrinkage during the first half of the 2nd millennium AD was completed in the middle of the 2nd millennium AD by the extreme continental climate formation. Climate's aridification was accompanied by the decreasing of the agriculture's role in the economy of selengino-daurian culture and increasing of cattle breeding in the conditions of steppe and forest-steppe expansion in the landscape of southern Transbaikalia and Mongolia. The establishment of the extreme continental climate in the middle of the 2nd millennium AD has determined the transformation of the settled tillers and breeders economy into nomadic economy of nomad and semi-nomadic people. As a result of these processes in the middle of the 2nd millennium AD it has occurred the replacement of the selengino-daurian culture to the slab grave culture, and the population of the latter was engaged in the nomad and semi-nomadic cattle breeding.

Keywords: Buryats; Transbaikalie; Mongolia; cattle breeding; archaeology; palaeogeography; climate change; aridification; selengino-daurian culture; slab grave culture.

УДК 398 (=512.31)

МАТЕРИАЛЬНЫЕ И МЕНТАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ БУРЯТ

© Сыденова Римма Прокопьевна

кандидат исторических наук, доцент,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: rsydenova@mail.ru

В статье рассматриваются материальные и ментальные структуры этнической системы бурят. Автор показывает особенности этнической системы бурят в их связи с хозяйственно-культурным типом, расселением, родоплеменной организацией бурятского общества, системой родственно-генеалогических и общинно-территориальных связей и отношений, выявляет устойчивые признаки бурятской ментальности, основанной прежде всего на родовой структуре социальной организации бурят и улусно-общинной формы расселения народа. На основе рассмотрения этнической системы бурят в развивающейся исторической динамике автор отмечает глубокое воздействие модернизационных процессов на материальные явления этноса и этнической жизни, в рамках влияния которых неизбежно возникают новые идеологемы в общественной и личной практиках и идентичностях, что вводит этнос в орбиту уже этнотрансформационных процессов.

Ключевые слова: буряты; этнос; этническая система; община; род; ментальные структуры; традиционное общество; родство; идентичность; этнический образ.

История и культура народов Центральной Азии и сопредельных территорий тесно связаны с цивилизационными особенностями традиционного общества. В нем его метафизической основой, на наш взгляд, выступал общественный порядок. В этнической системе, когда идет процесс воспроизводства населения, его материальных благ и идеологических явлений, упорядочиванию мира служили отношения людей, связанных той или иной степенью кровного или фиктивного родства и осознававших такое родство или сродство. Практика и регуляция общественных отношений были обусловлены характерными для традиционного общества устойчивыми процессами хозяйственного и социокультурного производства. В культурно-историческом опыте бурятского народа это хозяйственно-культурный тип скотоводов, его структурные элементы, расселение, сезонное кочевание, известным образом определявшее образ жизни народа в период этих хозяйственных циклов, родоплеменная организация общества, широкоразветвленная система родственно-генеалогических и общинно-территориальных связей.

Этническая история и культура бурят создали феномен такого этнического образа, как родовая принадлежность и солидарность. Род и его институты безусловно претерпевали изменения. Род в XIX – начале XX в., несмотря на его трансформацию, вызванную новыми историческими явлениями, был важным звеном механизма функционирования бурятского общества. Зачастую родовые взаимоотношения регулировали многие стороны экономической жизни даже в условиях классового общества, не говоря уже о том, что именно они предопределяли социально-культурную, бытовую и культовую практики в бурятском улусе в указанный период. Узы, скреплявшие улусную родовую группу, обладали высокой степенью прочностью как основанные на кровном социальном родстве, идея которого, как отмечала К. М. Герасимова, сохраняет определенное значение и в условиях разложения первобытнообщинного строя и формирования классового общества [1, с. 256–257]. Индикатором такой прочности родовых уз выступала, безусловно, практика повседневности в разных ее проявлениях. Так, в указанный период в землевладении и землепользовании устойчиво сохранялись традиции, основанные на идее рода как верховного собственника земель, занимаемых улусными людьми. Народная память о родовом владельческом праве все еще влияла на поземельные отношения, способствуя бытованию как традиционной модели хозяйственного освоения земель, так и актуальности в ней внеэкономических институтов.

Эти институты и являлись основой для укрепления этничности, а повседневная их практика может рассматриваться, как мы уже отмечали, одновременно как условие и как фактор успешного воспроизводства — материального, демографического, социального, культурного и пр. [2, с. 219–220].

В условиях пореформенного развития страны усложнялись вопросы землепользования в регионах. У бурят шло дальнейшее дробление родов, что проявлялось как территориально (уход части рода

с занимаемых земель), так и экономически (перевод налоговых платежей в другое ведомство). В рассматриваемый период весьма четко прослеживалось сцепление традиционных и современных порядков в землепользовании. В этих условиях улусная община все более утверждалась как юридический владелец земли.

Этнос как система переживает разные периоды в своем развитии. Какие бы формы проявления не принимала этническая система в развивающейся исторической действительности, в ней обнаруживается ряд признаков, имеющих «сквозной» характер. И в бурятской этничности мы выявляем центральные элементы, которые, как представляется, обладали вневременной устойчивостью. Речь идет об особенностях, связанных с родовой структурированностью бурятской этнической общности, иерархией ее общинных образований. Они, таким образом, могут быть показаны на примере того образа жизни, когда особое значение придавалось субэтнической и локальной идентичностям [3, с. 224–229].

Устойчивость родовой, улусно-общинной ментальности обеспечивалась, на наш взгляд, действием такой этнокультурной модели, как генеалогическое сознание. У бурят оно все более было утверждено принципом родственных связей и отношений и основанной на нем системой родства. Именно родственные связи, как известно, рассматриваются в качестве важнейшего признака этничности [4, с. 5]. Локальные же идеологемы при всей их исторической актуальности, на наш взгляд, имели тенденцию быть поглощенными тем общим этническим, которое определяется как соотносительность с этносом и выражается в феномене единства групп в их этнической самоидентификации.

Этнический образ, связанный с картой расселения и локусом на ней, сложившийся в народе, имел влияние на разные аспекты жизнеутверждающей философии бытия, но порождал в свою очередь особый интраобраз. Его особенность была связана с фактором территории, «узнаваемостью» этнических общностей ввиду как исторически сложившихся «оценок», так и закрепленных общественным сознанием стереотипов, и в системных связях эта особенность утверждала особую значимость места, территории. Вопрос о происхождении, таким образом, не только имелся/имеется на «этажах» этнического самосознания, но и отражался на поведенческом модусе, по которому зачастую нетрудно было определить «возникновение» или «отсутствие» зоны дискомфорта. Этот модус, безусловно, не имел конфликтного начала, скорее он был началом дружественного поведения в формате демонстрации множественности и вместе с тем единства локальных образов народа.

Антропология культуры бурят показывает исторически сложившиеся этнические образы и интраобразы как факторы этнической и социальной стабильности и вместе с тем указывает на открытость этносистемы. Традиционные механизмы накопления социального опыта, которые базировались у бурят на генеалогических и территориальных связях и отношениях, все же менялись, адаптируясь к стадийным изменениям, что указывает на подвижность самой культурной системы. В ней как втянутой в орбиту явлений текущего исторического опыта и современных модернизационных процессов неизбежно возникали и возникают новые идеологемы общественной и личностной практик и идентичностей. Выявление степени их значимости в общественной практике, в перспективах развития этноса, а также роли в этнокультурных и этносоциальных процессах должно основываться на тщательном анализе экономических, правовых, межличностных отношений как имеющих влияние на этнические структуры и систему в целом.

Динамично развивающаяся историческая действительность настолько глубоко преобразует материальные явления этноса и этнической жизни, что возникший в этих условиях разлом объективного и субъективного в силу изменения своего бывшего соотношения может иметь мощное воздействие на ментальные структуры, в случае бурятской этнической реалии — на генеалогические, родовые, общинные и прочие институты, трансформируя таким образом этническую систему бурят.

Литература

1. Герасимова К. М. Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 320 с.
2. Сыденова Р. П. Бурятская улусная община как субъект собственности и владения землей (вторая половина XIX – начало XX в.) // Монгольский мир в научном и образовательном дискурсах: материалы регион. науч.-практ. конф. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. 293 с.
3. Сыденова Р. П. Общинный менталитет бурят // Встреча на Байкале: бремя прошлого, вызовы будущего / науч. ред. А. А. Базаров, Я. Кеневич. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. 344 с.
4. Этнос и этносы. Манифест этнологов. М.: IFECAS, 2012. 42 с.

MATERIAL AND MENTAL STRUCTURES OF BURYAT ETHNIC SYSTEM

Rimma P. Sydenova

Ph.D. in History, Associate Professor,
Buryat State University
6, Ranzhurov St., Ulan-Ude, 670000, Russia

The article deals with the material and mental structures of the Buryats ethnic system. The author shows the characteristics of ethnic system of Buryats in their connection with the economic and cultural type, resettlement, tribal organization of Buryat society, system of kinship and genealogical relations as well as communal and territorial connections; she also reveals stable features of Buryat mentality, which is primarily based on the tribal structure of social organization of Buryats and their communal resettlement. Through the consideration of ethnic system of Buryats in a developing historical dynamics, the author notes a profound impact of the modernization processes on the material structures of ethnos and ethnic life. This brings forth the new ideologemes in the communal and personal practices and identities, which introduces the ethnos to the orbit of the ethno-transformational processes.

Keywords: Buryats; nation; ethnic system; commune; kin; mental structures; traditional society; kinship; identity; ethnic image.

УДК 243

ОБ ИСТОРИИ ЧЕСАНСКОГО ДАЦАНА© **Намнанов Данзан Дампилович**

кандидат исторических наук, доцент,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: univer@bsu.ru

В работе рассматриваются основные исторические вехи строительства и развития одного из крупных буддийских храмов хоринских бурят — Чесанского дацана «Гандан Чоймпэллинг». В первой части работы приведены документальные сведения в виде разрешительных документов о начале строительства, об освящении «рамнай», о добровольных пожертвованиях верующих, о том, что некоторые миряне преподносили целые строения и дома для монастырских нужд, показаны процедуры назначения ширетуев и штатных лам, согласование их численности с генерал-губернаторами. Автором отмечено, что Чесанский дацан с самого начала своего возникновения в XIX в. в своей структуре имел достаточное количество дуганов и сумэ для проведения полноценных богослужений, молитв и обрядов по соответствующим канонам и традициям, что от руководства дацана исходила инициатива создания старейшей школы ныне Кижингинского района МОУ «Чесанская СОШ». Таким образом, автор показывает, что Чесанский дацан был не только духовным учреждением, но и центром культурной, образовательной, организационной и общественной деятельности местного населения.

Вторая часть работы посвящена исследованию процессов уничтожения после Октябрьской революции Чесанского дацана, как и всех других бурятских дацанов. Приведены факты политических репрессий лам, о передаче зданий дацана под клуб, библиотеку, общежития, гаражи или просто были разобраны на дрова. Далее в работе показывается процесс его восстановления в постсоветский период. Приводятся сведения о строительстве здания дацана, как почти двести лет назад, на добровольные пожертвования населения, свидетельствующие о неразрывности памяти и преемственности многовековой веры, не погибшей в годы воинствующего советского атеизма.

Ключевые слова: Чесанский дацан, дуганы, сумэ, ширетуй, габжа, настоятель, лама, хуварак, Цогчен дуган, бурятские дацаны, прихожане, миряне, пожертвования, донесение ширетуя, джахан, хубилган (перерожденец), субурган (ступа).

Чесанский дацан Хоринского ведомства Верхнеудинского округа до середины 1930-х гг. представлял собой крупный буддийский монастырский комплекс. Дацан состоял из 6 важнейших дуганов — Цогчен, Чойра, Жуд, Сахюусан, Домой, Диважин, в состав прихода входил и Шулутовский дуган (дацан). В 1831 г. под руководством ширетуя дацана были построены 9 сумэ — Хурдэ, Майдари, Гунриг, Дымчог, Арья-Бала, Очирвани, Отошо, Табан Хаан, Аюши. Дацан имел свою «печатню» Барай сумэ, где издавалась буддийская литература на монгольском и тибетском языках. К этому времени из всех хоринских дацанов только Чесанский дацан имел 9 сумэ, в Агинском ведомстве Агинский и Цугольский дацаны имели по 4 сумэ, дацаны хамниган и хори-бурят — по 1–2 сумэ.

В лучшие годы общее количество священнослужителей достигало 600 лам и хуварак. Дацан располагался в живописной местности Чесанской долины у подножия гор Дундада, Заха, Улзыто, между реками Улзыто и Дундада. В настоящее время здесь находится село Чесан Кижингинского района Республики Бурятия.

По сведениям разных источников, годом начала строительства и его завершения является период 1826–1828 гг., годом открытия Чесанского дацана можно считать 1828 г., когда был проведен ритуал освящения (рамнай) и начались официальные богослужения и прием верующих ламами [14, с. 553].

По общему решению лам дацану было присвоено наименование «Гандан Чоймпэллинг». Каждый дацан имеет своего постоянного защитника (сахюусана), покровителя. По сведениям А. М. Позднеева, «в настоящее время чествование гения-хранителя начинается обыкновенно со времени освящения храма, а изображение специального гения-хранителя совершается даже до времени основания и закладки монастыря» [20, с. 18]. Покровителем дацана ламы избрали божество Балдан Лхамо санскр. Шримати-дэви. Первым ширетуем дацана был Лубсун-Гунга Сундуев.

Архивные источники отмечают, что дацан был построен за счет добровольных пожертвований хоринских бурят. Стоимость главного здания Цогчен-дугана составляла 714 р. 28 к. серебром. Также

на средства добровольных пожертвований мирян были построены все девять сумэ. Стоимость их строительства оценивалась в 647 р. 14 к. серебром. Общая стоимость всех строений вместе с внутренним имуществом составила 2 654 р. 85 к. серебром [8, л. 54–55]; [24, с. 19]. По тем временам это огромные деньги.

Чесанский дацан официально был утвержден «в соответствии с Указом Иркутского гражданского губернатора от 10 декабря 1832 г. Были высочайше утверждены сразу четыре дацана хоринских бурят, в том числе Чесанский дацан «Гандан Чоймпэллинг» [1, с. 100; 26, с. 54].

В 1841 г. в Чесанском дацане служило 35 лам, в том числе 7 гелунов и 14 гецулов. Комплектных штатных лам еще не было. К приходу дацана относились представители 7 бурятских родов — Зун Хубдуут, Зун Харгана, Хальбан, Батанай, Сагаанай, Галзуут, Худай и другие. Из них наибольшее количество составляли представители рода Зун Хубдуут, вторыми по численности были представители рода Зун Харгана, на третьем месте был род Хальбин. Прихожан насчитывалось 1 249. Из них мужчин — 660, женщин — 589 [5, л. 54–55; 24, с. 19].

Граница прихода простиралась с запада — от устья реки Шинтай, на юге до реки Шинтай, на востоке вверх по реке Хилок до реки Садна. Население указанных родов проживало в местностях Дээдэ Худан гол, Чесана, Дээдэ Хёлго, Могсохон, Тарбагатай, Зуун Жэбхээнэн, Шулуута, Заха, Доондото, Улзытэ, Хуурай Хунды, Ехэ Хунды, Тогуй, Хурээтэ, Сараантай, Хагдануур, Харьяа, Соорэм, Хульхисоон, Больтируу. Богатые пастбищными угодьями земли и удобные для водопоя скота земли не раз становились предметом споров между ламами и мирянами. Сохранилась «переписка по земельным спорам между жителями Хульхисона и ламами Чесанского дацана, по которой подтверждается, что в середине XIX в. отношения между ламаистским духовенством, с одной стороны, и прихожанами — с другой, не всегда были мирными в вопросах землепользования» [6, л. 11–13; 24, с. 19].

По сведениям 1842 г., ширетуге Чесанского дацана продолжал оставаться Лубсан-Гунга Сундуев [7, л. 54; 24, с. 19]. Лубсан-Гунга Сундуев был первым официально утвержденным ширетуге в соответствии с Указом Иркутского гражданского губернатора от 10 декабря 1832 г. [7, л. 54; 24, с. 20].

По его приглашению в Чесанский дацан в 1841 г. для передачи буддийских практик приезжал Хорчид Гэгэн (дооромба лама Галсан Содбо) из Внутренней Монголии. «Он передал различные посвящения, в том числе передачу практики Калачакры (Дуйнхор) в пяти хоринских и селенгинских дацанах, а в Чесанском дал трехдневное посвящение Дэсрун ван» [16, с. 9]. Ламы только высокого сана могли проводить высшие посвящения – ванн (тиб.: «правомочность»), в том числе в систему Дэсрун ван. Подобные практики проводились не во всех дацанах.

«В 1845 г. Змеи Сандэлэг Хамбо лама вместе с талантливым ламой Сунчог съездил до Эгитуйского и Чесанского дацанов, где принес много пользы для Учения и живых существ» [13, с. 31]. Нальжорба ченбо Галсан Содбо из хошуна Хорчид Сэнгэ Ринчен Вана являлся известным и почитаемым в буддийском мире священнослужителем.

С 1866 по 1882 г. ширетуге Чесанского дацана был назначен Вампил Адушеев. Ему пришлось вести длительную переписку с конца 1860-х гг. с различными вышестоящими инстанциями светской власти по обоснованию архитектурной реконструкции, сметы, чтобы получить разрешение на строительство нового центрального храма — Цогчен дугана. Из истории Чесанского дацана известно, что в 1874–1875 гг. был построен новый трехэтажный деревянный Цогчен дуган на каменном фундаменте [12, с. 156].

В 1875 г. для мирян, проживавших в войлочных юртах, это было красивое трехэтажное деревянное здание, украшенное разноцветными натуральными красками. При ширетуге Вампил Адушеев «в 1880 г. Гусиноозерский, Анинский, Агинский, Цугольский, Чесанский, Хохюртайский, Эгитуйский, Цулгинский дацаны получили официальное разрешение на издание своей печатной продукции в своих типографиях», фактически книгоиздательская деятельность всех бурятских дацанов находилась под постоянным контролем со стороны российских чиновников. Согласно списку Хамбо Ламы Дампила Гомбоева, представленному князю Э.Э. Ухтомскому, который ревизовал в 1887 г. бурятские дацаны, значилось, что из 34 дацанов 29 имели свои печатни. В этот период в бурятских дацанах издавалось 600 названий книг и брошюр на тибетском и монгольском языках, из них в Цугольском дацане издавалось 169 наименований книг, Гусиноозерском — 97, Джидинском — 52, Эгитуйском — 44, Чесанском — 30 и т. д. [11, с. 79–80].

В 1879 г. был построен забор вокруг дацана [10, л. 47–48; 24, с. 21]. Скорее всего, это был деревянный забор. Следов оснований кирпичного или каменного забора не сохранилось в отличие от

фундамента Цогчен дугана и других зданий на месте прежнего дацана. В настоящее время люди находят обломки культовых предметов алтаря и разные железные, медные и глиняные куски.

С 1892 по 1904 г. ширетуем Чесанского дацана был назначен Ринчин Чойван Эрдынеев. При нем в 1894 г. были заново построены сумэ Отоши, Табан Хаан, затем Майдари и Аюши сумэ.

В период с 1905 по 1911 г. ширетуем Чесанского дацана был Ринчин-Агван Зургадаев. Габжа лама Ринчин-Агван был уроженцем Дээдэ Чесана. Ему не было равных в диспутах по буддийской философии. При нем в 1911 г. было заново построено сумэ Арья-Балы. Имеются сведения, что в начале XX в. прихожане «пожертвовали» дацану здания двух сумэ. «Наряду с действительными жертвованиями, — отмечает исследователь К. М. Герасимова, — были мнимые, скрывавшиеся под видом личных дарений новые постройки, на которые необходимо получить разрешение Министерства внутренних дел. Так, кумирня для чжуд хуралов в Чесанском дацане утверждена была как дом, построенный Гончиком Балдановым лично для себя, для проживания во время посещения дацана и только лишь впоследствии пожертвованный дацану» [11, с. 54; 24, с. 21]. Разрешение было получено в 1907 г.

В 1912 г. мирянином Гэлэгом Шагдаровым было пожертвовано здание сумэ «Гунриг». Из документов, касающихся строительства зданий сумэ, сохранилось распоряжение военного губернатора от 1911 г. о постройке при Чесанском дацане сумэ в честь бога «Арья-Бала» [9, л. 20; 24, с. 21].

В одном из донесений ширетуя Чесанского дацана Будажапа Борбоцаева было отмечено, что в 1912 г. из Баруун Жуу прибыли в Чесанский дацан три святых Гэгэна — Аглаа, Минаген и Гунсэн для передачи сложных буддийских практик. В доме местного ламы Найдана Санданова они в течение 3 дней и ночей провели молебен и были приятно удивлены ученостью и глубокими знаниями чесанских лам и хувараков.

В донесении ширетуя Чесанского дацана Рабжа Дамчой Павлова от 1914 г. написано, что «пришедшие в ветхость здания сумэ «Очирвани» и «Хурдэ» не отреставрированы; забор, построенный в 1879 г., сгнил, сейчас его заново строят» [10, л. 47–48; 24, с. 21]. Из донесения известно, что в 1914 г. был заново построен новый забор вокруг дацана.

В дацане были и вспомогательные помещения для приготовления ритуальной пищи и обычной пищи — «чодхан» и «джахан». Чодхан предназначался для приготовления «жертв бурханам». Ламы, называвшиеся «тахильчи», готовили все необходимое для алтарей: чистили светильники «зула», жертвенную посуду, готовили жертвенную воду «аршан». В этом же помещении хранились масло для заполнения светильников и благовония. Изготовление балинов (особый вид подношений) тоже проводили в чодхане. Джахан — это монастырская кухня, в котором во время больших богослужений готовили пищу для лам и мирян. Мы не располагаем информацией о времени постройки, проведении ремонтов и перестроек этих зданий, а также достоверными сведениями об их планах.

Примечательный факт, что одна из средних школ берет свое начало из Чесанского дацана. МОУ «Чесанская СОШ» — одна из старейших школ Кижингинского района. В октябре 1914 г. при дацане была открыта двухклассная приходская школа для населения. Специально из Верхнеудинска была приглашена учительница Чиркова Анисья Алексеевна» [15, с. 42].

В библиотеке дацана хранились редкие книги, рукописи и прочие печатные и рукописные издания, учебники философских школ различных монастырей, сочинения по истории буддизма, медицине, астрологии, религиозной дидактике, молитвословы, сборники тарнических заклинаний (тарни — мантры буддийских йогических практик). Главным достоянием были письменные памятники — священные канонические полные собрания на монгольском и тибетском языках Ганжур в 108 томах, 2 комплекта, Данжур в 226 томах, 2 комплекта, Юм в 21 томах, 2 комплекта, 12–15 тысяч сумбумов — собраний сочинений тибетских и монгольских священнослужителей и различных буддийских текстов [3, л. 1]. Сумбумы — по-тибетски молитвенники, являются сокровищницами дацанов. Полные комплекты собраний Ганжура и Данжура имелись в очень немногих, как правило, в крупных дацанах, к тому же на двух языках.

В Чесанском дацане получали полное монастырское образование и звание габжа. Габжа — «изучивший 10 текстов», ученое звание, присваиваемое ламе, выдержавшему диспут по 5 великим писаниям Тибета: «Праманавартика» Дхармакирти, «Абхисамаяланкара» Асанги, «Мадхьямакаватара» Чандракирти, «Абхидхармакоше» Васубандху и «Винаясутра» Гунапрабхи — и 5 знаменитым комментариям к ним. Кроме этого, защищали почетное тантрийское звание доржезинба («держатель ваджр»). Немногие могли достичь такого совершенства владения священными книгами. Получив

столь высокое звание, ламы становились известными в своих познаниях схоластической ламской философии и перед ними открывались новые возможности.

Несомненно, дацан являлся центром религиозной, культурной и административно-хозяйственной жизни для местного населения. «До революции только Бултумурский дацан в своем комплексе имел 19 дуганов и сумэ и относился к самому большому дацану по их количеству» [4, л. 1]. Один из первых бурятских дацанов (первое деревянное здание построено в 1758г.) — Тамчинский (Гусиноозерский) монастырский комплекс — также имел 19 дуганов и сумэ [21, с. 7, 19]. Анинский дацан имел 26 субурганов на своей территории — самое большое количество субурганов при дацанах. В настоящее время там построено 108 субурганов.

Известно, что в период с 1920 по 1935 г. ширетуем Чесанского дацана был Нимаев Гуро. До окончательного закрытия Чесанского дацана предположительно в период с 1936 по 1938 г. ширетуем был Тогмит Дагбаев. Это время является самым драматичным периодом развития Чесанского дацана — революционные потрясения, гражданская война, антирелигиозные гонения и притеснения, период репрессии, аресты, расстрелы и ссылки, попытка сохранить священные книги, культовые предметы, храмовые здания и строения монастырского комплекса, в конечном итоге веру. Многие ламы подверглись репрессиям (выписка сделана только из двух томов):

- Гармаев Цырен-Базар, 1896 г. р., габжа Чесанского дацана. Арестован 25.01.1933 г.; Жамбуев Шойжоп, 1866 г. р., габжа Чесанского дацана. Арестован 25.01.1933 г.; Павлов Рабжа (он же Добчин), 1868 г. р., габжа Чесанского дацана. Арестован 25.01.1933 г. [18, с. 54, 83, 84].

- Данжиев Лыгба-Ширап, 1876 г. р., лама Чесанского дацана. Арестован 18.02.1938 г.; Дансаранов Цынга, 1875 г. р., габжа Чесанского дацана. Арестован 26.08.1929 г.; Дашибылов Дамба-Даржа, 1899 г. р., лама Чесанского дацана. Арестован 18.02.1938 г.; Самбуев Цыренжап, 1895 г. р., габжа Чесанского дацана. Арестован 07.02.1938 г. [17, с. 58, 59, 61, 129].

«С 1 января 1937 г. на месте дацана началось обоснование машинно-тракторной станции (МТС), дома лам и хуvaraков были переделаны под клуб, библиотеку, общежития, конторы. Для чистки деталей тракторов бригадам были розданы книги, хранившиеся в дацане» [24, с. 21–22]. Станция должна была обслуживать 12 колхозов. Сюда стали приезжать специалисты, люди из других сел, так в 1936 г. возникло село Чесан [25, с. 15–16]. После ликвидации остатков дацана и обоснования МТС на месте дацана постановлением Президиума Верховного Совета БМАССР № 7 от 31 июля 1938 г. Чесанский дацан был официально закрыт. Из Чесанского дацана вышли известные священнослужители:

- габжа-лама Цыренжаб Гатабон, который в Эгитуйском дацане получил богословскую степень — габжа (высшая общеподобословская степень) и звание аграмба (высшая тантрийская степень). В Чесанском дацане получил почетное тантрийское звание дорджезинба («Держатель Ваджра»), которое присваивается особо отличившимся в познаниях [23, с. 168–169]. Тибетский термин «Дорджезинба» есть буквальный перевод с санскритского «Ваджрадха», которое в тантрийской традиции есть особое проявление Будды Шакьямуни. В этой форме Будда проповедовал тантры. Соответственно титул «Дорджезинба» уподобляет тантрийского мастера самому источнику буддийской Тантры;

- в книге А. А. Терентьева есть интересные сведения еще об одном ламе из Чесанского дацана, который служил в буддийском дацане в Санкт-Петербурге: «...список лам и востоковедов: ... 8. Жамсарано, Доржи Жамсаранович, 1900–1937, лама Чесанского дацана. В 1927 г. избран членом духовного совета Бурятии. Духовным советом был назначен заместителем уполномоченного представителя при Ленинградском буддийском храме. В 1931–1936 гг. — управдом и управделами Тибетско-Монгольской миссии. Арестован 17 января 1937г. Приговорен к расстрелу. Расстрелян в Ленинграде 24 августа 1937 г.» [22, с. 70–71];

- габжа-лама Чесанского дацана Бадма-Доржо Жамбалов был избран ширетуем Иволгинского дацана (с 1955 по 1967 г.). Габжа — ученое звание, присваиваемое ламе, выдержавшему диспут по 5 великим писаниям и 5 знаменитым комментариям к ним;

- габжа-лама Нима Жапов был ширетуем Иволгинского дацана;

- габжа-лама Будажап Ендонов был настоятелем Тувинского дацана;

- лама Чесанского дацана Цыбжит Дампилов был в составе делегации лам (Хайдуб Галсанов, Лубсан-Нима Дармаев, Орсон Нимаев и др.), встречавшихся в 1945 г. в Москве с И. В. Сталиным. Итогом поездки стало постановление СНК БМАССР от 3 мая 1945 г., по которому было удовлетворено ходатайство групп верующих об открытии буддийского храма «Хамбинское сумэ» в улусе Средняя Иволга.

К самым известным и почитаемым ламам, обладавшим высокими знаниями в буддийской философии, тибетской медицине, в астрологии, всеми таинствами буддийских учений и практик, можно отнести трех лам — ширетуев Чесанского дацана, которые были признаны «хубилганами»: габжа-лама Ринчин Чойван Эрдынеев, воплощение божества Очирвани; габжа-лама Зургаадайн Агван, воплощение божества Арья-Балы; габжа-лама Ямпилай Бальжир, воплощение божества Ямантаки. Хотя официальных документов и источников по этому вопросу до настоящего времени не обнаружено.

Летом 1991 г. из всех исторических дацанов Бурятии Чесанский дацан начал возрождаться одним из первых, наряду с Кижингинским дацаном. Первым ширетуем был назначен Дашинима лама Содномдоржиев из с. Могсохон Кижингинского района (с 1996 по 1998 г. исполнял обязанности ширетуя Иволгинского дацана, в 1998 г. стал Дид Хамбо ламой БТСП, в разные годы был председателем ЦДУ БТСП, депутатом НХ РБ по межрайонному избирательному округу № 64, входил в состав оргкомитета азиатско-буддийской конференции за мир). Первым делом было построено здание Сахюусан дугана, где стали проводиться ежедневные утренние службы, посвященные защитнику Чесанского дацана — Балдан Лхамо-Сахюусану, а также и все остальные молебны и хуралы.

«27 марта 2012 г. ширетуя Чесанского дацана лама Жаргал Баиров, гэбгы лама Зорикто Мандарханов, соржо лама дацана «Хамбын Хурэ» Гыван Базаров привезли 108 томов «Ганжура» — изречения Будды Шакьямуни — из столицы Монголии — Улан-Батора. Пожертвования по приобретению «Ганжура» произвели жители сел: Чесан, Булаг, Загустай, Харагун. В этом году в Чесанском дацане впервые состоялся Ганжур хурал, который стал традиционным [19, с. 17].

Идея строительства нового Цогчен дугана начала реализовываться после того как весной 2012 г. у нынешнего ширетуя Жаргала Баирова состоялся разговор с известным скульптором Дашинимой Намдаковым, который является жиндаком (верующим мирянином-буддистом) Чесанского дацана, как по отцовской линии (отец Балжан родом из села Ухэриг Забайкальского края), так и по материнской линии (мать Буда-Ханда родом из села Загустай Кижингинского района) — оба села входят в приход Чесанского дацана. В 2012 г. Дашинима Намдаков, по информации Буддийской традиционной сангхи России, уже ознакомился с эскизным проектом дугана и лично приезжал в Чесанский дацан, чтобы на месте обговорить все интересующие его вопросы по строительству буддийского храма.

Весной 2013 г. началось возведение нулевого цикла. К тому времени начали поступать средства и Дашинимы Намдакова, ставшего инициатором строительства нового храма.

В соответствии с распоряжением Правительства Республики Бурятия от 24 декабря 2014 г. № 805-р «О предоставлении субсидий социально ориентированным некоммерческим организациям из средств республиканского бюджета на строительство, ремонт и реставрацию зданий и сооружений религиозного назначения» подписанный исполняющим обязанности Председателя Правительства РБ А. Чепиком в 2014 г. было выделено Чесанскому дацану «Гандан Чоймпэллинг» один миллион рублей на приобретение строительных материалов, заливку железобетонных колонн, заливку монолита перекрытия и др.

В настоящее время территория дацана ограничивается большей или меньшей величины субурганми, которые были построены за последние годы. Ступы (субурганы) связаны со значительными событиями в жизни дацана. Построенные «... ступы посвящены 40 ламам — выходцам из села Ухэриг, которые служили в Чесанском дацане до революции. Из них 10 лам были габжа, 15 гэбшэ ламы. Один из них был шэрээтэ ламой Чесанского дацана...» [19, с. 17].

В настоящее время продолжается строительство нового Цогчен дугана. Прихожане помогают своему дацану чем могут. Удивительно, что усилиями ширетуя дацана Лубсан-Гунга Сундуева за 2–3 года после открытия к 1831 г. были построены девять сумэ: Табан Хаан, Хурдэ, Отошо, Майдари, Очирвани, Гунриг, Арья-Бала, Дымчог, Аюши. Архивные источники отмечают, что все здания были построены за счет добровольных пожертвований. За такой короткий срок здание главного храма Цогчен дугана и все здания сумэ были построены и оформлены по внутреннему убранству по всем канонам буддийских монастырей. Это вызывает восхищение и уважение, прежде всего к священнослужителям и нашим предкам, которые были истинными верующими и совершили подвиг благодеяния. Подрастающее поколение должно знать историю родного края, традиции и обычаи своего народа. Ибо, как говорят, «народ без прошлого не имеет будущего». Знаменательное возрождение Чесанского дацана вселяет надежду и уверенность в будущем.

Литературы

1. Бурядадай түүхэ бэшэгүүд / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев. Улан-Удэ, 1992. 237 с.
2. Галданова Г. Р. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX в. Новосибирск: Наука, 1983. 240 с.
3. ГАРБ. Ф. 425. Оп. 33. Д. 20. Л. 1.
4. ГАРБ. Ф. 454. Оп. 12. Д. 1. Л. 1.
5. ГАРБ. Ф. 8. Оп. 4. Д. 20. Л. 54–55.
6. ГАРБ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 282. Л. 1–13.
7. ГАРБ. Ф. 84. Д. 574. Л. 54.
8. ГАРБ. Ф. 84. Д. 574. Л. 54–55.
9. ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 409. Л. 20.
10. ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 481. Л. 47–48.
11. Герасимова К. М. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье. Улан-Удэ, 1957. 158 с.
12. Дацаны Буддийской традиционной сангхи России: фотоальбом / под общ. ред. Дид Хамбо ламы Д. Очирова; отв. секр. И. В. Шагнаева. ОАО «Респ. тип.», Буддийская традиционная сангха России. Улан-Удэ: Байкал-Гео, 2014. 187 с.
13. Из истории жизни Сандэлэгэй Хамбо ламы // Легшед: буддийский научно-популярный журнал. 2012. № 8(30). С. 31.
14. История Бурятии. XVII – начало XX в. / отв. ред. Б. В. Базаров, науч. ред. О. В. Бураева. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. Т. 2. 624 с.: ил.
15. Кижинга. Времен связующая нить. Улан-Удэ: ИП Штант В. А., 2011. 187 с.
16. Кижингинский дацан «Даши Лхунбо», вчера, сегодня, завтра / Буддийская традиционная Сангха России. Улан-Удэ: Новапринт, 2011. 46 с.
17. Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия. Улан-Удэ: Респ. тип., 2012. Т. 7. 230 с.
18. Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия. Улан-Удэ: Респ. тип., 2010. Т. 3. 251 с.
19. Легшед: буддийский научно-популярный журнал. 2012. № 4(24).
20. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб., 1887. Т. XVI. 492 с.
21. Тамчинский дацан: фотоальбом историко-краеведческое издание / гл. ред. И. А. Петрова, науч. ред. С. П. Нестеркин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2015. 223 с.
22. Терентьев А. А. Буддизм в России — царской и советской (старые фотографии): пер. с англ. СПб., 2014. 484 с.: ил.
23. Цыбенков Б. Д. К истории Чесанского дацана // Студенчество и социально-политические науки: тез. докл. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2001. Ч. 1. С. 19–22.
24. Цыренжапов Ц.-Д. Чесанский дацан. Улан-Удэ, 2015.
25. Юмсунов В. Летописи хоринских бурят // Труды Института востоковедения. М.; Л., 1940. Вып. XXXIII.

ABOUT THE HISTORY OF CHESAN DATSAN

Danzan D. Namnanov

Ph.D. in History, Associate Professor,
Buryat State University
24a, Smolin St., Ulan-Ude, 670000, Russia

The paper examines the main stages in history of the Chesan Datsan "Gandan Choimpelling". It's one of the famous Buddhist temples among the Chorin Buryats. There is documentary information about permission for the construction, consecration of Ramnai, volunteer donations of believers, including buildings and houses for monastic needs in the first part of the article. The author describes procedures for appointing the shirethuis and lamas and according their number with the governors-general. The author noted that the Chesan datsan had a sufficient number of dugans and sum for carrying out full-fledged services, prayers and rituals according to the relevant canons and traditions since the XIX century. The leadership of the datsan initiated the creation of the oldest school in the Kizhinginsky district (Chesanskaya school). Thus, the author shows that the Chesan Datsan was not only a spiritual institution, but also a center of cultural, educational, organizational and social activities of the local population.

The second part of the article is devoted to the history of the destruction of the Chesansan datsan after the October Revolution. There were facts of the political repression of lamas, the transfer of datsan buildings under the club, library, dormitories, garages or simply for firewood. Further, the author shows the process of datsan restoration in the post-Soviet period. The construction of a new datsan building is based on the volunteer donations from the people like 200 years ago. This fact indicates the continuity of the memory and old faith that did not lose during the years of militant Soviet atheism.

Keywords: Chesansky Temple (datsan), dugan, sume, shiretuy, gabzha, the abbot, lama, khuvaraks, Tsogchen Dugan, Buryat datsan, parishioners, lay people, donations, shiretuy report, jahan, hubilgan (reincarnation), suburgan (stupa).

УДК 94 (=512.31)

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ БУРЯТ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

© Шагдурова Ирина Никитична

кандидат исторических наук, доцент,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: Irina_Shagdurova@mail.ru

В современный период проблема интеграции народов в состав Российского государства является весьма актуальной в исторической литературе. Это связано с тем, что от состояния интеграции народов и регионов зависит стабильное развитие государства. В данной статье автор рассматривает проблему особенностей процесса интеграции бурят в состав Российской империи. К ним он относит: первая — то, что буряты относительно безболезненно вступили в состав Российского государства, вторая — влияние внешнего фактора на процесс интеграции, третья — процесс интеграции бурят занял длительный период и не был завершён до конца, что послужило причиной развития национального движения в период гражданской войны. В результате исследования автор приходит к выводу о необходимости постоянного мониторинга состояния интеграции общества.

Ключевые слова: интеграция; империя; инородцы; род; степные конторы; степные думы; волостная реформа; земские органы самоуправления; аймаки; хошуны.

В последнее время многократно возросла важность проблемы интеграции народов в состав Российского государства в связи с тем, что в многонациональном государстве, каким является Россия в современном быстроменяющемся мире, вопрос интеграции ее народов является особенно актуальным и требует пристального внимания. Причина заключается в том, что данная проблема относится к числу тех, к которым государству необходимо чутко прислушиваться и постоянно держать в поле зрения для адекватного реагирования на вызовы времени. Дело в том, что от степени интеграции народов в составе многонационального государства зависит сейчас многое: стабильность, толерантность, устойчивость к межнациональным конфликтам.

На процесс интеграции народов влияют многие факторы и в первую очередь особенности политической культуры народов. Поскольку буряты являются монгольским народом, то они вступили в состав Российского государства с традиционной монгольской политической культурой, которая состояла из следующих элементов: жесткая централизация власти, взимание дани и налогов, невмешательство во внутренние дела покоренных народов, сохранение их внутреннего самоуправления, защита их от внешних врагов, родовая организация общества. Буряты к моменту вступления в состав Российского государства сохраняли политические традиции Монгольского государства. Из этого исходит первая и весьма важная особенность интеграции бурят в состав Российского государства, которая состоит в том, что этот процесс проходил относительно безболезненно, потому что в структуре организации Московского государства многое было перенято у монголов. Бурятам, как никакому другому народу, была понятна политика, проводимая государством, в связи с тем, что одной из главных особенностей Московского государства был восточный стиль политической деятельности, это было обусловлено тем, что московский царь, по выражению Вс. Иванова, «вылушился от монгольского хана, как птенчик из скорлупы». В Золотой Орде московские князья перенимали опыт централизованной политической власти. В период складывания империи, при присоединении новых территорий и народов, в том числе и бурят, Российское государство широко использовало опыт монголов. Все мероприятия Российской империи при их присоединении были понятны, поскольку ничего нового и неизвестного бурятам не навязывалось, а ясак, которым она обложила, был делом привычным и приемлемым. В первое время Российское государство не вводило никаких новых органов управления для бурят, а при раскладке ясака использовало традиционную административную организацию бурятского общества — роды. Род становится основной административной единицей, за которой закреплялись ясачные плательщики. Такая свободная инкорпорация традиционных органов управления в состав административно-политической системы Российского государства была возможна только потому, что Россия в то время являлась империей, а империя это такой тип государства, который объединяет множество этносов и регионов с разными уровнями экономического, политического и культурного развития. Это подтверждает в своих исследованиях Н. И. Красняков, кото-

рый пишет: «Категория «империя» в юридической науке детерминировано историко-политическими свойствами, имеет в основе многоукладность государственных, правовых традиций. Имперское управление закрепляет асимметричный статус этносов и регионов по отношению к центру. Динамика их интеграции обусловлена прежде всего геополитическими и геоэкономическими факторами» [1]. Все эти факторы способствовали относительно безболезненной интеграции бурят в состав Российской империи.

Второй важной особенностью интеграции бурят в этот период являлось то, что процесс этот проходил под мощным воздействием внешнего фактора. Россия в процессе присоединения бурят столкнулась с интересами Китая, который в это время также имел намерение присоединить Забайкалье. В это время буряты как самый многочисленный народ в Восточной Сибири при общей малой заселенности края играли немаловажную роль в геополитической обстановке края и потому вопрос сохранения края за Россией в определенной степени зависел и от поведения бурят. Китай активно склонял бурят к переходу на свою сторону и использовал при этом множество инструментов. В 1612 г. Китай направил в Забайкалье 150 тибетских лам для распространения буддизма среди бурят. Эта была акция, направленная на то, чтобы перетянуть бурят на свою сторону на основе религиозного единства. В этих условиях начинается острая борьба между двумя государствами за интеграцию бурят. Здесь необходимо отметить один, на первый взгляд, неприметный момент, на который исследователи обычно не обращают внимание. Китай стремился присоединить Забайкалье руками монголов, которые в силу того, что сами попали в зависимость от Цинской империи не по доброй воле, не проявляли особенного усердия в этом процессе. В то время русские казаки были кровно заинтересованы в прочном укреплении своих позиций на новой территории в силу таких важных причин, как личная свобода, земельные просторы, пушнина, золото и серебро. Каждая из названных причин в отдельности стоила того, чтобы приложить все усилия для укрепления своих позиций в крае. Казаки действовали силой не только оружия, но и дипломатией. Это позволило им склонить бурят на свою сторону. Буряты, пройдя этап первоначального противостояния, сами сделали добровольный выбор в пользу России, о чем свидетельствует помощь бурят при установлении границы. На первый взгляд кажется, что это неожиданный шаг, но все объясняется тем, что под воздействием внешнего фактора Российское государство старалось воздерживаться от силовых методов проведения интеграции, а также тем, что в период отсутствия границ у бурят было достаточно возможностей сравнить режим, который установила Цинская империя в Монголии с российским.

Следующая особенность процесса интеграции бурят в состав Российской империи заключается в том, что он занял весьма длительный период по времени, но так и не был завершен до конца. Процесс интеграции растянулся фактически на весь имперский период государства и проходил поэтапно. Первый этап — 40-е гг. XVIII в., когда были созданы степные конторы для удобства сбора ясака. Второй этап — административная реформа М. М. Сперанского 1822 г. Третий этап — волостная реформа, проведенная в начале XX в.

На первом этапе интеграции были созданы степные конторы, которые являются слегка модернизированной формой традиционных органов родового самоуправления бурят. Конторы были инкорпорированы в систему органов местного управления. Степные конторы ведали раскладкой, сбором и сдачей в казну ясака, распределением повинностей, исполняли предписания губернского и уездного начальства, наблюдали за справностью содержания местных почтовых станций, за ремонтом дорог, развитием земледелия, оспопрививания, образования, торговли и т. д. [2]. Вся эта широкая хозяйственно-экономическая деятельность бурят связывала их с русским населением, постепенно приводя их к интеграции не только в административно-политическую систему, но и во все сферы жизни Российского государства. Деятельностью степных контор руководил Иркутский земский суд, который непосредственно связывал их с административно-политической системой государства.

Второй этап — административная реформа М. М. Сперанского, которая, безусловно, являлась наиболее важным этапом и значительно углубила процесс интеграции бурят. У бурят, хакасов и урульгинских эвенков (Восточное Забайкалье) были введены степные думы, инородные управы, родовые управления. Основные функции степных дум были те же, что и у степных контор, но общее количество и полномочия их были гораздо шире. С введением в 1822 г. «Устава об управлении инородцев» ясачное население Сибири превращается в одно из государственных податных сословий, «поскольку термин «инородцы» юридически обозначал сословную, а не этническую принадлежность» [3]. Буряты заняли свое место в общественном строе государства, хотя еще до полной интеграции было далеко.

Реформа Сперанского фактически сохраняла традиционные органы самоуправления бурят. В конце XIX в. правительство посчитало, что необходимо унифицировать систему управления в империи. К этому подталкивала нерешенность многих социально-экономических вопросов и, главным образом, аграрного вопроса в стране. На рубеже XIX–XX вв. правительство в поисках решения земельного вопроса в стране приступило к реализации земельной реформы в Сибири. 23 мая 1896 г. был утвержден закон «Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской на казенных землях», 5 июня 1900 г. были утверждены «Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев Забайкальской области». Далее вводится паспортная система у сибирских инородцев по положению «О видах на жительство для инородцев» от 8 июня 1898 г. Были приняты законы от 23 апреля 1900 г. и 21 мая 1902 г., по которым на сибирские губернии было распространено «Положение о крестьянских начальниках». Принятие всех этих законов свидетельствовало о том, что власть была в это время весьма заинтересована в углублении процесса интеграции инородцев. Политика интеграции коренных народов Сибири, в том числе бурят, становилась в это время ключевым моментом в решении указанных выше государственных проблем. Отныне проблема интеграции бурят приобретает особую актуальность и остроту и тесно переплетается с внутренними проблемами государства. И здесь складывается следующая особенность интеграции бурят в состав Российского государства, которая заключалась в том, что правительство при разработке модели административного устройства бурят в начале XX в. перестало считаться с их интересами. Об этом свидетельствует третий этап интеграции бурят в состав Российского государства — новая административная реформа для бурят, введенная по Временному положению «Об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области» от 23 января 1901 г., известная как волостная реформа. По этой реформе были введены волостные правления и инородческие суды. Эта реформа распространялась только на забайкальских бурят и эвенков. С введением волостной реформы ликвидировались степные думы в Забайкалье и в целом административное устройство, установленное для инородцев М. М. Сперанским по Уставу 1822 г. В Забайкалье волостная реформа проводилась в период с 1901 по 1904 г. Степные думы в Предбайкалье были ликвидированы еще в 1887–1889 гг., а в Забайкалье — в 1901 г. [4]. Волостная реформа была выполнена прежде всего для проведения земельной реформы. Для осуществления последней надо было изъять земли у бурят, а для этого необходимо было вывести из-под контроля их общин. В связи с этим и была проведена волостная реформа, которая вместе с земельной реформой вызвала недовольство и сопротивление бурят. Эти реформы вызвали небывалую общественную активность у бурят, пробуждение и развитие общественно-политической мысли, развитие национального движения и возникновение проблемы национального самоопределения бурят в начале XX в., что указывало на то, что интеграция бурят все еще далека от завершения. И в этом заключалась еще одна особенность процесса интеграции бурят в состав Российского государства.

Незавершенность процесса интеграции бурят в состав Российского государства в имперский период являлась причиной того, что после Февральской революции буряты остро ставят вопрос о самоопределении. В Бурятии возникает самый широкий спектр проектов самоопределения. Это и создание самостоятельного теократического государства, создание панмонгольского государства, интеграция в состав советского государства и т. д. В феврале 1917 г. создан Бурятский национальный комитет, члены которого, являясь представителями бурятской интеллигенции, поставили вопрос о национальной автономии бурят в составе Российского государства. Они создают органы земского самоуправления для бурят на всей территории Бурятии явочным порядком. В это время территория Бурятии в административном отношении делилась на уезды, волости и селения. Бурнацком же создает отдельные от русского населения административные единицы — аймаки, которые делились на хошуны, последние на улусы. В тех местах, где бурятское население достигало 300–500 душ обоего пола и территориально было разобцено, создавались сомоны или булуки. Во главе бурятских и русских административных единиц стояли соответствующие земские управы. Они являлись исполнительными органами земства на территории аймаков, уездов, хошунов, волостей. Так продолжалось до установления советской власти.

Таким образом, особенности интеграции бурят в состав Российской империи заключались в следующем: 1) относительная безболезненность процесса интеграции; 2) воздействие внешнего фактора (борьба с Китаем) на процесс интеграции, который привел к отказу от силовых методов ее проведения; 3) процесс интеграции занял весьма длительный период и проходил поэтапно; 4) на каждом эта-

пе создавались новые органы управления для бурят; 5) процесс интеграции так и не был завершен, что явилось причиной появления проблемы национального самоопределения и развития национального движения бурят в постимперский период.

В советский период буряты достигли очень высокого уровня интеграции в составе Российского государства во всех его сферах: в административно-политической, социально-экономической, правовой, культурной. Этот факт доказан многими исследованиями. Мы не будем рассматривать здесь причины этого явления, а можем только констатировать факты, поскольку не проводили специального исследования, посвященного этому явлению. При этом следует отметить, что методы интеграции Советского государства были весьма жесткими по сравнению с Российской империей. Однако, по итогам такой интеграции, никто не отказывается от ее результатов. Положительные моменты перевешивают на чаше весов отрицательные. Но при этом следует иметь в виду, что в нынешних непростых внешнеполитических условиях, особенно с учетом геополитических особенностей края, необходим постоянный мониторинг проблем интеграции народов Сибири и в том числе бурят.

Литература

1. Красняков Н. И. Интеграция этносов и регионов в единое политико-правовое пространство: к характеристике научной категории «империя» // Вестник Балтийского университета им. И. Канта. 2009. № 9. С. 3.
2. Шагдурова И. Н. Степные конторы — органы самоуправления бурят в период Российской империи // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. Вып. 7. История. С. 21.
3. Шерстова Л. И. Тенденции этносоциального развития аборигенов Сибири в контексте административных преобразований XIX в. // Историко-культурное развитие Западной Сибири: материалы науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. ТГПУ. Томск, 2002. С. 26.
4. История Бурят-Монгольской АССР: в 2 т. Улан-Удэ, 1954. Т. 1. С. 290.

FEATURES OF BURYATES INTEGRATION INTO THE RUSSIAN EMPIRE

Irina N. Shagdurova

Ph.D. in History, Associate Professor,
Buryat State University
6, Ranzhurov St., Ulan-Ude, 670000, Russia

In the modern period the problem of integration of peoples in the Russian state is very important in the historical literature. This is due to the fact that the state of the integration of Nations and regions depends on stable development of the state. In this article the author considers problem peculiarities of the process of integration of the Buryats into the Russian Empire. Among these he includes: first, that the Buryats is relatively painless entered into the Russian state, the second — the influence of external factors on the integration process, the third process of integration of the Buryats took a long period and was not completed until the end, which caused the development of the national movement during the civil war. The study the author comes to the conclusion about necessity of constant monitoring of the integration of society.

Keywords: integration; empire; native people; kin; steppe boards; steppe Dumas; volost reform; zemsky (local) boards of self-governance; aimags; khoshuns.

УДК 94(571.54-25)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ГОРОДЕ ВЕРХНЕУДИНСК В 1920–1923 гг.

© Спиридонова Алина Алексеевна

магистрант,

Бурятский государственный университет

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: alina.spiridonova.94@mail.ru

В статье рассматривается деятельность органов Верхнеудинского городского самоуправления в 1920–1923 гг. На основании материалов Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ), периодической печати и нормативно-правовых актов, относящихся к данному изучаемому периоду, проанализированы характерные особенности Верхнеудинского городского народно-революционного комитета, Верхнеудинского городского управления, коммунального отдела при Революционном комитете Прибайкальской губернии г. Верхнеудинска, в том числе основные проблемы их формирования. Кроме этого, исследуется структура, состав, задачи, основные направления деятельности первых советских органов городской власти на местах, а также методы их работы. В результате комплексного анализа всей совокупности использованных автором источников устанавливаются конкретные даты осуществления полномочий каждого из органов городского управления в 1920–1923 гг.

Ключевые слова: Верхнеудинск; городское самоуправление; городской народно-революционный комитет; городское управление; коммунальный отдел; советская власть.

Современный этап развития общества характеризуется резким возрастанием роли и значения управления социально-экономическими процессами. Необходимость специального рассмотрения данного вопроса тесно связана с происходящим сегодня в обществе осмыслением пройденного пути. Процесс становления новых форм местного самоуправления 1920-х гг. имеет особое значение для современного Российского государства в связи с переходом на демократические принципы организации общественно-политической жизни. Изучение истории и опыта деятельности органов городского управления в г. Верхнеудинске способствует пониманию развития нашего общества и помогает адекватно учесть достижения и ошибки прошлого при реформировании современной системы местного самоуправления.

В 1920-е гг. в стране возникла сложнейшая ситуация: война привела к экономической, хозяйственной разрухе. Управление на местах как таковое отсутствовало, что усугубляло положение населения, в том числе и в Верхнеудинске.

Руководством созданного на Дальнем Востоке нового государственного образования — Дальневосточной Республики (ДВР) — были поставлены задачи: строительство партийно-советского аппарата, наведение порядка, преодоление разрухи в сфере промышленности, транспорта, борьба с эпидемиями, ликвидация топливного кризиса, а также помощь населению. Для реализации этих задач большевики формировали в населенных пунктах, расположенных в прифронтовой зоне не Советы, предусмотренные Конституцией РСФСР, а чрезвычайные неконституционные органы местного самоуправления, каковыми выступали революционные комитеты. Революционные комитеты обладали всей полнотой власти на местах, в их ведении находились практически все административно-хозяйственные, военные, политические вопросы, соответственно в их руках было сосредоточено множество функций.

Выборы в городской народно-революционный комитет на основании Закона о выборах в местные органы управления ДВР, утвержденного 3 июня 1920 г., были произведены в Верхнеудинске 4 июля 1920 г. [5, с. 1]. Выборы производились всеобщим, прямым, тайным и равным голосованием. Для удобства подачи голосов город с его предместьями был разделен на 7 избирательных участков [2, с. 4]. Ограничения в избирательных правах регламентировались §4 Закона ДВР о выборах [4, с. 2].

В соответствии с Положением о сельских, волостных, уездных и городских органах управления от 3 июня 1920 г. высшим органом власти в городе являлось собрание городских уполномоченных, избираемых на основе общего положения о выборах (гл. 4 § 29). Собрание городских уполномоченных из своей среды избирало городской народно-революционный комитет в составе не менее 5-ти и

не более 15-ти человек. Через каждые три месяца горнарревком обязан был давать отчет собранию городских уполномоченных о ходе работ всех отделов (§ 34) [2, с. 3].

Верхнеудинский городской народно-революционный комитет был образован 8 августа 1920 г. [6, л. 12]. В его состав вошли: Городков Савва Федорович (председатель), Душин Михаил Васильевич, Потапов Федор Прохорович, Гнилицкий Андрей Федорович (члены комитета), Ломов Сергей Иванович (секретарь) [6, л. 7]. Членами комитета стали те люди, которые имели опыт работы в управлении городом, обладали необходимыми умениями и навыками. В частности, председатель горнарревкома С. Ф. Городков входил в состав Верхнеудинской городской управы.

Горнарревком принял дела бывшего городского общественного управления, которое состояло из трех отделов — административный, финансовый и хозяйственный. Ранее сюда относился и отдел сощобеспечения, но при слиянии с областным отделом последний при Горнарревкоме был ликвидирован [9, л. 15а–16об.]. Комитет приступил к выполнению задач, поставленных руководством ДВР.

Первоочередной задачей Верхнеудинского горнарревкома была борьба с контрреволюцией. Ярким примером, демонстрирующим важность данной задачи, является предложение рабочей фракции Верхнеудинского народного собрания. На своем первом заседании 8 августа 1920 г. Верхнеудинское городское народное самоуправление обратилось с воззванием к широким массам населения г. Читы, в котором призывало поддержать работу государственного объединения, начатую Правительством ДВР. «...Народное самоуправление, созданное в результате народного избрания, предостерегает читинское население от ложных шагов, на которые его провоцируют политики интервентных войск и политиканы Владивостокской делегации, забывшие честь и совесть и те раны, которые не зажили у нас еще от нагаек и штыков семеновщины и от кровопусканий, практиковавшихся здесь ее высокими иноземными покровителями...» [8, л. 12–12об.]. Следует отметить, что в атмосфере продолжавшейся гражданской войны народно-революционные комитеты всеми силами утверждали революционную власть на местах.

Первые шаги избранного органа власти сопровождались значительными трудностями: разрушенное войной городское хозяйство. У бывшей городской управы не имелось отвечающего действительности плана города и его угодий. Но самой главной проблемой на пути хозяйственной стабилизации стало тотальное отсутствие средств. Для того чтобы изыскать деньги на восстановление народного хозяйства, прибегали к различным способам: конфискация имущества «классовых врагов», кредиты, займы и, самый доступный, налогообложение. На основании основного закона (Конституции) ДВР «О налогах», утвержденной Дальневосточным учредительным собранием 27 апреля 1921 г., раздел III, глава 2, ст. 149, никто не мог быть освобожден от обязанности уплаты налога. Кроме того, установление местных налогов, сборов и податей являлось прерогативой местного самоуправления на основании ст. 151 [1, ст. 149–151]. Денег не было ни в банках, ни у жителей, поэтому налоги приходилось в буквальном смысле «выбивать из населения».

Одной из важных задач Верхнеудинского горнарревкома было благоустройство города. За время существования комитета был произведен следующий объем работ: ремонт городской бани, городской скотобойни, городских колодцев, Верхнеудинского моста, начат ремонт зданий всех учебных заведений, переоборудован городской водовозный обоз, затребованы материалы на ремонт городских тротуаров, внесены в смету постройка ограды и конюшни в тифозно-заразной больнице, постройка конного двора, содержание пожарных частей, пожарных команд [16, л. 41–43].

В своей деятельности Верхнеудинский городской народно-революционный комитет огромное внимание уделял санитарному состоянию города. Горнарревком регулярно издавал обязательные постановления, инструкции по содержанию и обеспечению здоровой санитарно-эпидемиологической ситуации [10, л. 26]. Проводились рейды комиссии по выявлению нарушений санитарного контроля в торговых лавках. Например, ветеринарный врач Клочихин при ревизии мясных лавок общества «Экономия» выявил множество нарушений, о чем сообщил в горнарревком [8, л. 27–29]. В период эпидемий тифа, оспы учет медикаментов, оценку и план распределения их среди населения осуществляла учетно-распределительная комиссия при Горнарревкоме [7, л. 35].

Свою деятельность горнарревком осуществлял недолго. Уже во второй половине 1921 г. по всей Дальневосточной республике прошли выборы уполномоченных в народное собрание. В связи с этим деятельность народно-революционных комитетов Дальнего Востока прекратилась и им на смену пришли городские управления [11, л. 39–47об.].

На основании постановления Прибайкальского областного управления № 43 от 27 января 1922 г., опубликованного в газете «Прибайкальская правда» № 20(86) от 29 января 1922 г., было решено в порядке ст. 79 Положения о местных органах управления переименовать Верхнеудинский городской народно-революционный комитет в Верхнеудинское городское управление [15, л. 13]. При горуправлении существовали следующие отделы: административный; хозяйственный; финансовый; здравоохранения; народного образования и военного ведомства [19, л. 16]. В состав горуправления вошли: А. П. Алютин (председатель горуправления), Н. А. Гальперов, С. Ф. Городков, М. В. Душин, С. М. Киселев. Отделы были распределены между членами горуправления на заседании Верхнеудинского городского управления 29 января 1922 г. [16, л. 16].

На заседании уполномоченных Верхнеудинского городского самоуправления председатель уполномоченных товарищ А. А. Сакач обратился к собранию со следующей речью: «...Для всех, товарищи, ясно, что мы в своем революционном периоде стали на новую грань исторической эпохи, на грань хозяйственного строительства. Мы пережили затяжной военный период, в котором выразили много героизма и самопожертвования для защиты своих революционных идеалов. Сейчас же момент другой — момент хозяйственный, и нужно сказать откровенно, что он труднее первого. Теперь недостаточно сражаться на фронтах, а нужно быть хорошими практическими организаторами народного хозяйства...» [16, л. 38–39об.]. Из анализа протокола № 1 от 31.12.1921 г. заседания уполномоченных Верхнеудинского городского самоуправления следует, что уже тогда пришло четкое осознание необходимости перехода от военных действий к планомерному строительству народного хозяйства.

Одной из основных задач Верхнеудинского городского управления было формирование бюджета. Необходимо было рационально составлять сметы о доходах и расходах местного управления. В этом нелегком деле городскому управлению помогала бюджетно-финансовая комиссия областных, уездных и городских управлений.

Верхнеудинское городское управление регламентировало порядок часов торговли на городских базарах и в торговых помещениях, распределяло сенокосные и пахотные участки среди населения, решало вопросы по стоимости и подаче электричества населению, контролировало деятельность жилищной и финансовой комиссий, устанавливало размер налогов и сборов, порядок их взимания, работу учреждений здравоохранения, рассматривало личные заявления граждан. Заботилось о санитарном состоянии города, прекращении распространения различных эпидемий (брюшного тифа), об отпуске денег на разные нужды (например, празднование 1 мая, годовщины Октябрьской революции). Верхнеудинское городское управление существовало до ноября 1922 г., затем власть передали коммунальному отделу губревкома [18, л. 7].

На основании приказа Прибайкальского губревкома за № 3 Верхнеудинское городское управление с 9 ноября 1922 г. было реформировано в Верхнеудинский коммунальный отдел с непосредственным подчинением губревкому (§ 5). Все члены бывшего горуправления, «заведывающие» отделами, а также сотрудники упраздненного горуправления оставались на своих местах и исполняли возложенные на них обязанности впредь до распоряжения (§ 4) [17, л. 230]. Заведующим коммунальным отделом при губернском революционном комитете был назначен Г. А. Усов, с 5 марта 1923 г. должность заведующего коммунальным отделом занял С. Ф. Вереникин, а 17 апреля 1923 г. заведующим коммунальным отделом был назначен Н. И. Саловаров [14, л. 301].

Таблица 1

Распределение задач по подотделам коммунального отдела

Подотдел	Задачи
Благоустройства и эксплуатации городских земель	1. Распределение сенокосных угодий, пахотных земель на 1923 г. 2. Отвод мест под новые кладбища в соответствии с имеющейся его планировкой, тем самым избавляя город от будущих эпидемий. 3. Контроль за санитарно-эпидемиологической ситуацией в черте города. 4. Организация садов в черте города.

Предприятий общего пользования	<ol style="list-style-type: none"> 1. Ремонт центральных колодцев для правильного водоснабжения всего населения пригодной водой. 2. Постройка уличной канализационной системы по городу, во избежание заливки города от дождей и загрязнения. 3. Провести учет и поставить правильную работу по эксплуатации всех помещений, предприятий.
Материальный	<ol style="list-style-type: none"> 1. Укрепление береговых дамб в районе моста через реку Уду для предотвращения размывания берега и разрушения моста. 2. Провести и закончить работу по расширению электрической сети и наружного освещения всего города. 3. Планировка и строительство всех городских базаров.
Жилищный	<ol style="list-style-type: none"> 1. Перерегистрация и учет всех жилых, торговых помещений по г. Верхнеудинск для дальнейшей работы жилищного подотдела. 2. Очистка города от разрушенных, непригодных для жилья зданий [12, л. 234–235].

При наличии аппарата бывшего горуправления г. Верхнеудинска, который был очень громоздким и не отвечал своему назначению по ведению городского хозяйства, необходимо было построить его по новой конструкции из подотделов: благоустройства и эксплуатации городских земель (заведующий А. С. Котов), предприятий общего пользования (заведующий С. Ф. Вереникин), материальный (заведующий В. И. Ворожейкин) и жилищный (заведующий А. Ф. Сапунов), 3 мая 1923 г. был учрежден подотдел местных финансов (заведующий М. И. Литвин) по упорядочению и взиманию местных налогов, сборов и исполнению местного бюджета.

В соответствии с протоколом № 4 заседания Прибайкальского губернского революционного комитета от 25 января 1923 г. коммунальным отделом губревкома от бывшего горуправления было принято городское коммунальное хозяйство [12, л. 302об.]. Обязанности коммунального отдела по сравнению с обязанностями такового в Верхнеудинском горнарревкоме и Верхнеудинском городском управлении значительно сократились. Вся работа коммунального отдела теперь была сосредоточена исключительно на благоустройстве города, эксплуатации зданий, сооружений и др. От обязанности установления и сбора налогов, вопросов землепользования, народного образования, здравоохранения и др. коммунальный отдел был освобожден, т. е. избавлен от не свойственного ему функционала. Таким образом, по сравнению с горнарревкомом и горуправлением число сотрудников коммунального отдела при губревкоме увеличилось, и началась их практическая, узкая специализация.

В середине 1923 г. советский аппарат в губернии значительно окреп. Советское и партийное руководство посчитало возможным перейти от чрезвычайных органов власти к конституционным. 21 июля 1923 г. на внеочередном заседании губревкома был поставлен вопрос о передаче власти Прибайкальскому губернскому исполнительному комитету Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. На основании постановления, принятого на этом заседании, Прибайкальский губревком, «избранный волей трудового народа» 9 ноября 1922 г. в соответствии со своей декларацией от того же числа, привел революционный народ Прибайкалья к власти Советов, завершив возложенную на него трудовым народом задачу по советизации губернии... Губернский революционный комитет сложил свои полномочия и передал их избранному 21 июля 1923 г. на губернском съезде Советов исполнительному комитету [13, л. 151].

В 1920–1923 гг. сменилось три органа городского самоуправления:

1. Верхнеудинский городской народно-революционный комитет — 8 августа 1920 г. — 27 января 1922 г.
2. Верхнеудинское городское управление — 27 января 1922 г. — 9 ноября 1922 г.
3. Коммунальный отдел при революционном комитете Прибайкальской губернии г. Верхнеудинск — 9 ноября 1922 г. — 21 июля 1923 г.

Таким образом, городское управление в г. Верхнеудинске 1920–1923 гг. представляло собой временные органы государственной власти, сформированные в условиях ликвидации очагов белого движения и установления советского режима в губернии. На протяжении трех лет правления периодически обновлялся их кадровый состав, расширялась структура, шел поиск наиболее

приемлемых форм работы. Неизменным оставался лишь чрезвычайный характер деятельности органов городского управления, который отчасти был унаследован сменившими его конституционными структурами.

Источники

1. Собрание узаконений Дальневосточной Республики (СУ ДВР). 1921. № 4(10).
2. Дальневосточная республика. 1920. № 24. 6 июня.
3. Дальневосточная республика. 1920. № 32. 16 июня.
4. Дальневосточная республика. 1920. № 36. 20 июня.
5. Дальневосточная республика. 1920. № 89. 11 авг.
6. ГАРБ. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 1.
7. ГАРБ. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 2.
8. ГАРБ. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 3.
9. ГАРБ. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 4.
10. ГАРБ. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 40.
11. ГАРБ. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 87.
12. ГАРБ. Ф.Р.-300. Оп. 1. Д. 17а.
13. ГАРБ. Ф.Р.-300. Оп. 1. Д. 49.
14. ГАРБ. Ф.Р.-300. Оп. 1. Д. 55а
15. ГАРБ. Ф.Р.-968. Оп. 1. Д. 1.
16. ГАРБ. Ф. Р-968. Оп. 1. Д. 2.
17. ГАРБ. Ф.Р.-968. Оп. 1. Д. 6.
18. ГАРБ. Ф.Р.-968. Оп. 1. Д. 9.
19. ГАРБ. Ф.Р.-968. Оп. 1. Д. 12.

THE ACTIVITY OF BODIES OF THE CITY GOVERNMENT IN VERKHNEUDINSK IN THE 1920–1923

Alina A. Spiridonova

Master's Degree Student,
Buryat State University
6, Ranzhurov St., Ulan-Ude, 670000, Russia

The article considered the activity of the city self-government of Verkhneudinsk in the years 1920-1923. Analyzed features of the City People's Revolutionary Committee of Verkhneudinsk, the city government of Verkhneudinsk, the communal department at the Revolutionary Committee of the Baikal province of Verkhneudinsk, including the main problems of their formation. In addition, we investigate the structure, composition, objectives, the main areas of activity of the first Soviet city authorities in the field, as well as the methods of their work. Of the apparatus of city government on the basis of information of State archive of the Republic of Buryatia (SARB), periodicals and regulatory acts, devoted to the study period. As a result of complex analysis of the entire set of sources used by the author, specific dates for the implementation of the powers of each of the city government in 1920-1923 are established.

Keywords: Verkhneudinsk; city municipal government; City People's Revolutionary Committee; city government; municipal department; Soviet authority.

УДК 371 (091)

ДЕТСКИЙ КУЛЬТПОХОД 1929 г. В ЗАБАЙКАЛЬЕ

© **Мороз Антонина Иннокентьевна**

кандидат исторических наук, доцент,
Забайкальский государственный госуниверситет
Россия, 672030, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30
E-mail: antonina_sazhina@mail.ru

© **Нагачеева Анастасия Юрьевна**

магистрант
Забайкальский государственный университет
Россия, 672030, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30
E-mail: nastyushka-nagacheewa@mail.ru

В статье рассматривается ход ликвидации неграмотности взрослого населения Забайкалья с помощью так называемого метода культурного похода. Особое внимание уделено детскому культурному походу, который начался в регионе в 1929 г. В его рамках активное участие в ликвидации неграмотности взрослого населения Забайкалья приняли члены пионерских организаций. Рассматривается план проведения культурного похода, мероприятия местных государственных и партийных органов по его подготовке, некоторые результаты проведенной работы. Статья написана на основе ранее неопубликованных документов из фондов Государственного архива Забайкальского края, а также с привлечением опубликованных воспоминаний его непосредственных участников.

Ключевые слова: Забайкалье; агитация; пропаганда; ликвидация неграмотности; политико-просветительная работа; дошкольное воспитание; культурный поход; пионерская организация; общество «Долой неграмотность!»; социалистическое соревнование.

Установление советской власти в Забайкалье создало благоприятные условия для начала ликвидации неграмотности местного населения. В соответствии с требованиями периода социалистического строительства в первую очередь обучить элементарной грамоте (навыкам письма, чтения и счета) предстояло взрослому трудоспособному населению. В августе 1923 г. Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом и Советом Народных Комиссаров был подписан декрет «О ликвидации неграмотности», который требовал завершить эту работу к десятилетней годовщине Октябрьской революции. В ответ на это Дальневосточный областной отдел народного образования принял решение о начале ударной работы по обучению населения региона в возрасте от 18 до 30 лет с целью поголовной ликвидации неграмотности среди указанной возрастной группы в намеченные сроки [13, с. 37].

Для этой цели создавались специальные учреждения — пункты ликвидации неграмотности и школы для малограмотных. Их практическая деятельность обеспечивалась денежными средствами, методической и учебно-методической литературой, подготовкой и переподготовкой педагогических работников. В совокупности все это в целом способствовало созданию базовых условий для выполнения поставленных задач. Условия для расширения ликвидации неграмотности, придания ей массового характера создавала деятельность партийных, комсомольских и профессиональных организаций, а также местных отделений добровольного общества «Долой неграмотность!». Однако количество ежегодно обучаемых неграмотных и малограмотных в регионе было невысоким, выполнение планов регулярно срывалось. Исторические источники свидетельствуют, что причиной этого был стабильно высокий отток контингента из ликпунктов и школ малограмотности [11; 12].

Взрослые отказывались принимать участие в мероприятиях по ликвидации неграмотности и малограмотности по разным причинам. К числу основных можно отнести индивидуальные характеристики (возраст, невосприимчивость к обучению) обучающихся и/или сложное материальное положение их семей (бедность, невозможность оставить хозяйство на время обучения). Так, в отчете заместителя заведующего агитационно-пропагандистским отделом Забайкальского губернского комитета РКП(б) М. Дворкина, побывавшего в 1923 г. с рабочей поездкой в Сретенске и Нерчинске, говорилось: «Вопрос об укомплектовании ликпунктов стоит очень остро не только беспартийными, но и членами партии. Укомами на десятка 2–3 неграмотных партийцев пришлось даже махнуть рукой. Это старики, которые никак не могут заняться ликвидацией неграмотности, и, кажется, Укомы своим по-

становлением разрешили им остаться неграмотными. Но и те, кто по индивидуальным качествам поддается ликвидации неграмотности, по экономическому положению чрезвычайно туго поддаются этому... В отношении ликвидации малограмотности дело обстоит еще хуже, так как здесь чрезвычайно трудно заставить ликвидировать» [4, л. 39 об.–40 об.]. Еще одной причиной было методически низкое качество обучения на ликпунктах и в школах малограмотности. Количество занятых в работе по ликвидации неграмотности квалифицированных учителей было явно недостаточным, в результате чего ряды обучающихся пополнялись за счет молодежи из рядов комсомола или общества «Долой неграмотность!», не имеющих никакого опыта работы со взрослыми. Естественно, что многие из них не были знакомы с особенностями работы с возрастным контингентом, не пользовались программами или специальной литературой и осуществляли отбор материала для занятий по личному усмотрению. Так, один из школьных инструкторов, обследовавший в 1924 г. школы Сретенского уезда, писал: «Если в некоторых школах и заметна плановая работа учителя, то этого нельзя сказать обо всех школах. Зачастую приходится видеть учителя, являющегося в класс без всякого плана и ведущего занятия “как его осенит свыше”» [9].

Результатом этого было то, что взрослые, неграмотные и малограмотные, не проявляли большого стремления к обучению. Многие из записавшихся в ликпункты и школы малограмотности теряли к ним интерес и прекращали посещения. Для преодоления этой ситуации руководство регулярно прибегало к организации различных агитационно-пропагандистских кампаний, применяло самые различные меры — от принуждения до материального и морального поощрения обучающихся. Однако практические результаты проводимых мероприятий были незначительными, поставленная советским руководством задача полной ликвидации неграмотности среди населения региона в возрасте от 18 до 30 лет к десятилетию Октябрьской революции не была достигнута. Поэтому для ускорения темпов работы нужно было найти и использовать новые формы привлечения взрослых к обучению [10, с. 162–163]. Одной из них стало проведение культурных походов.

Первый культпоход был начат как практическое выполнение решений XV съезда ВКП(б), уклавшего на необходимость скорейшего поднятия образовательного уровня населения страны. В ответ на это VIII съезд ВЛКСМ принял решение о начале Всесоюзного культурного похода комсомола и молодежи против неграмотности. Суть его состояла в привлечении широких слоев общества к делу обучения грамоте, а в качестве основного лозунга был выбран использовавшийся в агитационных кампаниях предыдущих лет призыв: «Грамотный, обучи неграмотного!». К участию в культурном походе привлекались все желающие грамотные, получившие наименование «культурмейцы». Практическая работа, активно развернувшаяся в центральных районах страны, дала положительные результаты, поэтому в мае 1929 г. ЦК ВКП(б) в постановлении «О работе по ликвидации неграмотности» указал на необходимость широкого использования форм работы, выявленных культпоходом. Среди них — привлечение грамотных из рядов партии и комсомола к ликвидации неграмотности и большее приспособление форм обучения, программ, учебных пособий и методов к условиям труда и быта отдельных категорий неграмотных города и деревни [5, с. 230–232].

Начало первого культурного похода в Забайкалье относится к 1928 г. По данным агитационно-пропагандистских отделов Читинского и Сретенского округов, к участию в нем были привлечены члены местных партийных, комсомольских, советских, кооперативных, профессиональных и общественных организаций. Однако в отчетной документации отмечалось, что культпоход «не нашел достаточного отражения» в их работе из-за отсутствия средств, позднего начала организационных мероприятий, а также загруженности участников иной общественной работой [3, л. 80]. В связи с этим широкую кампанию по ликвидации неграмотности под знаком культурного похода было решено развернуть в 1929 г. Заранее, в летние месяцы был разработан и разослан на места план предстоящей работы, выделены средства. Как и ранее, к участию в культпоходе предполагалось привлечь членов местных партийных и комсомольских организаций, женских отделов, профессиональных союзов, а также добровольного общества «Долой неграмотность!». Однако помимо грамотных взрослых к работе было решено привлечь также членов местных пионерских организаций. Для этого был подготовлен план детского (дошкольного) культурного похода, одной из задач которого было «содействие ликбезу» [3, л. 131–132].

Организация и проведение культурного похода 1929 г. столкнулись с рядом трудностей. Среди них — сокращение более чем в два раза отпущенных средств по смете, несвоевременное предоставление руководящих указаний и директив, задержка с рассылкой учебников. Сохранилась проблема с

загруженностью участников культпохода. Так, например, в отчете о ходе культурного похода в Средненском округе подчеркивалось, что отношение профессиональных и общественных организаций к работе было «бюрократическим», женский отдел категорически отказался от участия в культпоходе, комсомол вел работу «слишком слабо», а партийные организации уделяли ей недостаточно внимания [3, л. 136–136 об.]. На этом фоне особенно активной была деятельность юных «культурмейцев» из рядов пионерской организации.

Первые пионерские отряды в Забайкалье были созданы в марте 1923 г. [1]. Если в начале своего существования пионерия представляла собой больше скаутскую организацию, то со временем она тесно вплелась в воспитательную систему советской школы. Н. К. Крупская, говоря о значении пионерской организации в школе, выделяла следующее: «В борьбе за знания пионеры должны играть крупную роль и должны играть эту роль именно как организация. Они должны быть заражены энтузиазмом по овладению знаниями, и надо, чтобы они не замыкались в себе, а старались всех ребят втянуть в это дело и стать во главе всего детского движения за учебу» [6, с. 394]. К 1929 г. численность пионеров в регионе достигла 9 241 человека, объединенного в 271 отряд [2, л. 3–4]. Многие из них принимали посильное участие в обучении своих сверстников. Так, пионеры Борзинского района создали специальные отряды по проверке снабжения учащихся одеждой и обувью, организовывали для них горячие завтраки [7].

Пионеры очень активно приступили к работе по ликвидации неграмотности взрослого населения. Так, на прииске Урюм Могочинского района были созданы три бригады по ликвидации неграмотности и малограмотности, члены которых обучили 15 неграмотных и 6 малограмотных взрослых, за что и были награждены премией от руководства прииска. В Борзинском районе с неграмотными проводили занятия 280 пионеров. В селе Арта Улетовского района была развернута работа членами пионерского отряда Сергеем Семеновичем Просяниковым, Василием Филипповичем Норвиным, Николаем Уваровичем Днепровским, Степаном Сергеевичем Коноплевым. Последний вспоминал: «Осенью 1929 г. Евгения Ивановна Борисова начала готовить нас для вступления в пионеры. Дело было новое. В пионеры принимали только самых достойных ребят. Самые активные вели за собой остальных. Пионеры носили сатиновые галстуки. На галстуках узлы не завязывали, а закрепляли металлическими зажимами. На зажимах был знак «Всегда готов!». Именно эти ребята стали первыми борцами с неграмотностью, ходя по селу и в каждом доме настойчиво предлагая книжку или брошюру» [8].

Привлечение пионеров к участию в работе по ликвидации неграмотности способствовало изменению отношения многих неграмотных и малограмотных к обучению, большинство из них не могли отказать детям. Огромное значение это имело, в частности, для вовлечения в учебу женщин, занятых домашним трудом и не имеющих возможности посещать ликпункт или школу малограмотности. Так, пионерка А. Рудницкая писала в газете «Забайкальский рабочий»: «...Нас встречали приветливо. Очень немногие отказывались учиться. Меня послали учить двух женщин. Одна — работница, другая — домашняя хозяйка. Выдали им буквари, тетради. Научила их прилично читать, писать и решать задачи. Для малограмотных сами устраивали громкие читки при избах-читальнях, распространяли литературу» [14].

Таким образом, культурный поход 1929 г. в Забайкалье стал первой массовой кампанией, в рамках которой в ликвидации неграмотности и малограмотности взрослого населения региона приняли участие дети — члены местных пионерских организаций. Несмотря на то, что пионеры относились к числу непрофессиональных обучающихся, их деятельность отличалась большой активностью и сыграла большую роль для решения проблемы вовлечения неграмотных и малограмотных взрослых в обучение.

Литература

1. Вяткина Т. У истоков // Рабочая трибуна. 1988. 19 марта. С. 6.
2. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. П-147. Оп. 2. Д. 22.
3. ГАЗК. Ф. П-71. Оп. 1. Д. 22371.
4. ГАЗК. Ф. П-81. Оп. 1. Д. 695.
5. Директивы ВКП (б) по вопросам просвещения / сост. А. Я. Подземский, под ред. И. Д. Давыдова и др. М.; Л.: Народный комиссариат просвещения РСФСР, ОГИЗ, 1931. 496 с.
6. Крупская Н. К. Борьба за знания — важнейшая задача пионерорганизации (речь на пленуме ЦБ ДКО) // Детское коммунистическое движение. Пионерская и комсомольская работа. Внешкольная работа с детьми. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 392–400.
7. Николаева Г. Из истории пионерии Забайкалья // Путь Ильича. 1987. 19 мая. С. 2.

8. Они были первыми // Ленинское знамя. 1983. 19 марта. С. 4.
9. По школам губернии // Забайкальский рабочий. 1925. 15 мая. С. 6.
10. Сажина А. И. Государственная политика советской власти в области образования и просвещения взрослого населения в 1917–1927 гг. (на материалах Восточного Забайкалья): дис... канд. ист. наук. Чита, 2015. 183 с.
11. Сажина А. И. Деятельность Забайкальского губернского политико-просветительного управления в 1923–1926 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 1(42). С. 156–162.
12. Сажина А. И. Ликвидация неграмотности в Забайкалье в 1923–1927 гг. // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2013. Т. 2, № 4(14). С. 195–202.
13. Сборник официальных материалов по народному образованию на Дальнем Востоке. 1923. № 13. 69 с.
14. Шаповалова Н. Ликбез: «Знания нужны, как винтовка в бою» // Костры пионерские: пятидесятилетие пионерии Забайкалья посвящается. Чита: [б/и], 1973. С. 28–29.

CHILDREN'S CULTURAL HIKE 1929 IN TRANSBAIKALIA

Antonina I. Moroz

Ph.D. in History, Associate Professor,
Transbaikal State University
30, Alexandro-Zavodskaya st., Chita, 672030, Russia

Anastasia Yu. Nagacheeva

Master's Degree Student,
Transbaikal State University
30, Alexandro-Zavodskaya st., Chita, 672030, Russia

The article reviews the eradicate illiteracy of the adult population of Transbaikalia by the so-called method of the cultural hike. Particular attention is paid to children's cultural a campaign that began in the region in 1929. Within its framework an active participation in the eradicate illiteracy of the adult population in Transbaikalia took members of the pioneering organizations. Consider the plan of the cultural hike, activities of local government and party organs in his preparation, some of the results of the work. This article was written based on previously unpublished documents from the collections of the State Archive of the Trans-Baikal region and with the assistance of his published recollections of direct participants.

Keywords: Transbaikalia; agitation; propaganda; the elimination of illiteracy; political and educational work; early childhood education; Cultural hike; Pioneer Organization; society «Down with Illiteracy»; socialist competition.

УДК 669 (091) (57)

**УРАЛО-ПЕЧОРСК: НЕРЕАЛИЗОВАННЫЙ ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ
НОВОЙ УГОЛЬНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ БАЗЫ СССР В 1950-х гг.¹**© **Никитин Дмитрий Игоревич**

преподаватель,

Челябинский институт переподготовки и повышения квалификации работников образования

Россия, 454136, г. Челябинск, ул. Наркома Малышева, 3

E-mail: dm.nikitin90@gmail.com

На основе материалов федеральных и региональных архивов, а также публикаций историков и геологов в статье рассматривается реализация проекта создания Урало-Печорской угольно-металлургической базы в 1950-х гг. Уже в конце 1940-х гг. трудная ситуация с обеспеченностью коксом металлургических предприятий Урала поставила вопрос о поиске новых сырьевых баз коксующегося угля. По поручению Совета Министров СССР Госплан СССР совместно с Академией наук СССР в 1950 г. начал рассматривать проект перенаправления поставок из Печорского угольного бассейна на Средний и Северный Урал. Однако по совокупности экономических, демографических и сырьевых причин, а также из-за изменения вектора государственной политики на расширение добычи нефти и газа от реализации масштабного проекта решено было отказаться. Дальнейшее развитие Печорского угольного бассейна проводилось применительно к нуждам Европейского Севера СССР.

Ключевые слова: угольная промышленность; черная металлургия; угледобыча; сырьевая база; региональный промышленный комплекс; Печорский угольный бассейн; Урал; Республика Коми; Ненецкий автономный округ; газовая пауза.

В конце 1940-х гг. перед уральской промышленностью стоял вопрос увеличения выпуска черного металла для нужд развивающегося народного хозяйства страны. На Урале имелись перспективные месторождения железных руд, проводилась детальная разведка Качканарского месторождения в Свердловской области, однако отсутствовали залежи коксующегося угля, способного обеспечить потребности металлургов. В Кизеловском бассейне, расположенном на территории Молотовской области (Пермский край), добывались частично коксующиеся угли, однако по своему химическому составу они не годились для производства доменного кокса [1, с. 135]. Покрывать сырьевой дефицит приходилось за счет дорогостоящего завоза сырья из отдаленных Кузнецкого и Карагандинского угольных бассейнов. В качестве альтернативного варианта рассматривалось увеличение добычи и переориентация поставок из Печорского угольного бассейна, запасы которого в 1950 г. оценивались в 120 млрд т.

Освоение данного бассейна началось еще в 1934 г., когда была введена в эксплуатацию шахта № ½ на Воркутском месторождении, к добыче угля на Интинском месторождении приступили в 1942 г. В годы Великой Отечественной войны по причине оккупации врагом территорий Донецкого угольного бассейна происходил интенсивный ввод добычных единиц: всего было заложено 29 новых шахт, велось строительство подъездных путей и вспомогательных объектов [3, с. 8]. Нормы военного времени наложили свой отпечаток на промышленное строительство: для введенных в 1941–1946 гг. шахт были характерны небольшая производительная мощность, упрощенные поверхностные здания, примитивные схемы вскрытия наклонными стволами с канатными подъемами, а также низкий уровень механизации [2, с. 440]. Добытым углем по Северо-Печорской железной дороге (Воркута–Котлас–Коноша) снабжался Север и Северо-Запад Европейской части СССР для нужд тепло и электрогенерации. К 1950 г. в бассейне удалось достичь годовой добычи в 5 млн т [1, с. 327], при этом дефицитные коксующиеся угли сжигались потребителями наравне с бурыми и полукаменными.

Совет Министров СССР постановлением от 14 июля 1950 г. обязал Госплан СССР совместно с Академией наук СССР (далее — АН СССР) разработать комплексный план мероприятий, связанных с развитием Урало-Печорской угольно-металлургической базы. Выполнение задания было возложено на Совет по изучению производственных сил АН СССР, в составе которого с 1 января 1951 г. работала комплексная Урало-Печорская комиссия АН СССР, объединившая геологов, инженеров и экономистов. Значимость данной работы подчеркивает тот факт, что материалы были сданы в архивохранилище с реквизитами «совершенно секретно» [9, л. 1].

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, № 15-31-01226.

В силу отдаленности угольного бассейна от металлургических предприятий Южного Урала (Магнитогорский металлургический комбинат, Челябинский металлургический завод, Златоустовский металлургический завод и др.) географические рамки проекта решено было ограничить Средним и Северным Уралом. Ученым предстояло провести геолого-разведочные работы с целью оценки перспектив бассейна, а также рассчитать экономическую эффективность использования коксующихся углей в домнах Урала.

Наиболее сложным являлся вопрос соединения бассейна с сетью уральских железных дорог. Прорабатывался маршрут Хальмер — Южный Салехард — Полуночное, обходящий Уральские горы с востока. Угледобыча должна была увеличиться за счет строительства к 1956 г. 20 новых шахт общей годовой мощностью 8,9 млн т на базе разведанных к тому времени месторождений [9, л. 3–4].

В 1958 г. состоялось заседание бюро Совета по изучению производственных сил АН СССР, на котором подводились промежуточные итоги реализации проекта. Академик В. С. Немчинов ясно описал сложившуюся ситуацию: «За 8 лет изученность проблемы улучшилась, но реальных шагов нет. Работала полярная экспедиция товарища Сирина по линии Академии наук, по линии Министерства путей и сообщений работала экспедиция по выбору предварительной трассы, работали профильные институты, однако проблема не сдвинулась с места. Из 20 планируемых шахт было построено лишь 7 суммарной мощностью 3,7 млн т» [7, л. 9].

Проведенные исследования выявили ряд трудноразрешимых проблем в создании Урало-Печорской угольно-металлургической базы. Первую из них можно назвать демографической. Даже промышленные предприятия сравнительно развитого в инфраструктурном плане Среднего Урала испытывали постоянный недостаток рабочей силы, еще меньшими были рабочие резервы на Севере Урала. Создание благоприятной бытовой обстановки в условиях Заполярья требовало гигантских капиталовложений, что практически исключало возможность необходимого массового добровольного привлечения трудовых кадров из других районов СССР.

Нерешенной оставалась сырьевая проблема: при переориентации поставок угля из Печорского бассейна на Урал требовалось найти замену для обеспечения энергоносителями района Европейского Севера СССР. Ближайшими промышленными месторождениями являлись Московский и Донецкий угольные бассейны, однако ни по объемам валовой добычи, ни по пропускной способности железнодорожных магистралей данные варианты не являлись реальными альтернативами. Силезские угольные месторождения Польской народной республики также не могли обеспечить необходимые объемы импорта [6, с. 46]. Таким образом, найти замену для печорского угля не удалось.

Вызывала вопросы и экономическая составляющая проекта: затраты на сооружение и эксплуатацию шахт в условиях Севера были значительно выше, чем в зонах более благоприятного климата. Теоретически снизить расходы позволяло применение технологии гидродобычи угля, однако она находилась в стадии промышленного освоения. По расчетам 1955 г., себестоимость добычи тонны печорского угля традиционным способом была на 10,5% выше, чем себестоимость донецкого угля, и на 46% выше кузнецкого. Поэтому при одинаковой дальности транспортировки производство кокса на донецком и кузбасском месторождениях было экономически выгоднее [2, с. 441].

При этом за прошедшие годы на Урале были введены в эксплуатацию новые высокопроизводительные доменные печи, что заметно ухудшило ситуацию с обеспеченностью коксующимися углями [5, л. 32]. Кроме того, на состоявшемся XX съезде КПСС была поставлена задача создания сибирской металлургической базы, работа которой также предполагалась на кузбасских углях, что в перспективе еще сильнее увеличивало дефицит кокса. Фактически вопрос развития Урало-Печорска перешел из экономической области в стратегическую: необходимо ли стране иметь дополнительную базу коксующегося угля? Тем не менее по итогам исследовательских работ Госплан СССР признал реализацию проекта нецелесообразной: себестоимость производства чугуна на печорском коксе на Среднем Урале и Северном Урале была бы выше примерно в 2 раза по сравнению с кузнецкими углями. Планировалось расширять добычу на Кузнецком угольном бассейне, а также ускорить строительство Средне-сибирской железнодорожной магистрали [7, л. 17], создаваемой с целью снижения грузопотока по Транссибирской магистрали. Помимо демографических, сырьевых и экономических причин большое значение при принятии решения сыграл технологический фактор. В середине 1950-х гг. завершается ревизия высшим политическим руководством страны стратегических установок относительно развития топливно-энергетического комплекса. Преодолевается инерционное воздействие ранней модели социалистической индустриализации, заложенной в плане ГОЭЛРО, пятилетних планах 1928–1940-х гг.,

предвоенных и послевоенных проектных и плановых расчетах, ориентированных на более высокие темпы роста добычи сланцев, угля, торфа. Ключевой проблемой развития советской экономики становится увеличение удельного веса высокоэффективных энергетических ресурсов — нефти и природного газа [4, с. 123].

Несмотря на то, что коксующиеся угли применительно к металлургии являются сырьем, а не энергоносителем, в 1950-е гг. небезосновательно считалось, что газификация отрасли позволит уменьшить потребление кокса. Государственное финансирование решено было направить на другие масштабные проекты — освоение Урало-Поволжской нефтяной ресурсной базы, а также газовых месторождений Средней Азии (Газли) [10, с. 67]. Как мы видим, «газовая пауза» поставила окончательный крест на создании Урало-Печорской угольно-металлургической базы.

Дальнейшее развитие Печорского бассейна проводилось применительно к нуждам Европейского Севера СССР, включая Эстонскую, Латвийскую и Литовскую ССР. По состоянию на 1962 г. наибольшее количество печорских углей использовалось в Ленинградской (включая г. Ленинград) (30,6%), Архангельской (20,6%), Вологодской (14,5%), Мурманской (10,4%); Коми АССР потребляла 9,4% угля [2, с. 442]. Кроме того, начиная с 1955 г. печорские угли стали ограниченно применяться для коксования на Череповецком металлургическом заводе. Прорабатывался вопрос железнодорожного выхода из бассейна к Баренцеву морю и строительства порта для экспорта угля и древесины в районе Югорского Шара [8, л. 7].

Таким образом, прорабатываемый в 1950-х гг. масштабный проект создания Урало-Печорской угольно-металлургической базы не был реализован по экономическим, демографическим, сырьевым и технологическим причинам. Несмотря на важную стратегическую роль для экономики страны, создание регионального промышленного комплекса в условиях Заполярья признали нецелесообразным. Печорский угольный бассейн продолжил обеспечивать нужды потребителей Европейского Севера СССР.

Источники и литература

1. Баканов С. А. Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Челябинск: Энциклопедия, 2012. 225 с.
2. Геология месторождений угля и горючих сланцев СССР. Т. 3. Печорский угольный бассейн и другие месторождения угля Коми АССР и Ненецкого национального округа / под ред. Г. М. Ярославцева. М.: Недра, 1965. 492 с.
3. Жеребцов И. Л. Основные этапы промышленного развития Европейского Северо-Востока России // Индустриализация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, способы осуществления и влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона. Сыктывкар, 2013. С. 5–12.
4. Некрасов В. Л., Хромов Е. А. Н. С. Хрущев и новая энергетическая политика (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.): власть, реформы, идеология // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 123–126.
5. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. 288. Оп. 162. Д. 157.
6. Попов А. А. «Угольный вопрос» в советско-польских отношениях (1945–1975 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2016. № 2. С. 43–50.
7. Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 399. Оп. 1. Д. 636.
8. РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 337.
9. РГАЭ. Ф. 8875. Оп. 3. Д. 1644.
10. Славкина М. В. Нефтегазовый комплекс и модернизация 1945-2008 гг.: проблемы экономической истории и перспективы развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 7. С. 65–74.

**URAL-PECHORSK: AN UNREALIZED PROJECT OF CREATING
THE USSR'S NEW COAL AND METALLURGIC BASE IN THE 1950-S**

Dmitriy I. Nikitin

Lecturer,

Chelyabinsk Institute of Retraining and Improvement of Professional Skill of Educators

3/164, Narkom Malyshev st., Chelyabinsk, 454136, Russia

The article is based on relevant federal and regional archives, and also historians' and geologists' publications. It views realization of the project aimed at creating the Ural-Pechorsk's coal and metallurgic base in the 1950-s. At the end of the 1940-s a tough situation connected with coke provision of the Ural's metallurgic factories has risen a question: discovering a new raw materials base of crozzling coal. On instructions from the USSR Cabinet, in 1950 the State Planning Committee of the USSR together with the Academy of Science of the USSR began to consider a project of supplies redirection from the Pechor coal basin to the Middle and North Ural regions. However due to economic, demographic and raw reasons all together, besides, because of the change of the state policy's vector aimed at extension of oil and coal extraction, the decision not to implement a large-scale project was made. Further development of the Pechor coal basin was conducted according to the needs of the USSR's European North.

Keywords: coal industry; iron industry; coal mining; raw materials base; regional industrial complex; Pechor coal basin; the Ural; the Komi Republic; the Nenets Autonomous District; gas pause.

УДК 947:631.162

МАТЕРИАЛЬНОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ СЕЛЬСКИХ ТРУЖЕНИКОВ БУРЯТИИ В 1960-х — СЕРЕДИНЕ 1970-х гг.

© Карначев Александр Евгеньевич

кандидат исторических наук, доцент,

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова

Россия, 670034, ул. Пушкина, 8

E-mail: karnachyov@yandex.ru

В статье рассмотрены меры материального стимулирования тружеников села, принятые с середины 1960-х гг. Заработная плата стала гарантированной в денежном исчислении. Отмечался рост заработной платы, но она еще уступала по своим размерам заработной плате рабочих промышленности. Колхозники стали получать пенсии всех видов. Социальные выплаты колхозникам по временной нетрудоспособности, рождению и уходу за ребенком стали социальной нормой. На сельских тружеников распространялись льготы и бесплатные услуги из общественных фондов потребления. Государство брало на себя значительную долю расходов на содержание детей в яслях, детских садах, на обучение школьников и студентов, в том числе и стипендиальное обеспечение в высших и средних специальных учебных заведениях. Путевки в пионерские лагеря, санатории и курорты предоставлялись по льготным ценам или бесплатно в зависимости от социального и материального положения семьи или социальной категории. Доходы от личного подсобного хозяйства оставались серьезным подспорьем в структуре бюджета крестьянской семьи.

Ключевые слова: крестьянство; колхоз; доход; заработная плата; пенсии; хозяйство; государство; политика; задачи; экономика; фонды.

Перспективы роста уровня жизни колхозного крестьянства в первой половине 1960-х гг. определялись решениями XXI съезда КПСС, утвердившего планы развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 гг. Силами колхозов предусматривалось увеличение доходов крестьян на 40%, расширение строительства в селах жилья, объектов социальной инфраструктуры [1, с. 489].

Однако решение поставленных высшим руководством задач осложнилось рядом обстоятельств. В результате форсированной реорганизации МТС, изменения порядка использования техники, удорожания строительных материалов и других средств производства, игнорирования экономических законов в политике ценообразования на колхозную продукцию был подорван процесс расширенного производства и, по сути, возрожден неэквивалентный обмен между промышленностью и сельским хозяйством. В таких условиях колхозам было практически невозможно наращивать производство, вести благоустройство сел и повышать оплату труда колхозникам. Последовавшие с начала 1960-х гг. инициативы руководства страны и лично Н. С. Хрущева по укреплению экономики и финансового состояния колхозов не смогли разрешить накопившиеся в аграрной сфере проблемы.

Мартовский (1965 г.) пленум ЦК КПСС обосновал необходимость нового курса аграрной политики. В его основе лежала объективная оценка причин отставания сельского хозяйства на рубеже 1950–1960-х гг. Причины эти виделись в нарушении экономических законов развития социалистического хозяйства, в многочисленных перестройках, в недостаточной экономической поддержке сельского хозяйства, в слабой материальной мотивации сельских тружеников. Оплата труда работников сельского хозяйства традиционно была ниже, чем у работников других отраслей.

С середины 1960-х гг. заработная плата рабочих совхозов и колхозов росла более высокими темпами, но по-прежнему была ниже, чем в промышленности.

Таблица 1

Среднемесячная заработная плата в промышленности, совхозах и колхозах РСФСР
в 1965–1975 гг. (р.) [2, с. 235; с. 44, 50]

	1965	1970	1975
Промышленность	104,3	136,0	167,9
Совхозы	76,0	103,0	135,0
Колхозы	50,0	70,0	100,0

Таблица 2

Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих Бурятии за 1970–1975 гг. (р.) [3, с. 104]

	1970	1975
Все народное хозяйство, в т. ч.	133,4	160,9
Промышленность	150,2	183,0
Сельское хозяйство	109,1	141,8

Анализ таблиц позволяет сделать вывод, что заработная плата во всех отраслях народного хозяйства увеличивалась. Несмотря на то, что заработная плата в колхозах и совхозах, как в среднем по РСФСР, так и по Бурятии, росла быстрее, чем в промышленности, разрыв между двумя этими показателями оставался значительным не в пользу сельского хозяйства. Быстрому росту оплаты труда колхозников и сближению размеров денежных доходов городского и сельского населения способствовали новый принцип распределения доходов и соответствующий ему порядок образования фонда оплаты труда, введенный в 1965 г.

Ранее действовавшая система распределения валового дохода в колхозах строилась таким образом, что фонд оплаты труда формировался как остаток средств после расчетов с государством и отчислений в неделимые общественные фонды. Не была определена объективная граница между минимально общественно необходимым уровнем оплаты труда колхозников и прибавочным продуктом, который должен поступать в распоряжение общества и на нужды коллективного хозяйства.

Значительная часть созданного дохода, в том числе и необходимого продукта, перераспределялась в другие отрасли народного хозяйства. В этих условиях всякие попытки усовершенствовать оплату труда в колхозах были обречены на неудачу, поскольку они не способствовали решению такого коренного вопроса, как обеспечение гарантированного уровня оплаты труда.

В рассматриваемый период фонд оплаты труда в колхозах представлял собой гарантированную сумму средств, не зависящую от размеров фонда накопления. Это стимулировало заинтересованность колхозников в развитии общественного производства, способствовало подъему производительности труда, росту колхозных доходов.

В системе мероприятий, направленных на подъем благосостояния тружеников села, предусматривалось прежде всего сближение оплаты труда колхозников с заработной платой работников совхозов, а работников совхозов — с заработной платой рабочих и служащих промышленности. При этом первостепенная роль отводилась постоянному совершенствованию материальных и моральных принципов стимулирования к труду, позволяющих правильно сочетать интересы общества, сельскохозяйственных предприятий, отдельных работников.

Среди мероприятий по сближению уровней жизни сельского и городского населения мартовский (1965 г.) пленум ЦК КПСС придавал серьезное значение расширению для сельских трудящихся общественных фондов потребления.

Поступления из этих фондов составляли почти общий объем потребления населением материальных благ и услуг. Общественные фонды — это специфическая форма распределения между членами общества определенной части необходимого продукта. В широком понимании общественные фонды являются составной частью фонда потребления. За счет них выплачивались стипендии, пенсии, пособия по болезням и пр. Общественные фонды потребления в значительной мере формировали жизненный уровень трудящихся и обуславливали удовлетворение тех потребностей, которые непосредственно не связаны с трудовым вкладом члена общества. Используя механизм распределения общественных фондов потребления, государство сознательно добивалось выравнивания структуры потребления населения с различным уровнем доходов.

С 1 января 1965 г. во всем колхозном секторе было введено пенсионное обеспечение колхозников. Размер пенсии ставился в зависимость от трудового участия колхозников в общественном производстве и составлял 50% среднемесячного заработка до 50 рублей и 25% остальной его части. Были установлены минимальный и максимальный размеры пенсий — 12 р. и 102 р. [4, с. 103].

С 1 июля 1971 г. повышены минимальные размеры пенсий по старости у колхозников — до 20 р. в месяц, или в 1,7 раза [5, с. 341]. Повышены минимальные пенсии по инвалидности и по потере кормильца. Колхозники приравнивались к рабочим и служащим по условиям назначения пенсий. Тем самым было завершено создание единой системы пенсионного обеспечения всех нетрудоспособных членов советского общества.

В соответствии с Примерным Уставом колхоза, принятым III Всесоюзным съездом колхозников, создана также единая система социального страхования членов колхозов. С 1964 по 1973 г. выплата по временной нетрудоспособности увеличилась более чем в 4 раза, пособий женщинам по беременности и родам — более чем в 2,3 раза [5, с. 341]. Выдавались бесплатные и на льготных условиях путевки в санатории и дома отдыха, вводились оплачиваемые отпуска.

В централизованный союзный фонд социального обеспечения колхозников за 1965–1973 гг. из средств государственного бюджета было выделено 11,4 млрд р. (58% всех средств, а 42% — это средства колхозов) [5, с. 341]. С целью уменьшения разницы между городским и сельским населением, рабочими и колхозниками, в размерах бесплатных услуг правительство последовательно проводило политику на ускорение развития сферы бесплатного и льготного обслуживания сельских тружеников (детские дошкольные учреждения, образования, подготовка механизаторов и специалистов и т. д.).

В Бурятии за первую половину 1960-х гг. из общественных фондов было произведено выплат и предоставлено льгот на сумму около 400 млн рублей [6, с. 250]. Эти деньги были направлены на расходы и воспитание подрастающего поколения (детские сады и ясли, общеобразовательные школы, пионерские лагеря), на пособия по беременности, уход за новорожденными и кормлением ребенка, на пособия многодетным и одиноким матерям, на подготовку кадров — высшие, средние специальные учебные заведения, училища профтехобразования, медицинские и музыкальные училища, на охрану здоровья и отдых трудящихся, на пенсии всех видов, расходы на содержание инвалидов и престарелых, а также расходы на культурно-бытовое обслуживание населения.

В общественных фондах потребления значительный удельный вес занимали затраты на воспитание и содержание подрастающего поколения. Стоимость содержания одного ребенка в яслях и садах составляла примерно 400 рублей в год. Государство брало на себя основную часть расходов и лишь 15–25% этой суммы оплачивали родители. Детям из многодетных семей места в детских садах и яслях предоставлялись бесплатно.

За счет общественных фондов осуществлялось и всеобщее образование. Государство ассигновывало средства на развитие бесплатного школьного, среднего специального и высшего образования. Обучение каждого школьника обходилось государству в среднем более 100 рублей в год, а в школах с продленным днем примерно 150 рублей в год и в школах-интернатах — 600 рублей в год. Содержание одного школьника в пионерском лагере обходилось в 50–56 рублей, родители оплачивали не более 20% стоимости путевки, а 10% путевок выдавалось бесплатно [6, с. 251].

Государство ежегодно выделяло 800–900 рублей, включая стипендии, на подготовку каждого специалиста в высшем учебном заведении (на дневном отделении), а в средних специальных учебных заведениях — 450 рублей в год [6, с. 252].

Была создана широкая система медицинской помощи, финансируемой из общественных фондов потребления. Во время болезни каждый рабочий и служащий имел право на пособие по временной нетрудоспособности, размер которого составлял от 50 до 90% заработной платы [6, с. 252]. При необходимости каждый трудящийся бесплатно лечился в стационарных условиях. Лечение одного взрослого человека в больнице обходилось государству в среднем 6–7 рублей в сутки. Путевки в санатории и дома отдыха выдавались в основном на льготных условиях или бесплатно.

Вместе с доходами от государства в виде заработной платы и выплат из государственных и колхозных фондов немаловажное значение в семейном бюджете колхозного крестьянства играло личное подсобное хозяйство. На всех этапах развития села личное подворье являлось составляющей экономики колхозной семьи и в рассматриваемый период эта форма сельскохозяйственного производства претерпела большие изменения.

В 1964 г. руководством страны были отменены ограничения с ЛПХ колхозников. Колхозам было рекомендовано пересмотреть дополнения и изменения устава сельхозартели в отношении норм содержания скота и размеров приусадебных участков. Принятое в октябре 1964 г. постановление «Об устранении необоснованных ограничений личных подсобных хозяйств колхозников, рабочих и служащих» предусматривало комплекс мер, направленных на развитие ЛПХ: восстановление урезанных приусадебных земельных участков, оказание помощи владельцам ЛПХ в обработке участков и обзаведении скотом и птицей, заготовке кормов. Принимаемые меры сразу отразились на индивидуальных хозяйствах. В Бурятии с 1965 по 1970 г. увеличился приусадебный клин земли с 13,4 тыс. га до 17,1 тыс. га. Выросло поголовье скота за 1965–1968 гг.: КРС — с 141,8 до 154,1 тыс., коров — с 58,3 до 64,1 тыс. свиней — с 45,2 до 66,5 тыс. голов [7, с. 90–95].

Директивами по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 гг. было предусмотрено увеличить закупку торгующими организациями у населения излишков сельскохозяйственных продуктов [8, с. 110]. С 1966 г. в хозяйствах всех категорий возросла доля продаваемых государству овощей, картофеля, молока. В среднем за год в 1966–1970 гг. государством у сельского населения Бурятии закупалось 24,8 тыс. тонн картофеля, или на 10,5 тыс. тонн больше против периода 1961–1965 гг., овощей — 12,9; скота и птицы — 49,8; молока — 111,8; яиц — 5543 шт. В 1961–1965 гг. показатели были: 10,0; 40,6; 84,9; 4684 соответственно [7, с. 92, 127]. Это результат с одной стороны специализации, с другой — самообеспеченности населения картофелем, овощами, молоком за счет их производства в ЛПХ.

Основанное на общественной собственности на землю и личной собственности на скот, постройки и инвентарь личное хозяйство являлось элементом сельского уклада жизни, оставалось источником доходов, влияло на жизнедеятельность их владельцев. Введенная в 1966 г. система оплаты труда колхозников полностью утвердила за общественным хозяйством роль главного источника материального благосостояния колхозного крестьянства. Однако с повышением доходов семьи от общественного производства показатели развития ЛПХ к началу 1970-х гг. не снижались, а возрастали, т. к. личное подворье оставалось для колхозников источником самообеспечения продуктами питания и приносило доход в бюджет крестьянской семьи.

К началу 1970-х гг. за счет ЛПХ колхозники получали более 25% совокупного дохода семьи. В обеспечении доходной статьи от растениеводства преобладающее место занимал картофель, дававший более 65% денежных поступлений от этой отрасли. Производство картофеля в личном хозяйстве позволяло обеспечить потребности в нем семьи и реализовывать излишки. Большая часть доходов от ЛПХ поступала от реализации продукции животноводства: в 1969 г. — 69,9%, в 1970 г. — 68,2%. В доходах от животноводства в 1969–1970 гг. на приплод и прирост скота приходилось 55,7% и 57,9% [9, с. 105]. Приусадебное хозяйство в основном полностью удовлетворяло потребности крестьянской семьи в мясе, молоке, картофеле.

Таким образом, в рассматриваемый период доходы сельских тружеников увеличивались, в чем немалую роль играло повышение размера заработной платы, льготы и бесплатные услуги из общественных фондов потребления, рост денежных доходов не уменьшил поступлений в бюджет семьи колхозников доходов от ЛПХ. Проводимые государством социальные мероприятия положительно сказывались на росте жизненного уровня сельских тружеников.

Литература

1. Филатов С. В. К вопросу об уровне жизни колхозного крестьянства в первой половине 1960-х гг. // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI в.: сб. ст. Коломна, 2009.
2. Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.: стат. ежегодник. М., 1986; РСФСР в цифрах в 1989 г.: краткий стат. сб. М., 1990.
3. Народное хозяйство Бурятской АССР в одиннадцатой пятилетке. Улан-Удэ, 1986.
4. Зайцева Л. А., Карначев А. Е. Материальное обеспечение колхозников Бурятии в 1960-е гг. // Вестник БГСХА. Улан-Удэ, 2015.
5. Манякин В. И. Социальное развитие колхозной деревни // Проблемы аграрной политики КПСС на современном этапе: материалы всесоюз. науч.-теорет. конф., посвящ. 10-летию Мартовского пленума ЦК КПСС (24–26 марта 1975 г.): в 2 т. М., 1975. Т. 2.
6. Асеев Л. С., Егорова Л. Я. Достаток пришел в каждый дом // Бурятия славит Октябрь. Улан-Удэ, 1967.
7. Народное хозяйство Бурятской АССР: стат. сб. Улан-Удэ, 1971.
8. Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965–1971). М., 1971.
9. Карначев А. Е. Экономическое и социально-культурное развитие села Бурятии в 1960-е гг. Улан-Удэ, 2010.

MATERIAL INCENTIVES OF WORKERS IN BURYATIA IN THE 1960-S – MID-1970-S

Alexander Y. Karnachyov

Ph.D. in History, Associate Professor,
Filippov Buryat State Agricultural Academy
8, Pushkin st., Ulan-Ude, 670010, Russia

Since the mid 1960s significant changes in the material stimulation of rural workers occurred. A salary turned into money value and became guaranteed. Rural workers' salary started increasing but it still was less than the one of the industry workers. Collective farmers started receiving retirement benefits. Social welfare benefits for temporary incapacity for work and welfare benefits for birth and child care became a social norm. Rural workers received access to privileges and free service from the social consuming funds. The government paid a significant part of the expenses on day nursery and kinder gardens, education at schools and universities, including educational scholarships. Packages for "pioneer camps", resorts were distributed on reduced price or free of charge regarding the social and financial status of a person or a family. The income from private farm holdings remained a significant support for a rural family.

Keywords: rural working people; collective farm; salary; retirement benefits; farm holding; government; politics; goals; economics; funds.

УДК 941.1 (571.54)

МЕЖДУ МОДЕРНИЗАЦИЕЙ И РЕКРЕАЦИЕЙ: ОСНОВНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ПОСТСОВЕТСКОГО БАМА

© Байкалов Николай Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: baikalov@bsu.ru

В статье проанализированы основные направления развития районов прохождения БАМа в постсоветский период, описаны модернизационный и рекреационный сценарии диверсификации монопрофильной социально-экономической структуры поселений, рассмотрены точки приложения социальной энергии местных сообществ. На основе анализа биографических траекторий жителей определены особенности реализации индустриальных и неиндустриальных проектов, разрабатываемых на местном уровне.

Ключевые слова: Байкало-Амурская железнодорожная магистраль (БАМ); поздний социализм; модернизация; постсоветский период; моногород; социально-экономическое развитие.

Байкало-Амурская железнодорожная магистраль, протянувшаяся от Байкала к Тихому океану на 4,3 тыс. километров, стала последним мегапроектом советского государства. Основной период строительства приходился на 1974–1989 гг., хотя завершение работ по проходке Северо-Муйского тоннеля состоялось только в 2003 г. В отечественной публицистике магистраль часто именовали *стройкой века* или *вторым Транссибом*, стремясь подчеркнуть масштабность и эпохальность действия. Соединив в себе ожидания ревитализации позднего социализма (*дорога в будущее*) и экспозицию тупиковости советской модели развития (*памятник застою*), БАМ занял особое место в новейшей истории СССР.

Идея прокладки железной дороги к Тихому океану через северную оконечность Байкала тесно связана с историей колонизации Сибири, освоения ее минеральных ресурсов и обживания территорий. Впервые данный маршрут был найден в ходе стихийного продвижения сибирских первопроходцев XVII в., которые в стремлении избежать встреч с Цинским Китаем огибали Байкал с севера. В последней трети XIX в. проект северного пути обсуждался как в рамках выбора траектории Транссиба, так и в качестве самостоятельной линии. Проведенные в 1889 г. первые изыскательские работы признали невозможность сооружения северной ветки из-за сложных природно-географических условий.

Сталинский модернизационный проект попытался решить эту проблему и преобразовать суровую природу Севера, используя принудительный труд. В 1932–1942 гг. строительные работы на западном и восточном участках БАМа велись БАМлагом и созданной на его базе сетью лагерей, а в 1947–1953 гг. — Амурлагом¹. Однако труд заключенных в условиях отсутствия необходимого технического оборудования не смог обеспечить значительные результаты.

К идее БАМа как комплексного проекта развития северных территорий Сибири и Дальнего Востока власти вернулись в начале 1970-х гг., сделав ставку на общественный призыв². При этом прежняя стратегия социально-экономического освоения новых территорий, основанная на принуждении и/или трудовом энтузиазме, уступила место новой, связанной с фактическим признанием «материальных интересов» трудящихся. Для привлечения населения на БАМ использовались высокие заработки, снабжение дефицитными промтоварами и продуктами питания, ускоренное возведение объектов соцкультбыта в поселках строителей и т. д. Наиболее распространенными формами организован-

¹ Об этом подробнее см.: Еланцева О. П. Обреченная дорога БАМ. 1932–1941. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1994. 183 с.; Ее же. Бамлаг в контексте истории и литературы. Из фондов дальневосточных библиотек. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. 232 с.

² Экстренность, с которой было объявлено строительство БАМа в 1974 году, без проведения достаточных изыскательных и подготовительных работ породила множество версий причин начала строительства: от желания ускорить транзит западносибирской нефти к тихоокеанским портам до стремления защитить восточные регионы страны в случае войны с Китаем. Официально была озвучена только одна — развитие производительных сил Сибири и Дальнего Востока путем создания новых территориально-производственных комплексов на неосвоенных и малозаселенных северных территориях.

ного набора рабочих были общественный призыв, перевод рабочих с других предприятий и строек, вплоть до передислокации строительной организации целиком, распределение после окончания учебного заведения. Однако основную долю прибывших на БАМ составили стихийные мигранты. По подсчетам экспертов, население БАМа в разгар строительства составило около 4,5 млн человек [2].

Железнодорожная магистраль от Усть-Кута до Комсомольска-на-Амуре была введена в постоянную эксплуатацию по пусковому комплексу в 1989 г. вместо первоначально планируемого 1984 г. На ее строительство было затрачено 18 млрд рублей (в сметных ценах на начало 1991 г.) без учета упущенной выгоды; при учете упущенной выгоды по средней годовой ставке 8% — в 55 млрд рублей [4].

БАМ пересек слабо освоенные в хозяйственном отношении и слабозаселенные северные территории шести регионов современной Российской Федерации (Иркутская область, Бурятия, Забайкальский край, Саха-Якутия, Амурская область, Хабаровский край). Распад советского государства и свертывание программ социально-экономического развития территорий БАМа привели к затяжной депрессивной ситуации. Построенная железная дорога оказалась в рыночных условиях нерентабельной, временные и постоянные поселения вдоль трассы остались без градообразующих структур.

В экономической литературе сформировалось два подхода решения проблем монопрофильных поселений БАМа: пессимистический и оптимистический [6]. Согласно первому БАМ рассматривается как «дорога в никуда», поскольку пуск магистрали опоздал к периоду всплеска мировых цен и повышению спроса на природные ресурсы начала 1970-х гг., что не позволило обеспечить эффективную загрузку объекта [5]. Кроме того, транзитный потенциал БАМа не может конкурировать с электрифицированным и хорошо обустроенным Транссибом. В настоящее время двухпутная электрифицированная дорога построена на участке от Тайшета до Усть-Кута, однопутная электрифицированная дорога — от Усть-Кута до Таксимо, однопутная с тепловозной тягой — весь оставшийся БАМ.

Согласно оптимистической концепции БАМ может стать одной из главных магистралей подключения России к динамично развивающемуся Азиатско-Тихоокеанскому региону, став современной транспортной артерией, дополняющей Транссиб. Магистраль открывает доступ к таким крупным месторождениям, как Чинейское титаномагнетитовых, ванадийсодержащих и медно-платиновых руд, Удоканское медное, Молодежное хризотил-асбеста, Холоднинское полиметаллическое, а также к промышленным запасам драгоценных металлов, поделочных камней, строительных материалов и т. д. [3]

На уровне муниципального социально-экономического проектирования выделяются три сценария развития бамовских районов — инерционный, базовый и оптимистический. Инерционный сценарий предполагает сохранение современных тенденций развития отраслей экономики, социальной сферы и инфраструктуры или их незначительное развитие по сравнению с предыдущими годами. Базовый сценарий направлен на создание новых отраслей промышленного производства, туристических комплексов. Оптимистичный сценарий ориентирован на «более полное использование конкурентного преимущества экономики муниципального образования, природно-ресурсного и транзитного потенциала территории, модернизацию транспортной инфраструктуры, реализацию инвестиционно-инфраструктурных проектов»¹.

В настоящее время города и поселки БАМа, являющиеся в большинстве своем монопрофильными поселениями, стоят перед проблемой выбора индустриального или неиндустриального (с приставками «до» или «пост») векторов развития.

Индустриальная (модернизационная) стратегия, доминирующая в муниципальных программах социально-экономического развития, основана, прежде всего, на ожидании инвестиций в освоение минерально-сырьевой базы прилегающих к магистрали территорий. Как любят подчеркивать местные жители, «под нами зарыта вся таблица Менделеева». Однако из-за отсутствия современных геологоразведочных служб и дорогостоящих изысканий, неразвитости распределения производственной инфраструктуры вдоль трассы, удаленности и транспортной труднодоступности большинства исследованных залежей, а также вследствие ориентированности инвесторов на краткосрочную прибыль большинство горнодобывающих проектов БАМа сегодня законсервированы. Следует учитывать зависимость ряда территорий от крупных природоохранных объектов, например, Байкала, близость к которым делает невозможной разработку минеральных месторождений.

¹ Напр., программа социально-экономического развития муниципального образования «Город Северобайкальск» до 2020 года». Северобайкальск, 2011; Программа социально-экономического развития муниципального образования «Муйский район» до 2020 года». Таксимо, 2010; и др.

Исключение составляют золотодобывающие предприятия, организующие свою работу часто на низком техническом уровне вахтовым путем. Данные интервьюирования позволяют говорить о двух типах местных вахтовиков: «регулярные» (постоянно работающие в золотодобыче, периодически меняющие одно предприятие на другое) и «случайные» (прибегающие к данной форме заработка эпизодически, скажем, для совершения крупной покупки, погашения долга и т. д.). В обоих случаях наблюдаются разные поведенческие стратегии, специфический набор практик, отличные самопрезентации в интернет-пространстве или биографических нарративах.

В 2014 г. был объявлен план расширения Байкало-Амурской магистрали, получивший в СМИ название «БАМ-2». По объемам строительно-монтажных работ новый проект сопоставим с советским БАМом и предусматривает строительство второй ветки магистрали на большей части пути (более 500 километров), электрификацию отдельных участков, сооружение второго Байкальского тоннеля, реконструкцию мостов, станций, объектов железнодорожной инфраструктуры [1].

Однако, несмотря на масштабные планы, сколько-нибудь ощутимого улучшения жизни районам БАМа новая стройка пока не принесла. Парадокс в том, что так давно ожидаемый «поворот государства» в сторону забытого БАМа словно застал население бамовских поселков врасплох. Старшее поколение, представленное, главным образом, строителями советского времени, не задействовано в работах в силу пенсионного возраста. Представители младших возрастов (так называемые «дети и внуки БАМа») оказались неготовыми и часто не востребованными новой стройкой.

Почему же индустриальный вектор не реализуется в месте, рожденном индустриализацией и как бы генетически предрасположенном к ней? Дело даже не в том, что сам проект БАМ-2 ориентирован на вахтовый метод работ с привлечением трудовых ресурсов из других регионов.

Во-первых, как показывают данные наблюдения и интервьюирования местных жителей, за 1990-е — 2000-е гг. сформировалось целое поколение, выросшее на БАМе, но находящееся вне его перспектив, неориентированное на индустриальный сценарий развития региона. У многих молодых людей отсутствует техническое образование, планы на жизнь связаны либо с выездом на «большую землю», либо с неиндустриальными отраслями деятельности (торговля, сервис, туризм).

Во-вторых, годы забвения БАМа оказали негативное влияние на бамовскую идентичность. Сильнейшим ударом по ней стала ликвидация БАМЖД. В 1996 г. Байкало-Амурская железная дорога как самостоятельное структурное подразделение была упразднена, войдя в состав ВСЖД. Исчезновение аббревиатуры БАМ из повседневной жизни болезненно воспринималось местными жителями, причем как показали собственные наблюдения, не только непосредственно строителями.

Вот они приехали пацанами, бросили все, многие ничего не заработали. Теперь БАМа нету ни на какой карте, ни в документах. Это все наше сердце еще... Что это главная потеря — исчезновение БАМа с повседневной рабочей и всякой жизни. Оно осталось только на бытовом уровне, ну как, на нашем сердечном уровне (Ж., 60 лет, работник культуры).

Наконец, вызванный в жизни в контексте позднесоциалистической модернизации БАМ получил массовую поддержку по иным основаниям. Люди включились в идею преобразования Сибири и Дальнего Востока, по-своему решая стоящие перед ним экзистенциальные и жизненные проблемы. Кого-то в Сибирь толкала теснота столичной квартиры или подогретый советской пропагандой «запах тайги», другие искали возможности проверить социалистические идеалы и преодолеть двойственные стандарты советской действительности на новом, неосвоенном месте. Образ БАМа, конструируемый в биографических нарративах, скорее ассоциирован не с железной дорогой, а с утопическим идеалом города будущего, «отдельной республики», где коммунистический эксперимент удался.

Неиндустриальный (рекреационный) вектор локального развития подразумевает в первую очередь формирование туристического кластера. Большинство муниципальных программ социально-экономического развития районов БАМа выделяют природный и оздоровительный туризм в качестве приоритетного направления. В то же время туризм как альтернатива индустриальному развитию и поиск основы новой небамовской идентичности региона сталкивается с серьезными трудностями. Это связано и с неравномерным распределением объектов природного и культурного значения вдоль трассы, и с отсутствием у ряда территорий добамовской истории или неразработанностью имеющихся ресурсов историко-культурного наследия, например, памятников коренных народов Севера. Ориентированный на природную экзотику как основной объект показа при отсутствии или неразвитости гостиничного сервиса и индустрии развлечений, удаленности региона и ограниченной транспортной доступности, такой отдых становится чрезвычайно дорогостоящим и привлекает довольно узкий слой потребителей.

Факторы, осложняющие развитие туризма в районе, местное сообщество стремится выдавать за преимущества. Суровые климатические условия приравненного к Крайнему Северу региона оказываются не такими суровыми. *«Северобайкальск? Но не ищите наш город на Севере — название обманчиво — его географическое положение — юг Восточной Сибири, широта Москвы. Название же происходит оттого, что наш город находится на самой северной части красивейшего озера в мире — Байкал!»*¹.

Неразвитость инфраструктуры и туристического сервиса компенсируется демонстрацией местной экзотики. *«Забудьте на время о домашнем комфорте, если вы действительно хотите почувствовать Байкал. Не построены пока на наших берегах «Редиссон-Лазурные», нет ночных баров и казино. Сюда люди приезжают за другими впечатлениями, и они не разочаровываются... Дикие ненаселенные берега и нетронутая природа... можно ходить под парусом и кататься на горных лыжах, охотиться и рыбачить, лечиться и просто загорать и купаться на пляже»*².

Важную роль в активности молодых городов играют различные общественные инициативы — объединения местных писателей, краеведов, экологов, спортсменов, этнокультурные и этноконфессиональные центры и т. д. На постсоветском БАМе они выполняют не только функцию клубов по интересам, но создают своеобразные сети взаимопомощи, выживания. Иногда такие формы активности вписываются в рыночные отношения, оказывая платные услуги в сфере сервиса, туризма, образования, досуга. В подобных случаях происходит размывание монопрофильной структуры поселений, преодоление зависимости от градообразующего предприятия — железной дороги. Яркий пример такой диверсификации экономической и социальной жизни демонстрирует столица бурятского участка БАМа Северобайкальск. До недавнего времени в нем действовало более десяти самостоятельных литературных объединений, два музея, картинная галерея, школа туристско-экологического образования, яхтклуб, а также сеть тематических гостевых домов вокруг байкальских курортов.

Рожденные БАМом города и поселки стали точками жизненной пульсации в традиционном пространстве экологического равновесия северных территорий Сибири и Дальнего Востока. Концентрация социальной энергии в новых городских центрах объяснялась социально-демографическими особенностями (молодой возраст, интернациональный состав строителей), формальной (комсомольский призыв) и неформальной («испытание трассой») селекцией, социокультурной автономией и инверсионными процессами³ и т. д.

При схожих исторических условиях возникновения и развития на современном этапе разные бамовские поселения обладают разным потенциалом социальной энергии и проявляют разные точки ее приложения. Депрессивный Северобайкальск, где из-за близости водоохранной зоны Байкала невозможно развивать производство, характеризуется высоким показателем безработицы. В то же время заложенная в советское время социально-культурная инфраструктура обеспечивает многополярность и полистилистичность городского социума.

Противоположный пример, райцентр Муйского района Таксимо, который не успел в период советского БАМа сложиться в город. Здесь, как и в ряде рабочих поселков, социальная активность базируется на стратегиях «жертвы». Она характеризуется отказом от активной общественной деятельности, социальной апатией, самоустранением и девиантными формами поведения. В поиске новой идентичности ощущение обиженности, лишения прежней государственной заботы приводит к виктимизации сознания, которая часто выступает основой консолидации протестного движения. Чаще всего такие протесты связаны либо с невыплатой заработной платы (например, тоннельщики в 1990-е или работники ЖКХ в 2010-е гг.), либо с борьбой за право получения жилищных субсидий, дающей шанс выезда на «большую землю» (жители временных и постоянных рабочих поселков в 2000-е гг.).

Жизнь на грани выживания в экстремальных условиях Севера и противоборстве с властями перестает восприниматься как нечто ненормальное, рутинизируется и быстро превращается в привычный способ существования. По личным наблюдениям, некоторые бамовские семьи десятилетиями «живут

¹ Северный Байкал: информационно-туристический «Визит-Центр» отдела туризма администрации Северо-Байкальского района. URL: <http://sbaikal.ru/rus/index.htm> (дата обращения: 20.09.2016).

² Северный Байкал: информационно-туристический «Визит-Центр» отдела туризма администрации Северо-Байкальского района. URL: <http://sbaikal.ru/rus/index.htm> (дата обращения: 20.09.2016).

³ Старые советские ценности в районе нового освоения заново переживались, переосмысливались и представляли некоторую оппозицию официальному дискурсу, пропитанному формализмом. В результате такой социокультурной инверсии складывался автономный нормативно-ценностный порядок. Возникло представление о БАМе как о сравнительно свободном, неосвоенном советской системой пространстве.

на чемоданах» и уповают на скорый отъезд, который по разным причинам постоянно откладывается. Такое восприятие своего пребывания на БАМе как временного, нежелание что-то обустроить вокруг себя, и одновременно готовность оказаться в экстремальных условиях без электроэнергии, тепло- или водоснабжения, прочих коммунально-бытовых удобств характерно для бамовской социальности еще с советского времени, палаточного быта первостроителей или времянок 1980-х гг. Тогда в разгар строительства БАМа людей привлекали в район стройки высокие заработки, привилегированное снабжение, различные льготы, советская пропаганда, героизировавшая подвиг строителей и т. д.

Что удерживает население в бамовских поселках в настоящее время? Наблюдения и опросы выявляют широкий спектр факторов: от нежелания менять привычный уклад или ограниченности возможностей выезда до неформальных экономических практик, таких как полулегальная лесозаготовка, добыча нефрита, пушной или рыбный промыслы. Важное место в мотивационной структуре осознанно или неосознанно выбирающих БАМ настоящим местом жизни занимают ожидания возрождения магистрали, начала интенсивного освоения природных залежей, инициированного и инвестируемого, прежде всего, государством, возвращения общественного внимания к незаслуженно забытым героям-строителям. С некоторыми оговорками этот комплекс мотивов можно назвать ностальгией по советскому БАМу, мифологизированному комплексу представлений о «золотом веке» стройки века.

Литература

1. Андреев И. Расширение Байкало-Амурской магистрали // Инженерная защита. URL: <http://territoryengineering.ru/infrastrukturnaya-revoljutsiya/rasshirenie-bajkalo-amurskoj-magistrali> (дата обращения: 10.04.2017)
2. Аршба Л. Н. Экономическая оценка эффективности стратегий развития Байкало-Амурской магистрали: дис. ... канд. экон. наук. Новосибирск, 2005. 168 с.
3. Горнорудные проекты в районах Бурятского участка БАМа // Социальные эффекты развития горнорудной отрасли трансграничных регионов (на материале России, Монголии, Китая): монография / И. Г. Актамов [и др.]. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. С. 24–46.
4. Кин А. А. Оценка эффективности системы БАМ — Транссиб: сценарный анализ // Регион: экономика и социолог. 1998. № 4. С. 46–56.
5. Кин А. А. БАМ и прилегающие территории: уроки и перспективы освоения // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. 2016. № 1(16). С. 57–66.
6. Регион БАМ: концепция развития на современном этапе / ред. А. Г. Гранберг, В. В. Кулешов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1996. 212 с.

**BETWEEN MODERNIZATION AND RECREATION: THE MAIN SCENARIOS
FOR THE DEVELOPMENT OF URBAN SETTLEMENTS IN THE POST-SOVIET BAM**

Nikolay S. Baikalov

Ph.D. in History, Associate Professor,

Buryat State University

6, Ranzhurov st., Ulan-Ude, Russia

The article analyzes the main directions of the BAM areas development in the post-Soviet period, describes the modernization and recreational scenarios for diversifying the mono-profile socio-economic structure of settlements, and the social energy application points for local communities. The specifics of the implementation of industrial and non-industrial projects developed at the local level are determined on the base of biographical trajectories of residents.

Keywords: Baikal-Amur Railway Main Line (BAM); late socialism; modernization; post-Soviet period; monotown; social and economic development.

УДК 947:332

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI в.

© *Зайцева Любовь Алексеевна*

доктор исторических наук, профессор,

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова

Россия, 670034, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8

E-mail: klio1976@mail.ru

В статье дается характеристика историческим аспектам земельной реформы в России в конце XX – начале XXI в. Подчеркивается, что аграрная реформа не тождественна земельной реформе, выступающей как исходный пункт аграрной реформы. На первом этапе реформы целью правительства было перераспределение земельного фонда в пользу граждан и создание нового типа сельскохозяйственного производства — индивидуально-фермерских хозяйств. Рассмотрена хронология проведения земельной реформы с 1990 по начало XXI в. В статье дана характеристика основных указов, законов, Конституции РФ, в которых закреплено многообразие форм собственности на землю, сделан вывод о негативных последствиях земельной реформы на экономическое развитие страны, о необходимости обратить внимание на социальную сферу, усилить заботу о людях.

Ключевые слова: аграрная реформа; земельная реформа; индивидуально-фермерское хозяйство; колхоз; совхоз; частная собственность на землю; приватизация.

В настоящее время дальнейшая судьба реформы в сельском хозяйстве приобрела особую актуальность. Глубокий спад производства в АПК, серьезные ошибки на пути реформирования аграрного сектора вызвали волну критики самой реформы, породили сомнения в ее целесообразности, отмечалось, что «аграрные реформы стали осуществляться без достаточного теоретического обоснования, детально разработанной программы, учитывающей условия отраслей агропромышленного комплекса и регионов страны» [1]. Россия обладает значительным сельскохозяйственным потенциалом: в стране сосредоточено 9% мировой пашни, 20% запасов пресной воды, в селе проживает 27% населения страны, учитывая это, последствия реформы имеют важное значение [2, с. 37].

Начало современному этапу аграрного реформирования было положено указом президента России от 27 декабря 1991 г. № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР» и постановлением правительства от 29 декабря 1991 г. № 86 «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» [3].

Принципиально важные положения этих актов сводились к реформированию колхозов и совхозов, а также коренным изменениям правового режима земельных отношений, предусматривавшим приватизацию земли. В 1992–1994 гг. значительная часть сельхозугодий из собственности государства перешла в индивидуальную и коллективную частную собственность граждан и предприятий, возникли новые организационно-правовые нормы коллективных хозяйств. К концу 1994 г. в основном завершился раздел колхозно-совхозного имущества на земельные доли и имущественные паи, бесплатное уравнительное наделение новых землепользователей участками. Фактически аграрная реформа носила односторонний характер и предусматривала форсированную реорганизацию колхозов и совхозов и приватизацию их земель. Указом президента РФ «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР» было установлено, что колхозы и совхозы обязаны провести реорганизацию в 1992 г.

В основу реформы был положен ряд сомнительных идей. Во-первых, идея о необходимости резкого уменьшения государственного участия в экономике, в том числе поддержки и регулирования сельского хозяйства. Во-вторых, ориентация на методы шоковой терапии в аграрной сфере. В-третьих, установка на приоритетное развитие фермерства, которое должно было стать основным производителем товарной продукции. Что касается частной собственности на землю, она была введена законом «О земельной реформе» 23 ноября 1990 г. Последующие законодательные акты расширяли и активизировали рынок земли, вплоть до продажи земли иностранцам, закрепленной указом «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России» от 27 октября 1993 г.

Изменения, которые произошли в аграрном секторе с начала 1990-х гг., были закреплены в Конституции РФ (ст. 9, п. 2 ст. 8, п. 2 ст. 9). Положения Конституции нашли отражение в Земельном ко-

дексе 2001 г., Гражданском кодексе РФ. Земельная реформа выступала как исходный пункт аграрной реформы и предполагала создание институциональных условий для эффективного использования земли как основного средства производства. Реформа изменила структуру землевладения и характер земельных отношений. На смену государственной монополии на землю пришло многообразие форм собственности и землепользования.

Предполагалось, что раздел земель колхозов и совхозов на доли позволит выделить земельные участки для создания фермерских и личных подсобных хозяйств, а предусмотренный нормативными актами оборот земельных долей станет основой перераспределения земель в пользу более эффективных сельхозтоваропроизводителей. Однако сделать это оказалось крайне сложно. Выделение и юридическое оформление земельных долей, закрепление земельных участков в крупных хозяйствах — длительный и дорогостоящий процесс. Собственники земельных участков не располагали достаточными денежными средствами, необходимыми для оформления прав на землю. Кроме того, собственники не проявили ожидаемого интереса к распоряжению земельными долями и созданию крестьянских хозяйств. В этих условиях государством были предприняты попытки ускорения процесса. Так, указом президента РФ от 7 марта 1996 г. № 337 «О реализации конституционных прав граждан на землю» был допущен свободный оборот земельных долей. Однако и на этот раз право распоряжения земельными долями собственники реализовали весьма слабо. До настоящего времени значительная часть таких земель продолжает находиться в общей долевой собственности большого количества лиц. Собственники земельных долей часто сами не ведут производство. Обработка земли ведется, как правило, гражданами или сельскохозяйственными организациями, либо оформившими право аренды на эти земельные участки с многочисленными правовыми ошибками, либо не оформившими прав на землю вообще. Большое количество земель выведено или выводится из оборота без контроля со стороны государства. Хотя государство пыталось решить эту проблему. В 2001 г. был принят Земельный кодекс РФ, а в 2002 г. — Федеральный закон № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». Указанный Федеральный закон был направлен на решение проблемы земельных долей.

Однако эти механизмы значительного эффекта не принесли. Закон практически не решал проблему оформления прав на земельные участки и земельные паи. Кроме того, со временем значительное число собственников земельных долей оказалось неизвестным, часть из них умерла. Так возникли «невысвободившиеся земельные доли», правовой режим которых вызывает проблемы в толковании и применении.

Реорганизация колхозов, ставших по закону сельскохозяйственными кооперативами, и совхозов, оформившихся как сельскохозяйственные коллективы или государственные предприятия, завершилась к началу 1994 г. Свой статус изменили 66% коллективных хозяйств России, а 34% использовали законное право остаться колхозами и совхозами, изменив уставы [4].

К настоящему времени из 12 млн собственников земельных долей (115 млн га сельскохозяйственных угодий) только 1,4 млн, или 12%, этих собственников (18 млн га) обеспечили кадастровый учет участков и государственную регистрацию своих прав на землю, выделили свои земельные доли в натуре для создания фермерских и личных подсобных хозяйств или передали их в уставные капиталы сельхозорганизациям [5].

С начала преобразования земельных отношений в России прошло более 20 лет. Для системной реализации земельной и аграрной реформы достаточно. Конечно, в аграрной сфере произошли позитивные изменения: расширение спектра форм хозяйствования, воссоздание крестьянского уклада, ликвидация государственной монополии на землю, расширение прав сельхозпредприятий, создание условий перехода к рынку и т. д. Однако фактические достижения, особенно в предоставлении реального права собственности на землю тем, кто ее обрабатывает, не соответствует заявленным принципам и целям реформ. Крестьяне в основной своей массе не стали подлинными хозяевами земли. В 2007 г. 83% земли находится в частной собственности. Но изменение форм собственности и хозяйствования не улучшили использование земли. Десятки миллионов гектаров земли остаются невысвободившимися. Около 70% ее оказалось у неработающей части сельского населения [6]. Цивилизованный земельный рынок не создан. Процессы аграрных преобразований в 1990-е гг. приобрели деструктивный характер.

Развал в сельском хозяйстве страны в 1990-е гг. оказался сокрушительным. Нисходящую динамику демонстрировали буквально все значимые характеристики сельхозпроизводства: площадь сельхозугодий, численность поголовья скота, материально-техническая база сельского хозяйства, средняя урожайность полей и т. д. — в основе этого разрушения лежал скоропалительное разрушение всей

системы организации сельскохозяйственного комплекса страны. поголовье молочных коров сократилось на 64%, свиней — 48%, птицы — 53% [2, с. 369]. Уменьшилась доля крупных агрохозяйств в производстве сельскохозяйственной продукции и одновременно удвоился вклад личных хозяйств населения. Структура сельскохозяйственного производства, в которой большая часть картофеля, овощей, половина животноводческой продукции производится не агропредприятиями, а самим населением, не может быть перспективной и поэтому не была способна привести к качественному экономическому росту в сельском хозяйстве. С 2000 г. сельское хозяйство восстанавливается. За 2000–2013 гг. объем производства продуктов питания вырос в 2 раза. Уровень 1990 удалось догнать и превзойти в 2004 г. (по растениеводству) [2, с. 370].

Чтобы дальше укреплять реформы на селе, надо исходить из здравого смысла, из сложившихся традиций, обращать внимание на социальную сферу, усилить заботу о людях. В АПК занято около 40% всех работающих в сфере материального производства, сосредоточено более четверти всех основных производственных фондов республики и создается около трети валового республиканского дохода [7]. С аграрной сферой так или иначе связана большая часть отраслей хозяйственного комплекса республики.

Реформа 1990-х гг. пока имеет последствия, в большей степени характеризующие снижение производственного потенциала сельского хозяйства. В ходе реформы посевные площади в России сократились на 41 млн га, производство зерна в 2008 г. только сравнялось с тем, что Россия производила в 1990 г. Из 9,6 млн работающих (1989 г.) в колхозах и совхозах на 2008 г. в сельском хозяйстве осталось работников около 3,17 млн [8].

В начале 1993 г. в России имелось 215 тыс. крестьянских (фермерских) хозяйств. Им выделено более 8 млн га земель, из них 35% переданы в собственность, 47% — во владение и 18% — в аренду [9]. Но производили они мизерное количество продукции. В 2002 г. в структуре сельскохозяйственного производства Бурятии функционировали 219 коллективных предприятий, 1 776 крестьянских (фермерских) хозяйств, в основном завершился первый массовый земельный передел. У колхозов и совхозов было изъято сначала 10% всех земель, а потом еще земли сверх среднерайонного пая [10, с. 3].

Административный, навязанный сверху, способ передела земель, не отвечая интересам основной части крестьян, не учитывал местных условий, поэтому главная цель земельной реформы — передача земель товаропроизводителям, обеспечивающим наилучшие результаты хозяйствования на земле, осталась нереализованной. Передел земель привел к тому, что площадь земель многих хорошо работающих хозяйств сократилась. В Бурятии произошло резкое сокращение пахотных земель, одна часть была переведена в сенокосы или пастбища, другая — просто заброшена или роздана населению.

В Бурятии до начала реформ функционировали 94 крупных механизированных совхоза и 59 колхозов, в среднем на них приходилось 307 крестьянских дворов. В 1990 г. на одного среднегодового работника в сельском хозяйстве приходилось 7 474 кВт/ч электроэнергии [10, с. 10].

В сельском хозяйстве были электрифицированы и механизированы почти все производственные точки. В хозяйствах действовали крупные тракторные бригады, функционировали крупные молочные комплексы с содержанием от 400 до 800 коров при полной механизации всех работ, свинокомплексы, птицефабрики, механизированные откормочные комплексы. поголовье крупного рогатого скота в 1992 г. составило 549,6 тыс. голов, за 8 лет реформы к 2000 г. — 340,3 тыс. голов, т. е. общее поголовье скота во всех категориях хозяйств, включая индивидуальный сектор, сократилось на 209,3 тыс. голов, к 2011 г. поголовье крупного рогатого скота составляло 383,7 тыс. голов [10, с. 20; 11].

Огромный урон за годы реформ был нанесен овцеводству от 1 млн 733 тыс. поголовья овец в начале 1990-х гг., к 2000 г. поголовье овец сократилось на миллион 44 тыс., наибольшее сокращение было в Джидинском, Селенгинском, Кижингинском районах [11].

В 1998 г. в Бурятии сельскохозяйственным производством занимались 202 сельскохозяйственных предприятия, 2 877 фермерских хозяйств, 152 650 хозяйств населения [12].

С начала 1990-х гг. до 2011 г. площадь продуктивных сельхозугодий в республике уменьшилась более чем на 11 тыс. га [13]. Основные причины: прекращение деятельности предприятий и организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств; перевод освободившихся земель в фонд перераспределения земель; распределение земель по долям; резкое сокращение мероприятий по защите ценных земель бытовыми и производственными отходами.

Разрушение колхозов и совхозов, разукомплектование тракторных бригад, раздача техники привели к резкому снижению производительности труда, сокращению продуктов растениеводства, а затем

и животноводства. Нерешенными остались уровень объемов производства, неконкурентоспособность местных товаропроизводителей по себестоимости и качеству основных видов сельскохозяйственной продукции на всероссийском рынке. Бурятия отстает и по уровню развития рыночной инфраструктуры.

В результате реформ последних лет в республике сложилась неоптимальная структура по формам хозяйствования. В 2011 г. более 80% валового продукта в сельском хозяйстве республики производят личные подсобные хозяйства [13].

Такая структура производства в сельском хозяйстве несет в себе ограничения в применении интенсивных технологий, увеличивает издержки для переработчиков, создает проблемы контроля качеством продукции.

В России к 2015 г. было заброшено 40 млн га посевных площадей — итог опустошения села. Из 41 тыс. детсадов сохранилось 17 тыс., работали ранее около 49 тыс. школ — ныне 25 тыс. Вели работу 63 тыс. домов культуры и клубов, а сейчас 37 тыс. [14].

В развитии аграрной политики современной России можно выделить два этапа: 1) 1990–1999 гг. — этап радикальных преобразований советской колхозно-совхозной системы. Ставилась задача разрушить советскую аграрную систему; 2) с 2000 г. по наше время — формирование политики аграрного протекционизма.

Вопрос о Земле — один из принципов мировоззрения российских аграрных реформ на протяжении последних двух столетий. Именно вопрос о частной собственности на землю сельскохозяйственного назначения, а также связанный с ним вопрос о возможности включения их в рыночный оборот вызывает вплоть до настоящего времени не просто оживленные дискуссии, но и противостояние различных политических сил. История земельной собственности Руси, России в IX–XX вв. предстает как история перераспределения земли в пользу государства [15].

Литература

1. Заверюха А. Проблемы аграрной реформы в России // АПК: экономика и управление. 1995. № 7. С. 7.
2. Крайнов Г. Н. Этапы аграрной политики в современной России // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI в. Коломна, 2015.
3. Аграрное законодательство РФ. М., 2010. С. 203–206.
4. Рогалина Н. Л. Аграрная реформа 1990-х гг.: законодательная база // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI в. Коломна, 2011. С. 585.
5. Наухацкий В. В. Земельная реформа в Российской Федерации: опыт и конституционно-правовые основы // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI в. Коломна, 2015. С. 364.
6. Милосердов В. В. Крестьянство России в глобальном мире. М., 2009. С. 206.
7. Агалов В. К. Экономика Бурятии на современном этапе // Республика Бурятия — государство в составе Российской Федерации (к 75-летию образования). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. С. 48.
8. Пахомчик С. А. К вопросу сравнительного анализа столыпинской и современной аграрной реформы // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сб. науч. тр. Омск: Наука, 2012. Ч. 1. С. 17–19.
9. Милосердов В. В. Крестьянство России в глобальном мире. М., 2009. С. 201.
10. Базаров В. Б. Мифы и реальность реформирования сельского хозяйства Бурятии. Улан-Удэ, 2002.
11. Зайцева Л. А. Проблемы развития сельского хозяйства Бурятии в конце XX – начале XXI в. // Социально-экономическая трансформация внутренней Азии (XVIII–XXI вв.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. С. 34.
12. Туманова М. Б. Реформирование агропромышленного комплекса Республики Бурятия // Народы Центральной Азии на пороге XXI в. (на материалах междунар. комплексной экспедиции). Улан-Удэ, 1998. С. 110–111.
13. Бурятия. 2011. 5 марта.
14. Пузий В. П. Стратегия развала // Советская Россия. 2015. 15 янв.
15. Собственность на землю в России: история и современность / под ред. Д. Ф. Аяцкого. М.: РОССПЭН, 2002. С. 3–10.

**HISTORICAL ASPECTS OF LAND REFORM IN RUSSIA
AT THE END OF XX - BEGINNING OF XXI CENTURIES**

Lubov' A. Zaitseva

DSc in History, Professor,
Filippov Buryat State Agricultural Academy
8, Pushkin st., Ulan-Ude, 670010, Russia

The article deals with the characteristic of historical perspectives of the land reform in Russia in the late XXth century — in the early XXIst century. In the article it is underlined that agrarian reform is not the same as the land reform. The land reform should be understood as the basis of the agrarian reform. The article underlines that on the first stage of the reform the goal of the government was redistribution of the land resources in citizens' favour and development of a new type of farming — private farming enterprise. Also it provides the key dates of land reform's realization beginning from 1990 till the early XXIst century. The paper sums up the main decrees, laws, the Constitution of the Russian Federation, that establish the variety of forms of land ownership. Besides the article provides the conclusion about negative consequences of the land reform for the economic development of the country, also it states the necessity to attend to the social sphere in particularly to care about people.

Keywords: the agrarian reform; the land reform; private farming enterprise; kolkhoz; sovkhoz; land ownership; privatizing.

УДК 37.01(470:517.3)

РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИЕ СВЯЗИ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 16-23-03006 «Защита прав и законных интересов граждан Монголии на территории Российской Федерации и граждан России на территории Монголии»

© *Чимитова Джамия Кимовна*

доктор исторических наук, директор ГБУ «РЦОИ и ОКО»

Россия, 670033, г. Улан-Удэ, ул. Краснофлотская, 2

E-mail: chimitova.dk@mail.ru

На современном этапе не вызывает сомнения факт смещения центра мировой экономической активности в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. В условиях, когда интеграционные процессы РФ и стран АТР стали трендом в развитии системы современных международных отношений, большую роль играет приграничное сотрудничество. Ведущей тенденцией развития современных международных отношений является глобализация и интеграция, которая коснулась и системы образования. Развитые страны усиливают конкурентную борьбу за лидерство в мировой системе образования, что в современном обществе является одним из наиболее эффективных инструментов влияния на международные события. Особенно важны такие связи с государствами, традиционно являющимися экономическими и политическими партнерами Российской Федерации, в частности Монголией. В условиях глобализации экономики формируется мировой рынок образовательных услуг, усиливается международная составляющая в деятельности учебных заведений. Международное образовательное сотрудничество позволяет наладить обмен опытом, выработать совместные пути решения поставленных задач. В статье анализируются основные направления, проблемы и перспективы сотрудничества в области образования в целом России, и Бурятии в частности, и Монголии.

Ключевые слова: глобализация; приграничное сотрудничество; образование; экспорт образовательных услуг.

На современном этапе не вызывает сомнения факт смещения центра мировой экономической активности в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. В связи с этим изменяются не только параметры экономического развития, но и направления и характер политических трансформаций в регионе [6]. Геополитическое положение России обусловило все возрастающее значение данного региона во внешнеполитической стратегии РФ.

В рамках поиска соответствующих принципов и форм построения нового регионального международного порядка созданы различные политические и экономические объединения (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Асеановский региональный форум (АРФ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и др.), разрабатываются и внедряются совместные программы и проекты. Российская Федерация активно участвует в деятельности этих организаций, обеспечив тем самым достойное место в архитектуре сотрудничества в АТР.

В условиях, когда интеграционные процессы РФ и стран АТР стали трендом в развитии системы современных международных отношений, большую роль играет приграничное сотрудничество. Для Республики Бурятия из стран АТР особый интерес представляет Монголия. 1275 км государственной границы между Российской Федерацией и Монголией проходит по территории Бурятии, что естественным образом определяет основной приоритет во внешнеэкономических связях республики.

Эти связи носят традиционный характер. «Издавна Сибирь и ее приграничные территории, соединяющие Россию с Монголией, играли главную роль в российско-монгольских торговых связях» [3, с. 10]. В начале XXI века интеграционные и глобализационные процессы в условиях стирания национальных различий между приграничными регионами России и Монголии еще более возросли [4, с. 58].

Тем не менее, по мнению исследователей «российско-монгольское сотрудничество нельзя отнести к передним рубежам глобализации и регионализации» [1, с. 13]. Сегодня как никогда необходимы поиск и выработка общих принципов, схем и механизмов торгово-экономического и эколого-гуманитарного сотрудничества двух сопредельных территорий. Но, пожалуй, одним из перспектив-

ных направлений сотрудничества является расширение и углубление российско-монгольских связей в области образования.

В XXI веке в России и в мире в целом институт образования приобретает все большую ценность. Развитие науки и техники, переход к информационному обществу делает образование стратегическим ресурсом, обеспечивающим развитие и конкурентоспособность государства. Лидерство в мировой системе образования в современном обществе становится одним из наиболее эффективных инструментов влияния на международные события [2].

На протяжении многих лет интерес к получению российского образования в Монголии был достаточно велик. Об этом говорилось на встречах министров образования РФ и Монголии в июне 2014 г. и декабре 2016 г. Отмечалось, что на протяжении восьмидесятилетнего сотрудничества численность монгольских граждан, обучавшихся в советских и российских образовательных учреждениях, достигла 60 тысяч человек. Несмотря на некоторое охлаждение в политике между государствами в 1990-е гг., «в последнее время вновь возобновляется интерес к получению образования в российских учебных заведениях, все большая часть монгольской молодежи делает выбор в его пользу» [5, с. 17].

О возрастании интереса к российскому образованию говорит и тот факт, что только на территории Республики Бурятия для сдачи единого государственного экзамена в 2014 г. было зарегистрировано 31 гражданин Монголии, в 2015 – 76, в 2016 – 122, в 2017 г. их количество возросло до 126 человек.

Обучение граждан Монголии в учебных заведениях России, в том числе Бурятии, осуществляется по программам предвузовской подготовки, программам среднего профессионального образования, основным образовательным программам высшего образования, в аспирантуре, докторантуре и в процессе стажировок. Так, в Восточно-Сибирском государственном университете технологии и управления в 2016-2017 учебном году по направлениям (специальностям) высшего образования обучалось 52 гражданина Монголии, в аспирантуре 4. В целом же количество учащихся во ВСГУТУ граждан Монголии сократилось со 112 человек 2015/2016 учебном году до 59.

Чрезвычайно востребованы сегодня курсы русского языка, необходимые как для поступления в российские вузы, так и для прохождения стажировок, курсов повышения квалификации и др. Так, например, в 2014 г. 25 преподавателей Академии правоохранительных органов Монголии перед прохождением стажировки в Академии МВД РФ (г. Москва), прошли обучение на курсах русского языка в БГУ.

В современных условиях перспективным направлением международного сотрудничества в деятельности образовательных организаций является повышение квалификации и переподготовка кадров. Особой популярностью пользуются проводимые Восточно-Сибирским государственным институтом культуры краткосрочные курсы повышения квалификации по направлениям «Режиссура театра», «Менеджмент в социально- культурной сфере», «Моделирование музейной и экскурсионной деятельности» и др. На сегодняшний день на территории Бурятии в образовательных организациях обучается более 200 граждан Монголии.

Международное образовательное сотрудничество осуществляется и в такой форме как открытие вузов за рубежом. В 1996 году на базе университета «Их Засаг» был открыт Улан-Баторский филиал Бурятского государственного университета, первым директором которого был назначен кандидат исторических наук, доцент Шагдуров Юрий Петрович. Наиболее востребованными были такие специальности и направления подготовки как «Юриспруденция», «Политология», «Экономика» и др. Однако в связи с экономической ситуацией филиал БГУ в Монголии был закрыт.

Помимо экспорта образовательных услуг широкое развитие в Республике Бурятия получило двустороннее научно-педагогическое сотрудничество образовательных организаций, обмен преподавателями и студентами. В условиях глобализации одним из способов повышения качества образования является объединение научного, кадрового, информационного, материально-технического потенциала вузов-партнеров. Сетевое взаимодействие образовательных учреждений позволит оперативно реагировать на внешние и внутренние изменения, сократить расходы на образование за счет перераспределения ресурсов и повысить эффективность образовательных услуг.

С учетом этого обстоятельства на сегодняшний день Бурятским государственным университетом заключены договоры о совместной реализации программ подготовки бакалавров по направлениям «востоковедение-африканистика», «химия», «фармация»; Восточно-Сибирским государственным университетом технологии и управления по направлениям «экономика», «гостиничное дело» др.

Вместе с тем нельзя не коснуться трудностей, с которыми сталкиваются монгольские граждане, прибывающие в Россию, в том числе и для обучения. По данным анкетирования, проведенного в рамках данного исследования, опасения вызывает криминальная составляющая, отсутствие системных знаний об основах российского законодательства. Кроме этого, на государственном уровне отсутствует механизм поддержки детей, сдающих ЕГЭ. Нельзя не упомянуть и о языковом барьере. Русский язык теряет позиции в Монголии, уступая место английскому и китайскому языкам [5, с.18].

Все это затрудняет экспорт образовательных услуг и, несмотря на отдельные попытки решения этих проблем [7], может стать серьезным препятствием в дальнейшем развитии российско-монгольских связей в области образования.

Литература

1. Атанов Н. И. Российско-монгольское приграничье: социально-демографический и экономический потенциал сотрудничества // Монголоведение и глобализация в современном мире: материалы междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ: Бэлиг, 2015.
2. Концепция государственной политики Российской Федерации в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях: одобрена Президентом РФ 18.10.2002.
3. Мещанинов М. Б. Регионы России в торгово-экономическом сотрудничестве с Монголией. М., 2009. 168 с.
4. Родионов В. А. Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XXI века. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 228 с.
5. Фалилеева Н. В., Филин С. А., Дугаржав Л., Ерофеева И. А. Проблемы взаимодействия России и Монголии в сфере образования // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 12(201). С. 10-23.
6. Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (правовое и экономическое исследование): монография / Н. М. Бевеликова [и др.]; под ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2014. 333 с.
7. Юридическая памятка для граждан Монголии на территории России / сост. Ю. П. Гармаев, Э. Л. Раднаева, Е. И. Попова, Н. Гантулга. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016. Вып. 1. 30 с.

RUSSIAN-MONGOLIAN RELATIONS IN THE FIELD OF EDUCATION: REGIONAL DIMENSION

Dzhamilya K. Chimitova

DSc in History, Director

Regional Centre for Information Processing and Education Quality Assessment
2, Krasnoflotskaya st., Ulan-Ude, 670033, Russia

At the present stage, there is no doubt that global economic activity is displaced to the countries of the Asia-Pacific region. In the conditions when the integration processes between the Russian Federation and the Asia-Pacific countries became a trend in the development of modern international relations system, cross-border cooperation plays a big role. The leading trends in the development of modern international relations are globalization and integration, that have also touched the educational system. Developed countries are intensifying competition for leadership in the global education system, which is one of the most effective instruments of influence on international events in modern society. Such links with traditionally economic and political partners of the Russian Federation, in particular Mongolia, are very important. In the conditions of economy globalization the world market of educational services is formed, the international component in activity of educational institutions is strengthened. International cooperation allows to establish exchange of experience, to develop joint ways of current tasks solution. The article analyzes the main directions, problems and prospects of cooperation in the field of education between Russia (Buryatia in particular) and Mongolia.

Keywords: globalization; cross-border cooperation; education; export of educational services.

УДК 94 (47+57)

ОПЫТ НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ МОДЕРНИЗАЦИИ: ИСТОКИ И УРОКИ СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА

© **Боронова Маргарита Максимовна**

доктор исторических наук, профессор
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: mboronova@yandex.ru

Статья посвящена общесистемному кризису советского государства, завершившемуся распадом СССР в конце XX в. Автор связывает истоки этого кризиса с процессом постиндустриальной трансформации мира, развернувшимся после II мировой войны. В передовых странах мира происходила глубокая структурная перестройка хозяйственного механизма, резко возросла роль высокотехнологичных, наукоемких производств. На этом фоне в социально-экономическом развитии СССР не наблюдалось каких-либо значимых перемен. Фундаментальные основы советской плановой системы мало изменились в годы "хрущевской оттепели" и в последующий период. В результате к концу 1980-х гг. СССР, как когда-то до сталинской форсированной модернизации, оказался перед лицом угрозы стадийного отставания от ведущих держав мира. Несмотря на огромные масштабы, советская экономика не могла успешно конкурировать с рыночным хозяйством западных стран.

Ключевые слова: экономика; модернизация; производство; перестройка; кризис; конкуренция; тенденции; технологии; трансформации; модель.

После распада СССР в условиях продолжающегося внутреннего кризиса Россия переживает один из наиболее драматических периодов в своей истории. По своим разрушительным последствиям этот кризис стал одним из самых масштабных в истории России. Его причины во многом связаны с теми изменениями, которые происходили в мировой экономике после II мировой войны.

С середины 1950-х гг. в динамике мирового сообщества стали все более четко вырисовываться тенденции, связанные с постиндустриальной трансформацией мирового хозяйства. В новых условиях фактором, определявшим экономическое развитие, становится научно-технический прогресс, резко возрастает значимость высокотехнологичных, наукоемких, экологобезопасных производств. При этом в структуре ВВП ведущих стран мира сокращается доля традиционных отраслей экономики. Так, в США с 1970 г. по 1983 г. в объеме ВВП доля транспорта снизилась на 21%, сельского хозяйства – на 19%, строительства – почти на треть, тогда как доля отраслей сферы услуг выросла почти на 5%, торговли – на 7,4%, а телекоммуникаций – более чем на 60% [1, с. 24].

Процесс труда становится все более интеллектуально насыщенным, характер производства гибким и экологизированным, возрастает доля занятых в непроектируемых секторах общественного хозяйства. На основе этих изменений происходит рост уровня жизни населения, формируется широкая прослойка т.н. «среднего класса», который обеспечивает социальную стабильность обществу.

Оборотной стороной социально-экономических трансформаций в мире во второй половине XX в. становится нарастающий разрыв в уровне социально-экономического развития между передовыми в экономическом отношении странами (населением т.н. «золотого миллиарда») и всем остальным миром. Так, если в начале XX столетия разрыв между развитыми и развивающимися странами по объему ВВП составил 10:1, то в середине века он был 26:1, а в конце — 40:1 [2, с. 5]. Обострение проблемы экономических диспропорций в мировом сообществе, по мнению некоторых ученых, несет в себе угрозу нового мирового конфликта, ибо успех небольшой группы экономически успешных стран во многом обусловлен финансовой, ресурсной и иной эксплуатацией населения других стран [3, р. 22-49].

На фоне развернувшихся изменений в мировом хозяйстве социально-экономическое развитие СССР во многом происходило на старой, экстенсивной основе. Несмотря на то, что в новой Программе партии, принятой в октябре 1961 г., был взят курс на соединении современной НТР с преимуществами социализма, советская экономическая модель продолжала развиваться в рамках старой индустриальной парадигмы: больше стали, угля, металла и т.д. [4, с. 27-284]

Фундаментальные основы советской плановой системы мало изменились в годы «хрущевской оттепели» и в последующий период. Попытка придать динамизм плановому хозяйству путем внедрения элементов рыночного управления в ходе реформы 1965 г. могла оказать лишь временное стимулирую-

ющее воздействие на экономику [5, с. 91]. В «брежневский» период попытки модернизации советской экономики были окончательно свернуты и в стране так и не были проведены глубокие структурные преобразования, которые помогли бы ей «встроиться» в процесс постиндустриальной трансформации мира.

Следует отметить, что объективные трудности общественной модернизации советской экономики во второй половине XX в. усугублялись субъективными просчетами партийно-государственного руководства, имевшими крайне негативные последствия для страны. Так, в начале 1960-х гг. была свернута программа разработки отечественных персональных компьютеров, что привело к прогрессирующему отставанию СССР в данной области в последующие десятилетия. Как отмечал академик РАН Н. Н. Моисеев, в то время как в мире шло форсированное развитие компьютерных технологий, использование компьютерной техники стремительно расширялось, в Советском Союзе вычислительная техника находила применение только в узкой сфере, связанной с оборонной промышленностью [6, с. 9].

В результате к концу 1980-х гг. СССР, как когда-то до сталинской форсированной модернизации, оказался перед лицом угрозы стадиального отставания от ведущих держав мира. Несмотря на огромные масштабы, советская экономика не могла успешно конкурировать с рыночным хозяйством западных стран. Развитие экономики на устаревшей технологической основе приводило к медленному сокращению доли ручного неквалифицированного труда. По данным статистики в конце 1980-х гг. им было занято около 40% работавших в промышленности, 60% - в строительстве, 70% – в сельском хозяйстве [7, с. 11].

В условиях отсутствия глубоких структурных преобразований наблюдалось неуклонное снижение темпов экономического развития. По утверждению специалистов, к началу 1980-х годов прирост производства в стране едва покрывал прирост численности населения [5, с. 92].

Растущий дефицит национального бюджета в 1970-х гг. во многом покрывался за счет усиления сырьевой направленности советской экономики, чему способствовала благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура. Высокие цены на нефть позволяли временно компенсировать низкую эффективность советской экономики за счет поступления дополнительных «нефтедолларов» в бюджет. Однако к середине 1980-х гг. ситуация на мировом рынке резко изменилась и цены на нефть стали стремительно падать.

В этих условиях необходимость реформирования хозяйственного механизма становится очевидной. На этой основе возникает идея перестройки. Однако ее инициаторы не имели четкой и ясной стратегии общественных преобразований, не смогли выработать эффективный механизм практической реализации задуманных преобразований в жизнь, что в итоге привело к углублению общесистемного кризиса, дестабилизации внутривластной ситуации в стране и нарастанию центробежных тенденций. К 1989 г. сумма советского внешнего долга достигла 43,8 млрд долларов по сравнению с 18,3 млрд в 1985г [8, с. 23].

Таким образом, истоки современного кризиса в России связаны с процессом постиндустриальной модернизации мирового хозяйства, развернувшегося после окончания II мировой войны. Сложившаяся в годы форсированной индустриализации планово-централизованная модель советской экономики оказалась крайне неэффективной в новых исторических условиях. В 1970-1980-х гг. страна не смогла включиться в процесс постиндустриальной модернизации мира, оказалась в состоянии нарастающего кризиса, который завершился распадом единого государства.

Попытки системного реформирования постсоветской экономики на основе «шоковой терапии» не дали желаемого результата. Напротив, после развала Советского Союза значительно усилились негативные тенденции, проявившиеся еще в 1970-1980-х гг. В частности, резко возросла сырьевая направленность российской экономики. Стоимость экспорта топлива и сырья превысила половину товарной части ВВП [9, с. 79]. Развернулся процесс деиндустриализации страны. Все это обуславливает необходимость системных структурных преобразований в хозяйственном комплексе страны, которые должны быть проведены с учетом исторического опыта прошлых лет.

Литература

1. Проблемы энергообеспечения в капиталистических странах в условиях современной энергетической ситуации. М., 1987.
2. Тихвинский С. Л. Итоги XIX Международного конгресса исторических наук в Осло // Новая и новейшая история. 2001. № 1. С. 4–6.

3. Huntington S. Ph. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. vol. 72. № 3. P. 22–49.
4. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967.
5. Шмелев Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. М., 1989.
6. Моисеев Н. Н. Революция или стагнация? // Свободная мысль. 1998. № 9–12. С. 9.
7. Административно-командная система: кризис и деградация. Новосибирск, 1991. С. 11.
8. Иноземцев В. Л., Кузнецов Е. С. Социодинамика хозяйственных систем в XX столетии // Свободная мысль. 2001. № 1. С. 23.
9. Медведев В. А. Отведена ли угроза катастрофы? // Свободная мысль. 1996. № 7. С. 79.

EXPERIENCE OF FAILED MODERNIZATION: THE ORIGINS AND LESSONS OF CURRENT CRISIS

Margarita M. Boronova
DSc in History, Professor,
Buryat State University
24a, Smolin st., Ulan-Ude, 670000, Russia

The article is devoted to the system-wide crisis of the Soviet state, culminating in the collapse of the USSR in the late XX century. The Author connects the origins of this crisis with the process of postindustrial transformation of the world that developed after world war II. The advanced countries of the world restructured the economic mechanism, the role of high-tech industries has sharply increased. On this background, in socio-economic development of the USSR was not observed any significant changes. The fundamental basis of the Soviet planning system has changed little in the years of "Khrushchev thaw" and afterward. As a result, by the end of the 1980s, the Soviet Union, as once before Stalin's forced modernization, had faced the threat of stadial lag from leading world powers. Despite the huge scale the Soviet economy could not compete with the market economies of Western countries.

Keywords: economics; modernization; production; alteration; crisis; competition; trends; technology; transformation; model.

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ, ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ

УДК 930 (5-015)

НОВЫЙ ИСТОЧНИКОВЫЙ КОМПЛЕКС ПО АНТРОПОЛОГИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

© **Бураев Алексей Игнатьевич**

кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии БНЦ СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: imbt@imbt.ru

В работе анализируются уникальные скульптурные материалы из кургана Шороон бумбагар в Монголии. Данные иконографии, в настоящем случае это скульптурные изображения, являются новым источником в изучении антропологии средневекового населения Центральной Азии. В то же время этот вид источников достаточно давно используется в антропологии. Так, отечественными исследователями по иконографическим данным дана характеристика расового и этнического состава древнего населения Средней Азии и Южной Сибири. Рассматриваемые в аннотируемой статье скульптурные изображения относятся к последней четверти VII в. Анализ статуэток позволил сделать вывод о присутствии восточноазиатского (китайского) компонента среди прототипов деревянных изображений из погребальной камеры кургана. Изображения дуду, ряда других деревянных статуэток и керамическая микропластика, обнаруженная в нишах дромоса, несомненно, относятся к тюркам, демонстрируя принадлежность изображенных к южносибирской расе.

Ключевые слова: археология; антропология; скульптуры; Центральная Азия; исторические источники.

Эпоха Средневековья на территории Центрально-Азиатского региона достаточно хорошо изучена. Есть работы, основанные на данных письменных источников, археологии и антропологии. Для антропологии основным источником являются скелетированные останки. В то же время достаточно давно в палеоантропологии используются данные иконографии, имеющие свое самостоятельное значение.

В живописных и скульптурных изображениях отражен внешний вид людей, оставленный, как правило, их современниками. При анализе иконографии можно получить данные об особенностях строения мягких тканей лица, волосяном покрове, пигментации и некоторых других характеристиках внешнего облика, которые нельзя получить по черепу и скелету.

Анализ произведений искусства для антропологических целей — достаточно непростое исследование. Характер изображений зависит от художественного таланта их автора, устоявшихся в его время канонов и целей изготовления выполненных артефактов. Зачастую живописные и скульптурные изображения носят стилизованный характер, что затрудняет получение антропологических характеристик. Очевидно, изображения для палеоантропологических исследований должны носить реалистичный портретный характер.

Этот вид источников достаточно давно привлекал внимание исследователей. Так, например, еще в 1887 г. была опубликована работа R. Poole, а в 1907 г. издано исследование Е. Наму, посвященные анализу древнеегипетской иконографии [20; 21]. Авторами были предприняты попытки визуального сопоставления древнеегипетских изображений с современными расовыми подразделениями.

Разумеется, использование изобразительных источников различного происхождения и предназначения с целью расовой и этнической характеристики их прототипов нашло отражение и в отечественной историографии. В 1939 г. Г. Ф. Дебецем введен в научный оборот палеоантропологии достаточно редкий, но выразительный материал — таштыкские погребальные маски. Отразив в градусах горизонтальный профиль среднего отдела лица и вычислив процент встречаемости отдельных морфологических вариантов в носовой области, исследователь пришел к выводу о сходстве населения таштыкской культуры Минусинской котловины с современными шорцами и хакасами [7; 8].

Значительный вклад в развитие этого направления в палеоантропологии внесен советскими исследователями Средней Азии. В первую очередь необходимо отметить базовые труды Г. А. Пугаченковой по изучению керамической микропластики кушанской Бактрии [11; 12; 13; 14; 15], она отчетливо показала реалистичность и портретность скульптур Халчаяна и Дальверзина (Сурхандарьинская область Узбекистана), выявила их морфологические особенности, в том числе и искусственную деформацию черепа, характерную для многих народов древности и этнографической современности в регионе. Прототипы скульптурных голов были однозначно отнесены к расе Среднеазиатского междуречья [11, с. 132–133].

В. П. Алексеев внес существенные дополнения и изменения в антропологическую характеристику скульптур Халчаяна и Дальверзина [1]. Используя соматологическую методику, т. е. зафиксировав на скульптурах особенности мягких тканей лица как на живых людях, автор ввел количественный момент в характеристику исследуемого материала, формализовав визуальные данные. На основании визуальных данных и балловой оценки признаков ученый отрицает принадлежность прототипов скульптур к расе Среднеазиатского междуречья, относя их к потомкам древних ариев, а в расовой систематике — к локальному варианту средиземноморской расы [2, с. 336–337].

Здесь необходимо более подробно остановиться на методике, предложенной В. П. Алексеевым. Используя опыт, накопленный в соматологии (работы А. И. Ярхо и В. В. Бунака), он составил таблицы описательных признаков, характеризующие особенности профиля лица, области губ, строения носа, крыльев и ноздрей, области лба и глаз. Отдельно охарактеризован волосяной покров на лице [3, с. 343–355]. В настоящем сообщении балловая характеристика не представлена, поскольку, во-первых, многие признаки (строение крыльев носа и ноздрей, области губ и др.) не могут быть применены в виду их схематичного изображения. Во-вторых, на значительной части изображений красочный слой, характеризующий описательные признаки, приводимые в таблицах, нарушен, что не позволяет дать балловую характеристику. Кроме того, формализуя визуальные данные, мы в любом случае оперируем описательными признаками, которые зависят (в отличие от измерительных признаков) от субъективного мнения и опыта исследователя. Тем не менее это не исключает использования другими исследователями наработок В. П. Алексеева в этой области при их дальнейшем развитии.

Нельзя не упомянуть и работы Т. К. Ходжайова, использовавшего иконографические материалы в исследованиях по палеоантропологии Средней Азии [17; 18]. В итоге автор солидаризируется с В. П. Алексеевым в определении расовой принадлежности людей, с которых выполнены скульптурные изображения. Обратим особое внимание на качественные цветные фотографии нескольких скульптур, подтверждающих их портретный характер и высокое мастерство художника [18, с. 159, 161, 163, 164].

В результате комплексного анализа данных антропологии и образцов изобразительного искусства кушанской Бактрии Т. К. Ходжайову К. Абдуллаеву методами пластической и графической реконструкции удалось восстановить физический облик представителей древних обществ и сравнить его с результатами изучения портретной скульптуры. Главным итогом данной работы стало успешное применение полученных комплексных данных для решения сложных проблем этнической истории народов кушанской Бактрии [17].

Из антропологических работ специального рассмотрения заслуживает статья И. И. Гохмана и Л. Л. Барковой, основанная на алтайских материалах [5]. Ими проведен сравнительный анализ палеоантропологического материала с изображениями человеческих лиц, найденных в пазырыкских курганах. Изучение краниологии и имеющихся экземпляров изобразительного искусства (изображения на войлочном ковре и деревянные подвески-личины) показало сходные результаты. Оба источника доказывают присутствие на территории исследования в скифское время представителей европеоидных, монголоидных и метисных популяций. Авторы подчеркивают значимость иконографических материалов для антропологической характеристики древнего населения: «...если бы в нашем распоряжении вообще отсутствовал палеоантропологический материал и личины были бы единственным источником информации об антропологическом составе группы племенной знати, то и в этом случае полученные выводы были бы правильными» [5, с. 424–425].

Разумеется, приведенными примерами не исчерпывается весь объем изобразительных материалов, поступивших из археологических памятников. Однако заметим, что в большинстве случаев они используются для археологического и социально-исторического анализа без антропологической характеристики полученных данных. В качестве примера можно привести работы по изображениям из Илурата (Боспорское царство) и скифов времени переднеазиатских походов [9; 19]. Хотя надо при-

знать, что приведенные авторами скульптуры, рисунки и изображения в торевтике схематичны и трудно интерпретируемы в антропологической составляющей. Можно констатировать, что у российской антропологической науки есть хороший задел в изучении древней иконографии, особенно в исследовании и интерпретации скульптурных изображений. В то же время в вышеперечисленных материалах практически отсутствуют изображения эпохи Средневековья. Конечно, нам известны публикации по средневековой торевтике и скульптуре, однако, забегаая вперед, отметим, что стилистика и антропологический облик изображений резко отличаются от исследуемых нами.

Для исторической науки всегда стояла цель наиболее адекватного приближения к реалиям исследуемого хронологического периода. Безусловно, высказанный постулат относится и к эпохе Средневековья, когда сформировалась основа большинства современных народов. Выявление этнической составляющей средневековых племен, характеристика их духовной и материальной жизни, определение районов их локализации в тот или иной отрезок исторического времени проводятся с привлечением данных ряда смежных научных дисциплин.

Одной из наиболее сложных проблем в исторических исследованиях является идентификация древних культур и народов, известных благодаря археологическим изысканиям и письменным сообщениям с их потомками. Круг источников, позволяющих приблизиться к разрешению этой проблемы, включает в себя данные археологии, палеоантропологии, этнографии, глоттохронологии, палеогенетики и памятников письменности. Для изучения истории Центральной Азии нам представилась возможность пополнить названный список средневековыми скульптурными изображениями.

Археологические материалы происходят с территории Монголии и, несомненно, относятся к тюркскому времени.

Середина VII в. н. э. является одним из переломных моментов для кочевников евразийских степей. Период между существованием I и II тюркских каганатов характеризуется мощной экспансией Танского Китая на земли, ранее контролируемые тюрками, включая их родовые кочевья. Во главе образованных провинций империи Тан оставались представители тюркской знати — родовая и племенная аристократия [16, с. 29]. Кроме того, рассматриваемый исторический отрезок изобилует междоусобными столкновениями среди самих тюркских образований различного ранга. Несомненный интерес к указанному периоду стимулировал исторические исследования, изучение китайских и тюркских письменных источников [4; 10; и др.], археологические исследования [16].

В 2009 г. Международной российско-монгольской экспедицией, организованной Международным институтом кочевых цивилизаций ЮНЕСКО и Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН под руководством проф. С. В. Данилова и проф. А. Очира, при непосредственном участии автора настоящей работы, был исследован курган тюркского времени Шороон бумбагар в Центральном аймаке Монголии [6; 22; и др.]. При входе из дромоса в погребальную камеру обнаружены 2 положенные друг на друга гранитные плиты размерами 74x74 см, на которых выбиты надписи китайскими иероглифами; причем текст нижней плиты состоит из 750 знаков. На верхней плите высечена надпись из 12 иероглифов. Результаты дешифровки надписи позволили совершенно определенно датировать памятник 678 г. н. э., что соответствует тюркскому времени (в период гегемонии империи Тан). Текст представляет собой эпитафию в память дуду округа Цзиньвэй, Шанчжуго, начальника уезда Линьчжун, правителя области Фугу — И-ту-шо-е родом с гор Цзинь Шань (Алтая), умершего в возрасте 44 лет [6, с. 256].

Среди всех археологических находок в наибольшей степени нас интересуют скульптурные изображения, найденные в нишах, вырубленных в дромосе, и погребальной камере кургана. Исследуемые артефакты можно назвать антропоморфными статуэтками или скульптурами. Необходимо отметить, что кроме антропоморфных изображений в кургане найдены стилизованные фигурки птиц, рыб и львов. Общее число пригодных для антропологического изучения экземпляров составляет 63 ед. Ими не ограничивается общее количество статуэток, однако часть из них не представляется возможным использовать для научного анализа, так как они покрыты красками, которые осыпалась, что не позволяет установить антропологические детали и особенности одежды.

Из обследованных скульптурных изображений 28 ед. сделаны из дерева, среди них 10 — фигурки в полный рост (в том числе 2 изображения дуду), а 18 — фрагменты. Другая группа изображений выполнена из глины, из них 24 — в полный рост, 11 — изображения всадников на конях. При источниковедческом анализе скульптурных изображений основное внимание уделялось характеристике материала изготовления и статуса изображения, размерам (высота, ширина, толщина, в отдельных слу-

чаях — длина), сохранности изображений (повреждения фигур и красочного слоя, утрата фрагментов), описанию костюма (верхняя и нижняя одежда, головной убор и/или прическа, обувь), характеристике антропологических особенностей скульптурных изображений (высота и ширина лица, его профилированность в вертикальной и горизонтальной плоскостях, форма и выступание носа и переносья, разрез и размер глаз, форма и степень развитости растительности на лице (брови, усы, борода), расовая и по возможности этническая идентификация прототипов изображений).

В настоящее время все материалы хранятся в Музее изобразительных искусств им. Г. Занабазара (Улан-Батор, Монголия). В 2010 г. музеем проведены высококвалифицированные реставрационные работы и в настоящее время открыта специальная экспозиция.

Ближайшие аналогии исследуемым материалам находятся совсем недалеко, по меркам Великой Степи, и происходят из кургана Шороон бумбагар в Булганском аймаке Монголии. Памятник был раскопан совместной монголо-казахстанской экспедицией в 2011 г. Археологи А. Очир, Л. Эрдэнэболд, С. Харжаубай, Х. Жантегин выпустили монографию, посвященную этому кургану [23]. В кургане, который являлся реальным захоронением с элементами кенотафа, обнаружены, как и в исследуемом нами кургане Шороон бумбагар из Замар сомона, деревянные и глиняные скульптуры. В настоящее время они хранятся в музее г. Каракорум (Хархорум), Монголия. Часть из них манерой исполнения, материалом изготовления, одеждой и внешним обликом очень близка к изучаемым нами статуэткам, хотя имеются существенные отличия.

В упомянутой выше монографии деревянные скульптуры рассмотрены в главе 2 параграфе 3 [23, с. 199–204]. Представлены они так же статуэтками в полный рост и фрагментированными фигурами. Особо отметим, что в булганском кургане обнаружено захоронение, но в нем отсутствовала фигурка дуду.

У всех представленных фигурок в полный рост (а их всего 4) размеры вполне соответствуют таковым, отображенным в нашей работе. У изображений одинаковая одежда, схожая с описанными выше фигурами № 3д–7д. Особо отметим очень широкие рукава, прикрывающие переднюю часть дэгэла и пояса; руки, согнутые в локтях и сложенные на груди. Однако одежда фигурок из булганского кургана другого цвета — у них красный верх и темный низ; круглый вырез «под горло». Обращает на себя внимание, что нижний дэгэл «в пол» полностью скрывает обувь [23, с. 261]. У «наших» же фигур у всех видны загнутые кверху концы обуви. Кроме того, судя по рисункам, у всех четырех фигур одинаковые головные уборы, не имеющие аналогов у статуэток, изученных нами, но, по нашему мнению, они также китайские [23, с. 200–202]. Все скульптурные изображения, выполненные в полный рост, имеют отчетливо выраженный восточноазиатский (китайский) облик. Таким образом, скульптуры представляют китайских (танских) чиновников, хотя курган по атрибуции авторов принадлежит тюркской знати.

Фрагментированные фигурки из дерева очень плохой сохранности. Красочный слой практически полностью разрушен, поэтому характеристика антропологических особенностей и одежды изображений невозможна. Размеры сопоставимы с изученными нами фрагментами. Сохранились головные уборы или, как говорилось ранее, сложные прически [23, с. 203–204]. Головные уборы у четырех фрагментов из булганского кургана схожи с описанными выше фигурами № 9 фд, 14 фд серповидным навершием на темени. Два других фрагмента близки к фрагментированным фигурам № 2 фд, 10 фд. У оставшихся четырех фрагментов головные уборы (прически) нарушены и не подлежат сравнению [23, с. 259].

Исходя из схожести материала, манеры изготовления, размеров и формы головных уборов, можно предположить, что фрагментированные фигуры из булганского кургана также относились к чиновникам танской администрации при дворе захороненного тюркского вельможи. Определить их этническую принадлежность не представляется возможным.

Керамическая микропластика (фигуры в полный рост) описана в главе 2 монографии А. Очира, Л. Эрдэнэболда и др. [23, с. 57–127]. Интересно отметить, что керамические скульптуры, включая изображения всадников, расположены в нишах дромоса аналогично изученным нами [23, ил. 36–39, с. 251–252]. В монографии описано 89 скульптурных изображений. В отличие от деревянных скульптур сохранность керамики вполне удовлетворительная; почти на всех фигурках сохранился красочный слой. Размеры, одежда, головные уборы и общий облик 36 статуэток вполне сопоставимы с находками из кургана Шороон бумбагар из Замарсомона. Вероятно, их прототипы представляли тюркскую часть условно погребенных.

Большая часть скульптур не имеет аналогов керамической микропластике замарского кургана; одежда, головные уборы (прически) и антропологический облик — китайские. Таким образом, находки в кургане Шороон бумбагар из Булганского аймака Монголии отражают более сильное китайское влияние (или присутствие) в тюркском подразделении, оставившем этот памятник.

Совокупный анализ скульптурных изображений из кургана Шороон бумбагар из Замар сомона явно показал, что керамическая микропластика более унифицирована (при несомненной индивидуальности), чем деревянные фигурки из склепа. Исходя из антропологических особенностей, отраженных в скульптурах, можно предположить, что среди изображенных в дереве индивидов присутствовал китайский (танский) элемент.

В свою очередь, керамические статуэтки представляют тюркскую составляющую подчиненных условно погребенному вельможе. Таким образом, мы можем воочию лицезреть средневековых тюрок, а конкретно — представителей племени пугу (фугу) во всей их аутентичности. Нет ни малейшего сомнения в том, что все керамические фигуры изображают людей с доминированием признаков монголоидного расового ствола. Отметим сильную уплощенность лица и монгольский разрез глаз. Кроме того, нельзя не сказать о высоком и широком лице с выраженными скулами. С другой стороны, строение носа, скорее, выпадает из монголоидного комплекса признаков — нос у всех скульптур узкий, с довольно высоким переносьем, иногда с горбинкой. Такое сочетание признаков типично для центральноазиатских монголоидов с европеоидной примесью, т. е. для представителей южносибирской расы.

Прямые аналогии скульптурным изображениям всадников из кургана Шороон бумбагар Замар сомона были опубликованы в монографии А. Очира, Л. Эрдэнэболда и др. [23, с.127–142]. В работе представлены 15 скульптур, по манере исполнения, размерам, одежде, головным уборам, сбруе, общему облику всадника и лошади схожих с фигурами из замарского кургана; даже посадка на лошади у всадников идентична [23, с. 253, ил. 40]. Однако в кургане, исследованном казахскими и монгольскими коллегами, отсутствуют скульптуры, идентифицированные нами как знаменосцы. По нашему мнению, всадники из обоих курганов представляют тюркские племена средневековой Монголии.

Таким образом, новый тип источников, а именно скульптурные изображения всадников, позволяет уточнить некоторые моменты в исторических судьбах народов Центральной Азии в эпоху Средневековья.

Главная цель настоящей публикации — обратить внимание широких научных кругов на комплекс уникальных изображений средневековых кочевников Центральной Азии тюркского времени. Можно увидеть облик людей эпохи Средневековья, так как их видел современный им художник или несколько мастеров. Изображения выполнены в реалистичной манере и носят портретный характер. Лица скульптур сугубо индивидуальны, существуют различия в верхней одежде и головных уборах. Наиболее ярко портретный стиль нашел отражение в изображении дуду, представленного двумя деревянными скульптурами, несомненно, принадлежащими одному индивиду. Выразительное лицо, травма левого глаза, особая одежда, жезл в руках у одной из фигур, вероятно, символизирующий властные полномочия, позволяют безапелляционно настаивать на декларируемой ранее индивидуальности скульптур. На основании отмеченной зеркальности двух обнаруженных фигур можно предполагать наличие оригинальных представлений о загробном мире и соответствующих ритуалах перехода в него у средневековых тюркских племен.

Другие деревянные статуэтки демонстрируют различный набор признаков. Изображения также портретны, что позволило нам предположить присутствие представителей танской администрации в окружении правителя. Они отличаются характерными особенностями лица, одеждой и головными уборами. Напомним, что все деревянные фигуры найдены в погребальной камере совместно с дуду.

Деревянная фрагментированная фигура с христианским символом на лбу материально подтверждает данные письменных источников о распространении христианства несторианского толка среди средневекового населения Монголии.

Керамическая пластика более унифицирована. И тем не менее скульптуры различаются по цвету одежды, некоторым чертам лица, густотой и расположением бороды и усов. Как раз наличие пышного волосяного покрова у некоторых из статуэток, особенности строения носовой части лица позволяют усомниться в «абсолютной» монголоидности прототипов.

Все это позволяет осуществить попытку реконструировать антропологический состав населения Монголии тюркского периода, оставившего курганы Шороон бумбагар, и насколько возможно соотнести его с тем или иным подразделением современной расовой систематики.

У прототипов исследованных скульптур зафиксировано присутствие европеоидной примеси, наиболее характерно проявляющейся в портрете дуду, в то же время выявленной и на других статуэтках. В целом изображения монголоидны, но детальная этническая интерпретация затруднительна. Дело в том, что антропологически центральноазиатская и южносибирская малые расы очень близки, а на древних и средневековых материалах вообще трудно различимы. По нашему мнению, можно настаивать на принадлежности большинства людей, послуживших моделями для обследованных скульптур, к одному из названных расовых подразделений или еще недифференцированной южносибирско-центральноазиатской расе. В качестве предположения мы склоняемся к южносибирскому варианту.

Опираясь на собственный опыт, этнографические описания тюркских, монгольских и китайских народов, можно сделать предположение о тюркской этногенетической основе значительной части исследованных нами портретных материалов. Предполагаемый факт не исключает наличие представителей китайских народностей среди прототипов изученных изображений. Вполне вероятно, что представители китайской части населения империи Тан могли присутствовать среди портретированных индивидов. В целом принадлежность большинства прототипов скульптур Шороон бумбагара к представителям тюркской знати можно считать доказанной. Поскольку провожать в последний путь своего предводителя должны были наиболее приближенные к нему люди, в нашем случае их скульптуры, то сопровождать главу племени пугу могли только представители племенной знати.

Необходимо дальнейшее изучение материалов из кургана Шороон бумбагар. В настоящее время проведены квалифицированные археологические исследования, дана предварительная интерпретация палеоантропологических данных.

Литература

1. Алексеев В. П. Попытка анализа античной скульптуры из Средней Азии (Халчаян и Дальверзин) для антропологической реконструкции // Античная скульптура Средней Азии и Казахстана: Всесоюз. науч. совещ. Ташкент, 1979.
2. Алексеев В. П. Историческая антропология и этногенез. М.: Наука, 1989. 445 с.
3. Алексеев В. П. Избранное. Т. 3. Историческая антропология и экология человека. М.: Наука, 2008. 614 с.
4. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 382 с.
5. Гохман И. И., Баркова Л. Л. Кто они? Стерегищие золото грифы (опыт реконструкции антропологического состава и социальной структуры по данным палеоантропологии и изображений человека) // Горизонты антропологии. М.: Наука, 2003. С. 418–426.
6. Курган Шороон Дов и его место в общей системе археологических памятников тюркской эпохи Центральной Азии / С. В. Данилов [и др.] // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. С. 254–257.
7. Дебец Г. Ф. Антропологическое исследование погребальных масок таштыкской культуры (Минусинский край) // Крат. сообщ. НИИ и Музея антропологии НГУ за 1938–1939 гг. М., 1941.
8. Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР / Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 4. 392 с.
9. Ильинская В. А. Изображения скифов времени переднеазиатских походов // Древности степной Скифии. Киев, 1982. С. 38–47.
10. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.
11. Пугаченкова Г. А. К иконографии Герая (о некоторых вопросах раннекушанской истории) // Вестник древней истории. 1965. № 1.
12. Пугаченкова Г. А. Халчаян: К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966.
13. Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчаяна. М., 1977.
14. Пугаченкова Г. А. Художественные сокровища Дальверзин-тепе. Л., 1978.
15. Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979.
16. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981. Т. XVIII. 304 с.
17. Ходжайов Т. К., Абдуллаев К. Население кушанской Бактрии (антропология, письменные источники и изобразительное искусство). Саарбрюкен: LambertAcademicPublishing, 2011. 145 с.

18. Ходжайов Т. К., Мустафакулов С. И., Ходжайова Г. К. Старый Термез (к антропологии населения Бактрии — Тохаристана). Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2012. 320 с.
19. Шургая И. Г. Изображение всадника и коня из Илурата // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1983. Вып. 174.
20. Hamy E. La figure humaine dans les monuments de l'Égypte ancienne // Bulletin de la société d'anthropologie de Paris. 1907. Ser. 5. T. VIII.
21. Poole R. The Egyptian classification of the races of man // Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1887. T. XVI.
22. Очир А., Данилов С. В., Эрдэнэболд Л., Цэрэндорж Ц. Эртний нүүдэлчдийн бунхант булшны: малтлага, судалгаа. (Төв аймгийн Заамар сумын Шороон бумбагарын малтлагын тайлан). Улаанбаатар, 2013. 164 с.
23. Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжаубай С., Жантегин Х. Эртний нүүдэлчдийн бунхант булшны: малтлага, судалгаа. (Булган аймгийн сумын Уланхэрмийн Шороон бумбагарын малтлагын тайлан). Улаанбаатар, 2013. 290 с.

A NEW SOURCE COMPLEX ON ANTHROPOLOGY OF MIDDLE-AGE POPULATION OF CENTRAL ASIA

Alexei I. Buraev

Ph.D. in History, researcher,

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science

6, Sakhyanovoi st., Ulan-Ude, 670047, Russia

In this article the attention is given to the analysis of unique sculptures from the mound Shoroon bumbagar in Mongolia. The data of iconography (in our case — sculptures) are new source in studying middle-age population of Central Asia. At the same time, this kind of sources has long been used in anthropology. According to the data of iconography the Russian anthropologists have characterized race (racial) and ethnic structure of the ancient population of Middle Asia and Southern Siberia. The sculptures analyzed in the given article date back to the last quarter of the VII-th century. The analysis of the statuettes points to the presence of Eastern Asian (Chinese) component among the prototypes of wooden sculptures from the funeral chamber of the mound. On the other side, the sculpture Dudu as well as some other wooden statuettes and ceramic microplastic from niches of the dromos undoubtedly refer to Turks and thus demonstrates the belonging of the depicted to the South-Siberian race.

Keywords: archeology; anthropology; sculptures; Central Asia; historical sources.

УДК 24:930.2

**МЕТОДЫ ТЕОРИИ СИСТЕМ И ТЕОРИИ МНОЖЕСТВ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ.
АНАЛИЗ КОРПУСА БАЗОВЫХ ТЕКСТОВ УЧЕНИЯ КАЛАЧАКРА**

© Стрелков Андрей Михайлович

кандидат исторических наук, генеральный директор,

Издательство «Удумбара»

Россия, 670042, г. Улан-Удэ, ул. Тобольская, 59, кв. 119

E-mail: andrey.m.strelkov@yandex.ru

В статье представлено применение методов теории систем и теории множеств в исследовании корпуса базовых текстов буддийского учения Калачакра (сформировалось в Индии в конце 30-х гг. XI в.). Применение этих методов позволило выявить в отношении пяти из семи текстов, составляющих данный корпус, иерархическую двухуровневую систему, определить функциональное назначение текстов корпуса, частично реконструировать процесс его формирования, представить графически отношения между его шестью текстами (отношения между пятью текстами, входящими в названную систему, и коренным текстом (имеются лишь его фрагменты) описаны в соответствии с указаниями традиции учения Калачакра) посредством системы шести точечных множеств (что придало наглядность ряду полученных результатов), а также поставить новые задачи в исследовании базовых текстов учения Калачакра.

Ключевые слова: учение Калачакра; тантра; теория систем; иерархическая многоуровневая система; теория множеств; точечное множество; мощность множества (кардинальное число).

Корпус базовых текстов (тантр, см.: [4, с. 72]) учения Калачакра включает в себя фрагменты (в санскритском оригинале и (или) в тибетском переводе), возводимые традицией к коренному тексту этого учения — сочинению «[Парама-]Ади-Будда» (спецификатор — «Мула-тантра», МТ), а также шесть комплектных (дошедших в полном объеме) сочинений (все имеются в тибетском переводе и только два — первое и второе в приведенном ниже списке — также и в санскритском оригинале; имеются и два санскритских фрагмента (\cong 4,5% объема текста) третьего сочинения списка (идентифицированы мной) — статья, представляющая этот результат, готовится к печати). Эти сочинения: «Секоддеша» (SU), «Шри-Калачакра-нама-тантра-раджа» (спецификатор — «Лагху-тантра», LT), «Шри-Калачакра-тантроттара-тантра-хридая» (УТН), «Шри-Калачакра-лагху-тантра-раджа-хридая» (спецификатор — «Лагху-тантра-хридая», ЛТН), «Шри-Калачакра-гарбха-нама-тантра» (KG), «Шека-пракрия» (ŚP) (тексты перечислены в порядке их расположения в отделе учения Калачакра в части Ганджур (bKa' 'gyur) тибетского буддийского канона лхасской редакции — лишь в Ганджуре данной редакции представлены все эти тексты).

Согласно традиции учения Калачакра МТ — текст (12 тысяч строф, написанных восьмисложным стихотворным размером ануштубх), состоящий из пяти глав (эти главы: о Вселенной — «Лока-дхату-патала»; об индивидуе — «Адхья-атма-патала»; о посвящениях в учение Калачакра — «Абхишека-патала»; о его практике — «Садхана-патала»; о ее итоге — «Джняна-патала») [13, с. 12–14, 18] (такая же структура у LT и ЛТН; в SU, УТН, KG и ŚP деления на главы нет), а SU и LT — извлечения из МТ (см.: [4, с. 76, 77]). Как комплектный текст МТ неизвестна, по крайней мере, с 1322 г. [1, с. 240].

Строфы SU (174 строфы) написаны стихотворным размером ануштубх, строфы LT (в разных списках — 1048, 1047 и 1041 строфа, имелся и список в 1030 строф [4, с. 76]) и ŚP (37 строф) — стихотворным размером срагдхара (как и 178 строф ЛТН; пады прочих четырех строф ЛТН (из 3, 3, 1 и 2 пад) также содержат 21 слог [Там же, с. 78–80]). Большинство строф тибетского перевода УТН (157 четверостиший) имеет 19 слогов в паде, ряд — 17, 21 и 23 слога. Строфы тибетского перевода KG (47 четверостиший) имеют семь слогов в паде (стихотворный размер оригинала KG, вероятно, — ануштубх). В каждом из этих шести текстов за названием следует фраза поклонения (в форме простого предложения). Это поклонения: Ваджрасаттве (в тибетском переводе SU [6, л. 14а], в одном из санскритских списков LT [11, с. 1]), Калачакре (в прочих списках LT, в ЛТН [7, с. 237] и в реконструированном оригинале SU [10, с. 149]), Манджугоше (в УТН) — или иначе Манджушри (в KG) — и Авалокитешваре (в ŚP) (см.: [4, с. 77, 80, 81]). В LT и ЛТН приведены названия глав (редакция, соответственно, названий глав МТ и LT) и их порядковые номера. Перед SU 1 имеется указание на прямую речь царя Шамбалы Сучандры (воплощение Ваджрапани, проситель проповеди учения Калачакра (см.: [3, с. 57–59]), перед SU 2 — на прямую речь Шакьямуни. Пояснительные вставки (одно слово в

LTH IV.71a; четыре написанных прозой предложения ($\cong 2,2\%$ объема $\acute{S}P$) после $\acute{S}P$ 21) имеются в тибетских переводах LTH и $\acute{S}P$ (неизвестно, были ли они в их оригиналах). Корпус базовых текстов учения Калачакра сложился в период с 30-х гг., вероятно, до середины XI в. (скорее всего, в 30-е гг.) (см.: [4]). Время выполнения тибетских переводов шести комплектных текстов корпуса — конец 30-х гг. — вторая половина XI в. (см.: [Там же]).

Все тантры учения Калачакра — анонимные сочинения, история составления которых в традиции этого учения либо мифологизирована, либо не рассматривается (см.: [Там же]).

Ранее мной было установлено (см.: [12, с. 14, 15, 45–52]), каким образом созданы LTH, KG и $\acute{S}P$ (имеются традиционные сообщения о том, что они — извлечения из LT, но нет указаний на то, как сделаны эти извлечения; см.: [4]). В LTH, KG и $\acute{S}P$ имеются оригинальные части, а также части, составленные из фрагментов разных глав LT (LTH_{LT} , KG_{LT} , $\acute{S}P_{LT}$). LTH_{LT} — фраза поклонения и очень сложно организованный комплекс 88 фрагментов глав LT (см.: [Там же, с. 78–80]). KG_{LT} — комплекс двух фрагментов LT, включающий в себя 16 переложённых в другой стихотворный размер (см. выше) строф LT (см.: [Там же, с. 81]). $\acute{S}P_{LT}$ — комплекс пяти фрагментов LT, включающий в себя 37 строф (см.: [Там же]). Оригинальные части LTH — название сочинения, названия глав (редакция названий глав LT), пояснительная вставка в LTH IV.71a, а также несколько пад (редакция соответствующих пад LT). Оригинальные части KG — название сочинения и фраза поклонения. Оригинальные части $\acute{S}P$ — название сочинения, фраза поклонения и пояснительная вставка после $\acute{S}P$ 21. Таким образом, практически целиком каждый из этих трех текстов (LTH, KG и $\acute{S}P$) составлен из определенного комплекса фрагментов LT. Также мной выявлен в SU и LT общий текстовый блок ($\cong 1\%$ объема SU; $\cong 0,09\%$ объема LT) (статья, представляющая этот результат, находится в печати).

Таким образом, SU, LT, LTH, KG и $\acute{S}P$ образуют иерархическую двухуровневую систему текстов:

I. SU, LT (связаны посредством общего элемента — текстового блока).

II. LTH, KG, $\acute{S}P$ (связаны с LT посредством LTH_{LT} , KG_{LT} и $\acute{S}P_{LT}$).

Установление указанных текстуальных соответствий дало ключ к пониманию и переводу LTH, KG и $\acute{S}P$ — в их отношении стало возможным использование комментариев к LT («Вималапрабха» и др.), без чего понимание большей части названных текстов невозможно.

Большое значение в этом плане также имеет — поскольку утрачены оригиналы LTH, KG и $\acute{S}P$ — составление мной из фрагментов LT, представленных, соответственно, в LTH_{LT} , KG_{LT} и $\acute{S}P_{LT}$, трех санскритских текстов. Установление возможности и способа составления каждого из них можно назвать «предсказанием» в отношении соответствующего утраченного санскритского текста. Термин «предсказание» здесь — термин теории систем (так, предсказанием в этом смысле является открытие новых элементов периодической системы элементов). В данном контексте предсказание — определение утраченных элементов системы по ее наличным элементам. Составление указанных трех текстов не является реконструкцией в строгом смысле слова — при создании LTH, KG и $\acute{S}P$ посредством извлечений из LT (с добавлением указанных выше оригинальных частей) могли применяться различные виды редакции (помимо изменения стихотворного размера при составлении $\acute{S}P$; см. ниже о видах редакции при представлении MT в LT). Однако соответствие составленных трех санскритских текстов санскритским оригиналам LTH_{LT} , KG_{LT} и $\acute{S}P_{LT}$ имеет, как представляется, высокую степень точности — об этом свидетельствует совпадение практически всех соответствующих мест тибетского перевода LT и тибетских переводов LTH, KG и $\acute{S}P$.

Установление указанных текстуальных соответствий позволило выявить ошибки в тибетских переводах LTH и KG (статьи, представляющие эти результаты, готовятся к печати).

В результате выявления названных текстуальных соответствий возникла задача перевода LTH, KG и $\acute{S}P$ с их учетом, а значит, с привлечением комплексов соответствующих санскритских фрагментов LT и с использованием комментариев к LT. В этой парадигме мной выполнен перевод пятой главы LTH [2] (переведена впервые в науке) и ведется работа (также впервые в науке) над переводами KG, $\acute{S}P$ и прочих четырех глав LTH.

Выявление системы пяти текстов в корпусе тантр учения Калачакра и определение места UTH в структуре данного корпуса позволили установить (в отношении LTH, KG и $\acute{S}P$, в том числе, на основе анализа композиционного замысла при их составлении) функциональное назначение его текстов, а также частично реконструировать процесс его формирования (см.: [4, с. 82–83]). Свой вклад в эту реконструкцию и в исследование структуры данного корпуса вносит и открытие общего текстового блока в SU и LT (представляющая эти результаты статья находится в печати).

При принятии указаний традиции учения Калачакра на то, что МТ существовала как комплектный текст, а также на то, что SU и LT являются извлечениями из МТ (как показано ниже, в SU и LT помимо частей, которые могут оказаться извлечениями из МТ (SU_{MT} , LT_{MT}), имеются оригинальные части), шесть тантр учения Калачакра (кроме UTH — нет указаний традиции учения Калачакра на текстуальную связь между UTH и какой-либо из этих шести тантр, а также не выявлены текстуальные соответствия между ними и UTH) составляют иерархическую трехуровневую систему текстов:

I. МТ.

II. SU, LT (связаны с МТ посредством SU_{MT} и LT_{MT} , а также связаны между собой посредством общего текстового блока).

III. LTH, KG, $\acute{S}P$ (связаны с LT посредством LTH_{LT} , KG_{LT} и $\acute{S}P_{LT}$).

В отсутствие МТ как комплектного текста невозможно установить истинность или ложность традиционных указаний на то, что SU и LT — извлечения из МТ. Однако нет сколько-нибудь веских оснований не принимать эти указания (см.: [Там же, с. 74]) (в том числе установленный факт наличия в SU и LT общего текстового блока находится в соответствии с ними). В развиваемом ниже описании, основанном на теории множеств, эти традиционные указания принимаются (выявленные отношения между SU, LT, LTH, KG и $\acute{S}P$ представлены в нем без каких-либо допущений).

В SU и LT можно определить части, которые однозначно являются оригинальными. В SU это — название сочинения и помещенные, соответственно, перед SU 1 и SU 2 указания на прямую речь Сучандры и Шакьямуни. Поскольку в SU 1 представлено обращение Сучандры к Будде с просьбой о проповеди (с указанием ее темы), а в SU 2 представлены согласие Будды (тема проповеди при этом дополняется) и призыв слушать, сами SU 1 и SU 2 также могут быть оригинальными частями SU (на основании имеющихся данных это предположение недоказуемо). Фраза поклонения (в одном или в обоих ее вариантах) также может оказаться оригинальной частью SU (фраза поклонения в МТ неизвестна).

Части LT, однозначно являющиеся оригинальными, — название сочинения, названия его глав, а также примерно два десятка разбросанных по нему строф, содержащих собственные высказывания царя Шамбалы Яшаса (полагается составителем и проповедником LT) и высказывания просителя этой его проповеди Сурьяратхи, предводителя риши Шамбалы (см.: [3, с. 60–65]). Согласно традиции учения Калачакра прочая часть LT (диалог Шакьямуни и Сучандры (задает несколько вопросов) в передаче Яшаса с сохранением их прямой речи) — комплекс переложенных в стихотворный размер срагдхара фрагментов МТ ($\cong 22,5\%$ указанного в «Вималапрабхе» объема МТ) (384 000 слога) [13, с. 18]. В результате установления мной факта представления частей двух фрагментов МТ в частях LT I.1 и LT I.2 выявлены следующие виды редакции: различное объединение пад, элиминация частей текста от групп строф до слов, употребление синонимов, изменение порядка слов (см.: [4, с. 77]). Возможно, оригинальной частью LT является и фраза поклонения (в одном или в обоих ее вариантах).

Посредством системы шести точечных множеств отношения между шестью тантрами учения Калачакра (кроме UTH) могут быть представлены графически в виде, представленном на рис. 1 (в отношении приводимых изображений точечных множеств я не буду прибегать к названиям «круги Эйлера» и (или) «диаграммы Венна» ввиду того, что в математической литературе имеются расхождения в определениях названных графических методов, и в круг задач данной работы не входит анализ этих расхождений, тем более что смысл выражения «система точечных множеств» вполне ясен, и как название оно адекватно применяемому графическому методу).

На рис. 1 множества A, B, D, E и F заданы в универсуме (универсальном множестве) U (множество U называется универсальным множеством для этого рассуждения (развиваемого описания), так как все множества, рассматриваемые в ходе данного рассуждения (в том числе само множество U), являются подмножествами множества U). Прямоугольная рамка, отмеченная в верхнем правом углу буквой U, ограничивает элементы универсума U. Элементы каждого из пяти заданных в универсуме U множеств A, B, D, E и F ограничивает замкнутая линия (круг) (эти пять областей обозначены в центре или (где этого не позволяет схема) в доступной близости к нему).

Посредством множеств U, A, B, D, E и F на рис. 1 представлены, соответственно, МТ, SU_{MT} , LT_{MT} , LTH_{LT} без фразы поклонения и частей, производных от оригинальных частей LT (данная фраза поклонения Калачакре, возможно, также является оригинальной частью LT), KG_{LT} и $\acute{S}P_{LT}$. Использование букв A, B, D, E и F при обозначении множеств основано на порядке расположения тантр учения Калачакра в его отделе в Ганджуре лхасской редакции (буква С не использована (пропущена) при обозначении множеств, поскольку третья тантра в указанном наборе — UTH).

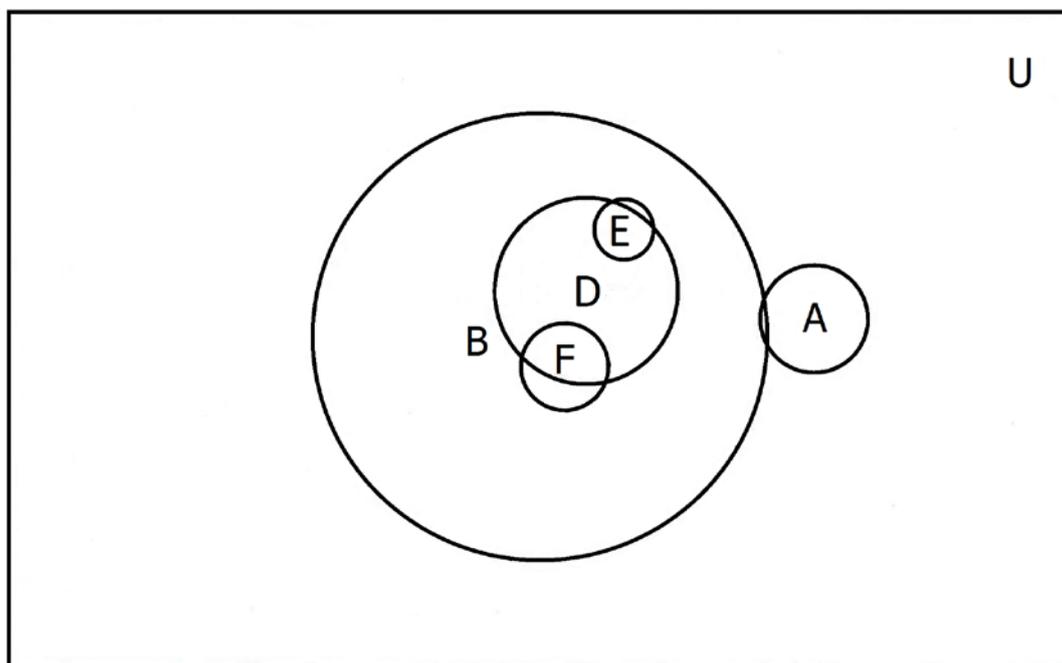

Рис. 1

Отношения мощностей (кардинальных чисел) всех множеств, представленных на рис. 1 (мощности рассматриваемых точечных множеств равны площадям соответствующих фигур), определены ($|B| / |F| \cong 28$; и пр.) исходя из объемов указанных шести текстов (в рамках развиваемого описания значимы отношения площадей заданных областей, но не сама величина площади любой из этих областей). При этом объем каждого из шести текстов измерялся в слогах, а не в строфах или падах (так, при составлении LTH из фрагментов LT использовались не только строфы, но и части строф вплоть до одной пады; см. [4, с. 78–80]), поскольку даже если именно строфы MT были использованы при создании SU и LT (исключая оригинальные части SU и LT), лишь в SU определенные строфы MT могут быть представлены непосредственно — при составлении LT было произведено изменение стихотворного размера, сохраненное затем в LTH и $\dot{S}P$, в то время как при создании KG было произведено изменение стихотворного размера уже со срагдхары на, предположительно, ануштубх.

Меры пересечений множеств на рис. 1 также определены исходя из отношения объемов общих текстовых блоков соответствующих текстов к объемам этих текстов. Таким образом, система шести множеств на рис. 1 отражает не только качественную сторону отношений между шестью этими текстами, но и указанную количественную сторону данных отношений.

При представлении посредством шести точечных множеств этих шести текстов не отражено то, что MT, LT и LTH состоят из пяти глав, что SU составлена согласно данным «Вималапрабхи», «Секкодеша-типани» [9] и комментария Будона (Bu ston, 1290–1364) [5] из фрагментов разных глав MT (это не указано явно в названных источниках, но установлено мной в результате их перекрестного анализа; этот результат представлен в статье, находящейся в печати), и что LTH_{LT} , KG_{LT} и $\dot{S}P_{LT}$ составлены из фрагментов разных глав LT (см.: [4, с. 78–81]). На рис. 1 выбор мест размещения множеств B и D, соответственно, в множествах U и B, а также мест пересечений множеств A и B, D и E, D и F не основан на выявленных отношениях между SU, LT, LTH, KG и $\dot{S}P$.

Формальное представление (методами теории множеств) MT посредством универсума U (за пределами универсума в данном рассуждении (описании) нет ничего: $\bar{U} = \emptyset$) совершенно согласуется по смыслу со статусом MT, определенным в учении Калачакра. В нем MT рассматривается как всеобъемлющий текст, в том числе, отождествляемый с Буддой посредством набора его 80 вторичных телесных признаков — Будон сообщает, что число 81 при характеристике MT (количество ее тем) указывает на набор этих 80 признаков и на тело, к которому они относятся [5, л. 17a]. Дж. Ньюман приводит следующее высказывание из калачакринской шастры «Гунабхарани»: «That which is not stated in the *Ādibuddha* (коренной текст учения Калачакра — А. С.) does not exist» [8, с. VII]. Согласно пред-

ставлениям адептов учения Калачакра в МТ Будда передает полное истинное знание (см. приведенный выше перечень глав МТ).

Представленные заданными в универсуме пятью множествами тексты — SU_{MT} , LT_{MT} , LTH_{LT} без фразы поклонения и частей, производных от оригинальных частей LT , KG_{LT} и $\acute{S}P_{LT}$ — составляют в рамках традиционных представлений, — соответственно, приблизительно 1,4, 22,5, 3,7, 0,39 и 0,8% объема МТ (на рис. 1 это отражено отношениями мощностей соответствующих множеств). Пересечение множеств A и B представляет общий текстовый блок в SU и LT (его объем указан выше, его содержание проанализировано в статье, находящейся в печати), пересечение множеств D и E — части LTH_{LT} и KG_{LT} , производные от LT I.1, LT IV.115–122 и LT IV.124–128 ($\cong 87\%$ объема KG_{LT} ; см.: [4, с. 78–81]), пересечение множеств D и F — части LTH_{LT} и $\acute{S}P_{LT}$, производные от LT III.118–119, LT III.121, LT III.124–126, LT IV.199 и LT V.112–126 ($\cong 59,5\%$ объема $\acute{S}P_{LT}$; см.: [4]).

Что касается места UTH в структуре корпуса тантр учения Калачакра, то согласно своему названию UTH создана как дополнение к LT (возможно, имелся и исходный в отношении UTH текст — на это может указывать определитель «хридая» (в пер. с санскр. «сердце (суть)») в названии сочинения; см.: [Там же, с. 77–78]). По-видимому, распространителям учения Калачакра потребовалось отдельное изложение темы должного и недолжного поведения и их кармических следствий, для чего и было создано (не из фрагментов МТ) легитимированное фигурой Яшаса (полагается воплощением Манджушри) соответствующее сочинение (передает эту его проповедь), и тем самым — в рамках традиционных представлений — не передающее (в отличие от прочих текстов корпуса) проповедь Будды.

В рамках развиваемого описания следует задать еще два множества в универсуме U : I (от англ. integrate) и \bar{I} (см. рис. 2). Множество I есть объединение множеств A и B : $I = A \cup B$ (при этом в множество B входят множества D , E и F ; множества A , B , D , E и F заданы в универсуме U ранее — все шесть множеств представлены на рис. 1). Множество \bar{I} есть дополнение множества I до универсума U ($\bar{I} = U - I$).

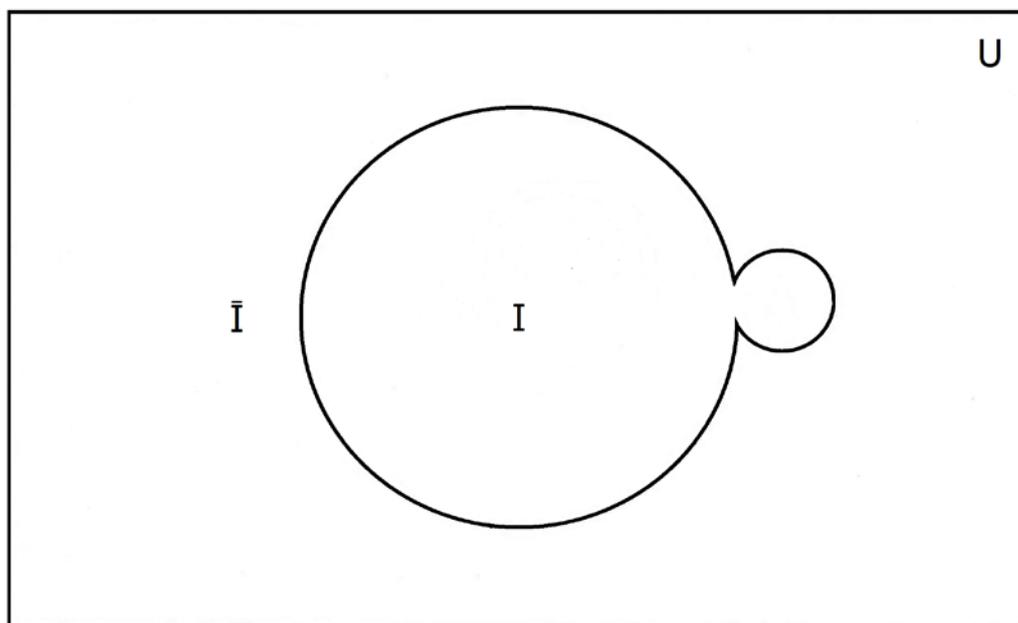

Рис. 2

Множество I представляет — в рамках традиционных указаний — части МТ, содержащиеся в целом в пяти производных от МТ тантрах ($\cong 23,9\%$ объема МТ, указанного в «Вималапрабхе»), в то время как множество \bar{I} — ее прочие части (отношения площадей всех областей на рис. 2 определены — он произведен от рис. 1). Известна лишь крайне незначительная их доля по имеющимся в различных индийских и тибетских текстах фрагментам МТ. Для оценки этой доли необходимо составить свод данных фрагментов — эта работа (важная для исследования учения Калачакра прежде всего в плане изучения его содержания) на настоящий момент не проведена.

Выявление в отношении пяти сочинений (SU , LT , LTH , KG и $\acute{S}P$) из числа семи сочинений, образующих корпус базовых текстов учения Калачакра, иерархической двухуровневой системы дало

ключ к пониманию и переводу трех из них (LTH, KG и ŚP). Также выявление указанной системы текстов и определение места UTH в структуре корпуса базовых текстов этого учения позволили установить функциональное назначение текстов данного корпуса и частично реконструировать процесс его формирования. В рамках указаний традиции учения Калачакра (на основании имеющихся данных их истинность или ложность недоказуема) построена иерархическая трехуровневая система шести текстов названного корпуса. Выявление системы его пяти текстов и построение системы его шести текстов позволили применить в его исследовании методы теории множеств. Представление отношений между шестью текстами данного корпуса посредством системы шести точечных множеств придало наглядность ряду полученных результатов. Таким образом, применение методов теории систем и теории множеств в исследовании корпуса базовых текстов учения Калачакра позволило получить новое знание о данном корпусе текстов (представив также ряд аспектов этого знания наглядным образом) и поставить новые задачи в рамках данного исследования.

Литература

1. Будон Ринчендуб. История буддизма / пер. с тибет. Е. Е. Обермиллера, пер. с англ. А. М. Донца. СПб., 1999.
2. Пятая глава «Шри-Калачакра-лагху-тантра-раджа-хридаи» / пер. и коммент. А. М. Стрелкова // Буддизм России. 2012. № 44. С. 4–22.
3. Стрелков А. М. Моление о рождении в северной Шамбале. Улан-Удэ, 2013.
4. Стрелков А. М. Корпус базовых текстов учения Калачакра // Восток. 2015 г. № 4. С. 172–184.
5. Bu ston rin chen grub (Будон Ринчендуб). 'Grel bshad (Комментарий) // sDus pa'i rgyud kyi rgyal po dus kyi 'khor lo'i 'grel bshad | rtsa ba'i rgyud kyi rjes su 'jug pa stong phrag bcu gnyis pa dri ma med pa'i 'od («Вималапрабха» в ред. Будона). Т. 1 (XI, XX в., колл. А. М. Стрелкова).
6. dBang mdor bstan pa («Секоддеша») // sDe dge bKa' 'gyur (Ганджур дэргэской редакции). Т. 1. Л. 14а–21а.
7. dPal dus kyi 'khor lo bsdu pa'i rgyud kyi rgyal po'i snying po («Шри-Калачакра-лагху-тантра-раджа-хридая»). sKu 'bum byams pa gling (Гумбум Джамба лин) (факсимиле XI) // Andrey M. Strelkov. An Essence of the Kālacakra teaching in the Śrī-kālacakra-laghu-tantra-rāja-hṛdaya. Discovery of two early editions of the Tibetan translation. Ulan-Ude, 2011. С. 237–263.
8. Newman, John R. *The Outer Wheel of time: Vajrayana Buddhist cosmology in the Kālacakra tantra*. Ph.D. dissertation. Madison: University of Wisconsin, 1987.
9. Sā dhu pu tra dPal 'dzin dga' ba (Садхупутра Шридхарананда). dBang mdor bstan pa'i mdor bshad («Секоддеша-типани») // sDe dge bsTan 'gyur (Данджур дэргэской редакции). Т. 12. Л. 289а–302б.
10. *Sekoddeśa* / Ed. by R. Gnolli // Journal of Rare Buddhist Texts. 1999. № 28. P. 146–166.
11. *Śrīkālacakratantarāja* / Ed. by B. Banerjee. Bibliotheca Indica. 1985. Ser. 311.
12. Strelkov, Andrey M. An Essence of the Kālacakra teaching in the Śrī-kālacakra-laghu-tantra-rāja-hṛdaya. Discovery of two early Tibetan translations. Ulan-Ude: Udumbara, 2011.
13. *Vimalaprabhā*. Vol. 1 / Ed. and ann. by J. Upādhyāya. Bibliotheca Indo-Tibetica. 1986. Ser. XI.

THE METHODS OF SYSTEM THEORY AND SET THEORY IN SOURCE STUDY. ANALYSIS OF THE CORPS OF THE KĀLACAKRA TEACHING BASE TEXTS

Andrey M. Strelkov

Ph.D. in History, editorial director,

Publishing House «Udumbara»

119 / 59, Tobolskaya st., Ulan-Ude, 670042, Russia

The article presents the use of methods of System Theory and Set Theory in the study of the corps of base texts of the Kālacakra teaching (the Buddhist teaching, which appeared in India at the end of the third decade of the XI century). By means of these methods was revealed hierarchical two-level system for five of the seven texts that constitute named corps, was determined functionality of the texts of this corps, was partly reconstructed process of forming of it, was constructed the graphic image for the relations between six texts of this corps (the relations between five texts, that constitute named system, and root text (there are only fragments of it) are described in accordance with the opinion of the Kālacakra teaching tradition) by means of the system of six point sets (some results, which were received, have gained the clearness due to this image), as well as were set new tasks in the study of base texts of the Kālacakra teaching.

Keywords: Kālacakra teaching; tantra; System Theory; hierarchical multilevel system; Set Theory; point set; power of a set (cardinal number).

УДК 94(517.3)

ОТ ВЕЛИКОЙ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ К ЭПОХЕ «МАЛЫХ ХАНОВ»: АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ

© **Гомбожапов Александр Дмитриевич**

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии БНЦ СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: agombozh@gmail.com

© **Нолев Евгений Владимирович**

кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии БНЦ СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: nolev@inbox.ru

В статье на основе историографического анализа обозначены актуальные направления в изучении распада Великой Монгольской империи и формировании владений «малых ханов» на территории бывшего коренного улуса. Показана эволюция взглядов исследователей в понимании причин распада государства Чингис-хана и его наследников. Особое внимание уделяется теоретическим основаниям исторических концепций распада Монгольской империи в отечественной и зарубежной историографии: от провиденциализма до современных подходов к изучению кочевых обществ и кочевых цивилизаций с позиции культурологии, социальной и политической антропологии. Представлена классификация причин распада крупнейшей империи Средневековья, обусловленных рядом факторов экономического, политического, социального и культурного характера. Рассмотрены дискуссии по вопросу о продолжительности существования Монгольской империи. Проанализированы новые подходы в области изучения периода «малых ханов» и формирование монголо-маньчжурских отношений.

Ключевые слова: историография; монголоведение; Великая Монгольская империя; Чингисхан; кочевые общества; эпоха «малых ханов».

Процесс трансформации государственных структур кочевников Центральной Азии, ознаменованный распадом Великой Монгольской империи и формированием владений «малых ханов» на территории бывшего коренного улуса, является одним из приоритетных направлений современного монголоведения. В научном плане многообразие гипотез крушения последней кочевой империи сменяется скудостью источников эпохи малых ханств. В общественно-политическом смысле в этот период формируются геополитические контуры, определившие векторы политического развития Центральной Азии в последующие века. Попытки понять причины распада крупнейшей Евразийской державы, созданной Чингисханом, определялись уровнем исторического сознания и представлениями о кочевниках в различные исторические периоды.

В провиденциальной концепции Европейского средневековья нашествие монголов воспринималось как «бич Божий» и «наказание за грехи». Уход монгольских войск из Европы и победа Ивана III над Ордой трактовались помощью и заступничеством высших сил. Средневековый арабский мыслитель Ибн-Халдун причину падения кочевых держав объяснял природой номадных обществ. Кочевники, согласно его концепции, объединялись в так называемые «асабийи» — систему родственных групп с общими интересами для завоевания земледельцев и создания «ксенократического» государства. Длительность существования такого государства ограничивалась тремя-четырьмя поколениями. Первое поколение были завоевателями. Среди представителей второго поколения, живущих в роскоши и изнеженности, усиливалось неравенство среди завоевателей, в административных центрах формировались тенденции сепаратизма. В третьем поколении происходило усиление деградации и энтропии власти. Дальнейшую судьбу кочевого государства Ибн-Халдун описывал в двух перспективах: быть завоеванным с целью создания нового политического механизма или исчезнуть [13, с. 13-14].

Европейские мыслители XVIII в. – первой половине XIX в. отождествляли кочевников с варварами, для которых характерно доцивилизационное состояние. Их роль в мировой истории объявлялась ситуативной, подобной «опустошительному лесному потоку», который, согласно концепции Г. Гегеля, несет лишь разрушения, а затем опять исчезает «так как нет в нем подлинного жизненного нача-

ла». Подобная трактовка исключала необходимость поиска закономерностей развития кочевого общества. Примечательно, что подобная традиция продолжается в работах А. Дж. Тойнби, где кочевники объявляются обществом, у которого нет истории [17, с. 192].

Более пристальное внимание истории Великой Монгольской империи и причинам ее распада уделялось в отечественном дореволюционном монголоведении. Во-первых, зародыш разрушения империи виделся в политическом порядке престолонаследия, установленным Чингисханом (М. И. Иванин, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Н. Я. Коростовец). Соблюдение принципа выбора в правители империи самого достойного из рода Чингисхана было трудновыполнимым в последовавшее время, что способствовало организации дворцовых интриг и выбора в ханы «людей слабого характера и ограниченных способностей» [10, с. 50]. Во-вторых, монголы, составлявшие, по выражению В. Л. Котвича, «ничтожное меньшинство» среди покоренных народов, стали тонуть в инородной среде. В-третьих, монголы утратили военный опыт и навык побеждать (В. Л. Котвич, Г. Е. Грумм-Гржимайло), что привело к «затушеванию в глазах покоренных народов обаяния побед и ужасов жестоких расправ с непокорными, с одной стороны, и потушили воинственный пыл в монгольском народе — с другой» [11, с. 7; 6, с. 509]. В-четвертых, Н. Я. Коростовец отмечал, что падению империи мог способствовать чрезмерный выпуск бумажных денег, что привело к инфляции, всеобщему обнищанию и недовольству [12, с. 14].

Академик В. В. Бартольд видел причины распада империи Чингисхана, в разложении родовых отношений. Созданная империя рассматривалась как собственность всего правящего ханского рода. В то же время экономическая самостоятельность и достаточность военных ресурсов правителей отдельных улусов обеспечили относительную автономность. Как следствие, отпала необходимость в родовой солидарности. «Вследствие расширения пределов империи, т. е. общей собственности Чингизидов, такой момент наступил и для ханского рода; отдельные царевичи получили возможность поддерживать свою власть в покоренных областях без помощи своих родичей; не сдерживаемые больше влиянием такой могучей, одинаково авторитетной для всех личности, какой был Чингисхан, они скоро сделались главами самостоятельных государств» [1, с. 265]. Отсутствие согласованности и противоречия между правителями различных частей империи были углублены также тем обстоятельством, что они были воспитаны в различной культуре. «Преемники Чингиз-хана, продолжая давать образование своим сыновьям, не следовали в этом отношении никакой системе; в некоторых семьях, между прочим даже в семье второго кагана Угэдэя, одни сыновья получали христианско-уйгурское воспитание, другие — мусульманское, что, конечно, могло только содействовать раздорам и междоусобиям, и без того вызванным расширением пределов империи и отсутствием солидарности интересов» [1, с. 264–265].

Академик Б. Я. Владимирцов, подтверждая мнение В. В. Бартольда, говорил о неизбежности распада в силу организации монгольского общества не только на родоплеменных принципах, но и на феодальных [5].

В позднейшей советской историографии вопрос о распаде Монгольской империи рассматривался преимущественно с точки зрения формационного подхода и классовой борьбы. Главными причинами крушения военно-феодальной империи, созданной монгольскими завоевателями, в свете указанных направлений господствующей парадигмы объявлялись: 1) борьба покоренных народов, стоявших в большинстве своем на более высоком культурном и хозяйственном уровне развития, с завоевателями; 2) жесткая эксплуатация трудящихся масс самой Монголии со стороны своей феодальной знати; 3) отсутствие прочных экономических связей между различными частями империи.

Альтернативная точка зрения в это время была сформирована в трудах представителей евразийской школы. Они считали, что благодаря монгольскому завоеванию Русь была втянута в общий ход евразийских событий, а Москва в итоге стала наследницей монголов и приняла общеевразийскую объединительную роль.

Г. В. Вернадский отмечает, что с момента своего возникновения и на протяжении всего периода своего существования «монгольская империя была наполнена внутренними конфликтами и стояла перед лицом постоянно нарастающих противоречий» [4, с. 136]. Угрозу распада империи, по его мнению, несли сами базисные принципы организации империи: несовместимость между имперской системой и феодальной природой монгольского общества; отсутствие «абсолютной согласованности действий» на уровне империи и ханств; обширность империи и «примитивность технологических условий». Междоусобные войны преемников Чингисхана Г. В. Вернадский рассматривал по аналогии с явлением феодальной раздробленности, полагая, что территория коренного улуса была объектом

притязаний со стороны всех потомков Чингисхана [4, с. 137]. К тому же разрастание правящего рода детерминировало выделения каждому члену золотого рода военных и административных должностей, что в скором времени привело к замене правящего слоя «монгольской нации» родовой элитой. «Принимая это во внимание, можно сказать, что подъем влияния князей не мог не затронуть эффективность действий армии. В действительности оказались подорваны два важных принципа Чингисхана: равенство на службе и продвижение на основе способностей» [4, с. 139].

В западной историографии XX в. среди причин распада Монгольской империи выделяются разобщение улусов и влияние мировых религий, что способствовало развитию междоусобиц (Д. Чемберс), противоречие между кочевыми традициями и этатистским характером государства Чингисхана (Ж. Легран).

В монгольской историографии XX в. акцентируется внимание на борьбе за великоханский престол, разгоревшейся после смерти Мункэ-хана. В оценке Чулууны Далая главным отличием этой борьбы стал вопрос сохранения центра империи: «...усилия Ариг-Бога, направленные на то, чтобы сохранить административный центр Монголии в Каракоруме, были положительным фактом для истории Монголии, а деятельность Хубилая, который перенес свою столицу в чужую страну, — отрицательным» [7, с. 173]. Победа Хубилая имела глубокие последствия для исторических судеб собственно монгольского государства.

Рубеж XX–XXI вв. ознаменован усилением интереса к истории государства Чингисхана и его потомков. В отечественной историографии это было обусловлено отказом от марксистской парадигмы, открывшим новые перспективы исследования кочевых обществ. Ввод новых источников и переосмысление роли Монгольской империи в мировой истории, сопровождающееся признанием «Washington Post» Чингисхана человеком тысячелетия и масштабным празднованием 800-летия со времени образования Монгольской империи в 2006 г., вызвали всплеск интереса к изучению монгольского наследия среди зарубежных исследователей.

В современной западной историографии выделяются следующие факторы упадка Монгольской империи: 1) наследование в нарушение традиционных представлений о передаче власти [23]; 2) преобладание внутренних интересов улусов над имперскими [2]; 3) сращивание кочевой элиты с господствующим классом оседло-земледельческих государств [24]; 4) необходимость постоянной экспансии как самоцель Монгольской империи [3].

В современной монгольской историографии распад империи Чингисхана рассматривается, преимущественно, как следствие борьбы за ханский титул между его потомками вследствие неотрегулированного порядка престолонаследия [27, с. 196]. В 1995 г. исследователем из Тайваня Чхао Чху-ченгом, проходившем обучение в аспирантуре в Казани, было подготовлено диссертационное исследование, посвященное теме распада сверхдержавы монголов в 60-х гг. XIII в., позднее опубликованное в виде монографии в 2008 г. На основе сравнительно-сопоставительного анализа различных источников и широкого привлечения исследований китайских, монгольских и японских авторов, сравнительно лучше освещающих ситуацию распада Монгольской империи в силу отражения данных событий в используемой ими источниковой базе, были выявлены следующие комплексы факторов распада. «Экономические: возрастающая имущественная дифференциация; соперничество за влияние в торговой сфере; переход кочевников к оседлой жизни и стремление сохранить кочевой уклад, что приводило к социально-экономическим противоречиям. Политические: наличие кризисов в политической системе Монгольской империи; несовершенство закона о престолонаследии; конфликты из-за традиционного представления о родовой собственности; столкновение интересов военно-политических группировок. Этнокультурные: конфликты между различными культурами и традициями; разрушение единства культуры самих монголов» [19, с. 97–99]. Отмечая тесную взаимосвязь и взаимодействие указанных факторов, автор все же подчеркивает ключевое значение социально-экономических причин, предопределивших развитие новых феодальных отношений в недрах скотоводческого уклада, изначально конструировавшего политическую систему и культурное мышление монголов. Усиление сформировавшейся в результате этих процессов феодализирующейся монгольской аристократии на местах привело к нарастанию сепаратистских устремлений, «автономизации» улусов, разрушению духовного единства монголов и краху государственной идеи Чингисхана.

Дальнейшее осмысление вопроса на новом концептуальном уровне перевело обсуждение проблемы в теоретическую плоскость исследования кочевых обществ и кочевых цивилизаций с позиции новейших достижений в области геополитики, культурологии, социальной и политической антропологии.

Авторы монографии «Империя Чингисхана» Н. Н. Крадин и Т. Д. Скрынникова выделяют наиболее общие причины распада, характерные для циклов развития любой империи, и, непосредственные, касающиеся внутреннего развития монгольской империи. Среди причин общего характера указаны сокращение поступления прибавочного продукта в метрополию извне, расширение территории империи выше оптимального предела. Основной причиной распада монгольской империи, по мнению авторов, стала специфическая удельно-лестничная система наследования власти. Конкретной и непосредственной причиной стало распространение пандемических заболеваний, разрушивших глобальную мир-систему XIII–XIV вв. [13, с. 486].

Согласно точке зрения А. М. Хазанова, с исчерпанием поступающих ресурсов дальнейшая эволюция кочевого государства подходит к своему завершению либо продолжает развиваться, трансформируясь в оседло-земледельческо-городской тип общества или в государство, в котором и кочевники, и земледельцы были интегрированы в единую социально-политическую систему. По мнению исследователя, «прекращение широкомасштабных завоеваний совпало, и едва ли случайно, с началом распада империи» [18, с. 262].

По мнению Г. Г. Пикова, кочевая организация времен Чингисхана достигла предела своего развития. Неспособные эволюционировать в иное политическое, экономическое, социальное и культурное состояние, кочевники стали включать в свои крупные государственные образования территории земледельцев. При этом военная мощь не была подкреплена объединяющей идеей. Полиэтничность и толерантность монголов обостряли межэтнические противоречия и конкуренцию мировых религий, в то время как мироустроительная функция монгольской культуры была еще недостаточна развита. Автор приходит к выводу, что евразийская империя в те времена была просто невозможной [15, с. 194–197].

В исследованиях обоснованно ставится вопрос о времени распада Монгольской империи. Часть историков полагает, что окончательное закрепление независимости улусов произошло после курултая 1259 г., во время которого правители улусов Джучи, Чагатай и Угедэя признали друг друга суверенными ханами, закрепив за собой этот титул, и объединились против Великого хана. Другие, считающие указанное событие началом гражданской войны, после которой Монгольская империя была восстановлена в форме имперской конфедерации, называют в качестве верхней границы 1368 год, когда монголы утратили Китай. При этом отмечается сохранение в течение всего указанного периода общеимперской структуры над улусами, имперского центра и имперской идентичности. Вместе с тем присутствует мнение, согласно которому верхней границей существования Монгольской империи являются 1388–1389 гг., когда произошел официальный отказ от божественного мандата Чингисхана на мировое господство. Диалектика указанных вариантов привела к формированию компромиссной концепции о существовании двух Монгольских империй [16, с. 106–113].

Для постюаньского периода характерен ограниченный круг источников на монгольском языке, связанный с упадком и обрывом историографической традиции. Основные события монгольской истории были зафиксированы по большей части в китайских источниках. В связи с этим обращает на себя внимание ввод в англоязычную историографию монгольского источника «Эрдэни тунамал нэрэту судар» (Erdeni tunumal neretü sudur oroshiba). Летопись повествует о жизни и деятельности Алтан-хана тумэтского (1507–1582) и его потомков. Особое внимание, уделяемое к данному источнику, объясняется тем, что он является основным собственно монгольским источником, отражающим события шестнадцатого века изнутри. В то же время правление Алтан-хана является ключевым периодом в трансформации монгольской государственности и формирования единого общественного сознания. Большинство исследований этого периода опираются на китайские и тибетские источники. Ввод указанного источника позволил исследовать базовые принципы формирования новой монгольской идентичности. Именно в этом ключе представлены работы Йохана Эльверскога. Его докторская диссертация «Буддизм, история и власть: драгоценная полупрозрачная сутра и формирование монгольской идентичности» (“Buddhism, History, and Power: The Jewel Translucent Sutra and the Formation of Mongol Identity”) [22] построена на детальном изучении источника «Эрдэни тунамал нэрэту судар». Йохан Эльверског показал глубинную трансформацию содержания понятий народ и государство (ulus и tögö). Произошло преобразование в восприятии границ монгольского политического пространства времен Даян-хана. По его мнению, Алтан-хан не пытался воссоздать Монгольской империи юаньского периода, а скорее утверждал свою власть в рамках собственного наследственного удела, предоставляя различным монгольским ханам претендовать на легитимность в управлении независи-

мо друг от друга. Алтан-хан способствовал тем самым последующей фрагментации монголов во время поздней династии Мин. Более того, правление Алтан-хана оказало решающее значение на формирование современной монгольской идентичности, поскольку именно оформление политической раздробленности стало фактором, имевшим пагубные последствия в связи с появлением нового сильного игрока — маньчжурского государства.

В представленной картине политической фрагментации постюаньской Монголии имеются противоречия с суждениями монгольской историографии, согласно которой политическая деятельность Алтан-хана была направлена на объединение монгольских ханств в единое государство времен Даян хана.

Практически одновременно с изданием Й. Эльверскога выходит в свет исследовательский перевод с обширными комментариями Каренины Кольмар-Пауленц — «*Erdeni tunumal neretü sudur. Die Biographie des Altanqayander Tümed-Mongolen*» [27]. В отличие от Эльверскога Каренина Кольмар-Пауленц больше сосредоточена на источниковедческой стороне. Ею проведено систематическое сравнение с монгольскими и тибетскими источниками XVI–XVII вв. Не менее подробно раскрываются особенности тибето-монгольских отношений.

Особое место в монгольской историографии занимает проблема раннего этапа маньчжуро-монгольских взаимоотношений. В связи с этим необходимо обратить внимание на представителей такого направления исторической школы, как «Новая история династии Цин» (*New Qing History*).

Новый этап в изучении цинского периода в истории Китая связан с вводом в научный оборот маньчжурских письменных памятников по истории и культуре. Признание важности и исторической ценности за источниками на маньчжурском языке и введение их в научный оборот, а также доступ к новым материалам в архивах Китая способствовали становлению новых принципиально иных взглядов на значение периода Цин в истории Китая.

Несмотря на различную позицию в некоторых вопросах исследователей (М. Эллиот, П. Кроссли, П. Пердью и др.), для них характерно общее понимание империи Цин как полиэтничной державы на евразийском пространстве. В связи с этим роль и значение монгольских племен в структуре империи, характер маньчжуро-монгольских взаимоотношений стали пересматриваться.

В статье Николо Ди Космо «От альянса к опеке: исторический анализ маньчжурско-монгольских отношений перед завоеваниями Цин» представлено более полное политическое обоснование маньчжуро-монгольских связей. Разбираясь в сложной терминологии и контекстах переписки с южномонгольскими князьями, автор приходит к выводу об эволюции отношений от системы договоров и брачных союзов к созданию сложной территориальной и политической организации — знаменной системы и Лифаньюань (Палаты внешних сношений). По мысли Ди Космо, сложный административный аппарат был сгенерирован политическим процессом предшествовавшем окончательному включению внутренней Монголии в империю Цин (1644 г.). Знаменная система была создана как двойная военно-административная организация под руководством цинского правительства.

Ди Космо считает, что целью создания знаменной системы было скорее не привлечение южномонгольских княжеств на военную службу, а сколько упорядочение управления и отношений с монгольскими ханствами. На основе опыта взаимоотношений с монгольскими княжествами, по мнению Ди Космо, были заложены и сформированы долгосрочные стратегии приграничной политики империи Цин [20].

Согласно мнению П. Пердью, близость маньчжурской культуры к степной позволила династии Цин, в отличие от предшествующих династий, преодолеть исторически сложившиеся территориальные барьеры на северо-западной границе Китая. Как и киданьская (Ляо) и чжурчжэньская (Цзинь) династии правители Цин объединили оседлое и кочевое общества в одно целое, создав при этом действенную систему двойного управления. Прагматичный подход позволил цинам совместить несколько традиций: маньчжурскую знаменную систему, централизованную бюрократию, тибетский буддизм и монгольскую систему управления. По мнению Пердью, именно союз с монгольскими племенами обеспечил успешное продвижение маньчжуров за пределы Великой китайской стены [25].

Проведенный историографический обзор позволяет определить исследовательскую перспективу, состоящую, прежде всего, в комплексном изучении феномена монгольской государственности периода империи и «малых ханов» в категориях западной и восточной политических систем.

Литература

1. Бартольд В. В. Образование империи Чингиз-хана. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука, 1968. С. 253–265.
2. Барфилд Т. Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.). СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ; «Нестор-История», 2009. 248 с.
3. Бербэнк Д., Купер Ф. Взлет и падение великих империй. М.: Изд-во АСТ, 2015. 528 с.
4. Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь: ЛЕАН, М.: АГРАФ, 1997. 480 с.
5. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1934. 223 с.
6. Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Том второй. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л.: Типография Главного Ботанического Сада, 1926. 905 с.
7. Далай Ч. Монголия в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1983. 232 с.
8. Дугин А. Г. Чингис-хан и монголосфера // Русь Монгольская: Чингис-хан и монголосфера. М.: Аграф, 2002. С. 282–300.
9. История Монгольской Народной Республики. М.: Наука, 1983. 660 с.
10. Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. Улан-Удэ: Соел-Культура, 2007. 254 с.
11. Котвич В. Л. Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии. СПб.: Издание общества «Картографическое Заведение А. Ильина», 1914. 44с.
12. Коростовец И. Я. От Чингис Хана до Советской республики. (Краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени). Улан-Батор: ЭМГЭНТ, 2004. 560с.
13. Крадин Н. Н. Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит., 2006. 557 с.
14. Лушников О. В. Монгольская империя в историографии XVIII–XX вв. Казань: Фэн АН РТ, 2009. 116 с.
15. Пиков Г. Г. Европа и Монголы в XIII в. // История небесной империи. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 169–201.
16. Почекаев Р. Ю. Вторая империя Монголов: притязания и действительность // Монгольская и Российская историография Великой Монгольской империи. Улаанбаатар: Изд-во Ин-та истории Академии наук Монголии, 2009. С. 106–113.
17. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Айрис-Пресс, 2010. 640 с.
18. Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. СПб., 2008. 512 с.
19. Чху-ченг Чхао. Распад Монгольской империи. Казань, 2008. 108 с.
20. Cosmo Nicola Di. From Alliance to Tutelage: A Historical Analysis of Manchu – Mongol Relations before the Qing Conquest / Nicola Di Cosmo // Front. Hist. China. - 2012, 7 (2). P. 175–197.
21. Elverskog J. Our Great: The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China. University of Hawaii Press, 2006. 242 p.
22. Elverskog J. Buddhism, history and power: The Jewel Translucent Sutra and the formation of Mongol identity. Indiana University, ProQuest Dissertations Publishing. 2000.
23. Jackson, P. The Dissolution of the Mongol Empire // Central Asiatic Journal. Vol. 22, №3/4. 1978. P. 186–244.
24. Morgan D. The Decline and Fall of the Mongol Empire // Journal of the Royal Asiatic Society. Vol. 19. Issue 4. 2009. P. 427–437.
25. Perdue P. C. China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 2005. 725 p.
26. Kollmar-Paulenz Karenina. Erdeni tunumal neretü sudur. Die Biographie des Altan qayan der Tümed-Mongolen / Karenina Kollmar-Paulenz // Ein Beitrag zur Geschichte der religionspolitischen Beziehungen zwischen der Mongolei und Tibet im ausgehenden 16. Jahrhundert. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 2001. 390 s.
27. Монгол улсын түүх. Дэд боть (XII – XIV зууны дунд үе). Улаанбаатар, 2003. 537 с.

FROM THE GREAT MONGOL EMPIRE TO THE ERA OF MONGOL KHANATES OF POST YUAN PERIOD: TOPICAL ISSUES OF HISTORIOGRAPHY

Alexandr D. Gombozhapov

Ph.D. in History, senior researcher,

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences
6, Sakh'yanovoi st., Ulan-Ude, 670047, Russia

Evgeniy V. Nolev

Ph.D. in History, researcher,

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences
6, Sakh'yanovoi st., Ulan-Ude, 670047, Russia

The article represents a historical review of the works devoted to the history of the collapse of the Great Mongol Empire and formation Mongol khanates of post Yuan period. The evolution of the views of researchers on the causes of the collapse of the state of Genghis Khan and his successors was presented by the authors. Special attention is given to the research of the theoretical foundation of historical concepts of the Mongol Empire's collapse in the domestic and foreign historiography. There are many different theories from providentialism to contemporary approaches of the study of nomadic societies and nomadic civilizations on the basis of cultural studies, social and political anthropology. The classification of the political, economic, social and cultural causes of the collapse of the largest empire of the Middle Ages was given in the article. The authors considered discussion about the period of the existence of the Mongol Empire. New directions in the study of Mongol khanates of post Yuan period and the early stage of the Manchu-Mongolian relations were analyzed.

Keywords: historiography; Mongolian studies; The Great Mongol Empire; Genghis Khan; nomad societies; Mongol khanates of post Yuan period.

УДК 001 (091)(517.3)

ТРАДИЦИИ ВОСТОКОВЕДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ. К 195-ЛЕТИЮ Д. БАНЗАРОВА

© Полянская Оксана Николаевна

кандидат исторических наук, доцент,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: PolGrab@mail.ru

Статья представляет основные вехи биографии ученого, монголоведа Доржи Банзарова, сыгравшего важную роль в становлении научного монголоведения, в контексте развития востоковедного образования России в XIX — начале XX в. Д. Банзаров — важное звено в большой цепи развития научного монголоведения в России, где главной составляющей является и востоковедное образование. Становление ученого Д. Банзарова с мировым именем за короткий срок свидетельствует о правильности выстраивания последовательного изучения востоковедных дисциплин, которое брало свое начало в средних учебных заведениях специального профиля. Д. Банзаров относится к плеяде авторитетных ученых, стоявших у истоков научного монголоведения и заложивших традиции востоковедного образования, следование которым позволило российской науке в этом направлении добиться внушительных результатов. Об этом необходимо помнить, и память о Доржи Банзарове передавать молодому поколению, рассказывая о нем и увековечивая его имя в названиях учебных заведений, научных обществ. Возвращение имени ученого Бурятскому государственному университету — свидетельство уважительного отношения к его научному наследию.

Ключевые слова: монголоведение в России; Казанский университет; Первая Казанская гимназия; Русско-монгольская войсковая школа в Троицкосавске; Д. Банзаров; О. М. Ковалевский; А. В. Попов; А. М. Позднеев.

История монголоведения многогранна, она включает в себя такие важные составляющие, как возникновение научного монголоведения, истоки которого начинаются с деятельности знатоков — переводчиков языка монгольских народов; основные направления дальнейшего развития; востоковедное образование — подготовка специалистов-монголоведов, и, наконец, деятельность ученых как основа научного и образовательного процесса. Доржи Банзаров (1822–1855) — ученый-бурят, первым получивший европейское образование в стенах Казанского университета. Его становление как ученого проходило под влиянием авторитетной профессуры России первой половины XIX в., в том числе востоковеда, основоположника научного монголоведения Осипа Михайловича Ковалевского (1801–1878). Он обозначил круг основных проблем, решением которых должны были заниматься исследователи, чтобы монголоведение стало поистине научным направлением: монгольский язык, фольклор, религиозное мировоззрение монголов, необходимо было постичь основы буддийской философии, а также изучить народные верования — шаманизм, основанный на правилах и не зафиксированный письменными законами, что представляло угрозу утраты наследия устной культуры. Также О. М. Ковалевский поставил вопрос о важности подготовки кадров монголоведов, с особой тщательностью отбирал студентов, предлагая в соответствии с их возможностями направление их научной работы. Кроме того, он фактически обозначил эффективную структуру востоковедного образования, в которой важное звено составляло среднее учебное заведения востоковедной направленности. Таким заведением в первой половине XIX в. была Первая Казанская гимназия, связанная с Казанским университетом, преподаватели которого вели в ней восточные дисциплины, а потом лучшие из гимназистов поступали в университет.

Однако на протяжении XIX в. эта структура востоковедного образования претерпела некоторые изменения. В связи с концентрацией востоковедения в Петербурге восточный разряд Казанского университета был переведен в Петербургский университет в 1855 г. Казанский университет и гимназия утратили ведущие позиции по подготовке востоковедов. В Петербурге, как позже отмечал известный монголовед и организатор востоковедного образования А. М. Позднеев (1851–1920), «многое было утрачено... в преподавании языков» [3, с. 145]. В 1905 г. он, анализируя организацию изучения Востока в русских учебных заведениях, фактически призывал не отказываться от структуры востоковедного образования и тех принципов обучения языкам и истории Востока, которые были предложены О. М. Ковалевским в начале XIX в., т. е. «сеть учебных заведений должна быть шире, причем

средние учебные заведения должны быть самостоятельными, а не представлять из себя обычную среднюю школу с насильно внедренными специальными востоковедными дисциплинами» [3, с. 146]. Сам А. М. Позднеев продолжал традиции монголоведного образования России, занимался постановкой учебного процесса в Восточном институте во Владивостоке (основан в 1899 г.) или Практической восточной академии (1910) в Петербурге; он, как и его предшественники — монголоведы О. М. Ковалевский и А. В. Попов, для блестящего овладения студентами монгольским языком приглашал лекторов — носителей языка, что считал важнейшей составляющей успешного обучения языку, а также «занимать постоянно студентов чтением и переводом с комментариями возможно большего числа текстов преимущественно исторического содержания, переходя от более легких, печатных, к труднейшим рукописным» [3, с. 145].

Доржи Банзаров сначала получил начальное образование в «Русско-монгольской войсковой школе» Троицкосавска, «положение» о которой было разработано О. Ковалевским во время его пребывания в Восточной Сибири (1828–1833). Школа начала работать в 1833 г., О. М. Ковалевский надеялся на то, что учащиеся этой школы будут получать качественные знания, которые станут основой для их дальнейшего обучения. Составив «Положение о русско-монгольской войсковой школе» (1832), ученый-просветитель заложил основы европейского образования среди бурят. Вернувшись в Казань, О. М. Ковалевский обращается с предложением к попечителю Казанского учебного округа принять несколько подростков из бурят в Казанскую гимназию, мотивируя, что это будет полезным для всего бурятского народа, среди которого появятся первые европейски образованные его представители. Благодаря содействию профессора О. М. Ковалевского четверо талантливых бурятских мальчиков после окончания этой школы были направлены для обучения в европейскую гимназию в Казань, среди них был и Доржи Банзаров [4, с. 76–81].

О. М. Ковалевский всячески содействовал разностороннему образованию юношей, поощряя стремление к знаниям. Так, Д. Банзаров обратился к О. М. Ковалевскому с просьбой о ходатайстве перед начальством посещать занятия по санскриту, необходимого для изучения буддийских сочинений. Профессор написал М. Н. Мусину-Пушкину 13 сентября 1842 г.: «Студент первого курса по разряду монгольской словесности Банзаров просит... дозволения ему вместо турецко-татарского языка заниматься санскритским языком. Принимая в уважение, что Банзаров исповедует буддийскую религию, коей коренные книги были составлены на санскритском языке, и Банзаров, по окончании университетского курса, вернувшись на родину свою, может содействовать между монголо-бурятским духовенством распространения знаний санскрита» [4, с. 76–81]. О. М. Ковалевский достаточно высоко оценивал способности своего воспитанника и просил попечителя пойти навстречу «пламенному желанию сего молодого человека, подающего прекрасные надежды на отличные успехи в священном языке индусов» [4, с. 76–81]. Попечитель вскоре удовлетворил ходатайства О. М. Ковалевского и Д. Банзарова относительно изучения санскрита. Наставник видел в Банзарове, того человека, который должен был посвятить себя изучению религиозных верований монголов и по возможности заняться познанием буддизма. Однозначно и то, что главную роль Д. Банзарову О. М. Ковалевский отводил в изучении шаманизма, предложив ему тему «"Черная вера", или Шаманство у монголов». Профессор О. М. Ковалевский интересовался истоками происхождения шаманских верований, находясь в Забайкалье, во время научной командировки (1828–1833), описал множество шаманских обрядов. Однако оставалось много вопросов, на которые надо было дать ответ. Он понимал, что никто не сделает это лучше, чем природный бурят.

В 1846 г. Д. Банзаров успешно окончил Казанский университет, представив к защите работу «"Черная вера", или Шаманство у монголов» и получил степень кандидата наук, в числе одиннадцати выпускников университета (всего же выпускников в тот год было 53 человека) [8, с. 135]. Диссертация как одна из лучших, по решению Совета университета, в том же году была напечатана в «Ученых записках Казанского университета» [1]. В работе Д. Банзаров с позиции передовых идей своего времени впервые правильно убедительно и исчерпывающе раскрыл истоки монгольского шаманизма, его сущность и специфику [6].

Научной работой Д. Банзаров стал заниматься еще в студенческие годы под непосредственным наблюдением О. М. Ковалевского. Он перевел с французского на монгольский язык «Странствия китайского буддиста IV в. по имени Фа Сян», с маньчжурского языка «Путешествия Тулишения» и с ойратского известную поэму об «Убаши-хунТайджи» [4, с. 76–81]. Д. Банзаров написал на монгольском языке научно-популярные работы: «Всеобщая география» и «Монгольская грамматика». Рукописи

этих работ долгое время находились у О. М. Ковалевского и, к сожалению, погибли с его архивом во время пожара в Варшаве в 1863 г. 22 июля 1846 г. на страницах газеты «Казанские губернские ведомости» появилась научная публикация Д. Банзарова — статья «Белый месяц». Празднование нового года у монголов» [2]. Д. Банзаров планировал еще несколько статей историко-этнографического и лингвистического плана, однако этого не произошло из-за неустройства его жизни.

Не решался вопрос о его назначении переводчиком и учителем в астраханском калмыцком управлении, хотя, по мнению О. М. Ковалевского и А. В. Попова, из всех претендентов на это место он являлся наиболее достойным кандидатом [4, с. 76–81]. Н. И. Лобачевский, ректор Казанского университета, и О. М. Ковалевский полагали оставить Д. Банзарова учителем истории при Казанской гимназии, что дало бы возможность Банзарову посвятить себя науке. Но и этого не случилось.

Д. Банзаров, будучи казаком, по законам Российской империи должен был прослужить в армии 25 лет и не имел права поступать на гражданскую службу. Об этом канцелярия Иркутского общего губернского управления не замедлила напомнить попечителю Казанского учебного округа и дополнительно сообщила, что «никаких должностей пока нет, на которые мог бы поступить Банзаров, но со временем он может быть определен на должность инспектора Троицкосавской русско-монгольской войсковой школы или учителем монгольского языка» [4, с. 76–81]. Началась переписка попечителя с министерством народного просвещения, длившаяся годы, об исключении Доржи Банзарова из казачьего сословия. Пока решался этот вопрос, его наставники пытались каким-либо способом повлиять на решение проблемы. Профессор О. М. Ковалевский летом 1847 г. отправился в Петербург, где встретился с попечителем Санкт-Петербургского учебного округа М. Н. Мусиным-Пушкиным (1845–1856) (попечитель Казанского учебного округа 1827–1845) и с ним обсуждал дальнейшую судьбу Д. Банзарова, особо подчеркивая способности и эрудицию своего воспитанника. М. Н. Мусин-Пушкин, ссылаясь на профессора Ковалевского, уведомил министра просвещения графа С. С. Уварова о том, что Д. Банзаров окончил Казанский университет «с отличным успехом» и «кроме главных предметов словесного отделения и природного своего языка монгольского, как свидетельствовал прибывший сюда ученый профессор монгольского языка Казанского университета Ковалевский, изучил языки маньчжурский, отчасти тибетский, а из языков европейских — русский, латинский, французский, немецкий и английский». И высказал свои соображения по поводу дальнейшей судьбы Д. Банзарова. Он просил министра о ходатайстве для Банзарова места чиновника особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири [4, с. 76–81]. 19 декабря 1847 г. министерство известило попечителя Казанского учебного округа В. П. Молодцова (попечитель с 1847 по 1857 г.), что Банзарову разрешено ехать в Петербург «... для узнавания ближе его познаний и качеств». В Петербурге он жил до июня 1848 г. в ожидании результатов своей просьбы, занимался в Публичной библиотеке и Азиатском музее Академии наук: делал описи «буддийских вещей и книг на маньчжурском языке» [4, с. 76–81]. Подружился с востоковедами В. В. Григорьевым и П. С. Савельевым, при их содействии были опубликованы его статьи по филологии. В спорах с учеными по вопросам востоковедения Д. Банзаров показал себя эрудированным человеком, глубоким знатоком многих вопросов ориенталистики.

1848 год стал определяющим в судьбе Д. Банзарова. Его не уволили из казаков, но в виде исключения разрешили поступить на службу в главное управление Восточной Сибири в Иркутске. 13 января 1850 г. он был назначен чиновником особых поручений [4, с. 76–81]. До отъезда в Сибирь Банзаров добился разрешения о прикомандировании к Казанскому губернскому правлению для подготовки себя к роли чиновника. Одновременно много работал, занимался расшифровкой текста надписи на «Чингисовом камне», начатой еще в Петербурге, заканчивал работу над статьей «Пайцзе, или металлические дощечки с повелениями монгольских ханов», также начатой в Петербурге. К казанскому периоду относятся еще четыре небольшие статьи, помещенные в изданной тюркологом И. Н. Березиным (1818–1896) татарской летописи Шейбини-наме: «О происхождении имени “монгол”», «О происхождении имени Чингис», «О названии Эргене-хон» и «Об ойратах и уйгурах». В Казани после возвращения из столицы Банзаров продолжал поддерживать связь с петербургскими востоковедами и со своими учителями О. М. Ковалевским, А. В. Поповым, И. Н. Березиным и друзьями А. А. Бобровниковым и Г. Гомбоевым. 12 апреля 1850 г. Д. Банзаров уехал в Сибирь, в Иркутск он прибыл 15 июня [4, с. 76–81], где приступил к обязанностям чиновника.

Д. Банзаров — важное звено в большой цепи развития научного монголоведения в России, в котором значительное место занимало становление востоковедного образования. Показательным приме-

ром удачного формирования структуры востоковедного образования является становление авторитетных ученых, каким стал Доржи Банзаров, а О. М. Ковалевский проявил себя не только как организатор научного монголоведения, но и как педагог [5].

После смерти Д. Банзарова в 1855 г. ориенталист П. С. Савельев опубликовал брошюру «О жизни и трудах Доржи Банзарова», в которой отмечал, что «как исследователь среднеазиатской древности он заслужил себе место между европейскими ориенталистами; как бурят показал, что дарования и просвещение могут быть уделом и этого поколения, которое с гордостью может приводить его имя как представителя своего в области науки». Самое главное в оценке П. С. Савельева — это то, что «блеск примечательной личности отражается и на народе, и буряты отныне приобрели право на большое внимание потому, что из их среды вышел Доржи Банзаров» [7]. Об этом необходимо помнить, и память о Доржи Банзарове передавать молодому поколению, рассказывая о нем и увековечивая его имя в названиях учебных заведений, научных обществ. Сегодня Бурятский госуниверситет вновь носит имя монголоведа Д. Банзарова.

Литература

1. Банзаров Д. «Черная вера» или шаманство у монголов // Ученые записки Казанского университета. 1846. Кн. 3. С. 53–120.
2. Банзаров Д. «Белый месяц». Празднование нового года у монголов // Казанские губернские ведомости. 1846. № 30.
3. Полянская О. Н. Востоковедное образование России в начале XX в.: деятельность А. М. Позднеева по подготовке монголоведов-практиков // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Сер. Профессиональное образование, теория и методика обучения. 2016. Т. 11, № 6. С. 143–148.
4. Полянская О. Н. Профессор О. М. Ковалевский и Бурятия (1-я половина XIX в.). Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2001. 140 с.
5. Полянская О. Н. Просветительская деятельность профессора О. М. Ковалевского: подготовка первых бурятских ученых — Д. Банзарова, Г. Гомбоева, А. Бобровникова // Наследие монголоведа О. М. Ковалевского и современность: докл. и сообщ. междунар. науч. конф. (21–24 июня 2001 г.). Казань: Изд-во КГУ, 2002. С. 58–66.
6. Румянцев Г. Н. О «черной вере» или шаманстве у монголов Доржи Банзарова. К столетию со дня смерти Доржи Банзарова. Улан-Удэ, 1955.
7. Улымжиев Д. Б. Подвиг ученого. К 170-летию со дня рождения Доржи Банзарова (1822–1855) // Байкал. 1992. № 1. С. 139–140.
8. Шофман А. С. Казанский период жизни и деятельности Доржи Банзарова. Улан-Удэ: Бурят-Монг. кн. изд-во, 1956. 164 с.

TRADITIONS OF EASTERN EDUCATION IN RUSSIA. D. BANZAROV. TO THE 195TH ANNIVERSARY OF THE SCIENTIST

Oksana N. Polyanskaya

Ph.D. in History, Associate Professor,
Buryat State University
6, Ranzhurov st., Ulan-Ude, Russia

The article presents the milestones of the biography of the scientist, Mongolian Studies Scholar Dorji Banzarov, who played an important role in the development of scientific Mongol studies, in the context of the development of oriental education of Russia in the XIX-XX centuries. D. Banzarov is an important link in the great chain of development of scientific Mongol studies in Russia, in which the main component is Oriental education. Formation of the scientist D. Banzarov with a world name for a short period of time, indicates the correctness of building a consistent study of oriental disciplines, which originated in secondary schools of a special profile. D. Banzarov refers to a galaxy of respected scientists who were at the forefront of the scientific Mongolian Studies and laid the traditions of oriental education, the pursuit of which allowed Russian science in this direction to achieve impressive results. This must be remembered, and the memory of Dorzhi Bansarov be transferred to the younger generation, talking about him and perpetuating his name in the names of educational institutions, scientific societies. The return of the scientist's name to the Buryat State University is a testament to his respect for his scientific heritage.

Keywords: Mongolian studies in Russia; Kazan University; The First Kazan gymnasium; Russian-Mongolian School in Troitskosavsk; D. Banzarov; O. M. Kovalevsky; A. V. Popov; A. M. Pozdneev.

УДК 355 (092) (517.3)

ВОЕННЫЙ МОНГОЛОВЕД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПОЛКОВНИК ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ТОНКИХ (1877–1939) И ДВЕ ЭКСПЕДИЦИИ ПО МОНГОЛИИ

© Кузьмин Юрий Васильевич

доктор исторических наук, профессор,
Байкальский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11
E-mail: priem@bgu.ru

В статье представлены биографические сведения о военном монголоведе Иване Васильевиче Тонких, российском и советском разведчике и дипломате. Дана общая характеристика развития военного монголоведения в России. Представлены оценки и характеристики перспектив развития русско-монгольских отношений, черт национального характера монголов капитана военного потенциала Монголии начала XX в. И. В. Тонких, которые отличаются оригинальностью и имеют научное значение.

Ключевые слова: Монголия; военные исследователи; И. В. Тонких; разведка; русско-монгольские отношения; геополитика; военное монголоведение.

В мировой науке, в истории географических открытий в Центральной Азии хорошо известны имена и путешествия Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, П. К. Козлова, В. И. Роборовского, В. К. Арсеньева. В последние годы активно изучаются биографии и путешествия по странам Азии ранее замалчиваемых военных исследователей М. И. Венюкова, Л. Г. Корнилова, П. Н. Краснова, Г. М. Семенова, К. Маннергейма, Р. Унгерна. Постепенно выясняется их весомый научный вклад в изучение географии и геополитики восточных стран: Китая, Монголии, Японии во второй половине XIX — начале XX в. Оценки и характеристики российских военных специалистов внутреннего и внешнеполитического положения восточных стран, перспектив развития отношений с Россией носят оригинальный характер и до сих пор не утратили своего научного значения.

К сожалению, до сих пор малоизвестны мировой исторической и географической науке многочисленные исследовательские экспедиции российских военных в Монголию в начале XX в. Вышедшие под грифом «Не подлежит оглашению», «Секретно», публикации военных востоковедов не были широко известны российской научной общественности, так и мировой науке.

Подготовленные для практических целей: изучение возможных будущих театров военных действий, военного потенциала противника, а также определение направлений внешней политики Российской империи, они обладали ценной информацией о странах, полученной в ходе специальных экспедиций. Изучался не только военный потенциал соседних стран, но и физическая и экономическая география, этнический и религиозный состав населения, традиции и обычаи народов, их отношение к России и Китаю.

Оригинальную трактовку международной обстановки в регионе, характеристику русско-монголо-китайских отношений предлагали полковник Генерального штаба А. А. Баторский («Очерк военно-статистического очерка Монголии», 1890), полковник В. Л. Попов («Краткий предварительный отчет об экспедиции в Монголию в 1903 г.», 1905), («Второе путешествие в Монголию», 1910), поручик Ю. Кушелев («Монголия и «монгольский вопрос», 1912), капитан С. Д. Харламов («Монголия», 1914), капитан Тонких («Материалы по описанию Монголии», 1910), «Отчет о поездке в Северную Монголию», 1913), полковник А. М. Баранов («Северо-восточные сеймы Монголии», 1907); «Барга и Халха», 1905, «Урянхайский вопрос», 1913), военный министр России А. Н. Куропаткин («Русско-китайский вопрос», 1913) и др.

События начала XX в. в Северо-Восточной Азии: восстание ихэтуаней в Китае и китайская война 1900 г., Русско-японская война 1904–1905 гг., Синьхайская революция 1911 г. и национально-освободительное движение в Монголии активизировали внимание общественно-политических сил России, в том числе и военных, к геополитической ситуации в регионе. В России было подготовлено более 500 военных востоковедов, появилась в армии ранее неизвестная специальность — «офицер-ориенталист».

Авторы основное внимание уделяли треугольнику международных отношений Россия — Монголия — Китай. Военные специалисты акцентировали на «желтой опасности» для России и европей-

ских стран со стороны Японии и Китая. Так, генерал А. Н. Куропаткин показывал активную китайскую колонизацию Монголии: «монголы вытесняются китайцами, захватывающими большие площади земли для оседлой жизни и земледелия» и в начале XX в. Китай поставил задачу «окончательно разорить монголов, воспользоваться их землей и лишить какой бы то ни было самостоятельности».

Генерал А. Н. Куропаткин предлагал передвинуть русскую границу до Гоби, взять Монголию под свое покровительство и определить там автономное устройство. «Продвинувшись до Гоби, Россия создает между собой и Китаем снова пустынную и пограничную зону, и можно надеяться этим путем избегнет столкновения с Китаем в XX столетии». Данный тезис военного министра вызывал принципиальное возражение российских дипломатов и Министерства иностранных дел, выступавших за взвешенную и сдержанную политику в «монгольском вопросе».

В 1907–1911 гг. в Китае военным агентом в качестве атташе российского посольства работал полковник Л. Г. Корнилов, известный военный востоковед, владевший 6 иностранными языками. В Китае он много путешествовал по стране, собирал разнообразный материал по истории, культуре и экономике страны. В 1911 г. в Иркутске Штаб военного округа издал монографию Л. Г. Корнилова «Вооруженные силы Китая». В мае–ноябре 1910 г. полковник Корнилов совершил длительную поездку по Северной Монголии и Восточному Туркестану и отметил настороженно-враждебное отношение монгольских лам и ноенов к китайским чиновникам и военным. Вообще, штаб военного округа в Иркутске основательно изучал Монголию, Маньчжурию и Китай, направлял военные экспедиции, публиковал их отчеты, переводил прессу соседних восточных стран.

К сожалению, целый ряд российских военных монголоведов начала XX в., их вклад в изучение Монголии и российско-монгольских отношений не стали предметом научного исследования. В этом направлении сделаны только первые шаги. Опубликованы статьи о В. Л. Попове, А. М. Баранове, А. А. Хитрово. Специального изучения заслуживает биография и творческое наследие военного исследователя и разведчика И. В. Тонких.

Тонких Иван Васильевич (1877–1939) — российский военный монголовед и разведчик, дипломат. Неоднократно находился в командировках в Монголии и Маньчжурии в начале XX в., возглавлял разведывательное отделение в Иркутске, опубликовал два отчета о поездках в Монголию в 1909 и 1912 гг.

Родился в пос. Больше-Тонтойской станице Копунской Забайкальской области. Окончил Нерчинское уездное училище, затем Иркутское юнкерское училище и в чине хорунжего направлен в Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска. Участник Китайского похода 1900–1901 гг., Русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1908 г. окончил Николаевскую академию Генштаба и назначен командиром сотни Первого Верхнеудинского полка, входившего в состав конвоя российского посланника в Урге. В 1910 г. был переведен на службу в Генштаб. С апреля 1911 г. Тонких назначается командиром разведывательного отделения управления генерал-квартирмейстера Иркутского военного округа, где служит под руководством полковника В. Л. Попова. Совершил несколько секретных поездок в Монголию и Маньчжурию. Есаул (затем капитан) Тонких представил и опубликовал два отчета о поездках в Монголию в 1909 и 1912 гг.

За годы успешной военной службы был награжден орденом Св. Анны 4-й (1901), 3-й (1904), 2-й (1911) степени, Св. Станислава 3-й (1904), 2-й ст. (1905), Св. Владимира 4-й ст. (1904), медалью «За поход в Китай в 1900–1901 гг.», «В память Русско-японской войны 1904–1905 гг.».

В 1913 г. направлен на два года для изучения китайского языка в Пекин, где служил помощником военного атташе Л. Г. Корнилова — резидента военной разведки. В 1914 г. возвращается на службу в Иркутск. С 1915 г. служит в действующей армии на Западном фронте. Полковник, дважды ранен, генерал-майор (1917), служил в антибольшевистских вооруженных формированиях А. В. Колчака. Эмигрировал, жил в Пекине. С 1923 г. находился на дипломатической службе в Китае как сотрудник военного атташе при полпредстве СССР в Китае Наркомата иностранных дел. Принимал активное участие в ликвидации вооруженного конфликта на КВЖД. Затем служил в разведывательном управлении Штаба РККА, преподавал на специальных курсах. В 1935 г. уволен со службы и стал пенсионером РККА. Арестован в 1937 г. по ложному доносу и расстрелян в 1939 г. (по другим данным, умер в 1947 г.). Реабилитирован в 1992 г. [1, с. 614].

Как мы отметили ранее, два отчета о поездках в Монголию в 1909 г. и 1912 г. составил есаул, а затем капитан И. В. Тонких. Первый отчет («Материалы по описанию Монголии; часть, прилегающая к западному Забайкалью») был сделан во время следования 6-й сотни Верхнеудинского казачьего

полка (есаул Тонких являлся его командиром) в Ургу в 1909 г. Отличительной чертой публикации И. В. Тонких является подробное описание маршрута движения: состояние дороги, пересечение гор, долин, рек и т. п. Приводятся данные о численности населения, его составе, занятиях, возможностях военных отрядов монголов и китайцев.

Характеризуя халхасцев, И. В. Тонких отмечает их добродушие, миролюбие и гостеприимство, а также трусливость и лень. «Они не умеют постоять за себя и ответить на насилие насилием, а безропотно подчиняются тому, кто умеет приказывать» [3, с. 1]. Автор скептически относится к боеспособности монгольских военных отрядов: «эти войска, не имеющие никаких кадров и числящиеся только на бумаге, боевого значения иметь не могут» [3, с. 1].

Есаул И. В. Тонких оспаривает устоявшееся в общественном мнении и литературе утверждение о прорусской позиции монголов в случае возможной войны России с Китаем: «Ходячее мнение, что монголы питают живую симпатию к русским и ненавидят китайцев, сомнительно».

П. А. Бадмаев, А. Н. Куропаткин, Ю. Кушелев строили свои рассуждения на тезисе о благожелательном отношении монголов к русским. Тонких же утверждал, что симпатии монголов «будут на той стороне, которая победит. Во всяком случае, первое время по открытию военных действий монгольское население описываемого района, судя по опыту войны японо-китайской и русско-китайской 1900 г., будет к воюющим сторонам относиться безучастно» [3, с. 4]. И чтобы не нарушить подобное равновесие необходимо внимательное отношение к монголам со стороны русских войск и особенно справедливый расчет за покупаемый у них скот. При таком отношении монголы охотно будут пригонять скот, а их симпатии будут склоняться в сторону России.

И. В. Тонких выделяет четыре категории китайцев в Монголии: служилые чиновники, купцы, колонисты и рабочие на приисках. Колонизация китайцев в Халху регулярно из года в год увеличивается, хотя идет не так успешно, как в восточной Монголии. В Урге нет ни китайской пехоты, ни артиллерии, а находится только конный отряд численностью 250 человек. По определению Тонких, главное назначение отряда — это «поддержание внутреннего спокойствия» во время массового перемещения китайцев весной и осенью из Калгана на север через Ургу и обратно. Вообще же, — замечает Тонких, — боевое значение китайского Ургинского гарнизона не велико [3, с. 14].

Автор рассматривает вопросы чаще с точки зрения военного: говорит о возможности нахождения русских войск в том или ином районе, описывает вероятные пути их прохождения, возможность обеспечения их провиантом. Так, Халха особенно богата скотом, поэтому снабжение войск мясом не встретит затруднений. Однако остальными запасами район беден. Что касается Урги, то ее продовольственные возможности ограничены: в окрестностях не производится никаких хлебов, «поэтому на покупку этого в военное время рассчитывать нельзя, а придется прибегнуть к реквизиции, которая может дать приблизительно 2–3 тыс. пудов муки и 1 тыс. пудов риса» [3, с. 8].

Относительно вопроса о местах размещения русских войск в Монголии высказывается соображение о том, чтобы избегать размещения войск в монгольских кумирнях, что оскорбит религиозные чувства кочевников. Поэтому при размещении войск в Урге придется рассчитывать только на китайские постройки. По данным Тонких, в Урге имеется до 200 богатых китайских лавок, в каждой из которых можно разместить 1/2 роту, а в крайности и роту. Вообще же в случае войны недостатка в помещениях для войск не будет. Оцениваются в отчете и оборонительные способности русского консульства в Урге. На случай осады, по мнению И. В. Тонких, оборонительные постройки находятся в неудовлетворительном состоянии.

В сентябре-октябре 1912 г. капитан Тонких совершил специальную поездку в Монголию с целью рекогносцировки дорог в Монголию и выяснения ряда вопросов, вызванных формированием монгольских войск под руководством российских инструкторов, особенно о пригодности монголов к военной службе. Капитан И. В. Тонких имел возможность сравнить свои впечатления двухлетней давности с современностью и отметить изменения, которые произошли после получения Монголией независимости.

Разительных и благоприятных перемен монгольского общества, по мнению И. В. Тонких, обретенная свобода не дала. События 1911 г. в Урге он называет «переворотом», а не революцией. Эти события не отразились благоприятно на результатах русской торговли, а бедные монголы скоро ощутили изменения, связанные с сокращением привоза из Китая, и значительно подняли цены на далим-бу и кирпичный чай — предметы первой необходимости монгола.

Понимая затруднительное экономическое положение Монголии, Тонких следующим образом прогнозирует развитие русско-монгольских отношений, позицию России: «В будущем, вероятно, в силу необходимости России придется придти на помощь Ургинскому правительству своими советами по упорядочению налогов и натуральных повинностей и вообще всей финансовой системы, иначе симпатии населения Халхи скоро повернутся на сторону прежних своих порабитителей — китайцев» [2, с. 34]. Действительно, так и случилось в последующем, туда был направлен экономический советник А. Козин, будущий монголист, а также выделены кредиты и создан национальный Монгольский банк.

Русский офицер не видел благоприятных перемен в Монголии, а только снова наблюдал произвол администрации хошунных князей, развращающее влияние ламства, забитость, невежественность и трусливость остальной массы. Поэтому для него казался необъяснимым совершившийся переворот в Урге, ему не верилось в возможность национального подъема монголов. По его оценке, в среде простых людей «этот переворот особенных восторгов не вызвал», а только увеличил число поборов и повинностей. Новый режим не принес никаких улучшений и поэтому, предполагает он, «монголы скоро будут со вздохом вспоминать то время, когда они были под властью Китая» [3, с. 110]. Конечно, необходимо учитывать, что прошло мало времени, чтобы увидеть изменения. Но верно и другое, что радикальные перемены всегда приводят к общему спаду, временному ухудшению положения.

Из встреч, разговоров и наблюдений капитан Тонких вынес заключение, что переворот в Урге совершен исключительно Хутухтой и небольшой кучкой его приближенных и удался благодаря исключительной растерянности китайской администрации и благожелательным советам русских представителей. Нельзя не согласиться с данными заключениями автора: верхушечность переворота и позитивная посредническая роль России в решении «монгольского вопроса» несомненна.

Пессимистичен вообще взгляд капитана Тонких на историческое будущее монгольского народа. Он склонен думать, что монголы уже вырождающееся племя, численно уменьшающееся и осужденное на полное вымирание. И хотя заявление не категорично и имеет оговорку о необходимости специального исследования данной проблемы, для автора оно вполне объяснимо. Оно также необходимо ему для его основного обобщения о воинских достоинствах монгольского солдата, возможностях создания боеспособной национальной армии.

Тонких вместе с российским дипломатическим представителем Коростовцом присутствовал на показательных учениях монгольских воинов. Отмечается, что сотня в строю производила благоприятное впечатление, все показанные упражнения были проделаны чисто. Однако, по мнению Тонких, чувствовалось, что «созданное ценой больших усилий, слишком не прочно, и что все это, лишь только будет вне глаз инструктора, сейчас же развалится» [3, с. 111]. Неблагоприятное впечатление усиливалось от чрезвычайной грязи в монгольских казармах, нечистоплотности кочевников и от определения основных характерных качеств монгола, как леность и трусость (их определил русский инструктор Васильев).

В заключении капитан Тонких дает следующие результаты своих наблюдений и обобщений: «у меня составилось убеждение, что создавать серьезные вооруженные монгольские силы излишне, что монголы не способны к военной службе, что войска, формируемые из них, и обучение нашими инструкторами, не будут способны к каким-либо самостоятельным боевым действиям, а будут пригодны лишь для внутренней службы, будучи придаваемы к нашим, могут оказаться полезными в деле разведки и несении службы связи» [3, с. 114–115].

Необходимо признать, что данные заключения капитана Тонких не были признаны убедительными и решающими, видимо, были приняты в расчет другие обстоятельства. Россия помогала создавать монгольскую армию, финансировала ее, направляла своих инструкторов.

Литература

1. Кузьмин Ю. В. Монголия и Китай начала XX в. в оценках российских военных исследователей. Иркутск, 2007. С. 20–25.
2. Апрельков В. Ю. Тонких И. В. // Малая энциклопедия Забайкалья. Международные связи. Новосибирск, 2012.
3. Отчет о поездке в Северную Монголию генерального штаба капитана Тонких в сентябре-октябре 1912 г. Иркутск. 1913.
4. Тонких И. В. Материалы по описанию Монголии, часть, прилегающая к западному Забайкалью (аймаки Тушету-хана, Сайн-Нойона, Дзасакту-Хана). Иркутск, 1910.

MILITARY MONGOLIST THE RUSSIAN EMPIRE, COLONEL IVAN VASILYEVICH TONKICH (1877–1939) AND TWO EXPEDITIONS IN MONGOLIA

Yuri V. Kuzmin

DSc in History, Professor,
Baikal State University
11, Lenin st., Irkutsk, 664003, Russia

The article presents biographical information on military mongolist Ivan Vasilyevich Tonkih, Russian and Soviet intelligence officer and diplomat. A General characteristic is the development in Russia of the military of Mongolian studies in Russia. The estimates and characteristics of the captain I. V. Tonkih military capacity in Mongolia the beginning of the twentieth century, prospects of development of Russian-Mongolian relations, features of the national character of the Mongols. Assess I. V. Tonkih had independent and original character, different from the characteristics of the Russian and Mongolian diplomats.

Keywords: Mongolia; military researchers; and I. V. Tonkih; exploration; Russian-Mongolian relations; geopolitics; military Mongolian research.

УДК 002.2(09) (571.54)

**ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПРОСТРАНСТВА ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ВЕРХНЕУДИНСКА
В РЕКЛАМЕ И ОБЪЯВЛЕНИЯХ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ НАЧАЛА XX в.)**

© **Дикий Ярослав Витальевич**

аспирант,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии БНЦ СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: yaroslavdikii@gmail.com

В статье рассмотрена повседневность городского пространства дореволюционного Верхнеудинска. Основным источником, по которому была реконструирована повседневность пространства Верхнеудинска, стали рекламные объявления в газетах, издававшихся в начале XX в. в городе, — Верхнеудинский листок и Верхнеудинская конституционная газета. В начале XX в. основным источником информации была периодическая печать. Реклама привлекает внимание тем, что в ней содержится прямая и косвенная информация о быте и досуге населения. С помощью рекламных объявлений становится возможным обозначить на карте города места наибольшей активности населения, места важных социальных объектов, что, в свою очередь, помогает «оживить» статичную карту и позволяет взглянуть по-новому на повседневную жизнь города и городское пространство.

Ключевые слова: повседневность; пространство; город; городское пространство; реклама; рекламные объявления; периодические издания; газеты; Верхнеудинск; быт; досуг.

Сегодня одним из актуальных и перспективных направлений исторической науки становится история повседневности. Актуальность исследования повседневности объясняется возросшим интересом к частным аспектам жизни человека. Повседневность оказывает важное влияние на формирование региональных идентичности и самосознания. Уникальность повседневности как культурно-исторической категории «заключается в ее локальных проявлениях на территории конкретных регионов и стран» [1, с. 97]. Посредством изучения повседневности может быть создано объемное представление о материальном, эмоциональном и социальном аспектах жизни человека. Одним из способов понимания содержания указанных аспектов является анализ рекламы.

Основными дефинициями в нашей статье будут повседневность, пространство, город, городское пространство, реклама, рекламные объявления. Рассмотрим толкование перечисленных дефиниций подробнее. Повседневность — очень сложная и неоднозначная историко-культурная категория; в отечественной науке нет четко выработанного определения. Большинство исследователей сходятся во мнении, что повседневность — это процесс жизни человека как досуговой, так и обыденной, повторяемый, понятный, индивидуальный (Е. Н. Туманик, А. И. Яковлев, Т. А. Кискидосова, Т. В. Паликова и др.).

Город — «это средство организации территории, изначально они являлись цивилизующими точками округов, превращаясь в административные, экономические и культурные центры», которое вырабатывает «свою собственную систему ценностей и мировосприятия» [3, с. 3].

Городское пространство принято сегодня воспринимать как социально-пространственную систему, которая обладает своей внутренней динамикой открытости. В этом контексте город начинает рассматриваться как совокупность разрозненных процессов, «взаимодействия различных ритмов» [23].

Рекламные объявления — специфический вид исторического источника, с помощью которого появляется возможность по-новому взглянуть на прошлое. Реклама и объявления в периодических изданиях содержат информацию, которая позволяет с большой точностью реконструировать повседневную жизнь; именно в ней содержится информация, отражающая потребности, желания, предпочтения горожан, а также методы, формы и способы их достижения.

Отметим, что повседневность дореволюционного городского пространства привлекала внимание исследователей из различных регионов России, в том числе и из Бурятии. Так, например, А. И. Яковлев изучал городскую повседневность Якутска начала 20-го столетия. Под «городской повседневностью» он понимает обыденную среду проживания человека. Автор реконструирует культурный ландшафт города, рассматривает особенности Якутска, аспекты быта и досуга. Основными источниками его исследования стала периодическая печать, «где зафиксирован не только фактический материал, но и

содержится первичная необработанная общественная рефлексия» [11, с. 8]. Изучению повседневности городов Восточной Сибири посвящен ряд работ Т. А. Кискидосовой. Под повседневностью она понимает всю жизнь человека и рассматривает ее как «хронику события о жизни социума, прежде всего, частной, неофициальной, демократической» [12, с. 74]. Основными источниками ее исследований стали мемуары. Т. В. Паликова в своем труде «Города Забайкалья второй половины XIX — начала XX в. (социальное, экономическое и культурное развитие)» понимает повседневность как что-то «привычное, рутинное, нормальное, ежедневное, что противостоит праздничности, включающей в себя не только праздник, но и любые не повседневные действия, осуществляемые в определенное время» [3, с. 174]. А. М. Иминохоев под историей повседневности понимает «отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности... Объектом истории повседневности становятся сюжеты, которым раньше не придавалось значения (проблема быта, семьи, воспитания детей, образования, отдыха и др.)» [24, с. 5]. Также заметим, что дореволюционные города в некоторых регионах изучались и посредством рекламы. Например, С. Ф. Галанин в ряде своих работ рассматривал историю Казани [25; 26]. Он приходит к выводу, что «газетная реклама — важнейший источник» [26, с. 31] и «содержит существенную дополнительную информацию... является интересным дополнительным источником для изучения культурной жизни города» [25, с. 173]. Е. В. Перебейнос и А. Е. Перебейнос основным источником по изучению истории Урала использовали торговую рекламу [27]. Главным выводом данной работы стало то, что «для современных исследований она (реклама) является важным источником изучения повседневности» [27, с. 250], так как в «исследуемый период реклама становится неотъемлемой частью торгового бизнеса» [27, с. 250].

Рассмотрим отражение пространства дореволюционного Верхнеудинска на страницах местных газет начала 20-го столетия. Основным источником информации являлась периодическая печать, оформлялись подписки на литературные, политические, социально-экономические и другие издания. В этом отношении Верхнеудинск не был исключением. Жители города заказывали газеты и журналы из разных городов страны (Кяхта, Иркутск, Чита, Томск, Петроград, Москва и др.). Во всех этих изданиях определенное место занимали реклама и объявления.

Для исследования повседневности пространства дореволюционного Верхнеудинска в качестве основного источника нами были определены два издания: «Верхнеудинский листок», 1905–1906 гг. (ВЛ) и «Верхнеудинская конституционная газета», 1906 г. (ВКГ).

Общественно-литературная, позже политическая газета «Верхнеудинский листок» выходила в городе Верхнеудинске в 1905–1906 гг. три раза в неделю — воскресенье, среда и пятница. С января 1906 г. она стала ежедневной газетой. Цена отдельного номера менялась с 8 до 10 коп. В 1905 г. главным редактором газеты был И. М. Сипайло. Издавалась газета в типографии А. Д. Рейфовича. В газете печатались городские хроники, международное обозрение, освещались знаковые события России и Сибири. Важное место в газете занимали рекламные объявления, чаще всего их размещали на последней странице газеты, иногда и на первой странице. Размещение на первой или последней странице было различным по цене, на первой странице стоимость составляла 20 к. за строку петита.

«Верхнеудинская конституционная газета» была органом временной либерально-конституционной партии в Верхнеудинске. Выходила три раза в неделю в 1906 г. Цена отдельного номера составляла 7 к. Издавалась газета в печатне «Прогресс» С. Б. Недельмана в городе Верхнеудинске. Рекламные объявления, как и в «Верхнеудинском листке», размещались чаще в конце, реже в начале номеров газеты, стоимость была идентична стоимости в «Верхнеудинском листке».

В фондах отдела Редкой книги Национальной библиотеки РБ находится 46 номеров из них 42 номера ВЛ и 4 номера ВКГ, содержащих в совокупности 580 объявлений.

Таблица 1

Верхнеудинский листок

	Реклама предприятий	Досуг (спектакли, вечера)	Частные объявления	Литературная подписка	Объявления о найме	Услуги
№ 8 26.01	13	1	5	-	2	3
№ 9 28.01	2	1	2	1	-	-
№ 10 30.01	7	1	-	1	-	-
№ 12 04.02	-	1	-	-	-	2
№ 14 09.02	-	1	1	1	1	-
№ 29 16.03	3	1	1	-	2	3
№ 60 03.06	4	-	2	-	3	-
№ 61 05.06	4	-	-	-	5	-
№ 63 10.06	2	2	1	-	5	1
№ 64 12.06	5	-	7	-	5	4
№ 65 15.06	1	-	2	-	3	2
№ 66 17.06	2	-	3	-	6	2
№ 67 19.06	4	-	5	-	5	1
№ 68 22.06	2	-	1	-	1	-
№ 69 24.06	-	-	6	1	2	1
№ 70 26.06	-	-	5	1	5	3
№ 71 29.06	2	-	3	1	5	3
№ 73 03.07	-	-	-	1	2	2
№ 74 06.07	1	-	6	1	5	1
№ 77 13.07	3	-	3	2	3	1
№ 79 17.07	5	-	5	1	3	1
№ 80 20.07	4	-	4	1	4	2
№ 82 24.07	-	-	3	1	4	1
№ 84 29.07	3	-	5	2	3	3
№ 88 07.08	4	-	1	-	4	2
№ 90 12.08	2	-	1	-	1	1
№ 92 17.08	5	-	1	2	1	1
№ 98 31.08	4	-	4	-	-	2
№ 128 09.11	6	-	2	2	-	1
№ 129 11.11	5	1	9	-	-	3
№ 136 27.11	7	1	8	-	3	-
Б/н 31.12	2	1	-	1	3	2
№ 1 01.01	2	1	-	1	3	1
№ 2 03.01	1	-	2	1	2	-
№ 5 06.01	1	1	3	1	2	4
№ 6 09.01	2	1	7	1	2	4
№ 8 11.01	4	-	8	1	2	4
№ 9 12.01	7	1	3	1	3	4
№ 10 13.01	-	1	2	2	-	2
№ 11 14.01	4	-	1	4	-	-
№ 12 15.01	4	1	1	4	2	2
№ 15 19.01	13	3	7	3	-	6

Таблица 2

Верхнеудинская конституционная газета

	Реклама торг. предприятий	Досуг (спектакли, вечера и т. п.)	Частные объявления	Литературная подписка	Объявления о найме	Услуги
№ 16 14.02	4	-	3	2	2	2
№ 17 17.02	1	-	2	1	-	-
№ 32 16.03	11	1	8	1	1	1
№ 38 30.03	5	1	9	-	3	30

Оформление объявлений в этих газетах было разнообразным — от сплошного текста, помещенного в простую прямоугольную рамку, до использования тематических изображений и рамок с орнаментами с использованием разных шрифтов. В целом большинство объявлений было направлено на привлечение внимания. Рассмотрим примеры оформления.

ПРОДАЕТСЯ дом с флигелем и надворными постройками на углу Посевской и Мордовской улиц. За условиями обратиться к Ф. В. Машанову [10].

В данном объявлении единственный способ для привлечения внимания — это выделение шрифтом первого слова. Чаще всего подобным образом оформлены частные объявления.

Объявления частного характера с изображением встречаются значительно реже, как правило, они носили тематический характер.

«ПРОДАЮТСЯ 8 ЛОШАДЕЙ цены от 100–200 р. угол Читинской и Иркутской д. Камынина.» — это объявление было разделено на два столбца и между ними была изображена скачущая лошадь.

Более интересными с точки зрения оформления были объявления, которые размещали в газетах торговые предприятия города. Наиболее часто встречаются объявления «Товарищества Второва с сыновьями», всегда помещенные в заметную рамку.

Формуляр объявлений стандартен: начальная фраза указывает на владельцев, специализацию и расположение торговой точки: «В магазин т-ва А.Ф. Второва с с-ми...»; «открыта мастерская Дамских и детских шляп», что располагалось «на Мясном Базаре в доме Розенштейна» [6], «Илья Федорович Чистяков просит...» — его чайный магазин был расположен «по Большой улице в доме Самсоновича» [21]; «В специальный магазин обуви Х.С. Резницкого», который был расположен на Базарной площади рядом с Кяхтинским аптекарским магазином [19].

Следующим структурным элементом, который размещался в рекламе, являлся основной текст объявления. Он оформлен тем же шрифтом, что и основной текст в газете. Однако в ряде объявлений встречаются «слова-приманки», которые выделены жирным шрифтом. Чаще всего эти слова соответствуют предмету рекламы:

В КНИЖНОМ МАГАЗИНЕ С.Б. Нодельмана продаются НОВЫЕ НОТЫ для рояля [13];

И. Л. ФИДЕЛЬ Торговля оконным стеклом и малярными красками на мелочном базаре. Имеются всегда в большом количестве: краски, оконное стекло, замазки и проч. [13].

Далее, за основным текстом следует адрес рекламодателя. Однако бывают объявления, где адрес не указывается. Например, у того же А. Ф. Второва в адресе обычно указывается фамилия, кому принадлежит дом:

Магазин товарищества А. Ф. Второва с С-ми ежедневно получает багажом и почтою мануфактурные, галантерейные товары, готовые платья, Варшавскую обувь и пр. [10];

ТРЕБУЕТСЯ ПЕКАРЬ обратиться в мясную лавку Потемкина на горе [14];

Принимаю работы на ПИШУЩЕЙ МАШИНЕ РЕМИНГТОН. Можно видеть от 12–2 дня кроме праздников. Новоспасская ул. д. Клокова, квартира Каменского.

Еще одним элементом оформления, который должен был привлечь внимание потенциального покупателя, была рамка. Количество объявлений с рамками в рассматриваемых нами номерах газет достигает ста сорока четырех (137 в ВЛ, и 7 в ВКГ). Встречаются простые прямоугольные рамки, рамки с геометрическим или цветочным орнаментом, прямоугольные рамки с закругленными углами; рамки с узкими линиями с изображениями цветов по углам.

Перейдем к «внутренней критике» и рассмотрим текст рекламных объявлений.

Отметим, что реклама и объявления, в исследуемых нами газетах, содержат прямую и косвенную информацию о городском пространстве дореволюционного Верхнеудинска.

Верхнеудинск начала 20-го столетия условно можно разделить на три части:

- Нагорная — это современная площадь Советов и прилегающие к ней улицы;
- Подгорная — центром этой части были гостиные ряды. Сегодня эту часть Улан-Удэ называют историческим центром города;
- Заудинская слобода находилась на левом берегу Уды, сегодня это территория рядом с Детским домом творчества.

Анализ рекламы и объявлений в двух исследованных нами изданиях позволяет сделать интересный вывод: все рекламодатели проживали и работали в первых двух частях города. Рекламных объявлений, которые географически привязаны к Заудинской слободе, нами выявлено всего три: в доме Стразовой продавались «Оркестр Монопан» [15] и велосипед «Дукс» [16], так же в

этом же районе сдавалась квартира. Вероятно, что в этой части города проживали небогатые мещане, которые не имели средств для подачи объявлений в газетах. Отражают объявления и географию «городских новшеств». В 1905 г. в Верхнеудинске в разное время работало четыре «зуболечебных» врача. На углу Большой и Мордовской улиц принимал пациентов врач Д. Шпильберг (сегодня это улица Ленина). По улице Лосевской рядом с магазином Клеймана принимал врач С. И. Крючков (ныне улица Коммунистическая). «Зубоврачебный кабинет» Зубовского располагался на улице Большая (Ленина). Кроме того, «для вставления искусственных зубов приглашен из МОСКВЫ СПЕЦИАЛЬНЫЙ техник» [5]. А с 1 декабря 1905 г. возобновил работу «в связи с переездом» зубной врач Д. Я. Столпер [28].

По улице Базарная (сегодня ул. Кирова) в доме Рубенштейна принимал заказы на фотографирование А. В. Косарев, обещая при этом заручиться «лучшими мастерами», которые «исполняют заказы скоро» [17]. А рядом по этой же улице, в доме И. И. Меньшикова, располагалась «Прачешная “Гигиена”», которая принимала «в стирку и глажение всякого рода белье по умеренным ценам. Заказы выполняются скоро и аккуратно» [18]. Немного пройдя вдоль Базарной улицы, можно было прийти к обувному магазину Х. С. Резницкого, в котором продавались «варшавская, мужская, дамская и детская обувь» [19].

Для «приезжих господ» в Верхнеудинске работало четыре гостиницы. Одна из них, а именно «Харбин», располагалась в д. Фиделя по ул. Большая набережная (сегодня это ул. Смолина). Как гласит рекламное объявление «номера «Харбина» хорошо обставлены», кроме этого, «отпускаются постоянные обеды от 12 до 4 часов на дом из 2-х блюд, а в праздничные дни из 3-х блюд. Открыт зал для общих обедов» [13]. С первого октября 1905 г. «Харбин» переехал в «в дом Панковой бывшем Сусленикова по Сенной ул. вблизи Большой» (в настоящее время ул. Сенная — ул. Свердлова) [5].

Похожими по набору услуг были гостиницы «Европа» и «Империял». «Европа» находилась на углу Лосевской и Сенной улиц (ныне ул. Коммунистическая и Свердлова), а «Империял» — в Нагорной части города на углу ул. Большая и Новоспасская (в настоящее время ул. Ленина и Ербанова). Их объединяет то, что в обеих гостиницах стоял стол для бильярда. Кроме бильярда в этих заведениях подавались «обеды, ужины, кофе и проч.» [20]. С 1 января 1905 г. в доме Рубенштейна на Базарной площади стали принимать номера «Метрополь», которые были «обставлены мягкой мебелью, мраморными умывальниками и образцовой кухней под наблюдением хорошего повара» [4].

Верхнеудинск — торговый город, в котором важное место занимали ярмарки. Верхнеудинская ярмарка была «вторая по объему продаж в Восточной Сибири» [3, с. 99]. В исследуемых газетах прослеживается тенденция того, что город «оживает» в период ярмарки. Этот вывод можно сделать и по количеству объявлений, размещенных в газетах. Так, например, в № 8 от 26 января 1905 г. было размещено 25 объявлений рекламного характера разной направленности (личные, купли/продажи, культурных мероприятий, предпринимателей), в то время как в июле больше 10 объявлений в номерах не размещалось. А накануне очередной ярмарки 1906 г. в №15 от 19 января 1906 г. было размещено 31 объявление.

Количественное соотношение объявлений в ВЛ и ВКГ было в пользу предприятий торговли. Так, 113 объявлений было размещено в номерах «Верхнеудинского листка» и 13 объявлений в «Верхнеудинской конституционной газете», посвященных продаже разных товаров. Тем не менее постоянную рекламу могли себе позволить лишь богатые предприятия. Чаще всего встречаются объявления торговой фирмы известного купца Второва:

В магазин товарищества А. Ф. Второва с С-ми получены штатские и военные платья, шпаги, портупеи и проч. [8].

В магазин товарищества А. Ф. Второва с С-ми получены в большом количестве ШВЕЙНЫЕ МАШИНЫ [9].

Магазин товарищества А. Ф. Второва с С-ми ежедневно получает багажом и почтою мануфактурные, галантерейные товары, готовые платья, Варшавскую обувь и пр. [10].

В его магазине можно было приобрести разнообразные товары — одежду, обувь, швейные машины, галантерейные и мануфактурные товары, товары для военных. Все это говорит о том, что в городе появляются постоянные и «универсальные» [3] магазины, в которых для горожан была возможность приобрести разнообразные и повседневные товары.

В магазине Ильи Федоровича Чистякова в доме Самсоновича по Большой улице можно было купить чай [21]. Фруктовый магазин «Ялта» имел в продаже «уфимский сотовый мед, свежие лимонные и апельсины» [22].

Досуг. В Верхнеудинске был «книжный магазин печати «ПРОГРЕСС» С. Б. Недельмана» [29].

По сведениям Т. В. Паликовой, «в 1891 г. актеры-любители официально зарегистрировали свой кружок» [3, 156], однако «во многих городах театральная деятельность была нестабильна» [3, 156]. Несмотря на то, что Верхнеудинск — провинциальный городок, согласно газетной рекламе на его сценах регулярно проходили различные постановки:

30 января 1905 г. дан будет спектакль комедия Островского «Лес» [4];

АНОНС — ТРУППА ПРИБЫЛА. Спектакль «Ревизор» состоится в пятницу 11 ноября 1905 г. [5];

Любителями драматического искусства, годами бывшими студентами, при благосклонном участии местных любителей в зале общественного собрания будут поставлены ТРИ ПЬЕСЫ ЧЕХОВА [6].

В понедельник 3 апреля товариществом. Русск. драмат. артистов представлено будет: ДВА ПОДРОСТКА, в среду 5 апреля — СКАНДАЛ В БЛАГОРОДНОМ СЕМЕЙСТВЕ, в четверг 6 апреля — БЕСЧЕСТНЫМИ НЕ РОДЯТСЯ [8].

Как видно из представленных объявлений, «важной составляющей культурного досуга стали гастроли артистов всех жанров» [3, с. 215], но местными любителями «драматического искусства» не отставали в постановках. Кроме того, даже из этих трех объявлений прослеживается стремление к разнообразию репертуара.

Еще одним популярным «современным» культурным событием были «литературно-музыкально-вокальные вечера» [7]. Сложно сказать, насколько часто проходили такие «вечера», вполне возможно, что большая часть информации располагалась на городских афишах. В целом за период с января 1905 г. по март 1906 г. в Верхнеудинске было поставлено десять театральных представлений, которые отражены в газетных объявлениях. Так же было проведено пять различных культурных мероприятий (новогодняя елка [28], литературные вечера [7], музыкальные вечера [7], костюмированные вечера [31] и т. п.)

Отдельно стоит сказать о благотворительной жизни горожан, так как это явление было важной частью жизни общества того периода. Специальных объявлений, посвященных благотворительности, в газетах нет, однако они являются составной частью объявлений, рекламирующих то или иное культурно-массовое событие в городе, причем направленность этой помощи разнообразна. Например:

2-го января 1906 г. в 8 час. В здании б. Пермского лазарета дан будет Литер-музык-вокал. Вечер в пользу Читинского комитета Российской Социал-демократической партии [7];

АНОНС — 30 января 1905 г. в пользу недостаточных учащихся г. Верхнеудинска и общества помощи бедных дан будет спектакль комедия Островского «ЛЕС» [4].

Итак, реклама и объявления ярко передают жизнь и быт горожанина начала XX в. Это объявления купли/продажи, сдачи в аренду, предложения/поиска работы, общественные мероприятия и т. д.

Рекламу можно и необходимо использовать как источник по изучению повседневности городского пространства. Важно, что имея в большинстве случаев точные адреса рекламодателей, становится возможным соотнести повседневную жизнь с планом города. Благодаря этому получается «оживить» статичную карту, которая в обычном виде дает нам лишь простую схему городского пространства, и увидеть повседневную жизнь объемно. Факты городской повседневности из рекламы и объявлений, несомненно, дополняют и уточняют другие письменные и изобразительные источники, на которых построены традиционные исторические исследования.

Литература

1. Скульмовская Л. Г., Назарова Н. В. Повседневность как культурно-историческая категория // Культурология. Теория и практика общественного развития. 2014. № 12. С. 97–100.
2. Боровкова О. В. Пространство исторической науки и их взаимодействие // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2015. № 394. С. 79–82.
3. Паликова Т. В. Города Забайкалья второй половины XIX — начала XX в. (социальное, экономическое и культурное развитие). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. 312 с.
4. Верхнеудинский листок № 10 от 30 янв. 1905 г.
5. Верхнеудинский листок № 129 от 11 нояб. 1905 г.
6. Верхнеудинский листок № 29 от 16 марта 1905 г.
7. Верхнеудинский листок № 1 от 01 янв. 1906 г.
8. Верхнеудинская конституционная газета № 38 от 30 марта 1906 г.

9. Верхнеудинский листок № 66 от 17 июня 1905 г.
10. Верхнеудинский листок № 8 от 26 янв. 1905 г.
11. Яковлев А. И. Городская повседневность Якутска конца XIX — начало XX в.: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2014. 22 с.
12. Кискидосова Т. А. Повседневность городов Восточной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. в сибирской мемуаристике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 2 (64). С. 74–76.
13. Верхнеудинский листок № 80 от 20 июля 1905 г.
14. Верхнеудинский листок № 74 от 06 июля 1905 г.
15. Верхнеудинская конституционная газета № 39 от 30.03.1906 г.
16. Верхнеудинская конституционная газета № 17 от 17.02.1906 г.
17. Верхнеудинский листок № 82 от 24 июля 1905 г.
18. Верхнеудинский листок № 73 от 03 июля 1905 г.
19. Верхнеудинский листок № 63 от 10 июня 1905 г.
20. Верхнеудинский листок № 98 от 31 авг. 1905 г.
21. Верхнеудинский листок № 60 от 03 июля 1905 г.
22. Верхнеудинский листок № 71 от 06 июня 1905 г.
23. Хатковская И. Повседневность городского пространства в кино (фильм Ш. Акерман «С Востока») [Электронный ресурс]. URL: <http://takaya.eu/life/notice/kerman> (дата обращения: 17.01.2017).
24. Иминохоев А. М. История повседневности и динамика качества жизни городского населения Верхнеудинска. Улан-Удэ в 1920–1930-е гг.: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2008. 28 с.
25. Актуальные вопросы развития науки: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. Уфа: Изд-во Башкирск. гос. ун-та, 2014. С. 172–174.
26. Галанин С. Ф. Газетная реклама как источник по истории казанской торговли второй половины XIX в. // Казанская наука. 2014. № 4. С. 29–31.
27. Перебейнос Е. В., Перебейнос А. Е. Торговая реклама как источник изучения предпринимательской деятельности и повседневной жизни населения Урала (80-е гг. XIX в. – начало XX в.) // Ученые записки российской академии предпринимательства. 2007. № 9. С. 238–251.
28. Верхнеудинский листок № 136 от 27 ноября 1905 г.
29. Верхнеудинская конституционная газета № 32 от 16 марта 1906 г.
30. Верхнеудинский листок № 5 от 06 января 1906 г.

**EVERYDAY URBAN SPACE OF PREREVOLUTIONARY VERKHNEUDINSK
IN ADVERTISING AND ANNOUNCEMENTS
(ON THE MATERIALS OF THE PERIODICAL PRESS IN THE BEGINNING OF XX CENTURY)**

Yaroslav V. Dikii

PG student,

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS

6, Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670047, Russia

The article discusses everyday urban space of prerevolutionary Verkhneudinsk. The main source which reconstructed daily space of Verkhneudinsk are advertisements in newspapers. These newspapers were published at the beginning of the XX century and named Verkhneudinsky paper and Verkhneudinsk constitutional newspaper. At the beginning of the XX century the main source of information was the periodical press. Advertising draws attention to the fact that it contains direct and indirect information about the life and leisure of the population. It is possible to indicate on a map of the most active places of the population, places of important social objects with the help of advertisements. It helps to “enliven” a static map that allows to look for a new everyday life of the city and urban space.

Keywords: daily; space; city; urban space; advertising; advertisements; periodicals; newspapers; Verkhneudinsk; everyday life; leisure.

УДК 930:311

ВСЕРОССИЙСКИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПЕРЕПИСИ 1916, 1917 гг. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

© Тумурхонова Нина Васильевна

кандидат исторических наук, преподаватель,

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова

Россия, 670024, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8

E-mail: kilo1976@mail.ru

В статье рассмотрены основные этапы изучения отечественными исследователями всероссийских сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. как исторического источника, выделены характерные черты источниковедческого анализа материалов переписей для каждого из этапов.

Ключевые слова: историография; исторические источники; всероссийские сельскохозяйственные переписи; статистика.

Всероссийские сельскохозяйственные переписи — уникальный исторический источник, представляющий собой сплошное статистическое наблюдение по сбору сведений обо всех объектах сельскохозяйственного производства. Впервые в России вопрос об их проведении был поставлен земскими статистиками в конце XIX — начале XX в., после успешного завершения первой общегосударственной переписи населения. Однако на практике данный вопрос стал обсуждаться только после начала Первой мировой войны, на фоне постепенного сокращения сельскохозяйственного производства и нарастания продовольственного кризиса.

В результате в условиях военного времени царское, а затем и Временное правительство провели две всероссийские сельскохозяйственные переписи — в 1916 и 1917 гг. Они стали первыми столь масштабными статистическими обследованиями аграрного производства Российского государства. Их особенностью является еще и то, что данные, собранные в ходе переписей, иллюстрируют влияние Первой мировой войны и революционных событий 1917 г. на развитие сельского хозяйства России. В ходе проведения статобследований были собраны сведения о численности сельского населения, социально-экономическом положении крестьянских хозяйств, отраслевой структуре сельского хозяйства, количестве посевных площадей, сенокосных угодий, поголовье скота, землевладении и землепользовании и многом другом. Отечественные исследователи не раз обращались к материалам переписей, помимо этого переписи неоднократно становились самостоятельным объектом исследования.

Цель данной статьи — рассмотреть основные вопросы историографии Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1916, 1917 гг.

В истории изучения сельхозпереписей 1916, 1917 гг. можно выделить три основных периода: первый период хронологически охватывает 1920–1950-е гг.; второй — 1960–1980-е гг.; третий — современный период, начиная с 1990-х гг.

Первые труды, посвященные анализу программ, методики проведения всероссийских сельхозпереписей, оценке их репрезентативности, полноты, достоверности, появились в 1920-е гг. Данный период характеризуется отсутствием специальных исторических и источниковедческих исследований, анализирующих материалы переписей как исторический источник. Он представлен в первую очередь публикациями итогов переписей, материалами непосредственных разработчиков программных документов переписей, представителей статистической науки, руководителей статорганов, переписчиков — А. А. Кауфмана, П. И. Попова, В. Я. Нагнибеды, М. П. Соколова, А. И. Хрящевой и др. [1].

В публикациях 1920-х гг. на первый план выдвигалась оценка качества собранных сведений, исследователи предпринимали попытки определения процента ошибок. Одним из первых с критикой результатов переписи 1916 г. выступил виднейший земский статистик Г. И. Баскин [2], выделивший на примере Самарской губернии комплекс неблагоприятных условий для проведения переписных работ. В своих исследованиях Григорий Иванович отметил, что в результате краткости подготовительного периода, сжатости сроков проведения обследования, привлечения значительного числа регистраторов, многие из которых имели недостаточный уровень подготовки, недоверчивого отношения населения были допущены ошибки при регистрации и недоучет хозяйств.

Итоговые результаты переписи 1917 г. подверглись критике в работах А. Е. Лосяцкого и М. С. Спиридонова, которые отмечали значительные пропуски крестьянских хозяйств при проведении обследования, неполноту данных, вошедших в итоговые публикации по землевладению [3]. Также А. Е. Лосяцкий, сравнив итоговые результаты, опубликованные в разных источниках, пришел к заключению, что разница между изданиями обусловлена тем, что имевшийся в ЦСУ материал перед публикацией не был достаточно выверен [4].

Особое место среди публикаций статистиков занимают работы А. И. Хрящевой, заведующей отделом сельскохозяйственных переписей Центрального статистического управления РСФСР, сотрудник которого непосредственно занимались подведением итогов переписи 1917 г. и подготовкой их к изданию. А. И. Хрящева в своей работе «О критике статистических изданий» опровергла выводы А. Е. Лосяцкого и М. С. Спиридонова, отметив, что причиной расхождения данных являются различные методики их группировки [5]. Также А. И. Хрящева обратилась к вопросам оценки методик сбора информации при проведении статобследований. В работе «О приемах проверки данных сельскохозяйственных переписей» Анна Ивановна отмечала необходимость усложнения систем опросов для повышения контроля над сбором достоверной информации [6].

Особый интерес вызывают работы по истории статистики Е. З. Волкова, Н. М. Виноградова, В. Э. Дена и П. А. Вихляева, которые, рассмотрев процесс подготовки переписей, обсуждение их необходимости «в научно-общественных кругах», методологические аспекты их проведения и проанализировав итоговые результаты, пришли к следующим выводам. Главным недостатком переписи 1916 г. является ее ориентация на решение продовольственного вопроса, в результате чего ее программа имела «значительные технические несовершенства» и «не отвечала запросам и интересам общества». Перепись 1917 г. эти недочеты учла, но сроки ее проведения затянулись, что привело к невозможности завершения сбора данных и «отклонению» во многих губерниях от «Инструкции». А итоговые результаты мало сопоставимы с материалами более ранних обследований [7].

В работе П. А. Вихляева «Конспект лекций по сельскохозяйственной статистике» [8] было сделано наиболее обстоятельное описание сельскохозяйственных переписей как форм сбора статистической информации в 1920-е гг. Автор выявил общие принципы проведения сплошных сельскохозяйственных переписей в странах Западной Европы и России, проанализировал приемы разработки материалов переписей и дал характеристику группировкам статданных Г. И. Баскина, В. Г. Громана и В. С. Немчинова. В то же время П. А. Вихляев воздержался от анализа качества материалов переписей, условий их проведения и т. д. Автор лишь отмечает, что при проведении переписей широко применялись методы статистических обследований, выработанные земской статистикой. Его работа носит больше описательный характер.

Также особо следует выделить работы представителей сибирской статистики В. Я. Нагнибеды, М. П. Соколова, в которых проанализированы условия организации и результаты проведения переписи 1917 г. на территории Алтайско-Томской части Сибири и Якутии. М. П. Соколов отмечал, что итоги переписи 1917 г. более достоверны, чем статданные, собранные в более ранний период. Отметим, что фактически переписи 1916, 1917 гг. для некоторых регионов Сибири стали первым комплексным обследованием развития сельского хозяйства.

В 1930–1950-е гг. интерес к сельскохозяйственным переписям ослаб, в этот период основное внимание историков аграрников привлекали их результаты, которые использовались как иллюстративный материал при рассмотрении вопросов эволюции помещичьего крестьянского хозяйства накануне революции, влияния Первой мировой войны на сельское хозяйство и т. д.

Новый этап в изучении переписей начался в 1960-е гг., для него была характерна постановка новых проблем. Появляются работы, дающие источниковедческий анализ переписей, больше внимания стало уделяться не общероссийским результатам переписей, а по отдельным губерниям. Были сделаны попытки применения математических методов (корреляционного, факторного анализа, выборочный и т. д.) для анализа переписей. Начало этапу положила работа Л. С. Гапоненко и В. М. Кабузана, которые рассмотрели переписи 1916 и 1917 гг. как источник для определения численности населения [9]. Ими был выявлен комплекс архивных документов переписей, содержащих данные о демографии. Исследователями было отмечено, что, несмотря на некоторые недостатки, перепись 1917 г. являлась наиболее доброкачественной в научно-организационном отношении по сравнению с предшествующей переписью 1916 г. Основное внимание авторы уделили демографическим данным переписи 1917 г., обследование 1916 г. упоминается лишь вскользь, его материалы фактически не использовались.

Комплексный источниковедческий анализ сельскохозяйственных переписей был предпринят Л. С. Терещенко, А. М. Бауфалом, Л. М. Горюшкиным, В. С. Золототрубом, А. М. Рябоконевым и И. В. Островским [10]. В своих работах исследователи сделали общее источниковедческое описание материалов переписей на территории Европейской России и Западной Сибири. В 1968 г. Л. С. Терещенко впервые дала характеристику организации и проведению переписи, рассмотрела вопросы разработки программ сбора сведений и разработки данных, проанализировала качество собранных материалов и дала им оценку. Несмотря на значительное сокращение программы разработки переписи в условиях революционных событий 1917 г., из нее были исключены сведения по землевладению учреждений, данные об аренде и сдаче земли и т. д., итоговые материалы переписи позволяют сделать всестороннее освещение экономической мощи крестьянских и помещичьих хозяйств [11].

И. В. Островский рассмотрел организацию и проведение сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. в Западной Сибири, уделил особое внимание Сибирским совещаниям статистиков и программным изменениям, принятым на них [12]. Дал основательную характеристику системы разработки материалов переписей, оценил их качество и сопоставимость, проанализировал местные и общероссийские публикации переписей и возможности их использования и пришел к выводу, что все издания материалов аграрных переписей в разной мере страдают неполнотой, в результате чего изучение процесса разложения крестьянства на материалах публикаций итогов переписей затруднительно, ввиду отсутствия возможности группировки данных. Таким образом, для более качественного анализа процессов, протекавших в деревне накануне Октябрьской революции, необходимо использование первичных материалов переписей, при обработке которых необходимо применение электронно-вычислительной техники.

Новое направление в изучении материалов переписей заложила группа новосибирских ученых во главе с А. М. Бауфалом. В своей работе авторы дали сравнительную характеристику программ переписей 1916, 1917 гг. с более ранними статистическими обследованиями, отметив, что переписи проводились по более широким программам и охватили все категории хозяйств. Подвергли критике итоговые публикации переписей, в которых статистические сведения были представлены валовыми цифрами, что исключает возможность их группировки.

Авторы отметили, что уникальным источником для изучения классового состава крестьянства являются подворные и поселенные карточки. В рамках исследования была осуществлена обработка первичных материалов переписи 1917 г. по Томской губернии на ЭВМ. В типически-случайную выборку было включено 8555 подворных карточек, что составило 36,6% общего числа хозяйств губернии. На основе анализа полученных группировок дворов по величине посева на наделной и арендованной земле, числу коров в хозяйствах, числу рабочих лошадей, числу наемных работников исследователи выделили несколько социальных групп в деревне и пришли к выводу, что материалы переписи 1916 г. отражают глубокое разложение крестьянства Томской губернии.

Большой вклад в изучение данных сельскохозяйственных переписей внес И. Д. Ковальченко, ставший основоположником нового направления в советской исторической науке — километрики, или квантитативной истории, основанной на применении количественных методов в исторических исследованиях [13]. В своих работах по истории крестьянского и помещичьего хозяйств на территории Европейской России им были использованы материалы переписи 1917 г., дана их общая губернская характеристика и на основе применения методов корреляционного и факторного анализа выведены обобщенные характеристики производственно-экономического и социального развития крестьянских и помещичьих хозяйств [14].

На основе методик, предложенных И. Д. Ковальченко для изучения массовых источников, продолжилось изучение переписей в отечественной историографии. П. Ф. Никулин применил корреляционный метод при анализе подворных карточек и дал характеристику внутреннего производственного и социально-экономического строя крестьянского хозяйства Западной Сибири [15]. На основе математико-статистического анализа автор показал, что во внутреннем строе крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. утвердились капиталистические отношения.

В 1990-е гг. происходит постепенное снижение интереса к источниковедческим исследованиям статистических источников. Это было связано с недостаточным финансированием науки, поиском новых методологических направлений. Начало нового тысячелетия было ознаменовано возобновлением интереса к источниковедческим исследованиям сельскохозяйственных переписей, что было связано в первую очередь с возобновлением практики проведения всероссийских сельскохозяйственных переписей.

Особый интерес представляют работы алтайских исследователей — А. А. Храмкова, А. Н. Клычникова, В. В. Исаева, И. В. Анисимовой, В. Н. Шайдурова, А. А. Малолетко, В. Н. Разгона и др. [16]. Ими на основе анализа первичных материалов сельхозпереписи 1917 г. дана характеристика демографического и хозяйственного развития различных групп населения алтайской деревни во второй половине XIX — начале XX в. и определены новые проблемы изучения материалов переписей. А. А. Храмков отмечает, что первичные материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. могут использоваться и в исследовательском поле микроистории, для изучения отдельных сел и семейств [17]. Рассмотрев на основе подворных карточек переписи 1917 г. население переселенческих сел — Ирбизино, Беленькое и Веселовское, А. А. Храмков пришел к выводу о достаточности земельных наделов у крестьян-переселенцев для ведения хозяйства, определил характер специализации крестьянских хозяйств — на молочном скотоводстве и земледелии. Также опроверг гипотезу о том, что сельское хозяйство Сибири в годы Первой мировой войны, в отличие от европейской части России, переживало расширение производства.

В. В. Исаев, А. А. Малолетко, И. В. Анисимова, В. Н. Шайдуров подняли проблему использования первичных материалов переписи для характеристики демографической структуры и развития сельского хозяйства у отдельных сословных и национальных групп, на примере алтайского казачества, казахского населения и немецкой диаспоры на Алтае.

Еще одно направление, разрабатываемое алтайскими исследователями, связано с развитием в исследовательском процессе исторической науки информационных технологий путем создания баз данных исторической информации. Будучи высокоструктурированными историческими источниками, первичные материалы переписи 1917 г. предоставляют большие возможности для их перевода в машиночитаемый вид в формате базы данных. В. Н. Разгон, Д. В. Колдаков и К. А. Пожарская на основе пятипроцентной выборки крестьянских хозяйств 26 волостей создали базу данных, состоящую из 19 таблиц, содержащих многоаспектную информацию о демографическом и экономическом состоянии крестьянских домохозяйств [18].

В 2000-х гг. также вышла серия работ П. Ф. Никулина [19]. В его трудах были рассмотрены информационные возможности материалов переписи 1916 г. для изучения аграрных отношений, вопросы социально-экономической природы наемного труда в крестьянском хозяйстве, развития земельной аренды, места и роли товарно-денежной системы в крестьянском хозяйстве Западной Сибири. Автор отмечает, материалы переписей являются важнейшим массовым источником по аграрной истории российского государства, содержащим наиболее полные, достоверные данные, позволяющие сделать комплексный анализ крестьянского хозяйства, изучить его внутренний строй, дать характеристику различным социальным типам крестьянских хозяйств.

В 2010 г. была опубликована работа Е. К. Антоновой, в которой рассмотрены особенности проведения переписей 1916–1917 гг. на территории Томской губернии, дана оценка степени их влияния на качество полученных материалов и сделан вывод о том, что полученные статистические результаты переписей 1916 и 1917 гг. в Томской губернии можно считать качественными и отражающими объективную сторону экономической жизни России начала XX в. [20].

Подводя итоги, отметим, что для первого этапа изучения материалов переписей характерно рассмотрение вопросов, подготовки и проведения переписей, анализа программ подведения итоговых результатов и т. д., имеющих практическое значение, с целью устранения выявленных недостатков при организации последующих статистических обследований сельскохозяйственного производства страны. А также обращение особого внимания на перепись 1917 г., что было связано, во-первых, с резко изменившейся внутриэкономической обстановкой в стране, в результате чего материалы 1916 г. перестали отражать действительность, а во-вторых, с расширением программы переписи 1917 г. и включением в нее вопросов о землевладении и землепользовании, которые оказались наиболее востребованными для практического использования при решении аграрного вопроса Советским правительством. В 60–80-х гг. XX в. произошли структурные изменения в задачах и методах изучения материалов переписей. В центре внимания исследователей встали вопросы определения путей и методов извлечения информации из источника для раскрытия существа конкретных явлений и процессов, что привело к анализу материалов первичной документации на основе статистических, математических методов и применении ЭВМ.

В 1990–2000 гг. исследование материалов всероссийских сельскохозяйственных переписей продолжилось на основе подходов, сформировавшихся на предыдущем этапе, однако интерес сместился в сторону изучения первичных материалов переписей, их использования в предметном поле микроистории.

Литература

1. Кауфман А. А. Учет сельскохозяйственных сил. К предстоящей Всероссийской сельскохозяйственной переписи. М.; Пг.: Правда, 1916. 86 с.; Попов П. И. Всероссийская сельскохозяйственная перепись // Статистический вестник. 1915–1916. Кн. 3–4. С. 216–250; Нагнибеда В. Я. Организация Всероссийской переписи 1917 г. в Алтайско-Томской части Сибири (Краткий очерк). Томск, 1920. 34 с.; Соколов М. П. Якутия по переписи 1917 г. Вып. 1–2. Иркутск, 1925. 478 с.; Хрящева А. И. К вопросу о неправильных приемах исследования динамики крестьянского хозяйства. М.: Типография М.К.Х., 1923. 32 с.; Ее же. О приемах проверки данных сельскохозяйственных переписей. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского губстатбюро, 1925. 17 с.
2. Баскин Г. И. Сборник избранных трудов Г. И. Баскина по Самарской губернии. Самара, 1925. Вып. 6.
3. Лосицкий А. Е., Спиридонов М. С. Учет землевладения и угодий Европейской России по переписи 1917 г. // Сельское и лесное хозяйство. 1923. Кн. 7 (№ 11–12). С. 247–262; Лосицкий А. Е. Публикации ЦСУ о землевладении и угодьях по переписи 1917 г. // Сельское и лесное хозяйство. 1923. Кн. 7 (№ 13–14). С. 442–447.
4. Лосицкий А. Е. Указ. соч. С. 444.
5. Хрящева А. И. О критике статистических изданий // Вестник статистики. 1923. Кн. XIII (№ 1–4). С. 197–201.
6. Хрящева А. И. О приемах проверки... С. 5.
7. Волков Е. З. Аграрно-экономическая статистика России. М., 1922. 148 с.; Виноградов Н. И., Ден В. Э. Статистика землевладения и угодий // Хозяйственная статистика СССР: сб. ст. / под ред. В. Э. Дена и Б. И. Карпенко. М.: Прибой, 1930. С. 38.
8. Вихляев П. А. Конспект лекций по сельскохозяйственной статистике. Ч. 1. Сельскохозяйственные переписи. М.: ИздАТ, 1927. 55 с.
9. Гапоненко Л. С., Кабузан В. И. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916–1917 гг. как источник для определения численности населения России накануне Октябрьской революции // История СССР. 1961. № 6. С. 97–115.
10. Терещенко Л. С. Программа разработки материалов Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1966. Т. 24. С. 235–249; Его же. Материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. как исторический источник о землевладении накануне Великой октябрьской социалистической революции // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1967. Т. 23. С. 341–375; Материалы переписи 1916 г. по Томской губернии (из опыта обработки на ЭВМ) / А. М. Бауфал [и др.]. Новосибирск, 1969. 269 с.; Островский И. В. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. — источник для изучения сельского хозяйства и аграрных отношений накануне Октябрьской революции // Источниковедение отечественной истории 1981: сб. ст. М.: Наука, 1982. С. 72–99.
11. Терещенко Л. С. Материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1968. С. 11.
12. Островский И. В. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. по Западной Сибири: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1973. 200 с.
13. Ковальченко И. Д. Исторический источник в свете учения об информации (к постановке проблемы) // История СССР. 1982. № 3. С. 129–148; Ковальченко И. Д., Тишков В. А. Итоги и перспективы применения количественных методов в советской и американской историографии // Количественные методы в советской и американской историографии: материалы советско-американских симпозиумов в г. Балтиморе, 1979 г., и г. Таллине, 1981 г. М.: Наука, 1983. С. 5–22; Количественные методы в исторических исследованиях / под ред. И. Д. Ковальченко. М.: Высш. шк., 1984. 384 с.
14. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: Источники и методы изучения / И. Д. Ковальченко [и др.]. М.: Изд-во МГУ, 1982. 264 с.; Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: (источники и методы исследования) / И. Д. Ковальченко [и др.]. М.: Изд-во МГУ, 1988. 224 с.
15. Никулин П. Ф. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 г. как источник для изучения крестьянского хозяйства западной Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 19 с.
16. Храмов А. А. Из опыта изучения истории сел по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. // Актуальные вопросы истории Сибири. Третьи научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: материалы всерос. конф. / под ред. Ю. Ф. Кирюшина, В. А. Скубневского. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 56–61; Исаев В. В. Поселения на Бийской казачьей линии в сельскохозяйственной переписи 1917 г. // Демографическое и хозяйственное развитие алтайской деревни во второй половине XIX — начале XX в. (на материалах массовых источников): сб. ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 122–140; Разгон В. Н., Колдаков Д. В., Пожарская К. А. Демографическое и хозяйственное развитие западных волостей Алтайской губернии в начале XX в. // Демографическое и хозяйственное развитие алтайской деревни во второй половине XIX — начале XX в. (на материалах массовых источников): сб. ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 22–62; Малолетко А. А. Сельскохозяйственные занятия Алтайского казачества по переписи 1917 г. // Демографическое и хозяйственное развитие алтайской деревни во второй половине XIX — начале XX в. (на материалах массовых

источников): сб. ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С.141–149; Шайдуров В. Н. Российские немцы на Алтае (по материалам Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.) // Демографическое и хозяйственное развитие алтайской деревни во второй половине XIX — начале XX в. (на материалах массовых источников): сб. ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 62–100; Анисимова И. В. Казахи Алтайского округа по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г. (на примере Бухтарминской волости Змеиногорского уезда) // Алтайская деревня во второй половине XIX – начале XX в.: сб. науч. ст. Барнаул, 2004. Вып. 2. С. 55–61.

17. Храмов А. А. Сравнительно-исторический очерк о переселенческих селах Алтайской губернии (по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Алтайская деревня во второй половине XIX — начале XX в.: сб. ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. Вып. 2. С. 12; Храмов А. А., Клычников А. Н. Переселенцы и старожилы в селе Анисимово (Боровлянского) Барнаульского уезда (Опыт анализа Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Демографическое и хозяйственное развитие алтайской деревни во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах массовых источников): сб. ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 101–122.

18. Разгон В. Н., Колдаков Д. В., Пожарская К. А. Демографическое и хозяйственное развитие западных волостей Алтайской губернии в начале XX в. // Демографическое и хозяйственное развитие алтайской деревни во второй половине XIX — начале XX в. (на материалах массовых источников): сб. ст. Барнаул, 2002. С. 22–62.

19. Никулин П. Ф. Земельная аренда в крестьянском хозяйстве Западной Сибири в начале XX в // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. № 309. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zemel'naya-arenda-v-krestyanskom-hozyaystve-zapadnoy-sibiri-v-nachale-xx-v> (дата обращения: 05.01.2017); Его же. Наемный труд в крестьянском хозяйстве Западной Сибири начала XX в // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. № 311. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/naemnyy-trud-v-krestyanskom-hozyaystve-zapadnoy-sibiri-nachala-xx-v> (дата обращения: 05.01.2017); Его же. Социально-экономическая природа наемного труда в крестьянском хозяйстве Западной Сибири начала XX столетия // Вестн. Том. гос. ун-та. 2009. № 319. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskaya-priroda-naemnogo-truda-v-krestyanskom-hozyaystve-zapadnoy-sibiri-nachala-xx-stoletiya> (дата обращения: 05.01.2017); Его же. Товарно-денежная система хозяйствования в западносибирской деревне начала XX в // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 296. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tovarno-denezhnaya-sistema-hozyaystvovaniya-v-zapadnosibirskoy-derevne-nachala-xx-v> (дата обращения: 05.01.2017).

20. Антонова Е. К. Особенности проведения всероссийских переписей 1916 и 1917 гг. в Томской губернии // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2010. № 4(12). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-provedeniya-vserossiyskih-perepisey-1916-i-1917-gg-v-tomskoy-gubernii> (дата обращения: 05.01.2017).

ALL-RUSSIA AGRICULTURAL CENSUSES 1916, 1917. IN THE DOMESTIC HISTORIOGRAPHY

Nina V. Tumurkhonova

Ph.D. in History, Lecturer,

Filippov Buryat State Agricultural Academy

8, Pushkin st., Ulan-Ude, 670010, Russia

In article the main stages of studying of the All-Russian agricultural censuses of 1916 and 1917 as historical source are considered by domestic researchers, characteristic features of the source study analysis of materials of censuses for each of stages are marked out.

Keywords: historiography; historical sources; all-Russian agricultural census; statistics.

УДК 930

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СОВЕТСКИХ РАБОЧИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

© **Очирова Валентина Николаевна**

аспирант,

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова

Россия, 670034, ул. Пушкина, 8

E-mail: ochvalentine@mail.ru

История повседневности — направление в современной историографии, вызывающее значительный интерес среди отечественных и зарубежных исследователей. Объектом исследования данного направления становится локальное сообщество или простой человек с его повседневными заботами. В статье рассматриваются работы ученых, посвященные производственной повседневности советских рабочих, включающей условия труда, общий настрой и некоторые моменты быденной жизни. Проанализированные работы описывают трудовые будни рабочих промышленных предприятий в довоенный и послевоенный периоды, так как события этого времени существенно повлияли на жизнь простых людей.

Ключевые слова: история повседневности; промышленность; советские рабочие; отечественная и зарубежная историография; условия труда; быденная жизнь.

История повседневности — направление историографии, интенсивно развивающее как в отечественной, так в мировой историографии. Это направление характеризуется сокращением масштабов исследований, объектом исследования становится локальное сообщество или отдельная личность с его каждодневными, рутинными проблемами. История повседневности активно разрабатывается с 1970-х гг. и «превращается в новый способ исследования и познания, открывающий возможность проникнуть в неисследованные области социальной истории» [2, с. 40].

В монографии «Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления» И. Б. Орлов отмечает, что «на этом фоне переворачивалось традиционное представление о том, как должно строиться историческое исследование: история выстраивалась не сверху, через восприятие сильных мира сего, и не через официальный дискурс, а как бы снизу и изнутри» [6, с. 14]. Е. Ф. Кринко, И. Г. Тажидинова, Т. П. Хлынина считают, что именно повседневная, рутинная жизнь и создает «историческое пространство» [5, с. 9].

Среди работ зарубежных историков, посвященных производственной повседневности советских рабочих, следует отметить книгу Стивена Коткина «Магнитная гора: Сталинизм как цивилизация», повествующую о работе Магнитогорского металлургического комбината в течение первого десятилетия его существования. В своем исследовании историк предпринимает попытку воссоздать повседневную жизнь рядового рабочего завода. Оно основано на архивных фондах, личных воспоминаниях, дневниках. С. Коткин освещает такие моменты быденной жизни, как борьба за выполнение планов, повышение производительности труда, агитационные работы, стремление рабочих к образованию, «фактически каждый житель Магнитогорска... был охвачен той или иной формой обучения — на рабочем месте или в свободное время...» [1, с. 197]. Это стремление он связывает с желанием получать заработную плату соответственно профилю образования рабочего или его дополнительной подготовки [1, с. 198]. П. С. Кабытов, О. Б. Леонтьева в своей вступительной статье к сборнику «Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период. Антология» отмечают, что это стремление к образованию, к идеалам, к какому-то определенному образцу стало своего рода нормой. С. Коткин использует выражение «говорить по-большевистски», что, по его определению, предполагает говорить и действовать как нужно, как от тебя ждут. «Необходимо верить не было. Но было необходимо тем не менее демонстрировать, что ты веришь...» [1, с. 202].

В монографии Шейлы Фитцпатрик «Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг.: город» есть описание трудовой деятельности рабочих в контексте повседневности городской жизни. Автор упоминает о трудностях с жильем, дефиците товаров и резком падении уровня жизни. Ш. Фитцпатрик отмечает, что большое влияние на повседневную жизнь оказали законы 1938 и 1940 гг. о трудовой дисциплине, ужесточившие наказания за прогулы и опоздания на работу, что в конечном итоге приводило к увольнениям. Она считает, что «законы о трудовой дисциплине...

оказали на жизнь рядовых рабочих и служащих больше негативного влияния, чем чтобы то ни было еще» [9, с. 15].

В отечественной историографии последние два десятилетия велись активные исследования, посвященные истории повседневности. Так, Н. Н. Володина в статье «Трудовая повседневность рабочих Сибири в послевоенный период (на примере Тюменского завода «Механик»)» историю повседневности делит на два вида: бытовую, к которой относит личную жизнь, дом, досуг и т. д., и производственную [3, с. 154]. В статье рассматриваются трудовые будни рабочих тюменского завода «Механик» в послевоенный период (1945–1953 гг.), когда предприятие начинает возвращаться к выпуску продукции народного потребления. С переходом к мирной жизни наблюдаются и изменения в трудовой повседневности рабочих. Эти изменения касаются, прежде всего, как состава рабочих, так и условий труда. Володина отмечает, что в данный период особое внимание уделялось повышению квалификации молодых рабочих, т. к. им недоставало практических умений и навыков для работы. Для этой цели организовывались различные курсы, кружки, стахановские школы, но наиболее практически значимым было все же обучение «непосредственно у станков, в форме индивидуально-бригадной подготовки» [3, с. 155]. Что касается условий труда, то автор отмечает ряд проблем, с которыми столкнулись рабочие завода. Во-первых, это изношенные и требующие капитального ремонта заводские цеха и помещения; во-вторых, преобладание ручного труда в производственном процессе («многие трудоемкие работы не были механизированы», а «транспортировка деталей по цеху... производилась за счет их мускульной силы»); и в-третьих, изношенность и порой пришедшее в негодность проработавшее на полную мощь во время войны заводское оборудование [3, с. 157]. Кроме вышеупомянутых проблем автор указывает на «рваный ритм работы», это было обусловлено несвоевременной поставкой сырья и материалов, что, в свою очередь, приводило к сверхурочным работам к концу месяца, а к началу следующего производство оставалось без сырья [3, с. 157]. Следствием такой организации и условий труда, по мнению автора, явилась большая текучесть рабочих кадров.

Бытовую и производственную повседневность горнозаводского населения рассматривает Е. А. Чайко в работе «Будни советского человека в контексте российской истории 1930–1950-х гг.: локальный мир Южноуральского горнозаводского района». Он отмечает, что из-за низкого уровня заработной платы и уровня жизни в целом рабочие были вынуждены вести «смешанный промышленно-сельскохозяйственный» образ жизни [10, с. 123]. Характеризуя образ жизни рабочих этого периода, автор использует термин «перенапряжение», тем самым подразумевая, что кроме основной работы на производстве население занималось дополнительным заработком в виде подсобного хозяйства, ловли рыбы, собирательства и т. д. [10, с. 123].

История повседневности, акцентируя свое внимание на изучении отдельного индивида, отдельного общества, позволяет найти определенные черты, характеризующие социальные слои, явления в определенный период истории. Исследования производственной повседневности советских рабочих в большей части охватывают период с конца 1920-х по конец 1950-х гг. Можно предположить, что данный интерес вызван социальными и экономическими переменами не только в масштабах страны, но и мира в целом. Революции, войны, ускоренные темпы индустриализации экономики страны, восстановление экономики в послевоенные годы — все это кардинальным образом отразилось на повседневной жизни простых людей.

Литература

1. Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Самарский университет, 2001. 376 с.
2. Арсентьев Н. М., Руськин А. Н. Интеграционные процессы среди европейских школ микроистории (теоретико-методологический аспект) // Интеграция образования. 2010. № 4. С. 40–44.
3. Володина Н. Н. Трудовая повседневность рабочих Сибири в послевоенный период (на примере Тюменского завода «Механик») // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 2. С. 154–159.
4. Жидченко А. В., Рыженко В. Г. История повседневности XX в. в англоязычной историографии // Уч. зап. Казан. университета. 2012. Т. 154, кн. 3. С. 172–178.
5. Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальной трансформаций. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 360 с.
6. Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом ВШЭ, 2010. 317 с.

7. Татаркина А. Р. Теоретические основы изучения проблем повседневности (региональный аспект) // Мир науки, культуры, образования. 2007. № 1(4). С. 72–74.

8. Тяжелникова В. С. Заводское жилье в 1935 – первой половине 1960-х гг. по материалам завода «Серп и молот» // Вестник РУДН. Сер. История. 2003. № 2. С. 98–115.

9. Фитцпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг.: город. 2-е изд. М.: РОССПЭН; Фонд первого президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 336 с.

10. Чайко Е. А. Будни советского человека в контексте российской истории 1930–1950-х гг.: локальный мир Южноуральского горнозаводского района // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2008. № 35. С. 115–125.

HISTORY OF EVERYDAY LIFE OF INDUSTRIAL SOVIET WORKERS IN RUSSIAN AND FOREIGN HISTORIOGRAPHY

Valentina N. Ochirova

PG student,

Filippov Buryat State Agricultural Academy

8, Pushkin st., Ulan-Ude, 670010, Russia

History of everyday life is an area of modern historiography that raises definite interest among researchers. The object of the research is a local community or an ordinary person with his routine life. The article is based on works of Russian and foreign researchers concerning the history of everyday life of industrial soviet workers. Usual working day of industrial workers including some tendencies, working environment and other moments of their routine life are described here. The researchers are mostly interested in pre- and postwar period as the events that took place during that time influenced greatly the lives of ordinary people.

Keywords: everyday life; industry; soviet workers; Russian and foreign historiography; working environment, ordinary life.

УДК 930.1 (571.55)

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВИЯ В ЗАБАЙКАЛЬЕ В 1965–1991 гг.© **Дроботушенко Евгений Викторович**

кандидат исторических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
Россия, 672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30
E-mail: drzz@yandex.ru

В статье характеризуются источники по истории православия в Забайкалье в советское время, с разделением на группы по видам, кратким анализом и приведением примеров. Основой источниковедческого анализа стали документы Государственного архива Российской Федерации. Это связано с тем, что в советское время данный архив являлся местом хранения документов органов государственной власти, в частности Комиссии по делам религий при Совете Министров СССР и ее уполномоченных в регионах. Среди дел данного архива достаточно много дел с отчетностью по религиозной ситуации в целом и по состоянию Православной церкви, в частности в Забайкалье, а именно в Бурятской Автономной Советской Социалистической Республике и Читинской области. Делается вывод, что источниковая база заявленной темы достаточно широкая и при серьезной, качественной работе с документами, появляется возможность воссоздания относительной полной истории православия в Забайкалье в советские времена.

Ключевые слова: религия; религиозная ситуация; религиозные организации; религиозные сообщества и группы; православие; Русская православная церковь; уполномоченные Совета по делам религий.

Изучение любого исторического аспекта невозможно без использования источников. Очевидно, что в дальнейшей работе можно пользоваться научными публикациями, однако на начальной стадии, когда какая-либо составляющая еще не становилась предметом научного анализа, источники являются единственными, на что может опираться исследователь.

История Забайкалья, как Западного, так и Восточного, изучена относительно неплохо, в то же время в ней есть «незаполненные страницы». Так, не стала предметом серьезного научного анализа история православия в регионе в советское время. Существует определенное количество работ по начальному советскому этапу. Это труды В. И. Косых и И. С. Цыремпиловой [3–9]. Однако история забайкальского православия после Великой Отечественной войны не изучена. Отсутствие серьезных научных работ по проблеме предопределило особую значимость источников.

Хронологически мы говорим о периоде с 1965 по 1991 г. — это время существования Совета по делам религий при Совете Министров СССР. Данный совет образован в результате слияния двух существовавших до того советов: Совета по делам Русской православной церкви (с 1943 г.) и Совета по делам религиозных культов (с 1944 г.). С середины 40-х гг. XX в. до 1965 г. действовал несколько иной принцип политики государства в отношении религиозных сообществ. Источники по истории православия были схожими с источниками рассматриваемого в статье времени. Однако было и принципиальное отличие. Характеристика православия в регионах давалась отдельно по вертикали Совета по делам Русской православной церкви, т. е. вопросами существования и деятельности православных сообществ уполномоченные названного совета занимались целенаправленно. С 1965 г., в связи с объединением функционала двух структур, ситуация изменилась. Информация о православии растворялась в общей информации по религиозной ситуации в регионе.

С учетом особенностей рассматриваемого периода, когда религия в государстве и, в частности, православие были «в загоне», отсутствовала качественная статистика, внимание уделялось именно архивным источникам, особенно центральным: в региональных архивах относительно заявленной проблемы информации практически нет или очень мало. Основным является Государственный архив Российской Федерации — хранилище документов по деятельности органов государственной власти в советское время: Совета по делам религий при Совете Министров СССР и его уполномоченных в регионах.

Целью данной статьи мы видим не перечень архивных фондов или описей, которые содержат дела с информацией по православию, а характеристику видов документов, которые несут в себе данные по рассматриваемой проблематике.

Основную массу представленных источников можно отнести в обобщенном виде к делопроизводственным документам. С учетом дискуссии, которая идет вокруг использования термина «делопроизводственные документы», оговоримся, что названные источники можно называть источниками по «документационному обеспечению управления». В самом общем смысле к данному виду источников относят все документы по деятельности какого-либо института, главным образом, органов власти. Отметим, что все документы являются первичными источниками, поскольку представляют собой оригиналы отчетов, переписок, жалоб, докладных, замечаний и т. д.

Очевидно, что имеющиеся документы со статистическими данными могут быть отнесены к документам регистрационно-учетного вида. Их по рассматриваемой проблематике достаточно много.

Несомненно, что источником при изучении истории православия в Забайкалье является и актовый материал. С точки зрения источниковедческого анализа это актовые источники, нормативные и правовые акты, регламентирующие существование и деятельность религиозных организаций в рассматриваемое время. В значительной степени это документы распорядительного вида. Данные источники помогают в характеристике картины в целом. В анализе же того, как тот или иной нормативно-правовой акт реализовывался на территории регионов Забайкалья, могут помочь только делопроизводственные источники с отчетной информацией.

Отметим, что документы Государственного архива Российской Федерации — это акты светских властей. Специфика архива не подразумевала хранения документов властей церковных. В то же время, к примеру, по православию в Китае, Корее и Японии документы названного архива содержат значительный объем актов церковных властей, правда, следует отметить, что они относятся к более раннему периоду, чем хронологические рамки настоящей статьи [1].

Без названия фондов картина будет выглядеть неполной. Речь относительно информации по православной истории региона в рассматриваемое время идет об одном фонде — Р6991 «Совет по делам религий при Совете Министров СССР», а точнее, об одной описи данного фонда — описи 6 «Совет по делам религий при Совете Министров СССР. 1966–1991».

Названная опись дает богатейший материал, поскольку представлена делами самого разного вида. С точки зрения наличия статистической информации особый интерес представляют различного рода «сведения». Представляется верным, что можно говорить о группе дел с отчасти схожими названиями. В них даны цифровые данные по регионам. Это «Статистические сведения о действующих... церквях и монастырях, духовенстве... по РСФСР», «Статистические сведения о действующих церквях и молитвенных домах, духовенстве, религиозной обрядности... по областям РСФСР», «Статистические отчеты о деятельности религиозных организаций в областях РСФСР».

Первые из названных сведений представлялись по субъектам республики в алфавитном порядке. Сначала по городам федерального значения, Москве и Ленинграду, затем по 16 автономным республикам, 6 краям и 49 областям. Вторые и третьи в алфавитном порядке только по одному виду субъектов РСФСР — по областям. Все сведения подавались ежегодно [2 и др.].

Иной вид документов — это отчеты, чаще всего уполномоченных Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Бурятской АССР и Читинской области. В архивных документах они соседствуют с различного рода справками о религиозной ситуации в регионе или по контролю над соблюдением религиозного законодательства. Примеры такого вида документов — это «Отчеты, справки уполномоченных Совета о состоянии контроля за соблюдением законодательства о культах по РСФСР», «Отчеты, справки, информация и переписка уполномоченных Совета по... (отдельным субъектам РСФСР за отдельные годы)» [2 и др.].

По Забайкалью, как по Западному, так и по Восточному, документов такого рода встречалось достаточно много, однако содержательно они достаточно скудны. В них можно встретить данные о буддистах региона, относительно их деятельности переписка достаточно большая. Что же касается Русской православной церкви, в делах главным образом встречаем цифровые упоминания.

Существует ряд дел, которые содержат комплекс документов по развитию религиозной ситуации, в том числе и с православием по отдельным регионам. Они именуются «Документы уполномоченных Совета...». Это подборки документов самого разного вида, содержащие информацию по религиям в регионе. Хранятся они по годам. Представляется, что составлялись данные подборки в Совете по делам религий при Совете Министров СССР в Москве, когда отдельно собиралась вся поступающая информация по субъекту Федерации. Содержательно это переписка уполномоченных с Советом, письма-жалобы от общин верующих, краткая статистика по религиозным сообществам [2].

Отдельным видом документов являются переписки, в значительной степени это переписки опять же уполномоченных Совета по делам религий при Совете Министров СССР. По своему содержанию данные переписки схожи с отчетными документами. Разница в том, что отчеты представлялись по утвержденным формам и должны были представляться с определенной периодичностью. Переписки же — это текущая информация, отправляемая в органы центральной власти из регионов. Примером такого дела является переписка уполномоченного Совета по Бурятской АССР Очиржапова середины 1970-х гг. [2].

Выше перечислены документы делопроизводственного характера. Однако следует остановиться и на актовом источнике. Они достаточно ярко представлены такими делами, как «Информационные и распорядительные документы, направленные уполномоченным Совета» [2].

Относительно рассматриваемого периода интересным является появление отдельных самостоятельных отчетов по автономным округам, а как известно, территориально, в границах так называемой матрешечной федерации, Агинский Бурятский автономный округ входил в состав Читинской области. Следует сказать и о делах в целом по Восточному Забайкалью, с выделением отдельно анализа религиозной ситуации по Агинскому Бурятскому автономному округу. Отдельное внимание автономному округу, согласно документам, стало уделяться с конца 70-х гг. XX в. [2].

Следует сказать, что все документы рассматриваемого времени хранились под грифом «секретно». Достоянием широкой общественности они становятся постепенно с изменением политики государства. Следует отметить, что на сегодняшний день не в открытом свободном доступе стоят документы не всех описей фонда Р6991 подраздела раздела «Религия» раздела «Фонды центральных органов государственного управления и подведомственных учреждений». На сегодня нет в открытом доступе документов описей 5 и 9. Часть же дел тех описей, что находятся в свободном доступе, в настоящее время на оцифровке.

Таким образом, история православия, как в Западном, так и в Восточном Забайкалье в советское время, может быть проанализирована по документам Государственного архива Российской Федерации. Для воссоздания религиозной ситуации в целом по стране и определения места в данной ситуации забайкальского православия значимую роль играют акты источники, в то время как для воссоздания самой его истории на основании фактов основополагающими являются делопроизводственные документы. Несмотря на то, что они разбросаны в общей массе дел, общее их количество значительно, что позволяет относительно полно воссоздать историю православной церкви в регионе.

Тенденции последнего времени обозначают необходимость перехода архивов, как и иных органов структуры государственной и муниципальной власти, к электронному делообороту, к переходу от традиционных форм работы с источниками к новым. Здесь основополагающим является оцифровка документов и постепенное выставление части из них в свободный доступ. Представляется, что изменится ситуация и с источниковой базой истории православия в советское время.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 276, 434.
2. ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 99, 157, 389, 438(2), 564, 742, 761, 772, 1009, 1575, 1643, 1876, 2380, 2467, 3285, 3346, 4145, 4540.
3. Косых В. И. Православная церковь Восточной Сибири в годы первой русской революции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1989. 22 с.
4. Косых В. И. Забайкальская епархия накануне и в годы первой российской революции. Чита: Изд-во Заб. гос. пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 1999. 196 с.
5. Косых В. И. Забайкальская епархия 1908–1923 гг. Чита: Изд-во Заб. гос. пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 2007. 204 с.
6. Цыремпилова И. С. Взаимоотношения государства и Русской православной церкви в Байкальской Сибири (1917–1930-е гг.): историография и источники. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКиИ, 2008. 135 с.
7. Цыремпилова И. С. Документальное наследие РПЦ в исследовании государственно-церковных взаимоотношений в 1917–1930 гг. на территории Байкальского региона // Власть. 2012. № 9. С. 160–163.
8. Цыремпилова И. С. Русская православная церковь и государственная власть в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона): дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 491 с.
9. Цыремпилова И. С. Русская православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона). Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2008. 300 с.

ARCHIVAL SOURCES ON THE HISTORY OF ORTHODOXY

IN THE ZABAİKALYE IN 1965–1991

Evgenii V. Drobotushenko

Ph.D. in History, Associate Professor,
Transbaikal State University
30, Alexandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia

The article describes sources on the history of Orthodoxy in Transbaikalia during the Soviet period, with a breakdown into groups by species, a brief analysis, and examples. The base of the source study is the documents of the State Archive of the Russian Federation. This is connected with the fact that during the Soviet period the dune archive was the place of storage of documents of state authorities, in particular the Commission for Religious Affairs attached to the Council of Ministers of the USSR and its commissioners in the regions. Among the files of this archive, there is a lot of cases with reporting on the religious situation in general and the state of the Orthodox Church, in particular, in Transbaikalia, in the Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic and the Chita region. It is concluded that the source database of the problem is quite broad, and with serious, qualitative work with documents, it becomes possible to recreate the relative complete history of Orthodoxy in Transbaikalia in Soviet times.

Keywords: religion; religious situation; religious organizations; religious communities and groups; Orthodoxy; Russian Orthodox Church; authorized by the Council for Religious Affairs.

УДК 94 (517)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МОНГОЛИИ (1921–1940 гг.)

© Батунаев Эдуард Владимирович

кандидат исторических наук, научный сотрудник,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии БНЦ СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: vatunaeveduard@mail.ru

В статье рассматриваются основные этапы социально-экономического развития Монголии в период 1921–1940 гг. Анализируются важнейшие мероприятия по становлению основных отраслей экономики, социальной сферы, проводимые монгольским народным правительством.

Ключевые слова: Монголия; некапиталистический путь развития; животноводство; промышленность; революционные мероприятия.

5 ноября 1921 г. между монгольским народным правительством и правительством РСФСР было подписано соглашение об установлении дружественных отношений [7, с. 58]. Оно явилось для Монголии первым равноправным международным соглашением. В нем указывалось, что прежние договоры и соглашения, заключенные между бывшим царским правительством Автономной Монголии, считаются утратившими силу. Это соглашение имело огромное значение для укрепления международного и внутреннего положения монгольского народного государства, позиции народной власти, создания благоприятных условий для дальнейшего развертывания революции, строительства основ народной демократии. Надо отметить, что соглашение было важно для Советской России с точки зрения укрепления политических позиций в Восточной Азии и безопасности государства, восстановления традиционных экономических связей с Монголией, важно с точки зрения перспектив развития отношений в треугольнике Россия — Монголия — Китай. Были также подписаны дополнительные протоколы — об отказе правительства РСФСР от концессии и экономических привилегий царского правительства, о сотрудничестве в области судопроизводства, о предоставлении Монголии ссуды в 1 млн рублей [2, с. 66].

Монгольскую делегацию в Москве встретил В. И. Ленин, который развил перед делегатами идею некапиталистического развития Монголии. Главным условием успешного движения Монголии к социализму, минуя капитализм, Ленин считал улучшение работы партии и народной власти, распространение кооперации, внедрение новых форм хозяйствования и культуры, сплочение аратства вокруг партии и народной власти [3, с. 333]. С переходом власти к народному правительству в стране проводилось постепенное ограничение привилегий феодалов, в частности в сфере права и суда. Народная власть ограничивала права и привилегии не только светских, но и церковных феодалов. Была проведена национализация промышленных, сельскохозяйственных и других предприятий, принадлежавших раньше частным иностранным предпринимателям и царскому правительству, феодальному правительству дореволюционной Монголии, создана потребительская кооперация. В декабре 1921 г. была учреждена Монгольская центральная кооперация, которая должна была служить интересам народа, вытесняя иностранный торговый капитал и обеспечивая возможность некапиталистического развития страны. Широкое распространение в Монголии получили потребительские кооперативы взаимопомощи с участием богдо-хана и эхэ-дакини с уставным капиталом около 15 тысяч тугриков [1, с. 172].

1 ноября 1921 г. Народное правительство на заседании с участием всех министров, их заместителей, членов ЦК Народной партии и членов ЦК Ревсомола утвердило документ об ограничении прав богдо-гэгэна, который вошел в историческую литературу под названием «Клятвенного договора». «Клятвенный договор» лишал богдо-гэгэна права на вето; законы и правительственные постановления вступали в силу только после утверждения их Народным правительством. В чрезвычайных случаях Народное правительство могло издавать законы и распоряжения без уведомления богдо-гэгэна [3 с. 336].

Крупнейшим во внутривластной жизни событием стало изменение государственного строя страны. 26 ноября 1924 г. I Великий хурал придал июньским решениям об установлении республи-

канского строя силу закона, приняв первую Конституцию республики. Основная задача Монгольской Республики заключается в уничтожении остатков старого деспотического порядка и мировоззрений, существовавших при поработителях и угнетателях, и в укреплении основ нового республиканского строя на основе полной демократизации государственного управления. Вся земля и ее недра, леса, воды и их богатства... являются общенародным достоянием. Основным законом устанавливал, что государственная власть в центре и на местах принадлежит народным хуралам [2, с. 74].

В 1921–1924 гг. были проведены важнейшие революционные преобразования: ликвидирована крепостная зависимость аратов, отменены феодальные повинности, аннулированы долги иностранным фирмам, начато ограничение иностранного капитала путем пошленно-налогового обложения и укрепления национальной потребительской кооперации, была налажена работа государственных предприятий и упрочен государственный бюджет. Наряду с решением этих чрезвычайно важных социальных проблем происходило постепенное ограничение экономических и правовых привилегий крупных духовных и светских феодалов, начиная с богдо-гэгэна и кончая невладетельными князьями и ламами. В 1924 г. правительство СССР, идя навстречу экономическим интересам Монгольской Народной Республики, предоставило Центральному народному кооперативу Монголии право импорта транзитом через СССР товаров согласно номенклатуре, присланной Монгольским кооперативом полпреду СССР в Монголии.

3 октября 1924 г. было принято новое соглашение о телеграфных сношениях между СССР и Монголией. В 1923 г. между правительствами СССР и Монголии было подписано взаимовыгодное и равноправное торговое соглашение, согласно которому советские торгово-закупочные организации «Сибсторг» и «Центросоюз» открыли свои представительства в Их Хурэ. Постановлением Совета народных комиссариатов Советского Союза 5 ноября 1924 г. А. М. Васильев был назначен торговым представителем в Монголии. Данные советские организации объединились в «Стормонг» в 1927 г. Согласно монголо-советским торговым и экономическим переговорам Монголия вступила в советскую кооперацию шерстяного фонда «Шерсть» в качестве акционера, внося 750 000 рублей, и в 1925 г. открыла постоянное представительство Монголии в Москве [1, с. 173].

Наряду с этими важнейшими социально-экономическими мероприятиями в 1922–1924 гг. осуществлялся слом старой государственной машины, проводилась постепенная замена местных органов хуралами аратов. В целях демократизации государственного строя 5 января 1923 г. Народное правительство утвердило два важнейших законодательных акта — Положение о местном самоуправлении и Положение о правах владетельных (хошунных) и невладетельных князей (ванов и гуннов).

В сфере экономики усилия правительства были направлены на преодоление последствий военной разрухи, на оздоровление хозяйства, реформирование экономических отношений. Проводилась линия на ослабление экономических позиций феодалов, на облегчение положения аратства. Отменялись все степени, звания, титулы, жалованья прежней знати, многие ее привилегии (в том числе налоговые), разного рода повинности и сборы с аратов. Важные меры были приняты в отношении иностранного торговоростовщического капитала, господствовавшего в то время на монгольском рынке. В июле 1921 г. было решено приостановить выплату долгов иностранным купцам и фирмам, в сентябре 1924 г. постановило долги и проценты по ним аннулировать. Для иностранных фирм вводились новые налоги и пошлины.

В 1926 г. в Монголии в целом продолжалась реализация курса предшествующих лет. Был принят Закон о едином налоге, который предусматривал прогрессивное обложение хозяйств феодалов и монастырей и освобождение от налога бедняцких хозяйств. Успешно осуществлялась денежная реформа, тугрик постепенно становился единственной валютой в стране. Продолжилось строительство небольших промышленных предприятий, укреплялись позиции национальной торговли. Был утвержден закон об отделении церкви от государства, которым ламаистская церковь лишалась возможности вмешиваться в государственные и гражданские дела. Официальная политика советского правительства была направлена на оказание всемерной помощи Монголии в экономическом строительстве, предусматривались взаимные льготы, организация сотрудничества таким образом, чтобы на переднем плане была не коммерческая выгода, а взаимопомощь. После VII съезда новые монгольские лидеры приступили осуществлению намеченных преобразований. Состоявшийся после съезда V Великий хурал (14 декабря 1928 г. — 14 января 1929 г.) принял постановления, предусматривающие предстоящую конфискацию скота и имущества феодалов, стимулирование объединения аратов в кооперативы, меры по укреплению государственной и кооперативной торговли и промышленности, введение монополии внешней торговли и др.

Качественно новые черты стали приобретать и межгосударственные советско-монгольские отношения. Они становились более тесными, более доверительными. Важную роль в этом плане сыграло «Соглашение об основных принципах взаимоотношений между СССР и МНР», подписанное 27 июня 1929 г. в Улан-Баторе. Соглашение охватывало все основные сферы сотрудничества и устанавливало, что Советский Союз строит свои отношения с МНР путем осуществления принципов экономической политики, способствующих максимальному развитию производственных сил Монголии, улучшению условий жизни народа.

III Чрезвычайный пленум ЦК и ЦКК МНРП состоялся 29–30 июня 1932 г. С докладом о внутриполитическом положении выступил П. Гэндэн. В постановлении определилась система мер, которые должны были вывести страну из кризиса:

1. Развитие и поощрение частнособственнической инициативы населения.
2. Содействие частному товарообороту, частной торговле.
3. Содействие хозяйственной деятельности всех слоев аратства, включая зажиточных. Поддержка простейших форм кооперирования.
4. Пересмотр бюджетно-налоговой политики с учетом обеспечения нормального развития всех хозяйств, включая зажиточных и частных торговцев.
5. Недопустимость административных методов борьбы с религией, обеспечение полной свободы религиозных верований.
6. Повышение полномочий правительства «Национальное правительство должно руководить всей жизнью страны. Задача партии мобилизовать массы вокруг решений правительства...» [5, с. 475–484].

При содействии СССР вступили в строй такие крупные предприятия, как промкомбинат, ТЭЦ в Улан-Баторе, шерстомойка в Хатгале, развивался автотранспорт, началась радиофикация. Анализируя особенности развития Монголии в середине и конце 1930-х гг., следует подчеркнуть, что одновременно было немало сделано для подъема экономики, укрепления сельского хозяйства, становления промышленности, современного транспорта и других новых отраслей, развития здравоохранения, просвещения и искусства.

Прежде всего заметно улучшилось положение в основной отрасли — животноводстве. поголовье скота увеличилось с 19,6 млн в 1933 до 26,2 млн в 1940 г. и 27,5 млн голов в 1941 г. [6, с. 6].

Налогово-кредитная система, поощрительная мера и поддержка со стороны государства способствовали не только общему росту поголовья, но и переменам в соотношении социальных групп внутри аратства, уменьшению числа бедняцких хозяйств и увеличению середняцких и зажиточных. Удельный вес середняков поднялся с 34% в 1927 г. до 58% в 1939 г. В среднем на одно хозяйство приходилось 124 головы скота и на одного человека — 36 голов [4, с. 80].

В животноводстве, хотя и медленно, недостаточно, но все же внедрялись новые методы хозяйствования. Расширялась ветеринарная служба, что имело первостепенное значение для оздоровления стада, сокращения падежа. Действовали первые машинно-сенокосные станции, улучшалось водоснабжение, больше становилось надежных загонов для скота. Правительство уделяло большое внимание развитию новой отрасли — промышленности. Крупные предприятия — Улан-Баторский промкомбинат, энергокомбинат, механический завод, шерстомойные фабрики, рудники наращивали выпуск продукции, вносили весомый вклад в увеличение экономического потенциала страны. Объем промышленной продукции возрос в 1940 г. против 1934 г. в 6 раз, промышленность выпустила в 1940 г. 20% валовой продукции промышленности и сельского хозяйства. Государственная промышленность производила 70% продукции, остальные 30% — промысловая кооперация. Численность рабочих и служащих в стране возросла с 11 тыс. в 1934 г. до 31 тыс. в 1940 г. [3, с. 382]. Гужевой транспорт, который тогда еще занимал ведущее место в грузоперевозках, постепенно уступал свои позиции автомобильному.

Таким образом, в 1921–1940 гг. экономика и культура МНР преобразились существенно. Экономика становилась многоотраслевой — наряду с животноводством (оно оставалось главной отраслью и по числу занятых, и по удельному весу в производимой продукции) развивались промышленность (обрабатывающая, добывающая), строительство, механизированный транспорт, связь, национальная торговля. Исчезло преобладавшее ранее феодальное производство (хозяйство князей, церковных иерархов и других представителей господствовавшего класса), вытеснен иностранный торговлоростовщический капитал, шла трансформация натурального хозяйства в мелкотоварное. Теперь

наряду с мелкотоварным укладом (он был представлен большинством аратских хозяйств и стал преобладающим) расширялся государственно-кооперативный сектор, имелись остатки натурального и полунатурального производства, рождались элементы частнокапиталистического хозяйства (в сельском хозяйстве, торговле). Тенденция заключалась в повышении роли государственно-кооперативного сектора в экономике.

Литература

1. Батсайхан О. Монголия на пути к государству-нации (1911–1946). Иркутск: Оттиск, 2014. 384 с.
2. История Монголии XX в. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2007. 448 с.
3. История Монгольской Народной Республики. М.: Наука, 1983. 661 с.
4. Монгол Ардын Хувьсгал Намын туухэн товчоон. Улаанбаатар, 2001. 80 с.
5. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 133. С. 475–484.
6. Печников А. М. Животноводство МНР. Материалы государственной статистики. Улан-Батор, 1949. Вып. 1. 220 с.
7. Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 1. 1921–1940. М.; Улан-Батор, 1975. 588 с.
8. Bawden Ch. R. The Modern History of Mongolia. London, 1968. 460 p.

SOME ASPECTS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF MONGOLIA (1921–1940)

Eduard V. Batunaev

Ph.D. in History, Researcher,

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of Science, Siberian Branch
6, Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670047, Russia

The article deals with the main stages of socio-economic development of Mongolia in the period of 1921–1940. Analyzed the most important activities of the Mongolian People's Government on the establishment of the main sectors of the economy, the social sphere.

Keywords: Mongolia; a non-capitalist path of development; animal husbandry; industry; the revolutionary events.

УДК 355(091)(410)

**СУХОПУТНЫЕ СИЛЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ К СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.:
ОБЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПРЕДПОСЫЛКИ МОДЕРНИЗАЦИИ**© **Ражев Александр Викторович**

кандидат исторических наук, доцент,

Челябинский государственный институт переподготовки и повышения квалификации
работников образования

Россия, 454091, г. Челябинск, ул. Красноармейская, 88

E-mail: guibert@mail.ru

В статье приводится краткий обзор состояния британской армии в 1920–1930-е гг. До Первой мировой войны сухопутные силы Великобритании традиционно играли роль имперского жандарма. Временное отступление от этой концепции после англо-бурской войны и накануне Великой войны в Европе, приведшее к созданию колоссальной полевой армии в 1914–1918 гг., в британских общественных и военно-политических кругах было признано ошибкой, как и сама континентальная стратегия. В период 1920-х — начала 1930-х гг. сложная ситуация в стране во многом способствовала наметившейся стагнации британской армии. Настроения в общественно-политических кругах приводили к сокращению финансирования, а введение «десятилетнего правила» затормозило последовательную модернизацию вооруженных сил. В результате, по оценкам экспертов, сухопутные силы к началу 1930-х гг. не отвечали требованиям современной войны, особенно в плане бронетанкового строительства и моторизации частей. Рост агрессивности фашистских держав в Европе и на Дальнем Востоке, их стремление к пересмотру послевоенного миропорядка усугубляли негативное состояние имперской обороны. В ответ на изменение европейской обстановки армейский Генеральный штаб разработал план «ограниченной модернизации». Однако упор на авиацию и флот оставил сухопутные силы в тени стратегических приоритетов. По мере нарастания военной тревоги к середине 1930-х гг. речь уже шла не просто об увеличении военных расходов, а о необходимости приведения всех видов вооруженных сил в соответствие с масштабами назревавшей угрозы.

Ключевые слова: Великобритания; британская армия; Имперский комитет обороны; межвоенный период; перевооружение; модернизация; предпосылки Второй мировой войны.

Сухопутные силы Великобритании на протяжении нескольких столетий традиционно играли второстепенную роль в военно-политической стратегии этого островного государства. Как отмечал историк К. Барнетт, армия выполняла роль «имперского жандарма» [1, р. 411]. Море являлось той стихией, которая, по убеждению британцев, не разделяла, а соединяла империю. Поэтому контроль над океанскими путями составлял первейшую заботу вооруженных сил метрополии. Военно-морской флот рассматривался в качестве гаранта безопасности империи и ее незыблемости. Задачи сухопутной армии согласно теории морской силы носили во многом пассивный характер: содержание гарнизонов в стратегически важных районах и выполнение полицейских функций в колониях [2, с. 79–82].

Ситуация стала меняться с ростом международной напряженности в начале XX в. Соперничество европейских держав грозило перерасти в крупномасштабный военный конфликт. Развернувшаяся гонка вооружений вынудила кабинет А. Бальфура (1902–1905 гг.) поставить вопрос о пересмотре укоренившихся принципов обороны метрополии и колоний. В целом преобразования 1906–1912 гг. носили характер структурной модернизации. Возросла степень контроля над армией со стороны исполнительной власти. Если раньше военный министр осуществлял лишь общее руководство, то теперь он оказался во главе реорганизованного военного совета. Наряду с первым лордом адмиралтейства глава военного ведомства получил равные возможности влиять на военно-политический курс кабинета. С этим было связано и упразднение поста главнокомандующего сухопутными войсками. Его политические функции отходили министру, а военные — начальнику генерального штаба.

Произошли изменения и в организации войск. Регулярные силы, расквартированные в метрополии, были сведены в семь дивизий. Согласно новой стратегии они предназначались для ведения боевых действий на континенте. Иррегулярные части были объединены в территориальную армию из 14 пехотных дивизий и 14 кавалерийских бригад. На них возлагались задачи обороны метрополии, а также подготовка резервов для полевых войск.

Первая мировая война привела к созданию массовой армии. Первоначальные планы ограничиться небольшим контингентом войск для Западного фронта оказались несостоятельными. На начало вой-

ны сухопутные силы Великобритании насчитывали 432,4 тысячи солдат и офицеров. Из них около 150 тыс. составляло полевую армию. Общая численность войск Британской империи (включая доминионы) составляла 894,9 тыс. человек [3]. Затягивание войны заставило британское правительство в 1916 г. ввести всеобщую воинскую повинность. За годы войны на военную службу было призвано свыше 8 млн человек, сформировано 85 дивизий и других подразделений. Максимальная численность экспедиционного корпуса на Западном фронте, включавшего на ноябрь 1918 г. 62 дивизии, достигала 2 млн человек. Всего через этот театр боевых действий прошло 5,4 млн человек. После окончания Великой войны создание такой небывалой в британской истории армии было признано ошибкой. Критике подверглась и сама континентальная стратегия, которая, по мнению многих политиков, показала свою несостоятельность для Великобритании.

Послевоенный период для Британской империи оказался сопряжен с многочисленными политическими и социально-экономическими трудностями [4]. Армия в этих условиях тяжело переживала адаптацию к новым условиям мирной жизни. Здесь необходимо выделить три ключевых фактора, оказавших значительное воздействие на развитие вооруженных сил в 1920–1930-х гг.

Во-первых, это политические особенности межвоенного периода: существенное полевение политики и демократизация жизни страны. Выступая под знаменем пацифизма и всеобщего разоружения, лейбористы и сторонники иных левых движений призывали к отказу от милитаризма в пользу социальных преобразований. Наличие сильной армии считалось неприемлемым в условиях пацифистского климата в обществе. Неприятие у пацифистов вызывала даже не столько сама война или вооруженные силы как таковые, сколько сухопутная армия. Такое двойственное отношение стало следствием высоких потерь на Западном фронте, потрясших британское общество. «Великая война психологически искалечила британцев, — отмечали историки, — подобные жертвы не вписывались в их историческое сознание» [5, р. 424–426]. Патриотическая риторика сменилась критическим осмыслением произошедшего. В конце 1920-х гг. кинематограф наряду с солдатскими мемуарами донес ужас войны до рядовых британцев. Под лозунгом «Более никаких Пошендейлей!» общественность приветствовала идею всеобщего разоружения. И вновь в первую очередь речь шла о сухопутной армии. Авиация и флот, не понесшие таких жертв, смогли сохранить свой статус в сознании английского общества.

В первой половине 1930-х гг. любой политик, открыто высказавшийся за перевооружение, рисковал своей карьерой в парламенте. Противоположные же идеи, наоборот, привлекали избирателей. Так, на выборах в Восточном Фулхеме в 1933 г. лидер лейбористов Джордж Лэнсбери заявил о своих планах «демобилизовать армию, разоружить военно-морской флот, расформировать соединения военной авиации...» [6, р. 33]. В результате поддержка консерваторов в этом округе снизилась с 14 521 до 4 480 голосов. Подобная риторика в общественной среде и в рядах оппозиции вынуждала правительство маневрировать и идти на уступки. Консервативные политики старались быть осторожны в своих высказываниях, чтобы не прослыть милитаристами. Так, канцлер казначейства Н. Чемберлен, одобрявший меры по усилению противовоздушной обороны, в целом высказывался против роста расходов на вооружение. Как бывший министр здравоохранения, сделавший имя на социальном реформировании, он не приветствовал рост военных расходов. «Сама идея того, что с трудом заработанные сбережения наших людей... должны быть потрачены на оружие, является ненавистной», — заявлял Чемберлен [7, с. 190].

Позиция общественно-политических кругов непосредственно сказывалась на финансировании вооруженных сил, борьба вокруг которого стала еще одним фактором, повлиявшим на обороноспособность Великобритании. В парламенте в ходе обсуждения военных статей бюджета разворачивались ожесточенные дебаты. Лейбористская партия противодействовала любым попыткам увеличения расходов на оборону, считая их без того необоснованно высокими. Хотя с 1919 по 1928 г. военные затраты снизились с 616 млн ф. ст. до 113 млн ф. ст., они оставались существенно выше, чем перед Первой мировой войной [8, р. 127]. Если в 1910–1914 гг. правительство тратило на оборону от 64 до 78 млн ф. ст. (из них армия получала 27–28 млн ф. ст.), то в 1925–1929 гг. эти расходы достигли 119–125 млн ф. ст. (из них на армию 43–44 млн ф. ст.). Более того, британские военные расходы в пересчете на душу населения оставались одними из самых высоких в мире. Согласно справке Наркомата обороны СССР «О направлении роста вооружений капиталистических стран в 1927–1934 гг.» на оборону тратилось [9]:

Страна	Военный бюджет (в амер. долл.)	Численность Населения (в млн)	Расходы на душу населения (в амер. долл.)
Англия	529,0	45	11,8
Франция	542,2	45	13,2
Польша	118,0	30,4	3,9
США	725,7	120	6,0
Италия	331,4	41	8,1
Япония	245,0	65	3,8
СССР	661,0	161	4,1

Лейбористы и либералы требовали свертывания дорогостоящих программ перевооружения и реструктуризации военной промышленности, аргументируя свою точку зрения отсутствием у Великобритании потенциальных противников на континенте. Существенное влияние на свертывание военных расходов оказал утвержденный в 1919 г. новый принцип финансирования оборонных программ [10, р. 19]. Исходя из предположения, что в ближайшие десять лет в мире не предвиделось крупномасштабного вооруженного конфликта с участием Великобритании, был сделан вывод о возможности сокращения бюджетов военных ведомств. У. Черчилль, занимавший в 1924–1928 гг. пост канцлера казначейства, в общем разделял данный принцип финансового планирования. И хотя он высказывался за то, чтобы каждый год учитывать конкретную ситуацию, «десятилетнее правило» определенно тормозило последовательную модернизацию вооруженных сил. Впрочем ситуация с финансированием военных программ выглядела весьма неоднозначно: в 1913 г. военные затраты в бюджете соединенного королевства составляли 44%, а в 1928 г. — лишь 17%. Что касается их доли в ВВП, то она за прошедшее время существенно не изменилась. Все зависело от взглядов участников политического процесса и той системы координат, к которой они были привязаны.

Третьим фактором, оказавшим влияние на состояние вооруженных сил, стали настроения в армейской среде, где царил атмосфера уныния и пессимизма. Особенно широко подобные настроения распространялись среди прогрессивных офицеров — потенциальных реформаторов [11, р. 111]. После войны их профессиональные задачи сузились до масштабов несения гарнизонной службы, участия в колониальных войнах и выполнения полицейских задач в Индии, Ирландии и самой Англии. В результате обозначились признаки самоизоляции армии, возвращения этого «самого консервативного и могущественного профсоюза» к довоенным армейским порядкам [12, с. 324]. Военные все больше оказывались в стороне от процесса развития общества, переживавшего глубинную трансформацию: демократизацию, вовлечение в социально-политическую жизнь страны широких слоев населения, культурное и мировоззренческое обновление.

Главой имперского генштаба с февраля 1933 г. являлся генерал сэра Арчибальд Монтгомери-Массингберд. Многие критически настроенные современники видели в его взглядах отражение кризисного состояния армии. Однако едва ли положение сухопутных сил в начале 1930-х гг. следует считать катастрофическим. Хотя территориальная армия по сравнению с 1914 г. была сокращена почти вдвое — с 255 тыс. до 134 тыс. человек, численность регулярных частей уменьшилась незначительно, составив 118,1 тысяч [13], а общая численность вооруженных сил империи (с учетом доминионов) даже возросла, составив к 1934 г. 943,2 тыс. человек [14]. Генеральный штаб следил за техническими разработками на континенте и особенно за германскими. Начальники генштаба — сначала генерал лорд Кейвен, а затем фельдмаршал Дж. Милн — продолжали рассматривать Германию как потенциальную угрозу, в связи с чем строили планы модернизации полевой армии [15, р. 148–149].

Военные умело расходовали имеющиеся средства на постепенное перевооружение. Финансирование отдельных программ, в частности по механизации войск, оставалось на достаточно высоком уровне, что позволило военно-политическим кругам в 1920-х — начале 1930-х гг. задумываться о таких проектах, как полномасштабная механизация армии, включая дальнейшее развитие танковых подразделений. Медлительность этого процесса частично объясняется быстрым техническим прогрессом, что затрудняло переход от разработок к их массовому внедрению. Кроме того, историк Д. Френч в качестве причины отставания выделял структурную громоздкость генштаба, не позволявшую оперативно следить за ходом военных разработок [16, р. 83]. Таким образом, процесс модернизации шел, хотя дать ему однозначную оценку сложно. Ошибки были неизбежны, но зачастую они являлись следствием объективных факторов. Как писал генерал А. Уйзвелл в ноябре 1930 г., задача

перед реформаторами мирного времени стояла крайне сложная, «сродни работе архитектора, которому, перестраивая дом, приходилось приспосабливаться к существующей конструкции и живущим в нем людям, а главное к постоянному недостатку средств» [17, р. 74].

С началом 1930-х гг. международная обстановка осложнилась. Рост агрессивности фашистских держав, их стремление к пересмотру послевоенного миропорядка негативно сказались на состоянии имперской обороны. Особое беспокойство вызывала ситуация на Дальнем Востоке. Усиление Японии становилось все более угрожающим для интересов Британской империи. Политические круги постепенно приходили к осознанию, что длительное ограничение вооружений в сочетании с экономическими трудностями создают реальную угрозу безопасности.

В октябре 1933 г. в структуре Имперского комитета обороны был создан Комитет оборонного планирования. В его состав вошли секретарь правительственного кабинета и одновременно секретарь Имперского комитета обороны М. Хэнки, постоянный заместитель канцлера казначейства У. Фишер, постоянный заместитель министра иностранных дел Р. Ванситтарт и начальники штабов армии, авиации и флота А. Монтгомери-Массингберд, Э. Эллингтон, Э. Чатфилд. На первом заседании комитета в ноябре 1933 г. Фишер и Ванситтарт предложили считать Германию основным потенциальным противником. Исходя из этой установки, представители казначейства и внешнеполитического ведомства высказались за пересмотр политики в области обороны. Министр авиации Дж. Лондондерри предупреждал, что «если Британия не ответит на германское перевооружение, то ситуация в дальнейшем будет только ухудшаться» [10, р. 34]. Однако не все в комитете согласились с такой точкой зрения. М. Хэнки и первый морской лорд Э. Чатфилд в качестве основного источника угрозы продолжали рассматривать Японию. Они настаивали на усилении флота в рамках доктрины «двойного стандарта» и сингапурской стратегии. В результате в 1933 г. военные планы допускали возможность ведения войны одновременно против Германии и Японии. При обсуждении международной ситуации о непосредственном, т. е. «техническом», перевооружению речи не шло. Генеральный штаб спешно разработал план «ограниченной модернизации», запросив на эти нужды 40 млн ф. ст. Комитет начальников штабов, полагая, что в случае войны Германия будет следовать известному плану Шлиффена, рекомендовал в своем меморандуме от ноября 1933 г. израсходовать эти средства для механизации войск и создания экспедиционного корпуса с целью защиты Бельгии и Голландии [18, р. 35]. Правда, осознавая невозможность возврата к ситуации 1914 г., военные намеривались ограничить контингент четырьмя пехотными и одной кавалерийской дивизиями, а также танковой бригадой. Мнения в комитете разделилось между сторонниками двух различных вариантов стратегии: европейского, подразумевавшего подготовку к противостоянию с Германией, и имперского, предусматривавшего сосредоточение усилий против Японии.

Британское правительство, не желавшее связываться с дорогостоящими программами перевооружения в условиях тяжелой экономической ситуации и возлагавшее надежды на переговоры с Германией, медленно реагировало на изменение ситуации. Особенно жестко на страже финансовой стабильности стояло казначейство во главе с Н. Чемберленом. Он, безусловно, видел необходимость в усилении обороны ввиду роста агрессивности японской и германской политики, о чем свидетельствует его дневниковая запись: «этого требует обычное благоразумие» [19]. Однако, будучи сторонником умеренных преобразований в рамках консервативного реформизма, Чемберлен ориентировался на укрепление социальной стабильности при помощи государственных мер по оживлению экономики. Поэтому, как пишет Дж. Пост, «спаситель британской экономики» стремился избежать «жертвования маслом ради пушек» [20, р. 39]. В итоге Комитет оборонного планирования согласился лишь на исправление тех недостатков, которые были допущены в 1920-е гг., т. е. за время существования «десятилетнего правила». Члены комитета поддержали выделение на эти цели дополнительных ассигнований в течение последующих пяти лет, отвергнув при этом планы по модернизации сухопутных сил в целом. Более того, в результате дальнейшего обсуждения казначейство добилось сокращения запросов военных. Однако по мере нарастания политического кризиса в Европе с середины 1935–1936 гг. начинается планомерное обсуждение вопросов модернизации сухопутных сил и ее стратегии в предстоящем европейском конфликте¹.

¹ Подробнее см.: Ражев А. В. Стратегия и ведомственные противоречия. Модернизация армии Великобритании во второй половине 1930-х годов // Военно-исторический журнал. 2012. № 9. С. 67–73; Его же. Британская армия во второй половине 1930-х годов: деятельность военных министров А. Даффа Купера и Л. Хор-Белиша // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2012. Т. 12, № 2. С. 97–100.

Источники и литература

1. Barnett C. Britain and her army, 1509–1970. A military, political and social survey. L., 1970.
2. Ражев А. В. Британская имперская стратегия на Дальнем Востоке и проблема безопасности Австралии в 1920–1930-е годы // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2012. № 16(270). С. 79–82.
3. РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 593с. Л. 2, 4.
4. Грудзинский В. В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX в.). Челябинск, 1996. С. 289; Нохрин И. М. Прощание с Империей: национальная политика в Канаде в «либеральную эпоху» Уильяма Лайона Маккензи Кинга // *Rex Britannica: история Британской империи и созданного ею мира: сб. науч. работ к 60-летию профессора В. В. Грудзинского / под ред. И. М. Нохрина*. Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 117–137.
5. Barnett C. The collapse of British power. L., 1972.
6. Minney R.J. (ed.) The Private Papers of Hore-Belisha. London, Collins. 1960.
7. Мэй Э. Р. Странная победа. М., 2009.
8. Peden G. C. Arms, economics and British strategy: from dreadnoughts to hydrogen bombs. Cambridge University Press, 2007.
9. РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 593с. Л. 23–24.
10. Shay R.P. British rearmament in the 1930s. Politics and profit. Princeton 1977.
11. Bond V. Leslie Hore-Belisha at the War Office // Beckett I.F.W., Gooch J. Politicians and defence: studies in the formulation of British defence policy, 1845–1970. L., 1981.
12. Роуз К. Король Георг V. М., 2005.
13. РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 593с. Л. 2.
14. РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 593с. Л. 4.
15. French D., Reid B. H. The British General Staff, reform and innovation, 1890–1939. L.: Routledge, 2004.
16. French D. Raising Churchill's army: the British Army and the war against Germany, 1919–1945. Oxford, 2001.
17. Winton H. R., Mets D. R. The challenge of change: military institutions and new realities, 1918–1941. University of Nebraska Press, 2000.
18. Peden G. C. Sir Warren Fisher and British Rearmament against Germany // *The English Historical Review*. 1979. № 370.
19. Мэй Э.Р. Странная победа. М., 2009.
20. Post G. Dilemmas of Appeasement: British Deterrence and Defense, 1934–1937. N.Y., 1993.

THE ARMY OF GREAT BRITAIN IN THE MID–1930S.: GENERAL CONDITION AND PREREQUISITE OF MODERNIZATION

Alexandr V. Razhev

Ph.D. in History, Associate Professor,
Chelyabinsk Institute of Personnel Development and Continuing Education
88, Krasnoarmeiskaya st., Chelyabinsk, 454091, Russia

The article provides a brief overview of state of the British Army in 1920–1930-s. Before World War I British ground forces have traditionally played the role of «imperial policeman». Temporary a retreat from this concept, after the Anglo-Boer War and on the eve of the Great War in Europe, which led to the creation of a colossal field army in 1914–1918., was recognized as a mistake in the British public and the military and political circles. In the period of 1920 - the beginning of the 1930s. difficult situation in the country has greatly contributed to the emerging British Army stagnation. The mood in political circles led to a reduction in funding, and the introduction of «the ten-year rule» slowed consistent modernization of the armed forces. As a result, according to experts, land forces to the beginning of the 1930s. They did not meet the requirements of modern warfare, particularly in terms of armored construction and motorization parts. Growth aggression of the fascist powers in Europe and the Far East, their desire to revise the post-war world order, exacerbated the negative state of imperial defense. In response to the changing European environment the Army General Staff developed a plan for a «limited modernization.» However, the emphasis on aviation and Navy left ground forces in the shadow of the strategic priorities. With increasing military alert to the middle of the 1930s., It was already not just to increase military spending, and the need to bring all kinds of armed forces in line with the scale of the impending threat.

Keywords: Britain; British Army; the Imperial Defence Committee; the inter-war period; re-equipment; modernization; the causes of the Second World War.

УДК 331.108(470+517.3)

МОНГОЛЬСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ СССР И МНР В ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

© Даваажав Баяртогтох

аспирант,

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова

Россия, 670034, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8

E-mail: klio1976@mail.ru

В статье представлен краткий историографический анализ работ монгольских исследователей о сотрудничестве СССР и Монголии в области подготовки кадров для сельского хозяйства. Дан анализ работ С. Цээпила, А. Ариунболда, Б. Бямбаа, которые на конкретных примерах показали помощь советских специалистов в развитии сельского хозяйства Монголии. Приведены данные из работы А. Ариунболда о технической помощи СССР в освоении целины. В работе Мещерякова, переведенной на монгольский язык, речь идет о результатах монголо-советского сотрудничества. Дан анализ статических данных, рассмотренных в работах под редакцией Роозона, в статборнике «Народное хозяйство МНР». Используются неопубликованные документы фонда 6 Государственного центрального архива Монголии, в которых дана оценка совместной подготовки квалифицированных рабочих для сельского хозяйства, приведены качественные и количественные характеристики советских специалистов, работавших в профтехучилищах МНР. Документы архива введены в научный оборот впервые.

Ключевые слова: сельское хозяйство; кадры; целина; сельскохозяйственное профтехучилище; исследователи; Монголия; Советский Союз; сотрудничество.

В современных условиях сельское хозяйство является основной отраслью монгольской экономики. Подготовка кадров для сельского хозяйства — механизаторов, агрономов, зоотехников, ветеринарных врачей является важным условием успешного функционирования отрасли. Изучение опыта подготовки кадров в середине XX в. в тесном сотрудничестве с СССР и использование этого опыта в настоящее время будет способствовать решению задач, стоящих перед сельским хозяйством. Исторических работ, посвященных этой теме, практически нет, хотя в общеисториографических работах частично затронуты данные проблемы [1].

Целью статьи является анализ трудов монгольских исследователей о сотрудничестве СССР и МНР в области подготовки кадров сельского хозяйства. Особого внимания заслуживает монография С. Цээпил «Монгол орны техник мэргэжлийн боловсролын уусэл, хугжил, хэтийн тулвийн зарим асуудал», в которой дан анализ помощи Советского Союза в формировании и развитии профессионально-технического образования МНР [2]. Автор указывает, что в 1969 г. Союз построил на свои средства сельскохозяйственное ПТУ для механизаторов на 600 учащихся в сомоне Баянчандмань в Центральном аймаке, одновременно стал ежегодно готовить производственных мастеров на свои средства. Цээпил приводит данные о помощи СССР в создании учебных комбинатов по подготовке механизаторов сельского хозяйства в госхозах Архустай и Шаамар, строительных ПТУ в Улан-Баторе, Баянхонгор, Завхан, Дорнод аймаках. В исследовании Цээпила приведены данные о строительстве Советским Союзом в 1971–1975 гг. сельскохозяйственного ПТУ механизаторов в Дорнод аймаке, ПТУ водного хозяйства в Увурхангайском аймаке на 600 учащихся, в которых готовили механизаторов, мастеров бурения, электриков для сельскохозяйственных ферм, ремонтников и монтажников водных сооружений. Автор приходит к выводу, что, опираясь на технико-экономическую помощь и богатый опыт профессионально-технического образования Советского Союза, профессионально-технические училища МНР стали основной формой подготовки рабочих кадров. В 1984 г. из 40 действующих профессионально-технических училищ 28 были созданы при техническом содействии СССР, в них обучалось 17 200 человек. 80% всех мастерских также было оборудовано при помощи СССР [2, с. 74]. С. Цээпил отмечает эффективность совместной работы с советскими специалистами. Они «не только передавали свой опыт, наработанный в учебных заведениях ПТУ Советского Союза, но и создавали его в процессе совместного творческого труда с монгольскими мастерами производственного обучения, преподавателями, развивали творческую активность инженерно-педагогических работников, вовлекали их в созидательную работу по совершенствованию учебно-воспитательного процесса» [2, с. 16].

В работе А. Ариунболда «Атрын I аян» («Первый опыт освоения целины») рассматривается огромный вклад технической помощи Советского Союза при освоении целины [3]. По данным автора, в 1959 г. Советский Союз предоставил помощь Монголии: 3000 автомашин, 2500 тракторов, 500 комбайнов и другой сельскохозяйственной техники в сопровождении 300 советских специалистов, которые обучали на местах механизаторов и рабочих Монголии. Автор отмечает, что в 1959–1960 гг. с финансово-технической помощью Советского Союза было освоено 260 000 гектаров целинных земель за счет расширения пашни госхозов и создания новых хозяйств.

Данные о подготовке кадров сельского хозяйства МНР советскими специалистами и материально-технической помощи Советского Союза в создании сельскохозяйственной отрасли МНР приведены в работе «БНМАУ-н хууду аж ахуй 60 жилд» («Сельское хозяйство МНР за 60 лет») [4].

С освоением целины и созданием госхозов, сельскохозяйственных объединений, кормовых хозяйств резко возросла потребность в квалифицированных рабочих кадрах. О монголо-советском сотрудничестве в этой области идет речь в коллективной работе под редакцией Роозона «Монгол-Зувлүлтийн найрамдлын ур шим» («Результаты монголо-советского сотрудничества») [5].

В работе Мещерякова, переведенной на монгольский язык «ЗХУ ба БНМАУ-н эдийн засаг, хамтын ажиллагааны тойм» («Обзор сотрудничества в области экономики СССР и МНР»), представлен материал о сотрудничестве СССР и МНР в области экономики. В работе приведены не только статистические данные, но и конкретные примеры [6].

Для подготовки данной статьи использовано достаточно большое количество материалов из архивных источников. В Государственном центральном архиве Монголии в отчете заместителя министра образования МНР Цэвэгдоржа приведены данные о развитии сотрудничества в области подготовки рабочих в системах профтехобразования МНР и СССР [7]. С 1949 по 1960 г. при министерстве сельского хозяйства работали постоянные курсы. В учебных комбинатах Архустая (создан в 1955 г.), Шаамара (1957 г.) было обучено более 20 000 рабочих по различным сельскохозяйственным профилям, 18 из них стали Героями Социалистического Труда. В 1960-х гг. подготовка кадров получила более широкое развитие. В 1963 г. во всех аймаках были созданы школы молодых скотоводов, которые выпустили более 3000 чабанов [7, с. 97]. Учебные программы, планы, методики в первых профессионально-технических училищах были подготовлены по образцу советских профтехучилищ. Учебники и учебно-наглядные пособия были привезены из Советского Союза. Повышению эффективности работы профтехучилищ МНР способствовал проведенный по инициативе Госпрофобра СССР советско-монгольский семинар в г. Иркутске «О путях дальнейшего совершенствования подготовки квалифицированных рабочих кадров для МНР» с участием всех директоров монгольских ПТУ. Широкий обмен опытом работы, ознакомление монгольских директоров с учебными заведениями г. Иркутска и Иркутской области по отраслям положительно сказались на учебно-производственном, воспитательном процессе и подготовке кадров в училищах МНР. В 1980-х гг. ежегодно 30 работников профтехобразования МНР направлялись в Ленинградский всесоюзный институт на курсы повышения квалификации руководящих работников ПТО на 45 дней, 30 человек — в индустриально-педагогические техникумы СССР [7, с. 98]. Реализация мероприятий по повышению эффективности обучения позволила с помощью советских специалистов лучше испытать технологическое оборудование в учебных мастерских. В большинстве сельскохозяйственных ПТУ для практических занятий были оборудованы авто- и трактородромы, снабженные передовой сельскохозяйственной техникой, в том числе тракторами «Т-150», комбайнами «Нива» и «Колос», противозрительной техникой [7, с. 99].

В отчете советских специалистов, работавших в профтехучилищах МНР, отмечается, что только за период 1979–1981 гг. подготовлено к самостоятельной работе 420 инженерно-педагогических и руководящих работников ПТУ [8]. Совместная работа советских специалистов с монгольскими мастерами и преподавателями дала возможность уже с 1983 г. не приглашать из Советского Союза таких специалистов, как механиков и теплотехников, в результате чего с 1 января 1984 г. количество советских специалистов уменьшилось до 74 человек.

Широкое развитие получила и такая форма сотрудничества, как подготовка монгольских квалифицированных кадров в профессионально-технических училищах СССР. Если за годы VI пятилетки в ПТУ СССР было подготовлено 5200 человек, то в VII пятилетке — 7500 человек. Начиная с 1964 г. около 17 000 юношей и девушек обучались в советских ПТУ и успешно их окончили [9, с. 98]. Для всех монгольских учащихся, обучавшихся в советских ПТУ, с 1981/82 уч. г. ввели подготовительный

курс для изучения русского языка. Профессиональное обучение проводилось советскими мастерами и преподавателями без переводчиков. В дальнейшем подготовку в советских СПТУ оставили по наиболее сложным и редким профессиям, по которым не было опытных инженерно-педагогических кадров и отсутствовала соответствующая учебно-материальная база в Монголии.

Таким образом, историографические работы о кадрах сельского хозяйства Монголии фактически отсутствуют. Наибольший интерес представляют работы С. Цээпила, в которых дана история ПТУ Монголии, интересный материал о финансово-технической помощи СССР содержится в работах Мещерякова, А. Ариунболда, Т. Бямбаа. Но основная масса фактологического материала о кадровом составе, подготовке и переподготовке специалистов сельского хозяйства содержится в документах фонда 6 Государственного центрального архива Монголии, часть которых впервые введена в научный оборот в данной статье.

Литература

1. Дугаров В. Д. Российская историография истории Монголии. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. 374 с.
2. Цээпил С. Монгол орны техник мэргэжлийн боловсролын уусэл, хугжил, хэтийн тулвийн зарим асуудал. Улан-Батор: СААЗИ цех, 1956. 80 с. (Некоторые вопросы по формированию, развитию и дальнейшей пути профессионального технического образования Монголии).
3. Ариунболд А. Атрын I аян. Улаанбаатар: ШУТИС, 2013. 132 с. (Первый опыт освоения целины).
4. Бямбаа Т. БНМАУ-н хууду аж ахуй 60 жилд. Улаанбаатар: УХГ, 1982. 206 с.
5. Монгол-Зувлудтийн найрамдлын ур шим / ред. Роозон. Улаанбаатар: УХГ, 1971. 111 с.
6. Мещеряков. ЗХУ ба БНМАУ-н эдийн засаг, хамтын ажиллагааны тойм. Улаанбаатар: УХГ, 1959. 191 с.
7. Сообщение зам. министра Народного Образования МНР т. Цэвэгдоржа о развитии сотрудничества в области подготовки рабочих в системах профтехобразования МНР и СССР // Монгол Улсын Ундэсний Тув Архив (МУУТА). Ф. 6. Оп. 4. Д. 1095. С. 99.
8. Список советских специалистов, работающих в профтехучилищах МНР // МУУТА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 796. С. 39.
9. Заявка на обучение в профтехучилищах СССР монгольских граждан в 1986–1990 гг. // МУУТА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 1110. С. 99.
10. Народное хозяйство МНР (1921–1986). Улан-Батор: Центральное стат. управление МНР, 1986. 175 с.
11. Даваажав Б. Повышение квалификации руководящих работников сельского хозяйства МНР на краткосрочных курсах в Советском Союзе // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 2(9). С. 85–88.

MONGOLIAN RESEARCHERS ON COOPERATION BETWEEN THE USSR AND MONGOLIA IN TRAINING OF AGRICULTURAL SPECIALISTS

Davaajav Bayartogtokh

PG student,

Filippov Buryat State Agricultural Academy

8, Pushkin st., Ulan-Ude, 670010, Russia

This article provides a brief analysis of the historiographical works of Mongolian researchers on cooperation between the USSR and Mongolia in the field of training for agriculture. The works of S. Tseepil, A. Ariunbold, B. Byambaa where specific examples have shown the help of Soviet specialists in the development of agriculture in Mongolia were analyzed. The data from the work of A. Ariunbolda on technical assistance of the USSR in the development of virgin lands are presented. The paper of Mesheryakov has been on the results of the Mongolian-Soviet co-operation and was translated into Mongolian. The analysis of statistics presented in Statistics collection «The national economy of Mongolia» edited by Roozon. Unpublished documents of Fund 6 of State Central Archives of Mongolia were used, where an assessment of joint training of skilled workers for agriculture was given, qualitative and quantitative characteristics of Soviet experts working in Mongolian vocational schools is presented. Documents are introduced in scientific literature for the first time.

Keywords: agriculture; personnel; virgin lands; agricultural vocational school; researchers; Mongolia; Soviet Union; cooperation.

УДК 327(517.3+510)

МОНГОЛО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© **Родионов Владимир Александрович**

кандидат политических наук, доцент,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: vladimir_198025@mail.ru

Цель исследования — проанализировать современное состояние отношений Монголии и Китая, начиная с 1990-х гг. переживающих стремительный подъем в политической, военной, экономической, культурной сферах. Это делает КНР важнейшим партнером во внешней политике Монголии. В то же время существуют факторы, ограничивающие китайское влияние на Монголию и заставляющие ее искать иные векторы внешней политики. К основным противоречиям и проблемам в монголо-китайских отношениях следует отнести доминирование КНР в экономической сфере Монголии, негативные исторические образы, широкое распространение китаефобии в монгольском обществе.

Ключевые слова: Монголия; Китай; политический процесс; китаефобия; внешнеполитический фактор; экономическое влияние; исторические образы.

В начале 1990-х гг. в результате распада СССР и резкого ослабления связей между новой Россией и Монголией последняя получила возможность диверсифицировать свои внешние контакты. В первую очередь, это выразилось в дипломатическом прорыве на китайском направлении. В этот период были окончательно нормализованы политические отношения между странами, долгое время находившимися в состоянии конфронтации. Двусторонние официальные визиты на высшем уровне, контакты между руководством правящих МНРП и КПК стали осуществляться регулярно. В ходе визита премьер-министра Госсовета КНР Ли Пэна в Монголию в 1994 г. был подписан договор «О дружественных отношениях и сотрудничестве», который обозначил качественно новый этап в монголо-китайских отношениях [6, с. 341–343]. Поступательное развитие отношений на высшем уровне продолжилось и после подписания договора. В 1998 г. состоялся первый в истории монголо-китайских отношений визит президента Монголии Н. Багабанди в КНР, длившийся в течение 6 дней. На следующий год с ответным визитом Монголию посетил председатель КНР Цзян Цзэминь. Свидетельством особой значимости Монголии для китайского руководства стал тот факт, что председатель КНР Ху Цзиньтао после своего избрания на этот пост в 2003 г. включил Монголию в свое первое заграничное турне [1, с. 51].

Особенно интенсивными стали контакты в последние годы. В ходе официального визита в июне 2011 г. премьер-министра Монголии С. Батболда в КНР стороны провозгласили установление отношений стратегического партнерства [4]. Это поставило Пекин в его взаимоотношениях с Улан-Батором на один уровень с Москвой, которая с 2006 г. также развивает стратегическое партнерство с монгольской стороной. Во время официального визита в августе 2014 г. в Монголию председателя КНР Си Цзиньпина стороны обязались продвигать всестороннее стратегическое партнерство [3].

С начала 1990-х гг. активно развивается монголо-китайское сотрудничество в военной, образовательной, научной-культурной сферах. Но наиболее впечатляющий прогресс достигнут в экономической сфере. Торгово-экономические связи между странами возросли с 2% в 1990 г. до 56% в 2014 г. от общего объема внешней торговли Монголии [7, с. 273].

Таблица 1

Динамика монголо-китайской торговли (1990–2014 гг.)

Годы	1990	1995	2000	2007	2008	2009	2010	2012	2014
Общий оборот (млн долл.)	33,6	122,3	400,1	1980,3	2534,6	1932,5	3437,2	6463,7	6841,3

По данным Инвестиционного агентства Монголии, Китай в 1990–2013 гг. инвестировал в монгольскую экономику порядка 4 млрд долл. США, занимая по этому показателю лидирующие позиции [13].

Таким образом, за последние два десятилетия Китай превратился в безусловного лидера в торгово-экономических отношениях с Монголией. В то же время существует ряд причин, по которым Китай не может рассматриваться в качестве самого желанного партнера для Монголии. Более того, образ Китая и китайцев в общественно-политическом дискурсе все чаще рисуется в качестве главной угрозы национальной безопасности страны.

Одним из таких источников угрозы называется экономическая зависимость от южного соседа, способная в перспективе перерасти в политическую. И хотя Пекин подчеркнуто устраняется от монгольской внутривнутриполитической тематики, сосредотачивая внимание исключительно на экономических интересах, подозрения монгольской общественности не снижаются. Данные опасения активно используются в политических дискуссиях монгольских политиков. Например, противники строительства узкоколейных железных дорог от крупнейшего монгольского месторождения угля Таван Толгой до китайской границы аргументируют свою позицию прежде всего геополитическими соображениями [9].

Другой источник угрозы видится в демографическом и криминальном давлении Китая. По официальным данным, большинство рабочих мигрантов в стране составляют китайские граждане [2]. Кроме того, китайцы зачастую ведут в Монголии незаконный бизнес, связанный с добычей золота, контрабандой различных товаров, подделкой документов [5], что также подпитывает негативный образ Китая. Для существующих в Монголии неонацистских организаций именно китайцы являются главными объектами для нападения и символической агрессии (антикитайские митинги и китаефобские граффити на улицах Улан-Батора) [12].

Особое место при анализе монголо-китайских отношений занимает проблема исторической памяти. За многовековой период существования китайского и монгольского социумов обе стороны неоднократно совершали агрессию по отношению друг к другу. Вполне естественно, что такой глубинный пласт «исторической памяти» не мог не породить у китайского и монгольского народов сложного психологического комплекса взаимного восприятия. В свою очередь, восприятие Монголии и монголов в Китае также является источником для подозрений и настороженности в двусторонних отношениях. Несмотря на официальную неоднократно подтвержденную позицию Пекина о признании независимого статуса Монголии, внутренняя пропаганда КНР упорно подчеркивает легитимность китайских территориальных притязаний в форме публикации географических карт с указанием монгольской территории в качестве части КНР, издания соответствующих учебников и брошюр. В 1993 г. в Пекине вышла в свет книга «Тайные истоки независимости Внешней Монголии», в которой давалось понять, что независимость современной Монголии лишь результат интриг внешних сил, и сами монголы никогда не стремились к отделению от Китая [11, с. 18].

Монгольская общественность крайне чувствительна по отношению к любому высказыванию официальных лиц КНР. Во время своего официального визита в Монголию в августе 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин процитировал стих знаменитого монгольского поэта Д. Нацагдоржа «Моя Родина». Представители монгольской общественности увидели в этом тайный намек китайского лидера на политические притязания Китая на Монголию [8].

В силу указанных причин ни одна политическая сила в Монголии не является открытым сторонником прокитайски ориентированной внешней политики и не будет иметь серьезной поддержки среди населения страны. Более того, обвинение своего политического оппонента в симпатиях к Китаю и/или наличии у него китайских корней является одним из наиболее действенных и часто применяемых приемов в период предвыборных кампаний в Монголии [10].

В целом роль Китая в политическом процессе современной Монголии крайне противоречива. С одной стороны, без сотрудничества с южным соседом в политической, экономической, научно-культурной, образовательной сферах не мыслимо будущее Монголии. С другой стороны, именно с Китаем связываются самые негативные сценарии будущего монгольской государственности и монгольской нации. Данные обстоятельства стимулирует сохранение интереса Монголии к отношениям с иными странами, в том числе с Россией, способной сбалансировать китайское влияние.

Литература

1. Алтанцэцэг Н. Монголо-китайские отношения в эпоху глобализации // Олон улсын харилцаа (Международные отношения). 2003. № 2. С. 46–58.
2. Большая часть иностранцев работает в горнорудной сфере // Монголия сегодня. 2011. 24 янв.
3. Председатель КНР Си Цзиньпин выразил свою позицию // Монцамэ: информ. агентство. 2014. 22 авг.
4. Си Цзиньпин встретился с премьер-министром Монголии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=9Znljy3kgFk> (дата обращения: 20.01.2017).
5. Столкновения на золотых рудниках // Монцамэ: информ. агентство. 2010. 4 авг.
6. Яскина Г. С. Монголия и внешний мир. М.: ИВ РАН, 2002. 370 с.
7. Монгол улсын статистикийн эмхтгэл 2014 (Статистический сборник Монголии 2014). Улаанбаатар, 2015.
8. Си Цзиньпин «Миний нутаг» шүлгийн хэсгээс уншив (Си Цзиньпин прочитал стихотворение «Моя Родина») [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=9Znljy3kgFk> (дата обращения: 20.01.2017).
9. Төмөр замын дайн (Железнодорожная война) // Өнөөдөр (Сегодня). 2014. 26 июля.
10. «Цаг үе, үзэл бодол» УИХ-ын гишүүн М. Батчимэг («Время и взгляды» с членом парламента М. Батчимэг) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=VZH3oHx5L1s> (дата обращения: 20.01.2017).
11. Bulag U., Humphrey C. Some diverse representations of the Pan-Mongolian Movement in Dauria // Inner Asia. 1996. № 1. P. 1–23.
12. Delaplace G. Chinese Ghosts in Mongolia // Inner Asia. 2010. № 12. P. 127–142.
13. Invest Mongolia Agency [Электронный ресурс]. URL: http://investmongolia.gov.mn/ru/?page_id=686 21.07.2014 (дата обращения: 20.01.2017).

MONGOLIA-CHINA RELATIONSHIP: PROBLEMS AND PROSPECTS

Vladimir A. Rodionov

Ph.D. in History, Associate Professor,
Buryat State University
24a, Smolin st., Ulan-Ude, Russia

The paper is aimed to studies of the factor of the Peoples Republic of China in Mongolia's political process. Having normalized in the early 1990s, Mongolia-Chinese relations began develop in various spheres — political, military, economic, cultural. It makes the Peoples Republic of China the major partner in foreign policy of Mongolia. At the same time there are the factors limiting the Chinese influence to Mongolia and forcing it to search for other vectors of foreign policy. The main contradictions and problems in Mongolian-Chinese relationship are the dominance of China in the economic sector of Mongolia, negative historical images, the spread of sinophobia in the Mongolian society.

Keywords: Mongolia; China; political process; sinophobia; foreign policy factor; economic influence; historic image.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ, ПЕДАГОГИКИ, МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ

УДК 378.1(571.54)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ БГУ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ

© **Номогоева Виктория Владимировна**

доктор исторических наук, доцент,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: nomogoeva67@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы развития исторического факультета в условиях модернизации высшего образования. Выделены особенности учебно-воспитательного процесса, проанализированы научный потенциал и международные проекты. Предложены стратегия и пути развития в ближайшей и дальнейшей перспективе.

Ключевые слова: исторический факультет; выпускники; многоуровневая структура высшего исторического образования; научные школы, академический обмен; студенческие проекты.

Исторический факультет — один из старейших факультетов Бурятского государственного университета. Сегодня он является системообразующим с точки зрения концентрации и формирования социально-гуманитарной составляющей Республики Бурятия. В настоящее время исторический факультет располагает уникальными возможностями для подготовки высококвалифицированных специалистов, способных нестандартно решать сложные задачи в различных сферах политики, экономики, гуманитарных наук, культуры, образования и менеджмента.

Сегодня на историческом факультете БГУ работает квалифицированный профессорско-преподавательский состав: более 50 преподавателей, из которых 27 являются докторами наук, профессорами, 25 — кандидатами наук, доцентами, ведут обучение более 360 студентов по направлениям подготовки бакалавриата и магистратуры: «История», «Политология», «Социология», «Философия», «Теология», «Педагогическое образование». С 2017 г. исторический факультет начинает производить набор по направлению подготовки «Международные отношения».

С целью улучшения практической подготовки студентов в реализации программ принимают участие ведущие специалисты БНЦ СО РАН, сотрудники Национального музея РБ, а также представители аппарата правительства РБ, общественных организаций.

Открытие базовых кафедр в Национальном музее РБ и Улан-Удэнской епархии для подготовки специалистов по направлениям «История» и «Теология» расширило возможности по привлечению работодателей к учебному процессу и в трудоустройстве выпускников.

Большая часть бакалавров стремится продолжить учебу в магистратуре, магистров — в аспирантуре. Так, из 13 выпускников магистратуры 2016 г. 7 человек были рекомендованы ГАК для дальнейшей учебы в аспирантуре. Кроме того, часть выпускников магистратуры работает в школах города и республики в качестве учителей истории гимназий и лицеев.

Развивается факультетская аспирантура, в которой ныне насчитывается 30 аспирантов очного и заочного обучения на госбюджетной и контрактной основе по направлениям: «Отечественная история», «Всеобщая история», «Социологические науки», «Политические науки и регионоведение». Только за последние годы защитили кандидатские диссертации выпускники аспирантуры и сотрудники факультета (О. А. Малыгина, А. М. Шойдонова, Л. Арсеньева, О. Н. Горковенко, Н. Б. Свиридова, Б. Б. Степанова), докторскую диссертацию — Н. В. Цыремпилов.

Научный потенциал ИФ объективно высок и позволяет достичь необходимого синергетического эффекта как в исследовательской деятельности, так и в образовательном процессе. Исследования ведутся в рамках трех научных школ, имеющих всероссийское и международное признание:

- Школа монголоведения (основатель — профессор Д. Б. Улымжиев).
- Школа «Индустриальное развитие республик Сибири» (основатель — профессор Е. Е. Тармаханова).

- Школа «Политические институты и процессы в регионе» (руководитель — профессор Э. Д. Дагбаев). Помимо этого сформированы и находятся на стадии формирования следующие научные направления:
- Археологии бронзового и раннего железного веков Центральной Азии (руководитель — профессор А. Д. Цыбиктаров).
- Социально-политическая история Внутренней Азии (руководитель — профессор К. Б.-М. Митупов).
- Социальная структура и процессы российских регионов Внутренней Азии (руководители — доценты М. И. Добрынина, А. Ю. Мацкевич).
- Старообрядчество России и Забайкалья: общее и особенное (руководитель — доцент С. В. Васильева).
- Социальное, экономическое и культурное развитие городов Внутренней Азии (руководитель — доцент Т. В. Паликова).
- История политических репрессий в СССР, История федеративных отношений в РФ (руководитель — доцент Е. Н. Палхаева).
- История советской культуры Бурятии (руководитель — доцент В. В. Номогоева).

Научные интересы ученых, работающих на ИФ, многопрофильны и разнообразны, что определяет возможности становления новых признанных научных школ в пределах либо на стыках следующих исследовательских полей:

На кафедре истории Бурятии под руководством Н. В. Цыремпилова, С. В. Васильевой выполнялся проект «Археографические и ИТ-методы в исследованиях частных архивов Байкальского региона: создание цифрового фонда исторических источников».

РГНФ поддержаны проекты Э. Д. Дагбаева «Общественное сознание современной молодежи Монголии», Т. Б. Бадмацыренова «Постсоветское общество и буддийская сангха: социорелигиозные процессы в России и Монголии».

Грант Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук и докторов наук 2016 г. получила О. А. Малыгина.

В рамках академической мобильности молодых ученых в 2014–2016 гг. были выполнены научные исследования аспирантов ИФ в архивах Москвы, Санкт-Петербурга и Байкальского региона при финансировании Фонда М. Д. Прохорова (В. Ю. Минаева, Д. Б. Фартусов — научный руководитель С. В. Васильева; Р. А. Евтехов — научный руководитель Т. В. Паликова).

Преподавательским составом исторического факультета обеспечивается методическое обеспечение учебного процесса по региональной истории. Учебники Г. Л. Санжиева, А. Д. Цыбиктарова, Т. Е. Санжиевой давно и прочно стали основными учебными пособиями по истории Бурятии для школьников. В 2013, 2016 гг. вышло 1-е и 2-е издания учебного пособия «История Улан-Удэ».

По итогам научного рейтинга последних лет ИФ занимает первые места в университете.

Исторический факультет выпускает следующие научные периодические издания: «Вестник БГУ. Сер. История», «Гуманитарные исследования Внутренней Азии». Все кафедры издают ежегодные сборники научных работ студентов и аспирантов: «Гуманитарные исследований молодых ученых Бурятии»; «Актуальные проблемы социогуманитарных исследований»; «Бурятия помнит своих героев»; «Молодежь в избирательном процессе»; «Мы не можем молчать: школьники и студенты о холокосте» и т. д. Публикационная активность преподавателей и сотрудников факультета выглядит следующим образом. Количество публикаций в РИНЦ составляет 689 на 32 автора. А за 2015 г. в базах Web of Science и Scopus опубликовано 8 статей.

Научно-организационная деятельность факультета отмечена ставшими традиционными международными научными конференциями: «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая», «Старообрядчество в России: история и современность, русские и зарубежные связи», «Улымжиевские чтения», «Егуновские чтения».

Таблица 1

Объемы научных исследований подразделений ИФ в 2016 г. (р.)

Кафедра	Всего	В т. ч. договоры	В т. ч. гранты	В т. ч. бюджет
Всеобщей и отечественной истории	858 350, 00	100,00	-	858 350, 00
Истории Бурятии	1 573 050, 00	100 000, 00	714 700, 00	758 350, 00
Политологии и социологии	1 584 800, 00	254 800, 00	1 130 000, 00	200 000
ВСЕГО	4 016 200, 00	454 800, 00	1 844 700, 00	1 816 700, 00

Исторический факультет развивает системное партнерство с университетами, исследовательскими институтами, научными центрами, общественными и творческими объединениями, предприятиями, организациями, учреждениями.

Стратегическими партнерами ИФ являются Институт монголоведения, буддологии, тибетологии СО РАН, Улан-Удэнская и Бурятская епархия, Бурятская митрополия Московского патриархата Русской православной церкви, Национальный музей РБ, Государственный архив РБ, Российское общество историков-архивистов, Российская ассоциация политической науки, Российское общество политологов, Российское общество социологов.

ИФ активно развивает международное сотрудничество. На сегодняшний день исторический факультет имеет действующие договоры о научном и учебном сотрудничестве с Монгольским государственным университетом науки и технологий; Международным университетом «Их засаг»; Улан-Баторским государственным университетом (Монголия); Евразийским национальным университетом (Республика Казахстан).

С 2013 г. в рамках договора ведется сотрудничество с Варшавским университетом и Институтом интердисциплинарных исследований «Artes Liberales». Проведена совместная конференция «Бремя прошлого, вызовы будущего», выпускаются совместные сборники научных трудов, осуществляется академический обмен преподавателями, стажировки преподавателей и аспирантов. В рамках этого проекта к нам с лекциями приезжал профессор Иероним Граля, делегация наших преподавателей участвовала в конференции в Варшаве. В 2013 и 2016 гг. аспирант кафедры истории Бурятии Валентина Дамбаева получила стипендию министерства науки и высшего образования Польши для молодых и талантливых исследователей из стран Восточной Европы.

В рамках соглашения с Бременским университетом (ФРГ) в течение нескольких лет осуществляется обмен преподавателями и студентами. По различным международным программам на факультете проходят научные стажировки студенты и преподаватели разных стран. Так, в 2015 г. приезжал стажер из финского университета г. Турку Микко Дармсыяг, в 2016 г. докторант Нотр-Дамского университета штата Индиана (США) Рэймонд Драузе.

Основные формы сотрудничества — реализация совместных исследовательских проектов в приоритетных направлениях социогуманитарной науки, разработка совместных программ подготовки кадров, а также внедрение в учебный план инновационных образовательных технологий.

Помимо перечисленных организаций, с которыми исторический факультет взаимодействует в рамках действующих соглашений, преподаватели и сотрудники нашего подразделения развивают научное сотрудничество с учеными из других ведущих университетов и академических учреждений.

В период с 2011 г. по настоящее время были успешно реализованы и продолжают реализовываться следующие международные проекты:

– На базе исторического факультета Бурятского государственного университета и Монгольского университета науки, технологии и образования (The Mongolian University of Science and Technology, education) проводится совместная археологическая практика на археологических объектах Республики Бурятия и Монголии.

– Международный интеграционный проект по организации и проведению в Восточной Сибири, Монголии и Китае систематической международной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири», по инициативе профессора А. Д. Цыбиктарова.

– Международная конференция «Монголоведение и глобализация в современном мире: Улымжиевские чтения», проводимая совместно с Международным университетом «Их Засаг» (Монголия).

– Международная студенческая научная конференция «Россия — Монголия в XXI в.: новое партнерство», проводимая совместно с Монгольским государственным университетом образования (Монголия).

– Международный научный онлайн-семинар с Варшавским университетом по проблемам междисциплинарных исследований.

Новый вектор развития международного сотрудничества — взаимодействие с Университетом «Париж-8», Франция. В 2016 г. преподаватели и студенты ИФ приняли участие в летней франко-русской школе «К берегам Байкала. Озеро: от пейзажа до концепции». По итогам школы на факультете была создана группа по изучению французского языка. Идет подготовка к участию во II Летней франко-русской школе, уже во Франции в августе 2017 г.

Исторический факультет играет заметную роль в общественно-политической и культурной жизни республики. Мы готовим кадры для народного образования, музеев, архивов, библиотек, политической сферы и т. д. Выпускники факультета способны успешно конкурировать на рынке труда и найти работу в любых государственных и негосударственных структурах. Среди выпускников факультета — политические деятели, руководители предприятий, учреждений и банков не только нашей страны, но и ближнего и дальнего зарубежья. Часть выпускников успешно реализует себя, работая в средствах массовой информации, общественно-политических организациях и силовых структурах. Это было бы невозможно без особой атмосферы в сфере воспитательной работы на факультете. В этом направлении делается очень много. В течение 2015–2016 гг. проходила реализация грантового проекта на тему «350 уроков патриотизма», который был поддержан администрацией г. Улан-Удэ. Всего было проведено около 100 уроков для учащихся 7–11 классов в средних школах № 3, 8, 9, 18, 26, 40, 43, 46, 25, 5, 56, 63 и в Педагогическом колледже. По нашим подсчетам, было охвачено около 2000 человек. Уроки проводились в форме классного часа, с применением фото-, видеоматериалов, презентаций.

И. Губанова, А. Зайцева при проведении урока на тему «Уроки холокоста...» демонстрировали итоги своего социологического исследования о холокосте. А. Зайцева с проектом по изучению холокоста участвовала в 2016 г. в семинарах в Москве и Париже.

Александр Васюткин и Буда Ангархаев пользовались видеоматериалами, а также приносили на уроки экспонаты, которые были найдены в Подольском районе Московской области и на реке Халхин-Гол поисковым отрядом «Рысь» и сейчас хранятся в лаборатории артефактов исторического факультета.

Проведение таких занятий очень полезно для подрастающего поколения, так как формирует гражданские и патриотические чувства. «Уроки патриотизма» будут продолжены в дальнейшем. Наша задача — охватить как можно больше учащихся средних школ и довести количество уроков до максимума. В перспективе на базе нашей лаборатории артефактов, где будут установлены проектор и ноутбук, будем приглашать учащихся на классные часы.

Исторический факультет активно взаимодействует с общественными организациями патриотического направления: региональная общественная организация ветеранов боевых действий и спецназа «Мужество», благотворительный фонд «Алдар». Студенты исторического факультета — Александр Васюткин, Буда Ангархаев и Намжилма Дугарова — выступили организаторами конференции для школьников и студентов ссузов и вузов «Военная история Республики Бурятия» на средства гранта «Мы помним», выигранного Александром Васюткиным.

В мае 2016 г. историческим факультетом было организовано мероприятие «Равнение на героев», посвященное Героям Российской Федерации и Советской России. Тем более что выпускник ИФ Коробенков Анатолий Сергеевич является Героем Российской Федерации. Были заслушаны доклады, выступления и воспоминания о героических подвигах сынов и дочерей Бурятии, об их сложном жизненном пути, о необходимости жить, равняясь на Героев Российской Федерации и Советской России.

И в спортивной, и в творческой жизни студенты добиваются значительных успехов. Надежда Агбанова, студентка 2-го курса, в мае 2015 г. на всероссийской студенческой весне заняла I место в номинации «Художественное слово» со стихотворением «Ценою жизни», посвященное подвигу Алдара Цыденжапова. Надежда является землячкой Героя России.

Студент 2-го курса Рустам Лыгдынов — первый номинант из Бурятии, вошедший в число финалистов ежегодного всероссийского конкурса «Мистер студенчество» в г. Иваново. Рустам стал лучшим в номинациях «Мистер интеллект» и «Мистер зрительских симпатий» в ноябре 2016 г.

Приобщение студенчества к занятиям спортом способствует пропаганде здорового образа жизни, влияет на становление личностных качеств, обеспечивающих будущему специалисту психическую устойчивость и конкурентоспособность. Студенты факультета принимали активное участие в студенческой спартакиаде Бурятского государственного университета и культурно-спортивном празднике «Фестиваль ГТО в БГУ». Ежегодно по традиции проводится мероприятие Бухэ барилдаан — соревнования в различных спортивных состязаниях, в частности вольная борьба, перетягивание каната, шахматы, теннис. В сентябре проходит Шабаш Геродота — любимый праздник студентов исторического факультета.

На факультете учатся молодые шахматные надежды Бурятии — мастер ФИДЕ Жамсаран Цыдыпов, чемпионка РБ среди женщин Сурэна Самданова, мастер спорта, чемпион России среди юношей по боксу Амгалан Цыренов, мастер спорта по тхэквондо, двукратный чемпион России Геннадий Карнышев.

Сегодня высшее образование переживает нелегкие времена. Времена необыкновенно широких возможностей и необыкновенно тяжелых испытаний. Обеспечить успех в этих условиях поможет курс, взятый нашим факультетом на возрождение корпоративного духа, открытость к диалогу и сотрудничеству преподавателей разных поколений, аспирантов и студентов.

Современный облик исторического факультета предопределяет стратегию его дальнейшего развития. Ее основная цель — дальнейшее развитие факультета в рамках ведущего в регионе университетского образовательного, просветительского и исследовательского центра гуманитарных и социальных фундаментальных и прикладных наук.

HISTORY FACULTY OF BURYAT STATE UNIVERSITY TODAY

Victoria V. Nomogoeva

DSc in History, Associate Professor,

Buryat State University

6 Ranzhurov st., Ulan-Ude, 670000, Russia

The article deals with the problems of the history faculty development in the conditions of modernization of high education nowadays. The peculiarities of educational process the scientific potential and international projects are analyzed. The strategy and main directions of the faculty development in short-term and long-term periods are proposed.

Keywords: historical faculty; Graduates; a multi-level structure of higher historical education; scientific schools, academic exchange; student projects.

УДК 378.016:947

РЕАЛИЗАЦИЯ МОДЕЛИ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ДИСЦИПЛИНЫ «МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ»

© Дикая Юлия Валериевна

аспирант,

Бурятский государственный университет

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: julia.dikaja@gmail.com

В статье анализируется понятие «смешанное обучение» как следствие и условие внедрения информационных технологий в традиционный образовательный процесс в вузе. Рассмотрены возможности и преимущества использования смешанного обучения в современном учебном процессе вуза. Автором описан опыт организации самостоятельной работы студента как компонента смешанного обучения в условиях электронной обучающей среды по дисциплине «Методика преподавания истории» для студентов исторического факультета БГУ. Показано, что использование смешанного обучения для организации самостоятельной работы студентов позволяет значительно повысить эффективность образовательного процесса в целом, что подтверждено результатами эксперимента.

Ключевые слова: электронная обучающая среда; смешанное обучение; самостоятельная работа студента; информационно-коммуникационные технологии.

На сегодняшний день неперенным условием развития общества является информатизация образования, которая нацелена не только на развитие инфраструктуры, а в большей степени на формирование информационной среды образовательного учреждения. При этом информационные технологии в образовании не только выполняют функции средств, используемых для решения отдельных педагогических задач, но и создают новые возможности в обучении, способствуют развитию дидактики и методики преподавания конкретных дисциплин, создают новые формы обучения и образования. Одним из таких направлений развития форм обучения с использованием современных информационных технологий является смешанное обучение.

Термин «смешанное обучение» трактуется большинством исследователей как сочетание традиционных форм аудиторного обучения с элементами электронного обучения (электронные образовательные ресурсы, ИКТ). При этом процесс сочетания технологий может происходить как на уровне отдельного курса, дисциплины, так и на уровне образовательной программы в целом [2, с. 23].

Использование традиционных форм при смешанном обучении дает преподавателю и студентам возможность сохранить интенсивное взаимодействие во время занятий, для развития когнитивных, психомоторных и эмоциональных способностей [4, с. 810].

С другой стороны, использование элементов электронного обучения позволяет добиться ряда преимуществ по сравнению с традиционным обучением:

- 1) формирование информационной культуры;
- 2) подготовка обучаемых средствами информационных технологий к самостоятельной учебно-познавательной деятельности;
- 3) повышение качества овладения знаниями, умениями и навыками путем реализации преимуществ ИКТ, использования стимулов активизации познавательной деятельности, углубления межпредметных связей на основе использования современных средств обработки информации;
- 4) индивидуализация процесса обучения;
- 5) создание единой электронной обучающей среды, предназначенной для обеспечения информационных запросов и организации информационных потоков, связанной с учебной деятельностью обучаемых, а также для их необходимой оперативной коммуникации [7, с. 23].

В совокупности реализация смешанного обучения позволяет интенсифицировать процесс обучения и реализовать индивидуальный потенциал студентов.

На практике чаще всего модель смешанного обучения реализуется следующим образом: аудиторные занятия со студентами дополняются электронным курсом в электронной обучающей среде, позволяющим продолжить самостоятельное обучение в интерактивном формате, выполняя различные задания и общаясь через средства виртуальных коммуникаций [9, с. 501].

В целях выявления эффективности использования смешанного обучения в курсе «Методика преподавания истории» была реализована модель смешанного обучения «Face-to-FaceDriver», которая предполагает изучение большей части учебной программы в режиме занятий, а работа с электронными ресурсами реализуется в качестве дополнения к основной программе [3, с. 408]. Для чего был проведен педагогический эксперимент на базе исторического факультета БГУ, в группе студентов четвертого года обучения, и создан электронный курс «Методика преподавания истории» на портале электронного обучения БГУ, реализованного на базе платформы Moodle. Данный портал является электронной обучающей средой, т. е. объединяет программный и педагогический комплекс, в котором информационные технологии являются и средством обучения, и технологической основой обучающей среды, что позволяет реализовывать в полной мере дидактические возможности инновационных информационных технологий [6, с. 108].

В содержание электронного курса были включены методическое сопровождение в виде рабочей программы дисциплины, методических рекомендаций и источники самообразования в виде дополнительной литературы, видеолекций, ссылок на информационно-образовательные ресурсы. Коммуникативное пространство, предназначенное для консультаций, было создано с помощью элемента «Форум» и личных сообщений.

Важнейшей составной частью данного электронного курса являются задания для самостоятельной работы, под которой подразумевается планируемая индивидуальная или коллективная учебная и научная работа, выполняемая в рамках образовательного процесса под методическим и научным руководством и контролем со стороны преподавателя [5]. Данный выбор обусловлен тем, что самостоятельная работа студентов является на сегодня одним из ведущих средств формирования учебной и профессиональной компетенции [8, с. 123].

Основными задачами самостоятельной работы студента в рамках дисциплины «Методика преподавания истории» были поставлены:

- формирование мотивации к самостоятельной учебной деятельности;
- обучение студентов навыкам самостоятельной исследовательской работы, поэтапное овладение методами изучения и обобщения научного материала;
- проведение теоретического исследования и применения его результатов на практике;
- развитие критичности в осмыслении и оценке реальных исторических и педагогических явлений, идей, концепций и теорий;
- ознакомление с условиями творческого взаимодействия связки «студенты — преподаватель».

Дисциплина включала следующие модули:

- научные основы школьного курса истории;
- теория и методика обучения истории: частные вопросы;
- профессиональная культура учителя истории;
- педагогическая практика.

К каждому модулю было разработаны задания для самостоятельной работы с возможностью выбора индивидуальной траектории обучения: содержание заданий было вариативно, время и последовательность выполнения были ограничены только сроком итогового контроля.

На основе отбора содержания было осуществлено конструирование 13 заданий для самостоятельной работы на формирующем этапе эксперимента и 8 — на контрольном. В рамках данного курса задания конструировались с помощью системных элементов, позволяющих представить материал в различных формах (задание, глоссарий, Wiki-статья, форум и пр.) и форматах (текстовый, графический, аудио- и видеоформаты).

Задания для самостоятельной работы были направлены на формирование компетенций и имели проблемный характер, различные формы и методы, обеспечивающие дифференцированный и вариативный характер СРС, что позволило учесть индивидуальные возможности, потребности и интересы студентов. Задания были расположены по мере увеличения сложности уровня познавательной деятельности для достижения наилучшего эффекта обучения, которые включают следующие уровни:

1. Копирующие действия обучающихся по заданному образцу, идентификация объектов и явлений, их узнавание путем сравнения с известными образцами. На этом уровне происходит подготовка обучающихся к самостоятельной учебно-познавательной деятельности.

2. Репродуктивная деятельность по воспроизведению информации о различных свойствах изучаемого объекта, в основном не выходящая за пределы уровня памяти. Однако на этом уровне уже начинается обобщение приемов и методов учебно-познавательной деятельности, их перенос на решение более сложных, но типовых задач.

3. Продуктивная деятельность самостоятельного применения приобретенных знаний для решения задач, выходящих за пределы известного образца, требующая способности к индуктивным и дедуктивным выводам.

4. Самостоятельная деятельность по переносу знаний при решении задач в совершенно новых ситуациях, условиях по составлению новых программ принятия решений, выработки аналогового мышления [1, с. 171].

Кроме того, для проверки эффективности выполнения СРС участниками эксперимента был введен интегральный рейтинг, подсчитываемый на формирующем и контрольных этапах. Среднее увеличение данного показателя выросло на 25% на контрольном этапе. Значения данного рейтинга представлены в таблице 1.

Таблица 1

Эффективность выполнения СРС

Участники	Формирующий этап	Контрольный этап	Изменение рейтинга
1	78,5	98,2	19,7
2	38,5	98	59,5
3	85,3	97,8	12,5
4	74,8	97,8	23
5	45,5	97,8	52,3
6	79,5	97,8	18,3
7	89	97,2	8,2
8	52,5	96,6	44,1
9	49	96	47
10	44,7	93,4	48,7
11	57,7	93,4	35,7
12	68,1	92,8	24,7
13	64,8	91,4	26,6
14	61,7	90	28,3
15	76,2	88,4	12,2
16	68,7	85,8	17,1
17	35	72,8	37,6
18	52,4	70,8	18,4
19	57,8	68,6	10,8
20	39,2	62,2	23
21	12,3	60	47,7
22	53,7	57,6	3,9
23	54,9	55	0,1
24	32,1	54	21,9
25	63,8	40	-23,8
26	14,1	36,6	22,5
27	40,7	76,6	35,9

Исходя из результатов проведенного эксперимента можно отметить следующие преимущества подобной организации самостоятельной работы студента как компонента смешанного обучения:

1. Улучшение качества обучения в целом.
2. Представления содержания курса в разнообразных формах и постоянный доступ студентов к учебным и методическим материалам.
3. Мотивирующая задача решается посредством постановки нестандартных и интересных заданий, формы представления и выполнения которых не ограничены простым текстом как при традиционном обучении, т. к. могут использоваться разные форматы представления ответа, например видео или графическая информация, или комбинированное представление.
4. Взаимодействие при выполнении заданий организовано не только между преподавателем и студентом, но и между самими студентами, что позволяет значительно повысить уровень рефлексии. Кроме того, повышается уровень критичности в осмыслении и оценке реальных исторических и педагогических явлений, идей, концепций и теорий.
5. В курсе были организованы опосредованные консультации преподавателей со студентами. Студенты в любой момент выполнения задания могут задать вопрос преподавателю и быстро получить ответ, по желанию преподавателя данный ответ может быть открытым для всех.
6. Электронная обучающая среда позволяет организовать самостоятельную учебную деятельность студента как прозрачный, динамический процесс, оперативно оценивающийся и корректирующийся преподавателем (корректирующий контроль), поскольку выполнение элементов и деятельность каждого студента в курсе имеет наглядное отображение через отчеты, генерируемые системой. Это позволяет выявлять проблемные моменты в изучении материала и выявить те трудности, с которыми сталкивается отдельный студент и вся группа в целом, с целью организации консультационной помощи студентам и оценки содержания курса для его усовершенствования. Кроме того, повышается самоконтроль со стороны студента.
7. Экономия времени на занятии с помощью вынесения определенных видов заданий на выполнение вне аудитории.
8. Индивидуализация обучения, достигаемая за счет самостоятельного выбора студентами собственной образовательной траектории.

Литература

1. Егоров В. В. Педагогика высшей школы: учеб. пособие. Новосибирск: САФБД, 2008. 260 с.
2. Кравченко Г. В. Использование модели смешанного обучения в системе высшего образования // Известия АлтГУ. 2014. № 2(82). С. 22–25.
3. Краснова Т. И., Сидоренко Т. В. Смешанное обучение как новая форма организации языкового образования в неязыковом вузе // Образовательные технологии и общество. 2014. № 2. С. 403–413.
4. Логинова А. В. Смешанное обучение: преимущества, ограничения и опасения // Молодой ученый. 2015. № 7. С. 809–811.
5. Пичкова Л. С. Организация самостоятельной работы студентов как фактор формирования профессионально значимых компетенций [Электронный ресурс] // Пути повышения конкурентоспособности экономики России в условиях глобализации: материалы конф. МГИМО (У) МИД РФ. М.: МГИМО-Университет, 2008. URL: mgimo.ru/files/113958/113958.pdf (дата обращения: 20.12.2015).
6. Протасова О. Н., Паршукова Г. Б. Средовый подход к формированию электронной среды обучения // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 15. С. 106–113.
7. Семенова И. Н., Слепухин А. В. Определение и дидактическая конструкция методики использования информационно-коммуникационных технологий в учебном процессе // Педагогическое образование в России. 2012. № 2. С. 184–189.
8. Титова Г. Ю. О технологии организации самостоятельной работы студентов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 1. С. 123–126.
9. Шорохова А. М. Смешанное обучение: шаги к успеху // Молодой ученый. 2015. № 1. С. 500–502.

**REALIZATION OF MODEL OF BLENDED LEARNING AT THE EXAMPLE
OF DISCIPLINE «METHODS OF TEACHING HISTORY»**

Julia V. Dikaja

PG student,

Buryat State University

6, Ranzhurov st., Ulan-Ude, Russia

The article analyzes the concept of «blended learning» as a result and a condition of implementation of information technology into the traditional educational process at the university. The article discusses the possibilities and advantages of using blended learning in the modern educational process of the university. The author describes the experience of the organization of independent work of the student as a component of blended learning in the electronic learning environment of discipline «Methods of Teaching History» for students of the historical faculty of BSU. The article notes that the use of blended learning for the organization of independent work of students can considerably improve the efficiency of the educational process in general, as confirmed by the results of the experiment.

Keywords: e-learning environment; blended learning; independent work of student; information and communication technologies.

УДК 327

ПОНЯТИЕ ГЕОПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© Андрей Андреевич Дюпин

магистрант,

Иркутский государственный университет

Россия, 664025, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1

E-mail: dekanat@hist.isu.ru

Целью статьи является рассмотрение современной трактовки понятия «геополитика» в российском научном сообществе и в первую очередь среди учебных изданий, являющихся основой для формирования политически грамотного человека. Актуальность данного исследования заключается в необходимости появления в нашей стране политически компетентных представителей как политической элиты, так и общественных деятелей. Геополитика как наука способна справиться с данным заданием. Ввиду этого необходимо проанализировать ее современное состояние в российской научной среде. Данная работа является одним из первых шагов в достижении этой цели.

Ключевые слова: геополитика; преподавание геополитики; высшее образование; учебные пособия.

В настоящее время геополитика как наука играет большую роль на международной арене благодаря ее методам анализа международной обстановки и прогнозированию ее дальнейших изменений. Немалую пользу эта наука способна принести и нашей стране, как на государственном уровне, так и на общественном. Однако, как было отмечено В. А. Дергачевым, наблюдается «дефицит профессиональных политиков, обладающих стратегическим видением, способных глобально мыслить и локально действовать» [2, с. 3]. Ввиду этого изучение данной дисциплины в образовательных учреждениях в долгосрочной перспективе позволит нам создать в стране политическую элиту, обладающую описанными выше навыками. Поэтому изучение развития геополитической мысли в российском научном сообществе на современном этапе является весьма актуальной темой.

В процессе рассмотрения данного вопроса в качестве источников нами были задействованы наиболее известные учебники вузовского профиля по данному курсу — учебники Н. А. Нартова, И. А. Василенко, Б. А. Исаева, учебно-методическое пособие А. В. Кострова и другие труды.

При рассмотрении истории развития геополитики многие авторы отмечают, что в СССР она имела негативную репутацию «буржуазной псевдонауки» и лишь в конце 1980-х гг. она получает статус «западной политологической концепции» [2, с. 4–5; 6, с. 9].

Сегодня при попытке сформировать определение геополитики часть российских авторов сталкивается с проблемой смешивания данного понятия с определением политической географии. И. А. Василенко отмечает, что в основе данной проблемы лежит историческое развитие обеих наук, возникших в XIX в. и развивавшихся параллельно друг другу [1, с. 40]. По ее мнению, основное отличие кроется в их предметном поле. В попытке разграничить его она обращается к классикам геополитики и политической географии. Стоит отметить, что политическая география возникла раньше, нежели геополитика и поэтому ранние представления о геополитике вполне могли являться дальнейшим развитием тех мыслей, что были сформированы в рамках политической географии. Ярким примером этого является Р. Челлен (введший в научный оборот сам термин «геополитика»), который считал себя «учеником» Ф. Ратцеля, бывшего основоположником политической географии [1, с. 42].

Обращаясь же к современным реалиям, И. А. Василенко отмечает, что в среде западных специалистов доминирует точка зрения на геополитику как на науку о пространственных отношениях между государствами, в то время как в российском научном сообществе акцент делается на идеологические, духовные и планетарные факторы. По ее мнению, сейчас это является общим направлением исследований в современной русской геополитической школе [1, с. 43–44].

Обращаясь к труду В. А. Колосова, можно отметить, что автор делит термин «геополитика» на два аспекта: культурно-психологический и концептуальный. Под культурно-психологическим аспектом понимается «исторический опыт государств и наций, опирающийся на идеологический фактор и способствующий жизнеспособности данного субъекта международных отношений» [5, с. 10–11]. Помимо этого культурно-психологический аспект используется как подход к геополитической проблематике, в сути которого находится изучение роли цивилизаций в геополитическом процессе [5, с. 13–15].

Концептуальный же аспект (или подход) подразумевает под собой рассмотрение геополитики как некую проблемную научную область, главной задачей которой является «фиксация и прогноз пространственных границ сфер влияния государства» [5, с. 18]. В результате данной деятельности формируется «геополитическая структура мира», которая, по мнению В. А. Колосова, является основным объектом исследования геополитики [5, с. 19].

Автор отмечает, что историческим ядром геополитики является география, а методологическим — моделирование на общепланетарном, региональном и локальном уровнях. Он считает, что геополитика выявляет «объективно существующие пространственные целостности, имеющие политический смысл» [5, с. 24]. Также автор критикует противников принадлежности геополитики к географии, аргументируя это тем, что роль современной географии не сводится к простой фиксации относительно стабильных естественно-географических условий, но исследует «пространственные взаимодействия естественных и общественных компонентов на различных иерархических территориальных уровнях — от локальных до глобальных» [5, с. 25].

Таким образом, для В. А. Колосова геополитика представляет из себя науку, изучающую в единстве географические, исторические, политические и другие взаимодействующие факторы, оказывающие влияние на стратегический потенциал государства [5, с. 25].

Б. А. Исаев в своем труде выделяет два определения геополитики. По одному из них это наука, имеющая собственный предмет исследования, закономерности, понятия, занимающая определенное место в системе наук, или метод познания политики через географические факторы; по другому же — объективная научная дисциплина или субъективная идеологизированная псевдонаука, оправдывающая националистическую политику захватов «жизненного пространства» [3, с. 13]. Во втором случае автор подчеркнул идеологический фактор, присущий данной дисциплине. Автор также отмечает, что геополитика является «детерминацией успешности политической деятельности географическими, историческими, социально-психологическими, этнографическими, экономическими факторами, как взаимосвязь политического и пространственно-социального» [3, с. 10].

Кроме того, Б. А. Исаев, рассматривая термины «геополитика», выделяет в нем два аспекта: «гео» (география) и «политика». По его мнению, первый аспект характеризует собой «влияние географических факторов в самом широком смысле этого слова на политику государства» [3, с. 11]. Второй же аспект представляет собой «осуществление господства, завоевание власти, пространства и его освоение» [3, с. 12]. Однако Б. А. Исаев добавляет, что к началу XXI в. оба аспекта претерпели ряд изменений. Так, «гео» приобретает второй смысл, включающий в себя планетарное или глобальное измерение политики, характеризуя взаимоотношения супердержав или военных блоков, столкновение цивилизаций или же общее изменений мировой системы (с биполярного на моно- или полицентрическую и т. п.) [3, с. 12–13].

Второй аспект также приобрел новое значение. Теперь под «политикой» понимается не столько силовая экспансия или освоение новых территорий субъектами геополитики, сколько их стремление к расширению своих сфер влияния и контролю над линиями коммуникаций, финансовых, рабочих и иных потоков, для достижения наиболее благоприятных условий для собственного развития и процветания [3, с. 13].

Подводя итог своих исследований, Б. А. Исаев считает, что современная геополитика пока еще не приобрела всех признаков науки. Отмечая определенную общность в определении, теории и методологии геополитики у разных стран, он в то же время подчеркивает неутраченные споры между геополитиками и представителями смежных научных дисциплин (таких как теория мировых систем, теория политики и пр.) о разграничении предметных областей и определении места геополитики в системе наук. Также исследователь подтверждает идущую институционализацию данной дисциплины, путем введения ее в образовательную программу вузов России и стран СНГ, создания периодической печати по геополитической проблематике и интереса научного сообщества к геополитике в целом [3, с. 24].

Н. А. Нартов при рассмотрении понятия геополитики, отмечает, что в науке до сих пор не существует его четкой и точной формулировки, что связано с достаточно широкой трактовкой данного понятия и дискуссионным характером его предметного поля [6, с. 7–8]. Сравнивая геополитику и политическую географию, автор отмечает, что геополитика более динамична. Отмечая, что многие ученые видят в ней науку, изучающую комплекс географических, исторических и иных взаимодействующих факторов, оказывающих большое влияние на потенциал государства, Н. А. Нартов выводит краткое определение геополитики — это наука и система знаний о контроле над пространством [6, с. 12].

А. В. Костров видит в геополитике науку о взаимодействии пространства и политики в глобальном контексте. При этом пространство влияет на характер организации и функционирования политики, а та, в свою очередь, оказывает влияние на развитие разных видов пространства [4, с. 9]. Объектом геополитики является взаимодействие пространства и политики, а ее предметом — развитие политических процессов в контексте всех видов пространства мира как системы [4, с. 9]. При этом под пространством автор понимает совокупность физического, биологического, социального, экономического, культурного и политического пространств [4, с. 12]. Первичным субъектом геополитических отношений является пространство, которое формирует человека, общество, государство, мир в целом. Вторичными субъектами геополитических отношений являются народы, общества, государства, союзы государств, международные организации, общественные объединения, человечество [4, с. 9].

В. А. Дергачев в своем труде отмечает, что современные исследователи различают фундаментальную (или глобальную) и прикладную геополитику; геополитику и политическую географию. Фундаментальная геополитика рассматривает теории и концепции жизненного пространства, морского могущества, осевого пространства и т. п. С другой стороны, прикладная геополитика анализирует широкий спектр политико-экономико-географических проблем, таких как появление и распад суверенных государств, возрождение национализма, глобализация, зависимость от энергоресурсов и другие проблемы [2, с. 5–7].

Автор также отмечает проблему разделения понятий геополитики и политической географии. По его мнению, «политическая география исследует влияние пространственно организованных элементов на развитие политических процессов и может рассматриваться наряду с экономической и физической в рамках классической географии» [2, с. 6–7]. Геополитика же «требуется знаний на границах географии, истории, экономики, этнологии и других наук, необходимых профессиональному аналитику не только для квалифицированного анализа пространственных явлений, но и для разработки прогнозов, сценариев и тенденций развития событий и возможных стратегий» [2, с. 7–8]. При этом исследователь должен обладать высокой общеобразовательной культурой и быть способным к формированию новых идей. «Поступательное развитие геополитики идет по включению в ее сферу не только политических, но и экономических, социокультурных, экологических и других аспектов, что, возможно, приведет к формированию геофилософии или политико-географической философии на основе представлений о многомерном (геополитическом, геоэкономическом, социокультурном и др.) пространстве и его рубежной энергетике» [2, с. 8].

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время нет общепринятого понятия геополитики. Одной из причин подобной ситуации является продолжающиеся дискуссии о ее предметном поле, которое весьма обширно и включает в себя сферы прилегающих научных дисциплин (таких как политическая география). Многие русские исследователи видят в геополитике фундаментальную и прикладную науку, а также отмечают ее тесную связь с пространственным фактором (не ограничивающимся физической географией, но имеющим социальный, идеологический и иные уровни), при этом большинство из них признает геополитику независимой наукой и отделяет ее от политической географии. Стоит отметить, что на попытку определить понятие геополитики существенное влияние оказывает мировоззренческие установки и профессиональная деятельность исследователя. Так, В. А. Дергачев и В. А. Колосов, будучи докторами географических наук, в процессе определения геополитики могут делать заметный акцент на географические аспекты данной науки, в то время как И. А. Василенко (доктор политических наук) закономерно уделит больше внимания информационному, идеологическому и политическому факторам. В обоих случаях исследователи будут правы, так как геополитика представляет из себя совокупность подобных факторов и их взаимодействие. По нашему мнению, главной проблемой определения понятия геополитики является ее обширность и всеохватность. Данная наука слишком многогранна, в связи с чем занятие ею является весьма затруднительным процессом, чаще всего требующим целого научного коллектива для комплексного изучения той или иной проблемы.

Литература

1. Василенко И. А. Геополитика современного мира: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2013. 420 с.
2. Дергачев В. А. Геополитика: учебник для вузов. М.: Юнити-Дана, 2004. 526 с.
3. Исаев Б. А. Геополитика: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2006. 384 с.
4. Костров А. В. Геополитика: учеб.-метод. пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. 119 с.
5. Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2001. 479 с.
6. Нартов Н. А., Нартов В. Н. Геополитика: учебник для вузов. М.: Юнити-Дана: Единство, 2007. 527 с.

THE CONCEPT OF GEOPOLITICS IN THE MODERN RUSSIAN TEXTBOOKS

Andrei A. Dupin

Master's Degree Student,

Irkutsk State University

1, Karl Marx st., Irkutsk, 664025, Russia

The purpose of this article is to examine the current interpretation of the concept of «geopolitics» in the Russian scientific community and, above all, among the textbooks, which are the basis for the formation of a politically literate person. The relevance of this study is the need to establish in our country a politically competent representatives of both the political elite and public figures. Geopolitics as a science, able to cope with this task. In view of this it is necessary to analyze the current state of the Russian scientific community. This work is one of the first steps in achieving this goal.

Keywords: geopolitics; geopolitical teaching; higher education; teaching aids.

УДК 378.147.88

ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ В КУРСЕ «МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ГЕОГРАФИИ»

© **Бабиков Владимир Александрович**

кандидат географических наук, доцент,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: mien_bsu@mail.ru

Основной целью обучения студента является подготовка будущего специалиста в области географии. Ежедневная учебная деятельность преподавателя в высшем учебном заведении заключается в представлении информации, организации познавательной деятельности студентов, организации контроля, установлении коммуникаций в учебном процессе, создании положительного настроения студентов на учебу. В статье рассмотрены вопросы организации исследовательской деятельности студентов в процессе изучения дисциплины «Теория и методика преподавания географии в средней школе», приведены примеры реализации основных приемов и технологий, а также методов изучения географического пространства в процессе учебной и вне учебной деятельности по географии, определены пути формирования географической картины мира в средней общеобразовательной школе, проанализированы подходы к использованию и реализации образовательных ресурсов, направленных на формирование географических знаний, умений и навыков.

Ключевые слова: методика преподавания географии; технологии критического мышления; проектная деятельность; кластер; туристский бренд; краеведение.

География является одной из важнейших в общей системе наук дисциплин. При всех современных изменениях в школе география остается одним из фундаментов и естествознания, и обществознания. Школьная география призвана давать знания о территории, где живут люди, приучать их любить эту территорию, о стране в целом и, наконец, всей нашей планете. Поэтому изучение данного учебного предмета является актуальным и перспективным направлением в развитии современной российской школы. Важной задачей современной методики преподавания географии в средней школе является проблема развития познавательного интереса к изучению данного учебного предмета и его формирования у современных школьников [9].

В настоящее время преподавателю вуза даются широкие полномочия и широкие возможности для интеллектуального и творческого поиска, внесения корректив в собственные учебные программы, осуществления и реализации оптимальных форм, методов, приемов обучения и воспитания будущих учителей. Одной из форм организации деятельности студентов является активизация их познавательной деятельности, которая включает: постановку активизирующего вопроса, использование приемов познавательной деятельности (создание на занятии элемента проблемной ситуации), организацию групповой, парной и индивидуальной работы, целенаправленную ошибку, выступление с докладами, использование тестов, стимулирование вопросов самих студентов, способы создания проблемных ситуаций, знакомство с противоречащими фактами, побуждение к сопоставлению сравнению и обобщению, задания практического характера и др. Одной из интересных технологий для будущих учителей географии является концепция географических образов [10].

Концепция географических образов — это новое научное направление в рамках гуманитарной географии. Гуманитарная география в целом занимается исследованиями различных способов представления и интерпретации земного пространства, в том числе культурных ландшафтов, территорий и сред разных социокультурных рангов и специализаций. Под географическими образами здесь понимается система взаимосвязанных знаков, символов, стереотипов, ярко и наглядно характеризующих ту или иную территорию.

Последовательное и систематичное применение в работе принципа концепции географического образа на основе краеведческого принципа, при условии умелого отбора содержания местного материала и правильных приемов ознакомления студентов с ними, будет активизировать весь учебный материал. Местный материал, с одной стороны, может рассматриваться как средство более глубокого усвоения и закрепления тех знаний, которые предусмотрены программой, и с другой — как одна из важнейших форм связи теории и практики в работе вуза [6].

Для того чтобы реализовать данный принцип, студентам было предложено задание разработать туристско-рекреационный потенциал города Улан-Удэ. Одной из проблем, тормозящих развитие туристической сферы Улан-Удэ, является слабая туристическая политика, регулирующая процесс управления продвижением совокупных туристических продуктов территориальных туристско-рекреационных комплексов в туристическом информационном поле.

Для начала студенты определили понятие «туристско-географический бренд», под которым понимается системное комплексное понятие, которое характеризует стратегию создания конкурентных преимуществ туристического продукта, перспективность развития туристско-рекреационной деятельности и максимальное получение социально-экономического эффекта, на основе географических закономерностей [1; 4]. Далее, используя описание природно-климатических и историко-культурных особенностей окрестностей города, они составили схему и таблицу, демонстрирующую структурную модель туристско-рекреационного бренда города Улан-Удэ.

Таблица 1

Основные компоненты туристско-географического бренда Улан-Удэ

Компоненты туристско-географического бренда города Улан-Удэ	Краткое описание
Туристическое пространство:	
А. естественное туристическое пространство (система ООПТ), памятники природы (геологические, палеонтологические, минералогические, гидрогеологические, гидрологические, ботанические, зоологические, ландшафтные)	А. Местность Верхняя Березовка. Острова в русле рек Селенга и Уда, самые крупные в городской черте Богородский и Комсомольский. Многочисленные родники и ключи в пригородной зоне города. Генеральские озера и многочисленные антропогенные котлованы, используемые для акварекреации [5]
Б. культурно-историческое туристическое пространство (памятники архитектуры, истории, культуры, археологии, музейные экспозиции, памятники религиозного назначения, учреждения культуры и досуга)	Б. Православные, старообрядческие, буддийские храмы, поселения гуннов. Улица Ленина (Улан-Удэнский Арбат), Гостиные ряды Православные храмы: Одигитриевский собор, Троицкая церковь, Никольская церковь, Вознесенская церковь; буддийские храмы: Ринпоче-Багша, буддийский женский дацан «Зунгон Даржалинг», дацан Хамбын-Сумэ (Верхнеберезовский) и многочисленные дуганы в разных частях города; проект Старый Верхнеудинск. Памятник В. И. Ленину; музеи: Национальный музей Республики Бурятия, Музей истории города Улан-Удэ, Геологический музей

В. рекреационное туристическое пространство (курорты, лечебно-оздоровительные местности, лечебно-оздоровительные учреждения)	В. Центр тибетской медицины, подготовка эмчи-лам и специалистов по традиционной медицине. Атлас тибетской медицины. Детские оздоровительные лагеря в окрестностях города
Г. этническое туристическое пространство (этнические деревни, этнические центры, народные художественные промыслы и ремесла)	Г. Этнографический музей народов Забайкалья
Е. событийное туристическое пространство (фестивали, ярмарки, праздники, события)	Е. Ежегодные музыкальные фестивали «Звуки кочевника», «Угай зам» — мода монголоязычных народов. Фестиваль «Ночь ёхора». «Байкальский сабантуй». «Раздайся корогод» — фестиваль старообрядческой культуры. Алтаргана — международный фестиваль монгольских народов. Сагаалган — новый год по лунному календарю
Ж. мифологическое туристическое пространство (мистические места, мистические объекты, мистический эпос места)	Ж. Шаманские места в окрестностях города
З. научное туристическое пространство (научные организации и учреждения)	З. Разработка новых биологических фармацевтических препаратов (на основе лекарственных растений высокогорья). Бурятский научный центр
Архетипический образ	«Солнечный Улан-Удэ». «Улан-Удэ — ворота в Азию». Многонациональный и гостеприимный Улан-Удэ
Символы, имена, достопримечательности	Доржи Банзаров. Хоца Намсараев. Флегонт Голдобин. Исай Калашников. Намжил Нимбуев. Бау Ямпиров. Лариса Сахьянова. Петр Абашеев. Дугаржап Дашиев. Ким Барсадаев. Театры: Бурятский театр оперы и балета им. Цыдынжапова. Театр бурятской драмы им. Х. Намсараева. Русский театр драмы им. Н. Бестужева. Кукольный театр «Ульгэр». Молодежный театр. Фольклорный театр «Забава». Театр танца «Байкал»
Специфические товары, производимые в городе Улан-Удэ	Верхнеудинская ярмарка. Продукция пищевых предприятий «Амта» и «БМПК». Байкальская сера
Исторические события, относящиеся к городу Улан-Удэ	Сакральные шаманские комплексы (обоо, барисаны, сэргэ)
Мифы, сказки, легенды [4]	О происхождении Верхнеудинского острога. Японское кладбище. Городские былички

Наличие познавательного интереса в любой сфере деятельности повышает ее продуктивность. Интерес к какому-либо исследовательскому объекту активизирует все психические функции исследования: память, внимание, мышление, волю; превращает познание в эмоционально окрашенную, внутренне желанную деятельность. Реализуя ту или иную цель, человек активизирует все свои личностные и интеллектуальные качества. От того, как осознается поставленная перед человеком цель, будет зависеть и его деятельность по ее реализации, включая все вышесказанные психические функции [8]. Важным моментом методики преподавания географии является формирование географических компетенций у будущих учителей посредством организации исследовательской деятельности.

Географическая компетентность определяется как способность решать проблемы, возникающие в окружающей действительности, средствами, предоставляемыми учебным предметом «География». Можно выделить пять предметных географических компетенций:

- умение в конкретной ситуации распознать и сформулировать проблемы, которые могут быть решены средствами географии. Способность распознать и сформулировать географические вопросы, возникающие в конкретной ситуации: «где?», «почему?» «зачем?»;

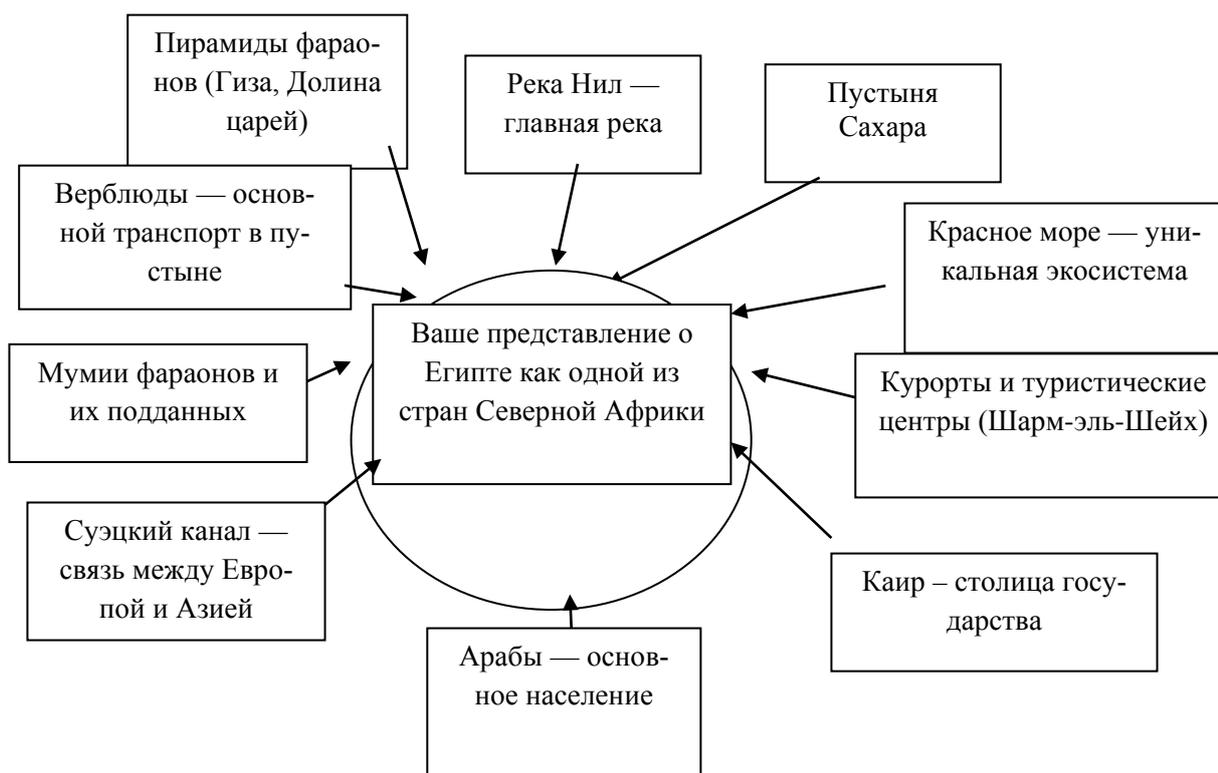
- владение языком географии (понимание географических терминов и понятий, умение «читать» географические карты и другие специфические источники географической информации);

- умение «привязывать» событие к конкретному месту в пространстве;

- умение выделить географическую информацию, необходимую для решения данной проблемы (припомнить недостающую информацию или выбрать соответствующий источник информации и найти ее в нем);

- умение сделать вывод и сформулировать решение проблемы на основе анализа как имеющейся в ситуации, так и дополнительно собранной информации [5].

Существует множество форм и средств формирования исследовательской географической компетентности. И здесь в качестве примера технологии можно привести **применение кластеров**, на основе которых у учащихся формируется культурно-географический образ территории. Так, в курсе «Географии материков и океанов» при изучении темы «Страны Африки» можно использовать следующий кластер.

Кластер «Формирование географического образа территории на примере Египта»

Структура и содержание кластеров зависят от темы, формы урока, а также от возрастных и индивидуально-педагогических особенностей учащихся.

В процессе проведения занятий со студентами происходит формирование следующих исследовательских умений:

- собирать, систематизировать, обрабатывать и анализировать информацию по семиосфере Земли;
- картировать культурные объекты, процессы и явления;
- проводить простейшее культурно-географическое районирование территории;
- осуществлять сравнительный анализ разных культурно-географических территорий;
- создавать культурно-географические образы (описание территорий в их культурном контексте) [7].

Все это в конечном итоге формирует у подрастающего поколения исследовательские географические компетентности.

Таким образом, основной целью обучения студента является подготовка будущего специалиста в области конкретно своей дисциплины и области познания. Формирование навыков исследовательской деятельности при изучении дисциплин географического цикла должно стать одной из ступеней к формированию грамотного, перспективного, с активной жизненной позицией профессионала в области теоретических и практических вопросов современной географии и охраны окружающей природной среды.

Литература

1. Бабиков В. А. Позиционирование туристского бренда этнопоселения Дулан Кабанского района Республики Бурятия как фактора устойчивого развития в Байкальском регионе // Вестник Тамбовского университета. 2013. Т. 18, вып. 2. С. 559–562.
2. Бабиков В. А., Урбанова Ч. Б. Возможности развития экологического туризма как фактора устойчивого развития в Байкальском регионе // География мирового хозяйства: регионализм в условиях глобализации: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф.: в 3 ч. М.: Изд-во РУДН, 2013. С. 31–38.
3. Бабиков В. А., Урбанова Ч. Б. Историко-географические подходы к проблеме традиционного природопользования этносов Байкальской Сибири // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. Вып. 4(2). С. 3–7.
4. Джанджугазова Е. А. Туристско-рекреационное проектирование. М.: Академия, 2014. 272 с.
5. Зимняя И. А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 20–26.
6. Культурная география. М.: Изд-во Ин-та наследия, 2001. 192 с.
7. Максаковский В. П. О новой концепции школьного географического образования // География в школе. 1989. № 2.
8. Профессиональный стандарт педагогической деятельности: проект / под ред. Я. И. Кузьминова, В. Л. Матросова, В. Д. Шадрикова // Вестник образования. 2007. № 7. С. 20–34.
9. Рекреационный потенциал Баргузинского Прибайкалья и Селенгинской Даурии: проблемы освоения. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. 220 с.
10. Экологическое образование в Бурятии: опыт педагогических инноваций: сб. ст. /под ред. Н. Ж. Дагбаевой. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. 80 с.

THE ORGANIZATION OF RESEARCH ACTIVITY OF STUDENTS IN THE COURSE «METHODS OF TEACHING GEOGRAPHY»

Vladimir A. Babikov

Ph.D. in Geography, Associate Professor,
Buryat State University
25, Pushkin st., Ulan-Ude, 670024, Russia

Daily educational activity of the teacher in high school is to provide information, the organization of cognitive activity of students, organization of control, the establishment of communication in the learning process, the creation of a positive attitude of students. The article deals with the organization of research activity of students in the process of studying the discipline «Theory and methods of teaching of geography in high school», are examples of the implementation of the basic techniques and technologies, as well as methods for the study of geographical space in the process of educational and extracurricular geography activity, defined ways of formation of the geographical picture of the world in the early stages of learning, analyzed approaches to the use and implementation of educational programs, including geographical knowledge and skills. The main purpose of education is to prepare the student of the future expert in their specific disciplines and areas of knowledge.

Keywords: methods of teaching geography; critical thinking; technology; engineering activity; cluster tourist brand; local history.

УДК 371.21

ОЦЕНОЧНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ФГОС КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ЕДИНСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

© **Малунова Галина Супруновна**

доктор педагогических наук, профессор,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: kishiht50@mail.ru

В статье рассматривается значение оценочных средств в процессе внедрения ФГОС и раскрываются научные подходы к пониманию понятий «образовательное пространство», «среда», «событие». Система оценки призвана способствовать определению единства всей системы образования, обеспечивая преемственность и непрерывность. Имеющая место система контроля за качеством образования при переходе на ФГОС становится неэффективной и требует поиска инновационных подходов в оценивании достижений учащихся на уровне личностных и метапредметных результатов. В стандарте отмечается, что ФГОС обеспечивает единство образовательного пространства. В статье рассматриваются также научные положения к событийному подходу, который в педагогике чаще всего понимается как технология организации и осуществления значимых событий в жизни коллектива и отдельной личности. Событийный подход характеризуется конкретной направленностью и локальным характером воздействия. Ему присущ целостный характер, так как оказывается воздействие на сознание, эмоциональную сферу и поведение личности.

Все типы образовательных пространств и их формы взаимообусловлены, поэтому с точки зрения организации образовательного процесса, практики порождают предметные линии, а предметные линии насыщают и обогащают практики, учебное занятие рефлексивует пройденный учебный путь, домашняя самостоятельная работа корректирует и направляет дальнейшее движения школьника в учебном материале. В данной статье представлены результаты национального исследования качества начального образования, которые выявили проблемы и служат сигналом для учителей основной школы: важно ставить реалистичные и понятные школьнику и его родителям цели обучения, способствовать выстраиванию индивидуальных образовательных траекторий.

Ключевые слова: система оценивания; образовательное пространство; единое образовательное пространство; событийный подход; среда; образовательный процесс: практики, мастерские, самостоятельная работа, проектная деятельность; НИКО (национальные исследования качества образования); анализ результатов; рекомендации.

Реализация новых стандартов в образовании проходит в условиях становления иных подходов к оценочной деятельности учителя. Сформировавшаяся в предыдущие годы система контроля за качеством образования в условиях перехода на новый образовательный стандарт становится неэффективной и требует глобального обновления. Меняется роль и функции системы оценки достижения планируемых результатов, выступающей не только как средство обучения, но и как регулятор образовательного процесса в целом, повышая эффективность преподавания и успешность достижения индивидуальных образовательных результатов учащимися.

Система оценки достижения планируемых личностных, предметных и метапредметных результатов рассматривается как основа (инструментальное ядро ФГОС) и ориентирует основную образовательную программу основного общего образования (ООП ООО) школы на реализацию и регулирование системы образования, на достижение планируемых результатов освоения основной программы и учебных программ по отдельным предметам, обеспечивая связь между требованиями стандарта и образовательным процессом, системой оценки. Система оценки призвана способствовать поддержанию единства всей системы образования, обеспечению преемственности в системе непрерывного образования.

В настоящее время в исследованиях ученых, педагогической литературе, статьях по социологии, политологии, культурологии все чаще встречается выражение «образовательное пространство». Указанное словосочетание иногда употребляется как простой оборот речи, как художественный прием, как интуитивно понятная фраза, помогающая автору точнее передать смысл сказанного. Словосочетание иногда несет и большую смысловую нагрузку, о чем, в частности, говорит использование его в государственных документах, правительственных соглашениях, поста-

новлениях департаментов образования, комитетов по образованию, документах высших учебных заведений.

Понятие «образовательное пространство» органично вписывается в систему других представлений философии образования и педагогики, ассоциируемых с локализацией образовательных услуг, образовательной инфраструктурой общества, образовательными системами, цепочками учреждений при непрерывном и последовательном получении образования, образовательными стандартами, образовательным потенциалом общества, образовательной средой, интеллектуальной системой, социальным институтом образования и т. п. Вопрос о взаимоотношении таких понятий должен стать предметом особого анализа. Однако, с нашей точки зрения, предельная широта понятия образовательного пространства относительно всех других в приведенной группе логично подчиняет себе все остальные и выступает доминирующей.

Образовательное пространство характеризуется объемом образовательных услуг, мощностью и интенсивностью образовательной информации, образовательной инфраструктурой общества. Основными же характеристиками образовательной инфраструктуры являются качественный и количественный состав элементов данной инфраструктуры, их пространственное расположение и взаимодействие. Инфраструктура задает размеры и другие топологические свойства образовательного пространства.

Понятие «образовательное пространство» принадлежит к числу наиболее общих и предельно абстрактных концептов философии образования. По уровню общности содержания сравнится с ним могут лишь немногие понятия (например, образовательное взаимодействие, образовательный процесс, субъект образования, образовательная парадигма, социальный институт образования и некоторые другие). В предельной общности и абстрактности понятия образовательного пространства, как и других понятий, заключен и источник теоретической силы, и источник слабости представлений. Понятие обладает значительным эвристическим потенциалом, но в то же время при излишней увлеченности подобными абстракциями имеется риск остаться в рамках констатации тривиальных истин.

Содержание образования школьников предполагает выделение для школы, работающей по ФГОС, нескольких разных образовательных пространств и форм их организации для обучения и учения детей: предметные линии (уроки), практики (мастерские), учебные занятия и домашние самостоятельные работы.

Все типы образовательных пространств и их формы взаимообусловлены. С точки зрения организации обучения, практики порождают предметные линии, а предметные линии насыщают и обогащают практики, учебное занятие рефлексивует пройденный учебный путь, домашняя самостоятельная работа корректирует и направляет дальнейшее движения школьника в учебном материале.

Работа с цифровыми образовательными ресурсами также позволяет поддерживать организацию учебной деятельности школьников.

Практики — это совместная работа школьников и учителя по накоплению опыта разнообразных практических действий. Проводятся эти практики в форме мастерских.

Практики многофункциональны. С одной стороны, их исключительная роль заключается в восполнении недостающего детского опыта в разных жизненных сферах (в том числе и бытовой, и игровой), что представляется сегодня особенно актуальным — в условиях снижения возраста поступления ребенка в школу. С другой стороны, в практиках происходит важнейшее изменение в детских действиях — они начинают осознаваться самим ребенком.

В неравновесные условия обучаемого может перевести как целенаправленное воздействие на него со стороны учителя на уроке, так и случайно увиденное или услышанное учеником по дороге в школу. Поэтому неслучайным было обсуждение в педагогической литературе не только проблем собственно школы, но и роли среды в воспитании, а также взаимодействия школы и среды. Роль среды и ее решающее влияние на процесс формирования человека (наряду с ролью воспитания) отмечал еще К. А. Гельвеций.

Рассмотрение роли школы и среды в педагогической литературе осуществлялось на основе противопоставления. Для противопоставления и раздельного рассмотрения школы и социальной среды в воспитании и образовании были все основания. В настоящее время процесс виртуализации структур учебных заведений, децентрализации школьного учебного процесса, дистанционные формы оказания образовательных услуг набирают силу и становятся все заметнее. Поэтому уместнее школу и среду рассматривать не на основе противопоставления, а на основе взаимного дополнения.

Л. И. Новикова выделяет организованные и неорганизованные среды. К первым она относит семьи учеников, производственные и трудовые коллективы взрослых, учреждения культуры и быта, учебные заведения и внешкольные учреждения, различные клубы и объединения по интересам, радио и телевизионную сеть, кинопрокат. К неорганизованным относит «улицу», предметную среду, аудиовизуальную среду, природную среду.

В педагогике фактически развивался и разрабатывался раздел, который получил название педагогики среды. С нашей точки зрения, набирающие силу тенденции горизонтальной интеграции в обществе и образовании позволяют утверждать, что открытость школы должна быть возведена в ранг дидактического принципа, на котором должно основываться проектирование всего учебно-воспитательного процесса. Открытость педагогических систем проявляет себя, например, не только при обсуждении роли среды, но и в формировании содержания образования, в комплексе вопросов, которые возникают при обсуждении роли наследственности в образовании и воспитании и многом другом. Таким образом, один из подходов к выяснению сути образовательного пространства основан на принципе открытости образовательного процесса.

Основной принцип проектирования такой образовательной среды заключается в построении совместных действий субъектов образования. Модель образовательной среды, обеспечивающей становление открытых действий, должна, по сути, проектироваться как система построения открытого взаимодействия, открытых отношений — открытая система.

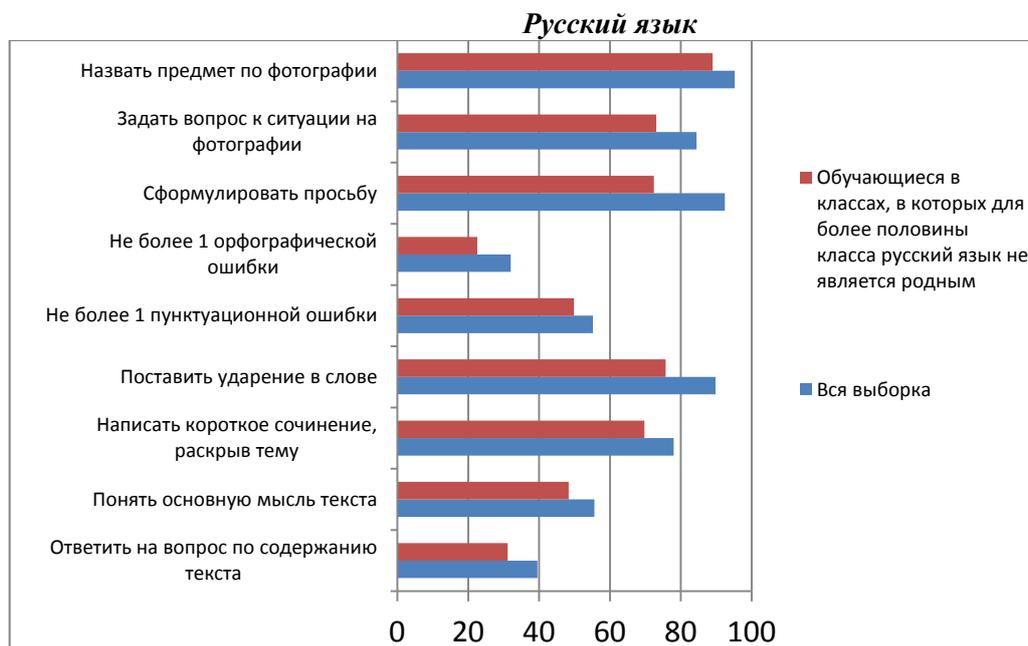
Обязательным условием, обеспечивающим школьникам положительную динамику становления способности к проектированию собственной образовательной деятельности, является перевод педагогической технологии в поисковый, исследовательский режим, который предполагает смену форм, средств и методических приемов не только учебно-предметного содержания, но и отношений между субъектами образования. Организация школьного образования в форме совместной деятельности, сотрудничества, предполагающего умение вести собственное рассуждение с учетом суждения другого (сверстника, младшего или старшего), является необходимым условием становления позиции сначала в рамках учебного предмета и учебно-исследовательского проекта, затем в расширяющихся рамках социокультурного взаимодействия.

В целях развития единого образовательного пространства в Российской Федерации и совершенствования общероссийской системы оценки качества образования Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор) с октября 2014 г. приступила к реализации серии школьных исследований качества образования в РФ — НИКО (национальные исследования качества образования). По результатам исследований проводился анализ результатов по следующим направлениям:

- анализ характеристик групп участников с различным уровнем подготовки;
- анализ результатов выполнения заданий диагностической работы в сопоставлении с ответами участников исследования на вопросы анкеты;
- анализ результатов выполнения заданий диагностической работы в сопоставлении с контекстными данными об образовательной организации, собранными в процессе проведения исследования;
- анализ результатов выполнения заданий диагностической работы по проверяемым элементам.

В исследовании по русскому языку приняли участие от Республики Бурятия учащиеся трех образовательных организаций:

- МБОУ Аргадинская СОШ Курумканского района — 12 учащихся;
- МБОУ Гэгэтуйская СОШ Джидинского района — 9 учащихся;
- МАОУ СОШ № 21 «Байкальская перспектива» г. Улан-Удэ — 26 учащихся.

Наиболее проблемными зонами являются уровень практической грамотности, понимание текста. В таблице 1 приведена статистика по отметкам. Оцениваемые задания № 1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15. Максимальный первичный балл: 38.

Таблица 1

Статистика по отметкам

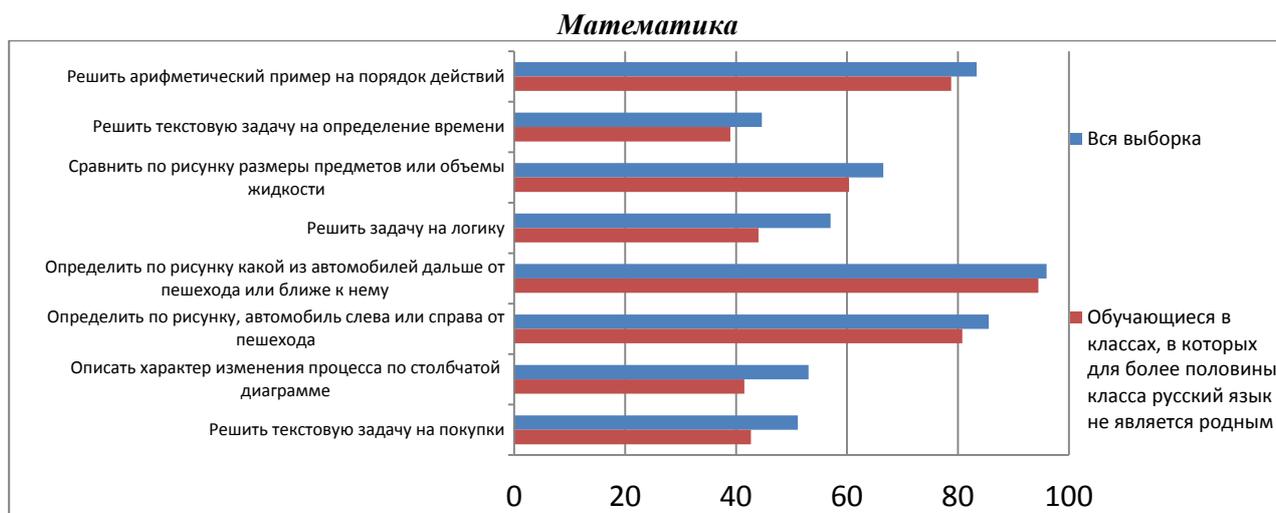
Регион	Кол-во учащихся	Распределение отметок в %			
		«2»	«3»	«4»	«5»
Вся выборка	20 498	7,4	28,4	51,5	12,7
Республика Бурятия	47	12,8	27,7	38,3	21,3

Данные гистограммы и таблицы 1 позволяют отметить, что наибольшее число участников исследования успешно выполнили простейшие задания на соотнесение слова и представленной на картинке реалии, на извлечение из текста информации, представленной в явном виде, а также на распознавание частей речи. Большинство участников также справились с расстановкой ударений в словах.

Однако при положительном выполнении заданий выявлено, что наибольшие затруднения вызвали задания, проверявшие умение формулировать основную мысль прочитанного текста и распознавать значение устойчивых выражений и адекватно использовать их в письменной речи.

В исследовании по математике приняли участие от Республики Бурятия учащиеся двух образовательных организаций:

- МАОУ СОШ № 60 социальной адаптации детей-инвалидов г. Улан-Удэ — 18 учащихся;
- МБОУ Нижнебургалтайская СОШ Джидинского района — 7 учащихся.

Наиболее проблемными зонами являются арифметические действия, умение внимательно прочесть условие и выполнить задание в точном соответствии с ним, умение рассуждать логически, способность проверить решение и ответ и исправить допущенные ошибки. В таблице 2 приведена статистика по отметкам. Оцениваемые задания № 1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13. Максимальный балл за задания базового уровня: 20. Максимальный первичный балл: 22.

Таблица 2

Статистика по отметкам

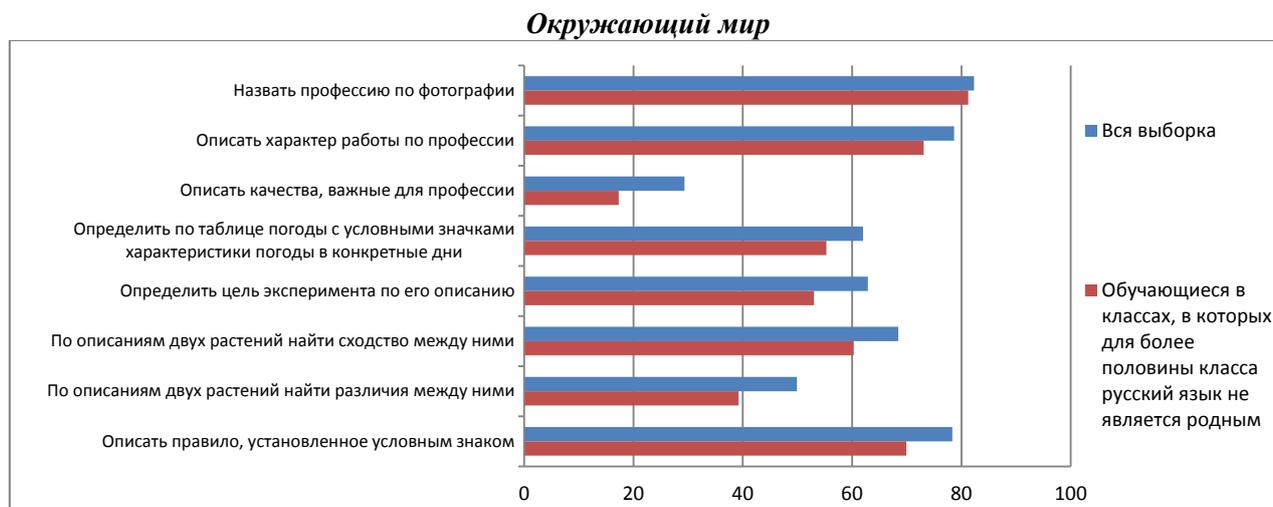
Регион	Кол-во учащихся	Распределение отметок в %			
		«2»	«3»	«4»	«5»
Вся выборка	20 291	3,7	36,5	51,3	8,5
Республика Бурятия	25	12	68	20	0

Анализ результатов исследования показал наличие ряда проблем в математической подготовке обучающихся, в том числе:

- низкий уровень сформированности навыков самоконтроля, включая навыки внимательного прочтения текста задания, сопоставления выполняемых действий с условием задания, предварительной оценки правильности полученного ответа и его проверки;
- слабое развитие навыков проведения логических рассуждений;
- недостаточное развитие у обучающихся важного с точки зрения дальнейшего обучения, а также использования в повседневной жизни умения решать практические задачи;
- крайне низкий уровень сформированности навыков геометрического конструирования, умения анализировать чертеж, видеть и использовать для выполнения задания все особенности фигуры. Необходимо отметить, что перечисленные навыки весьма важны для формирования пространственных представлений. Именно поэтому цели изучения геометрии в школьном курсе математики не должны сводиться к освоению определенного спектра стандартных формул и приобретению умения применить эти формулы в стандартных учебных ситуациях.

В исследовании по предмету «Окружающий мир» приняли участие от Республики Бурятия учащиеся четырех образовательных организаций:

- МБОУ Уринская СОШ Баргузинского района — 28 учащихся;
- МБОУ Мухоршибирская СОШ Мухоршибирского района — 33 учащихся;
- МБОУ Унэгэтайская СОШ Заиграевского района — 16 учащихся;
- МАОУ СОШ № 35 г.Улан-Удэ — 205 учащихся.

Наиболее проблемные зоны: работа с графической и визуальной информацией (таблицы прогноза погоды, карты, изображения животных, схематическое изображение человека), развитие логического мышления и коммуникативных умений (в частности, умения объяснять свой выбор, свое мнение). В таблице 3 приведена статистика по отметкам. Оцениваемые задания № 1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18. Максимальный первичный балл: 37.

Таблица 3

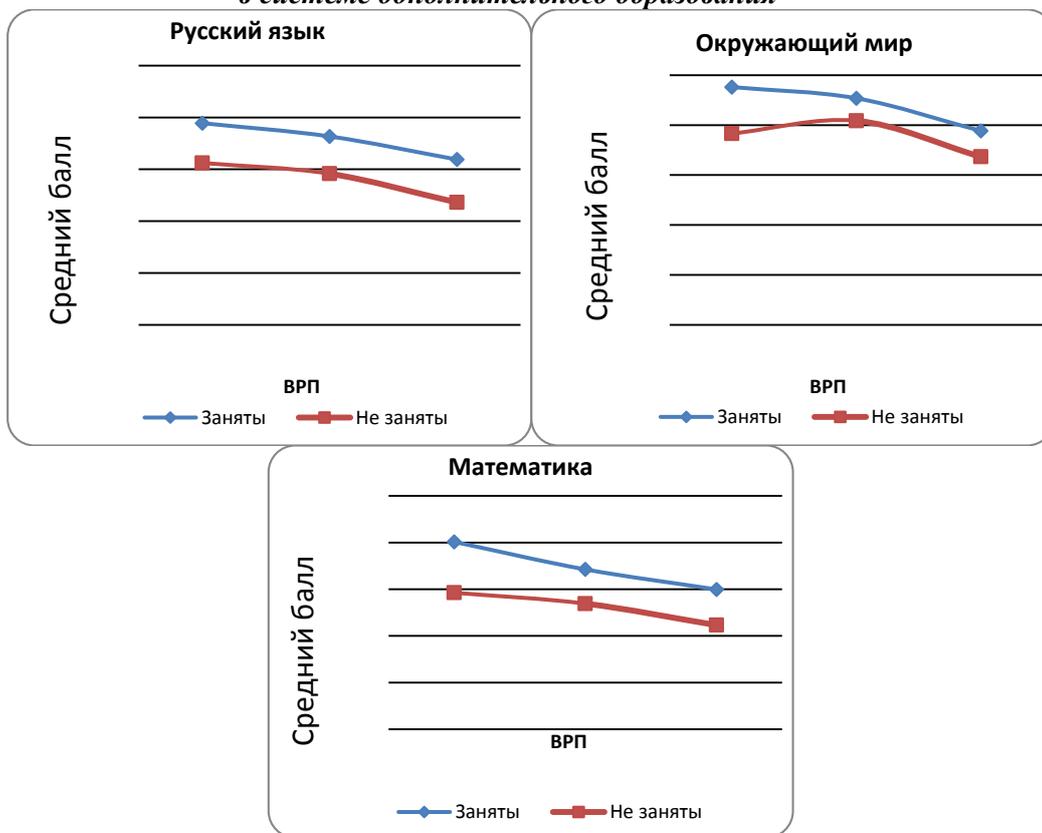
Статистика по отметкам

Регион	Кол-во учащихся	Распределение отметок, в %			
		«2»	«3»	«4»	«5»
Вся выборка	20 713	1,8	14,3	57	26,9
Республика Бурятия	282	2,1	23	59,2	15,6

Изучение результатов исследования позволило определить наличие ряда проблем в подготовке обучающихся по предмету «Окружающий мир»:

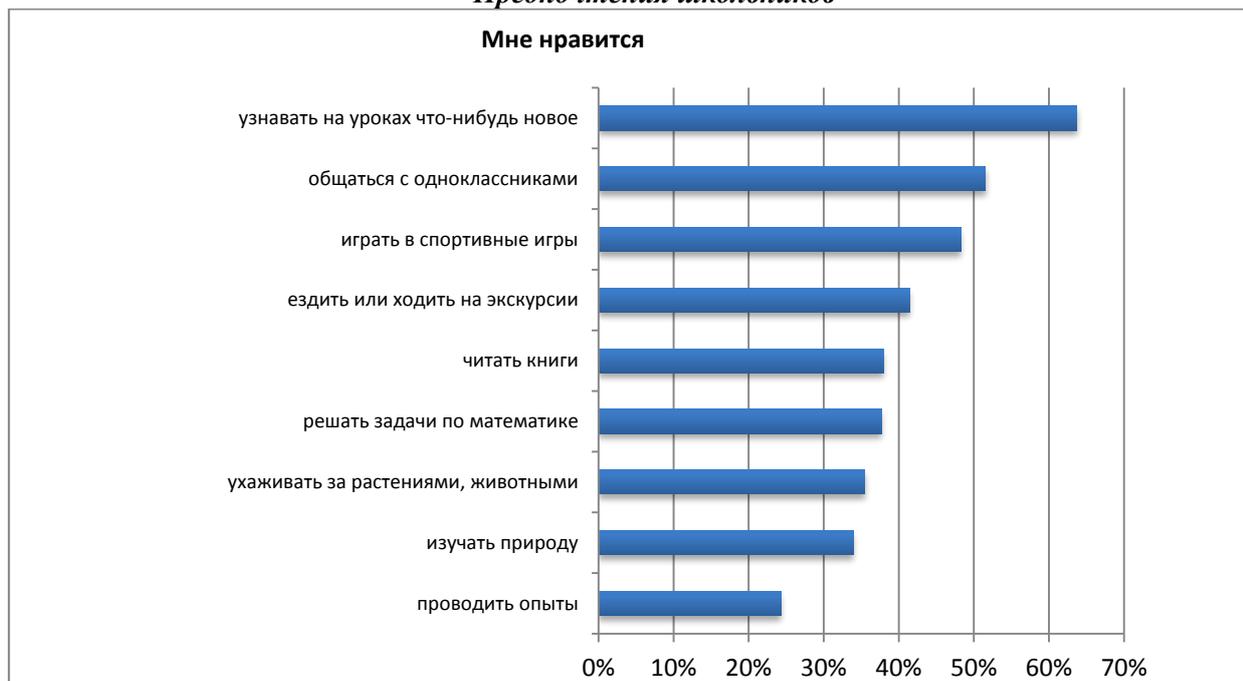
- слабую сформированность навыков самоконтроля, в том числе навыков внимательного прочтения текста задания, сопоставления выполняемых действий с условием задания, предварительной оценки правильности полученного ответа и его проверки;
- проблемы в формировании системообразующих понятий, развивающихся в дальнейшем при изучении естественно-научных предметов (биологии, географии, химии, физики);
- недостаточное развитие у обучающихся важных с точки зрения дальнейшего обучения, а также использования в повседневной жизни умений сравнивать и оценивать размеры объектов окружающего мира, решать практические задачи, требующие анализа ситуации и сравнения различных вариантов.

**Связь успехов в освоении учебных предметов с занятиями
в системе дополнительного образования**

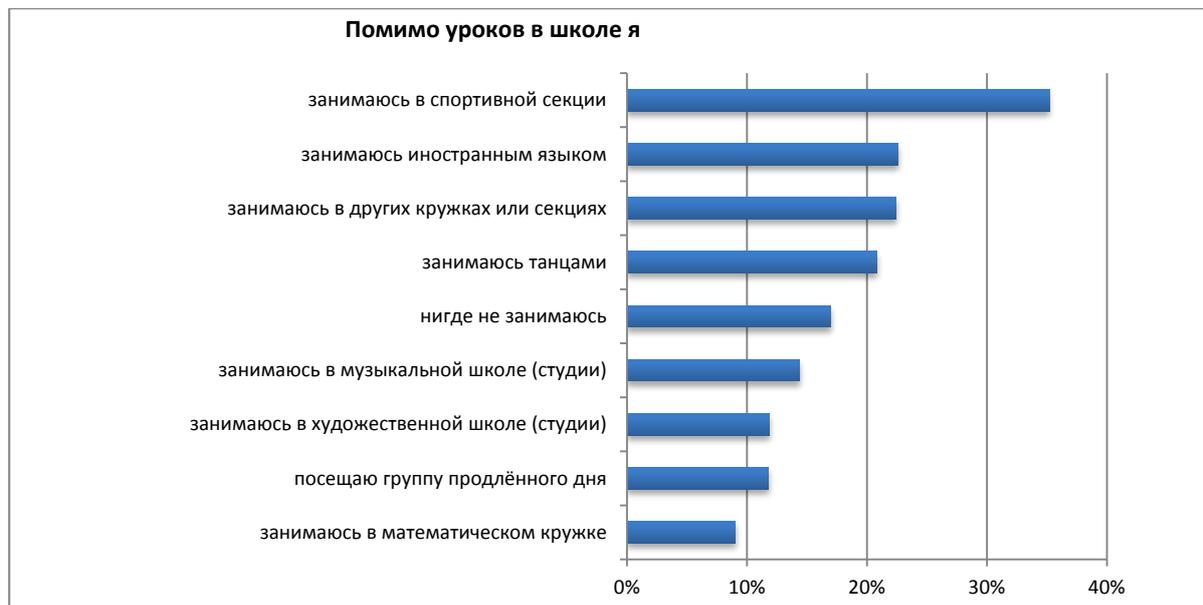
Школьники, занимающиеся в каких-либо секциях, кружках и т. п., написали работу лучше, чем те, кто нигде не занимается.

Предпочтения школьников

Больше всего школьники любят узнавать что-нибудь новое и общаться с одноклассниками.

Занятия в системе дополнительного образования

Самое распространенное занятие помимо школы — спортивная секция. Таким образом, при выполнении диагностических работ НИКО создавалось единство образовательного пространства. Выпускники начальной школы показали достаточно высокие результаты, свидетельствующие о том, что качество начального образования в Российской Федерации находится в целом на приемлемом уровне. С учетом состоявшегося перехода на ФГОС необходимо и дальше совершенствовать систему образования в соответствии с положениями ФГОС, осуществляя периодический мониторинг ее состояния на федеральном и региональном уровнях. Полученные результаты служат сигналом для организации учебного процесса в основной школе: важно ставить реалистичные и понятные школьнику и его родителям цели обучения, способствовать выстраиванию индивидуальных образовательных траекторий.

Литература

1. Аналитические материалы по результатам проведения Национального исследования качества начального общего образования в 4 классах по предметам: «Математика», «Русский язык», «Окружающий мир» М.: Изд-во МЦНМО, 2015. 187 с.
2. Новикова Л. И. Воспитание как педагогическая категория [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portalus.ru> (дата обращения: 11.12.2016).
3. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности М.: Школа-Пресс, 1995. 384 с.
4. Результаты контроля качества подготовки обучающихся в системе общего и профессионального образования Республики Бурятия / Г. С. Малунова [и др.] // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. Вып. 15. С. 42–54.
5. Приказ МОН РФ от 31 декабря 2015 г.
6. Результаты исследования качества образования в Республике Бурятия / Г. С. Малунова [и др.]. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2015. 91 с.
7. Государственная итоговая аттестация школьников: от тестов к экспертной оценке. Кн. 5. М.: Эврика, 2011. 258 с.
8. Проектирование и моделирование в школьном образовании. М., 2005. 144 с.
9. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1996. 211 с.
10. Национальные исследования качества образования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eduniko.ru> (дата обращения: 12.12.2016).
11. Шалаев И. К., Веряев А. А. От образовательных сред к образовательному пространству: понятие, формирование, свойства [Электронный ресурс]. URL: http://www.altspu.ru/Journal/pedagog/pedagog_4/articl_1.html (дата обращения: 12.12.2016).

EVALUATION PROCEDURES IN THE IMPLEMENTATION OF THE FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARD (FSES)

Galina S. Malunova

DSc in Pedagogic, Professor,
Buryat State University
24a, Smolin st., Ulan-Ude, 670000, Russia

The article discusses the importance of assessment tools in the implementation of the FSES and discloses scientific approaches to understanding the concepts of: *educational space, environment, event*. The evaluation system is designed to facilitate the definition of the unity of the entire education system, ensuring the continuity. The current control system of the education quality during the transition to the FSES becomes inefficient and requires a search for innovative approaches in the evaluation of student achievements at the level of personal and metasubject results. The standard states that the FSES ensures the unity of educational space. The article also addresses the scientific principles to the event approach. Event-oriented approach is most often understood in pedagogy as the technology of the organization and implementation of important events in the life of the collective and the individual. Event-oriented approach is characterized by a specific focus and local mode of the impact. Holistic is inherent for it because of the impact on the mind, emotional sphere and behavior of a personality.

All types of educational spaces and their forms are interdependent, so in terms of the organization of educational process, practices generate subject lines, and the subject lines saturate and enrich the practices, training session reflects the passed academic way, home work corrects and directs the further movement of the schoolchild in educational material. This article presents the results of a national study of the primary education quality which revealed problems and serve as a signal for teachers of the elementary school: it is important to set realistic and understandable for the student and his parents educational objectives, to contribute to the alignment of individual educational trajectories.

Keywords: evaluation system; educational space; unified educational space; event-oriented approach; environment; educational process: practices, workshops, self-study, the project activity; NEQS (national education quality studies); analysis of the results; recommendations.

УДК 37(092) (571.54)

Н. К. ЕЛАЕВ В ИСТОРИИ БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА — БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

© Елаев Эрдэни Николаевич

доктор биологических наук, профессор,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: elaev967@yandex.ru

Настоящая работа посвящена известному в Сибири ученому-педагогу, заслуженному учителю Российской Федерации и Республики Бурятия, заслуженному деятелю науки Республики Бурятия, ветерану Великой Отечественной войны, профессору Н. К. Елаеву. Особый акцент сделан на его вкладе в развитие историко-педагогических исследований и подготовку учителей школ и ученых в области истории и педагогики Бурятии. Н. К. Елаев является автором более 150 научных работ (в т. ч. 8 монографий, 7 учебников и 11 учебно-методических пособий) по теории и истории педагогики, методике обучения и воспитания, истории школы и просвещения, теории и практике вузовской и школьной педагогики, бурятской этнопедагогике, обобщению и распространению передового педагогического опыта. В работе приводятся воспоминания коллег, дана краткая характеристика отдельных его трудов, в т. ч. о российских и бурятских ученых-педагогах и просветителях. Каждая из работ Н. К. Елаева представляет собой уникальное историческое исследование, вносящее вклад в развитие историко-педагогической науки. Показано значение созданного им факультета повышения квалификации для подготовки кадров высшей квалификации в области образования и воспитания.

Ключевые слова: Бурятский государственный педагогический институт; Бурятский государственный университет; история; педагогика.

В этом году исполнилось бы 93 года профессору БГПИ–БГУ, заслуженному учителю РБ и РФ, заслуженному деятелю науки РБ, ветерану Великой Отечественной войны и педагогического труда Николаю Константиновичу Елаеву, которого уже четыре года нет с нами. Совсем недавно, в конце 2016 г., мы — родные и близкие — неожиданно для себя нашли перепечатанную работу Н. К. Елаева о выдающемся бурятском ученом-тибетологе П. А. (Жамсаране) Бадмаеве (Бурятия: календарь ..., 2016), которому он посвятил целый ряд своих работ [8]. Этот факт, а также учитывая, что Ю. П. Шагдуров был и остается учеником Н. К. Елаева, послужили основанием для написания данной статьи.

Судьба Николая Константиновича очень похожа на таковую многих других его сверстников, и в то же время она уникальна и неповторима, как у любого человека. Уроженец Иркутской области, он испытал и пережил время «раскулачивания», разлуку с родителями, невзгоды войны, тяжелое фронтное ранение, тяготы сельской жизни предвоенных и послевоенных лет и, конечно же, счастье семейной жизни, любовь сыновей и внуков.

Не став профессиональным художником, как мечтал до войны, комсомольским и партийным деятелем в послевоенные годы, он нашел свое призвание в педагогике и работе с молодежью. Именно здесь, воплощая в жизнь основные правила педагогики как науки, он реализовал себя как учитель истории в средней школе, стал преподавателем кафедры, затем заведующим кафедрой, деканом факультета Бурятского пединститута (ныне Бурятского госуниверситета), отдав только вузовской работе более 50 лет жизни. Как оказалось, его теоретические знания, жизненный опыт, а также опыт работы в школе и умение работать с людьми были востребованы в институте и университете. Никто не опишет лучше работу Н. К. Елаева на посту заведующего кафедрой, декана факультета, чем его коллеги. Вот что вспоминает о том времени его коллега, ныне доктор педагогических наук, профессор М. С. Васильева (2014): «С Николаем Константиновичем Елаевым, одним из замечательных организаторов, педагогов и наставников, представителем теперь уже легендарного поколения преподавателей, создававших историю, традиции и авторитет сегодняшнего Бурятского государственного университета, мы познакомились в 1989 г., когда он принял меня на работу старшим преподавателем кафедры научных основ управления школой факультета повышения профессиональной квалификации работников образования (ФППК) (сегодня это Институт непрерывного образования БГУ).

Организаторские задатки Николая Константиновича ярко раскрылись при создании факультета повышения профессиональной квалификации работников образования в Бурятском государ-

ственном педагогическом институте им. Д. Банзарова. Факультет был создан в 1988 г. специальным приказом Министерства просвещения России для повышения квалификации директоров и заместителей директоров образовательных учреждений республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва, Забайкальского края и Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской области. В год на двухмесячных курсах повышения квалификации этого факультета проходило обучение четыре потока по 80–90 чел., всего за год 320–340 слушателей.

Наши слушатели отмечали, что определяющим принципом его преподавательской методики было сознательное стремление выявить, укрепить и развить их индивидуальное, творческое начало. Он не «давил» на директоров и их заместителей своими богатыми теоретическими и практическими знаниями, авторитетом, не вменял им в обязанность свое восприятие педагогического мира, свое видение педагогических проблем и способов их решения. Слушатели отмечали его взыскательность к своим занятиям, стремление дифференцировать материал по содержанию, по методам подачи в зависимости от их специальности, квалификации, практического опыта, возраста, что свидетельствует о понимании своей миссии, требовательности к своей работе и уважении к ним. Эти наблюдения и впечатления слушателей заставляли и нас постоянно пересматривать, обновлять содержание своих лекций, вопросы и задания семинарских и практических занятий.

В нашей памяти на долгие годы сохранился прекрасный образ Николая Константиновича — высокого, стройного, всегда подтянутого, корректного, требовательного, умеющего понять настроенные коллеги, подбодрить, поддержать...».

И это только один штрих к его портрету учителя и наставника. О нем тепло отзывались и отзываются до сих пор учителя и выпускники Оронгойской средней школы, отмечая, что он «*был поистине народным учителем ...*» (Будаева и др., 2014), ветераны БГПИ–БГУ, кто проработал и знал его многие годы: Е. Е. Тармаханов, И. И. Осинский, С. В. Евдокимова, Л. К. Бардонова, Н. Ж. Дагбаева, И. А. Маланов и др. [13].

Николай Константинович написал более 150 научных работ, в т. ч. 8 монографий, 7 учебников и 11 учебно-методических пособий и 4 книги о ратных подвигах сотрудников БГПИ–БГУ — участников Великой Отечественной войны. Анализируя оставленное научное наследие Н. К. Елаева, обращает на себя внимание, конечно же, приоритетная направленность его трудов — теория и история педагогики, методика обучения и воспитания, история школы и просвещения, теория и практика вузовской и школьной педагогики, бурятская этнопедагогика, обобщение и распространение передового педагогического опыта. Его труды отличают новаторский подход к исследованию, о чем свидетельствуют названия основных работ: «Профессиональный интерес школьника» (1974), «Бурятская школа: история, опыт и проблемы национализации» (1994), «Историко-педагогическая наука Бурятии» (1998), «Философия и история образования» (2001), «Центр научно-педагогической мысли Бурятии» (2002), «Кем и каким быть. Профессиональное самоопределение школьников в условиях рыночных отношений» (2004), «Бурятия на путях к новой школе (избранные труды)» (2005) и другие.

Заведующий кафедрой педагогики, где многие годы работал Н. К. Елаев, доктор педагогических наук, профессор И. А. Маланов в газете «Бурятия» (2004) так характеризует работы последних лет: «... Николай Константинович всю свою жизнь посвятил педагогической работе. Общий трудовой стаж Николая Константиновича составляет более 65 лет, непрерывный научно-педагогический стаж — более 55 лет. За годы работы в вузе он проявил себя высококвалифицированным и творчески работающим специалистом и ученым с широким диапазоном научных интересов. Он всегда был принципиальным, требовательным к себе и студентам, но вместе с тем он всегда внимательно, с особой добротой относился к молодежи, товарищам и коллегам по работе.

Последние годы Н. К. Елаев активно работал над актуальной проблемой возрождения и развития бурятской национальной школы. Его монография «Бурятская школа. История, опыт и проблемы национализации» (1994) — один из первых шагов к изучению проблемы национализации школы, где он предлагает свое видение данной проблемы. Серьезным вкладом в изучение истории развития бурятской педагогики являлась его монография «Историко-педагогическая наука Бурятии» (1998). По просьбе администрации Усть-Ордынского Бурятского автономного округа им была разработана «Перспективная программа формирования национально-региональной системы образования в округе». Он возглавил творческую группу ученых и совместно издал в 1993–1994 гг. для бурятских школ округа учебные пособия для учителей и учащихся: «Очерки по истории Бурятии» (Ч. 1, 2),

«Усть-Ордынский Бурятский автономный округ в истории Республики Бурятия», «Буряад хэлэн», «Усть-Ордагай уг».

Н. К. Елаев постоянно занимался проблемами вузовской педагогики. Он автор таких работ, как «Приобщение к исследованию», «Некоторые вопросы организации свободного времени студента», «Организация самостоятельной работы студента» и др. В связи с открытием Бурятского государственного университета одна из последних крупных работ ученого «Философия и история образования» (1996. Ч. 1; 1998. Ч. 2) — фактически первое учебное пособие для преподавателей и студентов по новой учебной дисциплине. Этим учебником сейчас пользуются студенты и преподаватели других вузов, в частности Иркутска и Читы. В 2002 г. написаны две монографии: «Центр научно-педагогической мысли Бурятии» и «На пути к системе непрерывного педагогического образования в Бурятии».

С созданием университета подготовка учительских кадров для республики как бы отошла на второй план, что, несомненно, встревожило в свое время Николая Константиновича, свидетельством чего является целый цикл статей, в которых на фоне возрождения национальной школы, развития бурятского языка высказывается беспокойство по поводу состояния школьного образования и отсутствия целенаправленной подготовки учителей школ в университете [8]: «Не выплеснуть бы с водой ребенка (О тревожной ситуации в подготовке учителей в Бурятском государственном университете)» (2002), «Подготовка учительских кадров в условиях Бурятского государственного университета» (2002), «Возродить Бурятский ордена «Знак Почета» педагогический институт им. Д. Банзарова» (2006) и др. И понятны его чувства и настроение, когда при университете на базе Института педагогического образования и факультета начального образования был создан в 2006 г. Педагогический институт (директор — доктор педагогических наук, профессор, коллега Н. К. Елаева по кафедре педагогики Н. Ж. Дагбаева).

На мой взгляд, особого внимания также заслуживают работы Н. К. Елаева, посвященные выдающимся ученым и просветителям Бурятии и России, — П. А. (Жамсарану) Бадмаеву (1948, 2003, 2004), Э.-Д. Ринчино (1983, 1998), декабристам Бурятии (1985), первым бурятским студентам, включая Д. Банзарова, Н. М. Богданова и др. (1996, 2001), российским и бурятским педагогам — К. Д. Ушинскому (1974), М. И. Калинину (1976), И. Н. Ульянову (1981), М. А. Ульяновой (1985), Н. П. Егунову (2001, 2002), А. А. Дуринову (2002), П. Р. Атутову (2003) [8]. Я только сейчас осознаю, сколько труда и времени понадобилось, чтобы по крупицам собрать архивные и литературные сведения об ученых, переработать и опубликовать отдельные статьи, каждая из которых представляет собой маленькое, но весьма важное историческое исследование.

Николай Константинович как преподаватель, парторг ряда факультетов БГПИ и председатель Совета ветеранов БГПИ–БГУ был связан со многими факультетами — историко-филологическим (в то время деканы С. Ж. Балданов, В. М. Пыкин, Ю. П. Шагдуров), биолого-химическим (С. Ц. Цыреторов, Л. К. Бардонова, В. Н. Хертуев), физико-математическим (В. В. Кибирев, В. М. Сандаков), факультетом начальных классов (С. Д. Никорова, В. А. Барьядаева, Г. С. Ошорова, Н. Б. Дондобон), индустриально-педагогическим (Г. Н. Назаров, С. Д. Намсараев, Ю. П. Атутов), факультетом физического воспитания (Б. Д. Санданов, С. В. Калмыков, А. Е. Павлов, В. М. Цинкер), часть которых с образованием БГУ преобразовалась в институты либо была переименована. Коллеги, с которыми Н. К. Елаева связала жизнь в университете, и многие поколения выпускников, в т. ч. кандидаты и доктора наук, работавшие и работающие в сфере образования и науки, с теплотой и благодарностью вспоминают о Николае Константиновиче Елаеве.

Литература

1. Будаева В. В. Оронгойская средняя школа: был поистине народным учителем ... (воспоминания коллег и учеников) // Слово об учителе и ученом: к 90-летию заслуженного учителя Российской Федерации и Республики Бурятия, заслуженного деятеля науки Республики Бурятия, профессора Н. К. Елаева / отв. ред. А. А. Елаев; сост. Э. Н. Елаев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. С. 14–18.
2. Бурятия: календарь знаменательных и памятных дат на 2017 г.: библиогр. указ. краевед. лит. / сост. З. Б. Жигмитова, Л. Ш. Чимитдоржиева. Улан-Удэ, 2016. С. 277–280.
3. Васильева М. С. Н. К. Елаев — педагог, наставник, организатор // Слово об учителе и ученом: к 90-летию заслуженного учителя Российской Федерации и Республики Бурятия, заслуженного деятеля науки Республики Бурятия, профессора Н. К. Елаева / отв. ред. А. А. Елаев; сост. Э. Н. Елаев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. С. 33–36.
4. Династия учителей Елаевых / З. Степанова // Традиция. 2015. № 23(409).

5. Елаев Николай Константинович (Общеуниверситетские кафедры) // Доктора наук и профессора БГПИ–БГУ (1932–2012) / науч. ред. С. В. Калмыков. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. С. 379–380.
6. Маланов И. А. Учитель, Профессор, Патриот // Слово об учителе и ученом: к 90-летию заслуженного учителя Российской Федерации и Республики Бурятия, заслуженного деятеля науки Республики Бурятия, профессора Н. К. Елаева / отв. ред. А. А. Елаев; сост. Э. Н. Елаев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. С. 39–44.
7. Мы из Тувы. Очерки / М. А. Хадаханэ. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 2009. 104 с.
8. На ниве просвещения и науки: библиограф. указатель заслуженного учителя Российской Федерации и Республики Бурятия, заслуженного деятеля науки Республики Бурятия, профессора Н. К. Елаева / кафедра педагогики БГУ. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. 16 с.
9. Отец, Отечество, Родина ... С благодарностью от сына Героя // Информ Полиц. 2016. № 18(1231).
10. Поле боя испытаны. Фронтовые эпизоды / сост. И. М. Дынин, И. А. Скородумов. М.: Воениздат, 1981. 240 с.
11. Родом из войны: о самом страшном из первых уст // Традиция. 2016. № 17(453).
12. Сеять разумное и доброе. Династия Елаевых и Дагуровых-Донгидон // Учитель, именем твоим... Лучшие педагоги Бурятии. Улан-Удэ: ИП Штант В. А., 2011. Т. 2. С. 6.
13. Слово об учителе и ученом: к 90-летию заслуженного учителя Российской Федерации и Республики Бурятия, заслуженного деятеля науки Республики Бурятия, профессора Н. К. Елаева / отв. ред. А. А. Елаев; сост. Э. Н. Елаев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. 93 с.

N. K. YELAYEV IN THE HISTORY OF THE BURYAT STATE PEDAGOGICAL INSTITUTE — BURYAT STATE UNIVERSITY

Erdeni N. Yelayev

DSc in Biology, Professor,

Buryat State University

24a, Smolin str., Ulan-Ude, 670000, Russia

The article to well-known in Siberia scientist-teacher, the merited teacher of the Russian Federation and the Republic of Buryatia, the merited worker of science of the Republic of Buryatia, the Veteran of the Great Patriotic war, Professor N. K. Yelayev is devoted. The special accent on important in the development of historical-pedagogical research and teacher training schools and scientists in the field of history and pedagogy of Buryatia to make. N. K. Yelayev is the author of over 150 scientific works, incl. 8 monographs, 7 books and 11 methodical study guides in the field of theory and history of pedagogy, methodology of teaching and education, history of schools and education, theory and practice University and school pedagogy, buryat etnopedagogy, summarize and disseminate best teaching practices. The article presents the memories of colleagues, brief characteristics of individual works, incl. Russian and Buryat scientists-teachers and educators. Each of the works of N. K. Yelayev is a unique historical research, contributing to the development of historical and pedagogical science. The value created faculty training in the training of highly qualified personnel in the field of education to shows.

Keywords: Buryat State Pedagogical Institute; Buryat State University; history; pedagogy.

УДК 930:377(571.5)

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВОСТОЧНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ В 1940–1991 гг.: ИСТОРИОГРАФИЯ И ПРОБЛЕМАТИКА ВОПРОСА

© **Ряженова Виктория Сергеевна**

специалист по учебно-методической работе,
Забайкальский государственный университет
Россия, 672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30
E-mail: rektorat@zabgu.ru

В статье на основе опубликованных материалов предпринята попытка осветить развитие профессионально-технического образования в Восточном Забайкалье с момента появления системы государственных трудовых резервов (1940 г.) до распада Советского Союза (1991 г.), за которым последовала структурная перестройка системы профессионально-технического образования в соответствии с переходом к рыночным отношениям. Проблемы подготовки квалифицированных рабочих и специалистов в специфических условиях Восточного Забайкалья впервые исследуются комплексно. Автор выделяет основные работы и публикации, определяющие развитие в регионе системы профессионально-технического образования в этот период. В статье освещаются особенности изучения проблемы, основные направления исследования системы профессионально-технического образования в указанный период, а также рассмотрены основные выводы исследователей.

Ключевые слова: профессионально-техническое образование; Восточное Забайкалье; публикации; направления исследования; система государственных трудовых резервов; профессионально-технические училища; школы фабрично-заводского обучения; техникумы; рабочие кадры.

Вопрос подготовки рабочих кадров в системе профессионально-технического образования, а также накопленный в этой области опыт давно привлекали внимание исследователей. Довольно большое количество работ посвящено проблеме развития профессионально-технического образования в Российской Федерации, где охватываются разные регионы (написаны на материалах отдельных республик и регионов).

В данном историографическом обзоре мы рассмотрим проблему в региональном аспекте, в частности, учитывая исследования Восточного Забайкалья.

История профессионально-технического образования Восточного Забайкалья, в отличие от дореволюционного периода, практически не изучалась, за исключением нескольких статей, где далеко не полностью освещается данная проблема. Характеризуя деятельность профессионально-технических учебных заведений региона в 1940-х гг., отметим статьи Т. А. Константиновой, О. Е. Акантьева и В. В. Щекуриной, а также Г. А. Докучаева, где данной проблеме посвящен незначительный раздел.

Так, Т. А. Константинова в статье «Из истории народного образования Читинской области в 1937–1945 гг.» [1], характеризуя народное образование области в предвоенный и военный периоды, не забывает упомянуть о системе подготовки квалифицированных рабочих в школах ФЗО и профессиональных училищах (например, железнодорожное училище в г. Чите), а также средне-специальных учебных заведениях, таких как Читинский горный и железнодорожный техникумы.

В работе О. Е. Акантьева и В. В. Щекуриной «Читинская школа военных техников» [2] отражены этапы развития Читинского железнодорожного техникума (Школы военных техников) на протяжении военных лет, материалы о судьбах людей, которые были курсантами в это не легкое для страны время, а также показана роль профессии в дальнейшей жизни этих людей.

В свою очередь Г. А. Докучаев в работе «Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны» [3], характеризуя подготовку квалифицированных кадров Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны, рассматривает развитие профессионального образования Восточной Сибири, приводит сводные данные о численности сети школ и училищ трудовых резервов Читинской области.

Развитию профессионально-технических учебных заведений в послевоенное время посвящены работы О. А. Черных, И. М. Савицкого, В. И. Чипизубова и Е. В. Карпова.

Вопросы подготовки квалифицированных кадров рабочих отражены в статье «Укрепление материально-технической базы училищ и школ ФЗО Восточной Сибири» О. А. Черных [4], где дается представление об их деятельности в послевоенное время. В работе характеризуется состояние мате-

риально-технической базы учебных заведений трудовых резервов Читинской области. Автор приходит к выводу, что база оказалась слабой, а предпринятые меры из-за недостаточного уровня развития промышленности и организаторской работы в учебных заведениях области не способствовали ее укреплению.

Работа И. М. Савицкого «Из опыта подготовки индустриальных кадров в Читинской области» [5] посвящена совершенствованию подготовки кадров в послевоенное время. В статье особое внимание уделяется учебным заведениям государственных трудовых резервов, которые занимали важное место в системе подготовки квалифицированных кадров для промышленности.

Характеризуя обширную сеть народного образования Читинской области после окончания войны, обеспечивавшую широким массам трудящихся общедоступность всех форм обучения, В. И. Чипизубов и Е. В. Карпов [6] обращают внимание на высокие темпы подготовки специалистов в ССУЗах области. Однако, как отмечают авторы, несмотря на такие высокие темпы, по показателю студентов ССУЗов Читинская область уступала среднереспубликанским показателям.

Исследования профессионального образования в 1960–1980-х гг. значительно расширились. Среди авторов, характеризующих состояние образования в этот период, можно выделить Ю. Э. Аршинского, Г. А. Баркина и Л. Ф. Берсенева, Н. Г. Дубинина, Л. К. Корецкую, Т. М. Королеву.

В статье Ю. Э. Аршинского «Профессионально-техническая школа Читинской области в условиях реформы (1984–1986 гг.)» [7] отражены успехи и трудности проведения реформы профессионально-технического образования в начале 1980-х гг.

Т. М. Королева в работе «Трудоустройство молодежи как один из важных аспектов государственной молодежной политики в 1960–1980-е гг. (на примере Восточной Сибири)» [8] анализирует положительные и отрицательные аспекты профессиональной подготовки и трудоустройства молодых специалистов Читинской области. Более того, в работе освещается процесс постепенного преобразования учебных заведений профтехобразования в училища с 3–4-летним сроком обучения для подготовки квалифицированных рабочих кадров со средним образованием.

В трудах Г. А. Баркина и Л. Ф. Берсенева, Н. Г. Дубинина, Л. К. Корецкой [9; 10; 11] рассматриваются процесс подготовки молодежи к производительной деятельности и развитие системы профтехобразования, а также авторами приводятся многочисленные статистические данные, касающиеся количества учебных заведений, их профилей и численности обучающихся.

Также стоит отметить диссертационные исследования Ю. Э. Аршинского, П. К. Карманова, А. К. Бардамовой и В. А. Бутухеева.

В работе Ю. Э. Аршинского «Партийное руководство подготовкой рабочих кадров в Забайкалье в системе профессионально-технического образования в 1970-е гг.» (1985) отражена многогранная деятельность партийных организаций Бурятской АССР и Читинской области в сфере профессионально-технического образования в 1970-е гг. [12]. Вместе с тем нужно отметить, что в данном регионе недостаточно рассмотрен этот вопрос.

Научное исследование П. К. Карманова «Профессионально-техническое образование в Восточной Сибири (1940–2000 гг.)» (2004) в целом посвящено истории становления и развития профтехобразования в Восточной Сибири, в частности, приводятся данные по Читинской области [13]. Автор анализирует организацию профессионально-технического образования молодежи в Восточной Сибири накануне Великой Отечественной войны, обращает внимание на учебно-материальную базу, теоретическое и производственное обучение, инженерно-педагогические кадры профессионально-технических учебных заведений в послевоенный период.

А. К. Бардамова в работе «Становление и развитие системы профессионально-технического образования в Забайкалье: 1724–1958 гг.» (2006) рассматривает деятельность профессионально-технических учебных заведений для подготовки квалифицированных рабочих кадров преимущественно на территории Республики Бурятия, также приводятся сведения об учебных заведениях Восточного Забайкалья [14].

Кроме того, следует выделить диссертационное исследование В. А. Бутухеева «Индустриальное развитие Забайкалья: 1960–1991 гг.» (2008), в котором на основании многочисленных источников автором помимо основных направлений, тенденций и особенностей промышленного развития региона исследованы подготовка и использование индустриальных кадров Забайкалья, объединяющего Республику Бурятию и Читинскую область, в 1960–1991 гг. [15]. Вопросы подготовки кадров в отдельных учебных заведениях отражены в таких юбилейных изданиях, как «Профессиональное учи-

лице № 3 им. Героя Советского Союза В. Г. Кочнева (к 75-летию со дня образования)», «Воспоминания о техникуме... 100-летию посвящается», «Подземные коридоры» [16; 17; 18].

Отметим, что это были сборники материалов, содержащие исторические сведения о создании, реорганизации и развитии образовательных учреждений, а также о структуре их управления и состоянии дел по направлениям деятельности — учебной, методической, воспитательной и финансово-хозяйственной.

Таким образом, основные исследования касались развития профессионально-технического образования в Восточном Забайкалье в советский и постсоветский период. Проведенный анализ имеющейся научной исторической литературы показал отсутствие специальной работы, в которой рассматривалась бы история развития профессионально-технического образования региона в указанный период.

Литература

1. Константинова Т. А. Из истории народного образования Читинской области в 1937–1945 гг. // Великая победа армии и народа. 1941-1945 гг.: сб. науч. ст. Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2005. С. 156–167.
2. Акантьев О. Е., Щекурин В. В. Читинская школа военных техников // Вклад образовательных учреждений Забайкалья в Великую Победу: материалы регион. науч.-практ. конф. (7 апреля, 2015 г. Чита). Чита: ИРО Забайкальского края, 2015. Ч. 2. С. 95–97.
3. Докучаев Г. А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1973. 424 с.
4. Черных О. А. Укрепление материально-технической базы училищ и школ ФЗО (1946–1950 гг.) // Очерки истории Сибири. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1971. Вып. 2. С. 140–148.
5. Савицкий И. М. Из опыта подготовки промышленных кадров в Читинской области // Экономическое и социальное развитие Забайкалья: тез. докл. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию образования Читинской области. Чита: Читинское кн. изд-во, 1987. С. 47–49.
6. Чипизубов В. И., Карпов Е. В. Изменение в уровне и структуре образования Читинской области за послевоенный период // Экономическое и социальное развитие Забайкалья. Чита, 1987. С. 45–47.
7. Аршинский Ю. Э. Профессионально-техническая школа Читинской области в условиях реформы (1984–1986 гг.) // Экономическое и социальное развитие Забайкалья. Чита, 1987. С. 134–136.
8. Королева Т. М. Трудоустройство молодежи как один из важных аспектов государственной молодежной политики в 1960–1980-е гг. (на примере Восточной Сибири) // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4–2(76). С. 136–142.
9. Баркин Г. А., Берсенев Л. Ф. Некоторые вопросы просвещения в Забайкалье за годы Советской власти // Записки Забайкальского филиала Географического общества СССР. Проблемы краеведения: материалы IV Забайкал. краевед. конф. Чита: Изд-во Забайк. филиала Географического общества СССР, 1985. Вып. 4. С. 10–13.
10. Дубинин Н. Г. Развитие просвещения и высшей школы в Забайкалье // Экономическое и социальное развитие Забайкалья. Чита, 1987. С. 129–131.
11. Корецкая Л. К. Подготовка рабочих в системе профтехобразования // Записки Забайкальского филиала Географического общества СССР. Выпуск СХVIII. Природа и хозяйство Читинской области. Чита: Изд-во Забайк. филиала Географического общества СССР, 1985. С. 89–90.
12. Аршинский Ю. Э. Партийное руководство подготовкой рабочих кадров в Забайкалье в системе профессионально-технического образования в 1970-е гг.: автореф. дис... канд. ист. наук. Новосибирск, 1985. 20 с.
13. Карманов П. К. Профессионально-техническое образование в Восточной Сибири (1940–2000 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Красноярск, 2004. 47 с.
14. Бардамова А. К. Становление и развитие системы профессионально-технического образования в Забайкалье: 1724–1958 гг.: автореф. дис... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2006. 46 с.
15. Бутухеев В. А. Индустриальное развитие Забайкалья: 1960–1991 гг.: автореф. дис... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2008. 26 с.
16. Часнык Ф. З. Профессиональное училище № 3 им. Героя Советского Союза В. Г. Кочнева (к 75-летию со дня образования). Чита: Забтранс, 1997. 167 с.
17. Воспоминания о техникуме... 100-летию посвящается / под ред. А. С. Васильева. Чита, 2002. 52 с.
18. Сергеев И. А. Подземные коридоры. Чита: Читинская областная типография, 2007. 120 с.

**THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL EDUCATION AT EASTERN
TRANSBAIKALYE IN 1940–1991 YEARS: HISTORIOGRAPHY AND PROBLEMS QUESTION**

Victoria S. Ryazhenova

Teaching and Learning Specialist,

Transbaikal State University

30, Alexandro-Slobodskaya st., Chita, 672036, Russia

In article, on the basis of publish materials, analyzed the history study of stade is development professional and technical education of the Eastern Transbaikalye since the advent of system of state labour reserves (1940 year) and before decay the USSR (1991 year), behind which followed structural rearrangement of system professional and technical education in conformity with transition by market relations. The problems of qualified worker of the specialists in specific conditions of the Eastern Transbaikalye for the first time investigates complex. The author marks out the basic works and the publications determining the development of system of professional and technical education in this period in the region. The article features of study of a problem, basic thematic directions of research of system of professional and technical education, and also revealed the basic conclusions of the scientists are considered.

Keywords: professional and technical education; Eastern Transbaikalye; publication; directions of research; system of state labour reserves; technical training college; apprentice school; college; working personnel.

УДК 377

ПОВЫШЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВЫПУСКНИКА СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

© Киреев Виктор Юрьевич

директор,

Республиканский межотраслевой техникум

Россия, 671332, Республика Бурятия, Заиграевский район, с. Новоильинск, ул. Ленина, 23

E-mail: kishiht50@mail.ru

В данной статье раскрываются проблемы молодежи и повышение качества среднего профессионального образования. Анализируются социальные и экономические изменения в обществе. Актуализируются требования к подготовке специалистов. Совершенствуется взаимодействие с социальными партнерами и работодателями. Предлагаются опыт изучения вызовов и своевременная разработка стратегических направлений организации образовательного процесса в Новоильинском техникуме. Внедряются формы взаимодействия с потенциальными работодателями. Ставятся реальные задачи для подготовки профессиональных специалистов, востребованных на современном рынке труда, и повышения квалификации преподавателей и мастеров с учетом введения ФГОС.

Ключевые слова: трудовая занятость; нестабильное экономическое положение; безработица среди молодежи; рынок образования; подготовка профессиональных специалистов; конкурентоспособность; социальное партнерство.

В современных условиях проблемы трудовой занятости в России коснулись всех социально-профессиональных и возрастных групп населения. Но наиболее уязвимой оказалась молодежь, особенно та ее часть, которая, завершив учебу, готова приступить к трудовой деятельности.

Нестабильное экономическое положение большинства предприятий страны приводит к значительному снижению числа вакансий, предоставляемых работодателями, и, как следствие, к сокращению возможности трудоустройства населения.

Невостребованность полученных молодыми выпускниками профессий (специальностей), отсутствие опыта, психологическая неготовность к самостоятельным действиям зачастую превращают трудоустройство в серьезную проблему. Масштабы молодежной безработицы значительны — каждый третий в возрасте до 30 лет зарегистрирован в государственной службе занятости.

Присущий молодежи оптимизм сменяется тревогой, отчаянием или даже возмущением у молодых людей, что вызывает социальную нестабильность в обществе.

Положение и проблемы отдельных категорий молодежи на рынке труда различаются в зависимости от этих групп. Прежде всего выделяется подростковая группа (молодежь до 18 лет), большая часть которой успевает получить общее образование. Проблемы вовлечения их в трудовую деятельность связаны с отсутствием социальной зрелости, профессионального образования.

Молодежь в возрасте 18–24 лет — это студенты и молодые люди, завершающие или завершившие в основном профессиональную подготовку. Они являются самой уязвимой группой, вступающей на рынок труда, и в самой многочисленной. Они в основной массе неконкурентоспособны, так как не имеют достаточного профессионального опыта.

Третья молодежная группа (25–29 лет) состоит из молодых людей, имеющих определенную квалификацию, некоторый жизненный и профессиональный опыт. Чаще всего уже имея семью, они предъявляют достаточно высокие требования к предлагаемой работе, в силу чего эта группа преобладает среди безработной молодежи.

Отказ государства от гарантированного трудоустройства выпускников и продолжающийся их выпуск в условиях деформации спроса на специалистов требуют более пристального внимания к судьбам людей, получивших образование.

С одной стороны, государство продолжает вкладывать значительные средства в подготовку специалистов и при этом несет значительный экономический ущерб от нетрудоустроенных по специальности выпускников. С другой — молодой человек, не нашедший своего места в жизни, разочарованный в полученной специальности, столкнувшийся с невозможностью реализации полученных знаний, может вести себя непредсказуемо на рынке труда. Здесь возможны как конструктивные, так и неконструктивные варианты поведения.

Неоправданно большое число специалистов работает не по специальности, часто на рабочих должностях. В целом по РФ, несмотря на некоторое уменьшение уровня общей безработицы в последние годы, острота проблемы занятости молодежи, в том числе и выпускников средних профессиональных учебных заведений, не снижается.

Рынок образования (образовательных услуг) рассматривается большинством специалистов как «совокупность экономических отношений, возникающих между учебными заведениями и учащимися при формировании у последних человеческого капитала». Насколько эффективно действует рынок образования, откликаясь на потребности рынка труда, настолько эффективно будут функционировать сам рынок труда и общество в целом. Рынок образования предполагает наличие единого образовательного пространства, где действуют разнообразные субъекты, формирующие способности работника к труду. В качестве продавцов здесь выступают различные профессиональные учебные заведения, в качестве покупателей — учащиеся, желающие получить определенную профессию, специальность. Процесс купли-продажи осуществляется в специфической форме, так как объектом купли-продажи выступает особый интеллектуальный продукт, воплощающий в себе знания, умения и навыки.

Рынок образования взаимодействует и с рынком профессий, и с рынком труда, поставляя готовый «продукт» ПУЗ — выпускника. Невостребованность этого продукта, его низкая конкурентоспособность наносят серьезный ущерб имиджу профессионального учреждения, снижают его шансы выживания в рыночных условиях. Понимая, что социально-экономические изменения в России связаны с преобразованиями в сфере наукоемких технологий и требуют повышения ответственности образовательных организаций за качество профессиональной подготовки компетентных специалистов для современного изменяющегося рынка труда, наш коллектив выделил основные противоречия между:

- преобразованиями в содержании профессионального труда, развитием наукоемких технологий и недостаточной ориентированностью профессионального образования на развитие творческого потенциала студентов как условия обеспечения их готовности соответствовать новым требованиям производства;
- потребностью в проблемном обучении для творческого развития студентов и доминированием репродуктивного подхода к обучению;
- стремлением студентов к развитию творческих способностей и низким уровнем профессиональной компетентности преподавателей в деятельности по развитию творческого потенциала;
- необходимостью мотивации студентов на достижение успеха и адаптивной направленностью обучения на избегание неудач.

Данные противоречия позволили обозначить проблему: каковы условия повышения качества профессионального образования в среднем профессиональном учебном заведении, обеспечивающие конкурентоспособность выпускников, будущих специалистов, отвечающих требованиям развивающегося производства, что и определило стратегию образовательного процесса техникума «Развитие профессиональных компетенций у студентов в социальном партнерстве с частными сельхозпредприятиями». Коллектив преподавателей и мастеров производственного обучения обозначил основные направления деятельности:

- выявление проблем учебного потенциала, в контексте которого реализуется профессиональное становление обучающихся;
- мотивационное сопровождение учебной деятельности студентов и реализация технологии педагогической поддержки в преодолении студентами препятствий достижению успеха;
- повышение профессиональной компетентности преподавателей для развития творческого потенциала студентов;
- создание единого образовательного пространства профессионального обучения как множество индивидуальных форм развития и разнообразие образовательных возможностей, определяющих конкурентоспособность выпускников.

Таким образом, среднее профессиональное образование играет важную роль в повышении конкурентоспособности СПО, способствуя более полной реализации трудового потенциала общества.

Литература

1. Это нашей истории строки. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2016. 98 с.
2. Модернизация технологий и содержания обучения в соответствии с ФГОС: науч.-метод. материалы всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2016. 120 с.
3. Выготский Л. С. Педагогическая психология // Собрание сочинений: в 6 т. М., 1982. Т. 1. 352 с.

IMPROVING THE COMPETITIVENESS OF SECONDARY VOCATIONAL SCHOOL GRADUATES

Victor Yu. Kireyev

Principal,

Republic interdisciplinary technical college

23, Lenin st., Novoilinsk, Zaigraevsky district, Buryatia, 671332, Russia

This article describes the problems of young people and improving the quality of the secondary vocational education. The author analyzes the social and economic changes in society. The work actualizes the requirements for the training of specialists. cooperation with social partners and employers are improved. It is proposed to study the experience of the challenges and the timely development of the strategic directions of the organization of educational process in the Novoilynskiy college. Forms of interaction with potential employers are introduced. We set realistic objectives for the training of professionals in demand in today's job market and for the training of teachers and masters, taking into account the introduction of the FSES (Federal State Educational Standard).

Keywords: employment status; unstable economic situation; youth unemployment; education market; training of professionals; competitiveness; social partnership.

МУЗЕЙ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

УДК 069:378(571.55)

РОЛЬ МУЗЕЕВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССАХ СОВРЕМЕННОГО ВУЗА

© **Арьянов Алексей Доржиевич**

кандидат исторических наук, доцент,

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Россия, 670013, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40в

E-mail: a.aryanov@mail.ru

Статья посвящена роли и месту научно-образовательного музейного центра Забайкальского государственного университета (ранее Читинского политехнического института, Читинского государственного технического университета, Читинского государственного университета) в целях сохранения историко-культурного наследия сибирского вуза, процессам формирования уникальных музейных фондов и популяризации научно-образовательного и природного достояния региона, задачам нравственного и героико-патриотического воспитания студенчества и молодежи. Осуществлен анализ образовательных, воспитательных, научно-исследовательских и просветительских функций вузовских музеев, их значения в системе высшего образования.

Ключевые слова: образование; университет; музей; профиль; студенты; традиции; культура; каталоги; фонды; экспонаты; выставки.

Первые музеи в российских университетах появились еще в 18-м столетии. В XIX в. возникла уже целая сеть университетских музеев, которые были в каждом из них. Причем их профиль был различен: это были музеи искусства, зоологические, геологические, минералогические, медицинские, анатомические, исторические, археологические, нумизматические, этнографические, антропологические, технические, юридические и др. Примечательно, что многие крупнейшие современные музеи, такие как Музей изобразительных искусств им А. С. Пушкина в Москве, Центральный музей железнодорожного транспорта, Горный музей, Научно-исследовательский музей Академии художеств в Санкт-Петербурге, возникали именно как музеи высших учебных заведений. Музеи занимали важное место в процессе обучения студентов, обеспечивая прежде всего наглядность в преподавании и дополняя лекции профессоров непосредственным знакомством с объектами изучения. Очень часто на базе университетских музеев происходило формирование научных школ. Большой популярностью пользовались такие музеи и у широких слоев населения университетских городов [1, с. 113–114].

Современное российское общество характеризуется происходящими в стране социокультурными изменениями, возрастанием роли регионов, их общественного и культурного развития. Составной частью культуры регионов являются музеи высших учебных заведений, которые концентрируют в себе культуру научно-педагогической интеллигенции, в сферу деятельности которой всегда входило содействие решению широкого спектра проблем, связанных с историей науки в регионе, воссозданием духовных ценностей, воспитанием студенческой молодежи и т. д. Коллекции музеев истории высших учебных заведений обладают рядом присущих только им черт и имеют определенные характеристики:

- во-первых, через них возможно сохранение историко-культурного наследия высшего образования и обеспечение трансляции его ценностей в условиях современности;

- во-вторых, посредством коллекций происходит накопление исторических сведений о региональных процессах культурной общности, формирующейся в среде научно-педагогической интеллигенции, и их использование при формировании культурной политики региона;

- в-третьих, в музейных коллекциях по истории вуза содержатся объективные исторические сведения о представителях научно-педагогической интеллигенции, дающие возможность изучения процессов формирования интеллектуального потенциала региона и культуры как целостной системы и второй после природы формы бытия человека. Большое влияние на повышение культурного уровня студентов оказывают сведения о научном и нравственном потенциале преподавателей вузов, содержащиеся в фондах вузовских музеев;

- в-четвертых, изучение коллекций способствует осознанию проблемной ситуации на государственном уровне в сфере трансляции общественно значимых ценностей [2, с. 76].

Музейное дело в Забайкальском государственном университете (г. Чита) начиналось с первых лет его деятельности. В мае 1974 г. по инициативе первого ректора Читинского политехнического института Ю. В. Кулагина под будущей геолого-минералогический музей института было выделено несколько комнат на первом этаже корпуса на улице М. Горького, 28 («Семеновский особняк»). Директором музея, который было необходимо еще создавать, была назначена Мария Степановна Кириллова, работавшая в этой должности в 1974 – 1993 и 2003 – 2009-х гг. Геолого-минералогический музей был особенно необходим для обучения студентов горного факультета. При поддержке ректората института изыскивались средства для проведения реконструкции помещений будущего музея, приобретения мебели и оборудования, учебных коллекций, минералов, отсутствовавших в Забайкалье. В ноябре 1975 г. состоялось открытие музея [3, с. 75].

В наши дни в геологическом музее Забайкальского государственного университета (ЗабГУ) экспонируется и находится в фондах свыше 20 тысяч образцов минералов, горных пород, руд, окаменелостей. По количеству и разнообразию минералогических образцов геологический музей вошел в перечень вузовских музеев мира.

В зале минералогии представлены уникальные образцы из месторождений Забайкалья: кристаллы полихромного турмалина Завитинского месторождения и малинового турмалина Малханского месторождения, агрегаты флюорита разных оттенков из месторождений Калангуйского, Солонечного, Усуглинского, гигантские штуфы чароита месторождения Сиреневый Камень и многие другие. Зал располагает интересной минералогической коллекцией из месторождений других регионов России и мира: зернистый агрегат сильвинита — из Верхнекамского месторождения Урала, кристаллы топаза из Волынского месторождения Украины, радиально-лучистые агрегаты антимонита из месторождения Син-Хуа Китая, сталактит мраморного оникса из Карлюкской пещеры Туркмении и другие.

Зал полезных ископаемых демонстрирует образцы руд различных месторождений мира (России, Туркмении, Монголии, Гвинеи и т. д.), в том числе своеобразных забайкальских: Удоканского месторождения меди, полиметаллических и флюоритовых месторождений Южного Приаргунья. В зале палеонтологии показаны этапы развития забайкальских акваресурсов, а также многообразие органического мира в разные геологические эпохи. Здесь можно увидеть уникальную коллекцию бесскелетной биоты протерозоя, аналогов которой нет в мире (Удоканский хребет Забайкалья), отпечатки стеблей риниофитов из девонских отложений по р. Енисей (близ г. Красноярск), фрагмент коры лепидодендрона из каменноугольных отложений и отпечатки тел рыб из эоценовых отложений Монголии и т. д.

Зал геологической кунсткамеры Забайкалья знакомит с необычными захоронениями следов жизнедеятельности на знаках ряби, оригинальными по форме конкрециями и септариями из угленосных отложений, секретами эффузивов, массовыми скоплениями в глинах костей ископаемой монгольской жабы, гордостью музея — смонтированным скелетом шерстистого носорога, свидетеля сарганского оледенения в Забайкалье [4].

Музей истории ЗабГУ создан 23 июня 1999 г. по инициативе ректора университета Ю. Н. Резника к 25-летию со дня основания университета. С этого момента начался планомерный сбор материалов об истории вуза. Первоначально экспозиция состояла из 200 планшетов и 159 фотографий. В создании экспозиции музея участвовали преподаватели и студенты, руководители институтов и структурных подразделений университета.

Первым директором музея был назначен Г. П. Рагузин, в разные годы работу музея возглавляли: с 2001 г. — А. М. Русских, с 2009 г. — А. А. Жукова. В 2004 г. экспозиция музея была обновлена. В нее вошли новые материалы, которые экспонируются уже на 405 планшетах на стендах, и более 1000 фотографий оформлены в альбомы.

В течение апреля-мая 2009 г. осуществлялся демонтаж старой экспозиции музея, все материалы (фотографии, документы и т. д.) были обработаны и переведены в электронный формат. В мае была проведена работа по осмотру и замерам нового помещения, составлен эскиз экспозиции музея, а затем в дизайнерской фирме заказан проект будущего музея.

Музей истории университета является структурным подразделением университета, призванным собирать, хранить, изучать и экспонировать памятники материальной и духовной культуры университета, вести пропаганду лучших его традиций среди студенческой молодежи и работников университета, содействовать учебно-воспитательному процессу и подготовке высококвалифицированных кадров. Основная задача музея — популяризировать историю деятельности университета с целью

профессиональной ориентации молодежи, воспитания патриотизма на материалах исторических документов и экспонатов, находящихся в музее.

Музей истории университета сохраняет и культивирует традиции вуза, его исторический, научно-технический и творческий потенциал, развивает, поддерживает и пропагандирует корпоративную культуру университета, ведет учебную, научную, просветительскую, воспитательную, профориентационную и рекламную деятельность. Поэтому знакомство первокурсников с университетом начинается с экскурсии по музею. Его посещение позволяет студентам почувствовать себя сопричастными к жизни вуза, воспитывает уважение к ценностям, которые формировались поколениями людей, работавших и учившихся здесь. В музее также проводятся экскурсии для школьников города и Забайкальского края, участников конференций, гостей университета и всех желающих. Музей — это хранилище и ретранслятор не только знаний, но и образцов культуры и духовных ценностей.

Экспозиция музея истории формируется на базе научной концепции. В основе концепции — создание новой экспозиции, раскрывающей историю вуза как образовательного, научного и культурного центра Забайкальского края, начиная с момента образования в Чите в 1966 г. общетехнического факультета Иркутского политехнического института, создания в 1974 г. Читинского политехнического института, в 1995 г. Читинского государственного технического университета и Читинского, затем Забайкальского государственного университета.

Концепция раскрывает историю университета как уникального примера взаимодействия научной и образовательной традиции, формирования особой школы, связанной с выпускниками вуза, и их роли в развитии Забайкальского края. Важной задачей экспозиции является реализация личностного подхода, раскрывающаяся в рассказе о тех людях, которые внесли свой вклад в историю вуза. Созданы экспозиции, посвященные ректорам: Ю. В. Кулагину (1974–1983), Э. К. Спирину (1983–1986), А. П. Карасеву (1986–1987), Б. И. Костылеву (1987–1993), Ю. Н. Резник (1993–2012); преподавателям — участникам Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., ветеранам института-университета.

На базе музея истории и геологического музея в 2011 г. решением ученого совета вуза был образован научно-образовательный музейный центр (НОМЦ), деятельность которого координирует проректор по научной и инновационной работе. Директором центра является энтузиаст и организатор музейного дела в крае доктор философских наук, профессор Артем Вадимович Жуков. В состав центра входят структурные подразделения: отдел истории; отдел геологии, минералогии и палеонтологии; отдел науки и техники; отдел этнографии и антропологии народов Забайкальского края; отдел фондов. НОМЦ является структурным подразделением Забайкальского госуниверситета для реализации научно-образовательных и просветительских задач в условиях музейной среды.

Музей археологии Забайкалья (заведующий С. Б. Верещагин) был открыт в 1970 г. на историко-филологическом факультете Читинского государственного педагогического института в здании по ул. Бабушкина, 125. Музей создан по инициативе заведующего кафедрой истории, профессора И. И. Кириллова, при участии М. В. Константинова, Е. В. Ковычева и научной поддержке академиков Сибирского отделения АН СССР (ныне СО РАН, г. Новосибирск) А. П. Окладникова и А. П. Деревянко.

В 1977 г. была создана новая экспозиция на историческом факультете в корпусе по ул. Чкалова, 140, включавшая в себя разделы от верхнего палеолита до позднего средневековья, а также стенды по истории археологических исследований края. В экспозиции были представлены подлинные артефакты с древних поселений и погребений Забайкалья. Фонды музея включают свыше 100 тыс. единиц хранения.

В 2010 г. при активном участии директора Забайкальского краевого краеведческого музея В. К. Колова была создана новая экспозиция с учетом новых археологических открытий в Забайкалье. Экспозиционная площадь музея составляет 150 м². Разделы экспозиции включают в себя материалы широкого хронологического периода — от нижнего палеолита (от 100 тыс. лет до н. э.) до русской археологии (XVII–XIX вв.). Каждый раздел экспозиции включает в себя подлинные древние предметы, скульптуры, иллюстрации, макеты.

В настоящее время на базе музея работают лаборатории палеоэкологии (Чикойская археологическая экспедиция) и археологии и этнографии (Верхне-Амурская археологическая экспедиция), действуют студенческие и школьные кружки.

Музей посещали и работали с коллекциями известные ученые-археологи: А. П. Окладников, М. И. Рижский, А. П. Деревянко, А. Д. Столяр, В. Е. Ларичев, палеонтологи Н. К. Верещагин, Н. Д. Оводов, геологи С. М. Цейтлин, Д.-Д. Б. Базаров и другие.

В музее проводились региональные археолого-этнографические студенческие конференции 1980, 1988, 1999-х гг., международный полевой семинар «Человек, среда, время» (1998 г.), 4-я международная конференция «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири» (2013 г.).

В октябре 2005 г. началась работа по созданию лаборатории этнологических исследований (ЛЭИ) ЗабГУ для организации постоянной экспозиции «История и культура народов Забайкалья». В ее составе были сформированы основные подразделения: административное, методическое, отдел археологии, этнографии и фольклора, учебно-образовательный сектор. Таким образом, была сформирована целостная структура, обеспечивающая функционирование в том числе и выставочной деятельности ЛЭИ.

К этому времени был организован процесс обработки накопленных в ЛЭИ научных и вещественных материалов. Началось составление программ, и исследовательских планов, а также разработка научной концепции выставки «История и культура бурят Восточного Забайкалья». В рамках отчетов по летней полевой работе 2005 г. сотрудников ЛЭИ был проведен семинар-практикум.

По итогам перечисленных работ в главном корпусе Читинского государственного университета в 2005 г. была открыта первая экспозиция «История и культура бурят Восточного Забайкалья». За ней в 2005 – 2010-х гг. последовал ряд экспозиций по культуре народов: «Семейские Забайкалья», «Культура Китая в Забайкалье» (посвящена году Китая в России), «История и культура бурят Восточного Забайкалья», «Евреи Забайкалья», «Эвенки Забайкалья», «Корейцы Забайкалья», «Армяне Забайкалья», «История и культура монголов». Планируются к открытию и составляются научные концепции выставок «Забайкальские казаки», «Русское старожильческое село в Забайкалье» [5].

Известный иркутский музеевед и краевед, директор музея истории Иркутского национального исследовательского государственного технического университета О. А. Горошенова определила суть вузовской музейной работы следующим образом: «Особую роль в процессе образования и воспитания специалистов играют музеи. Музей — это хранилище и ретранслятор не только знаний, но и образцов культуры — духовных и материальных ценностей. Музейное пространство, музей — это еще и вид комбинированного взаимодействия и взаимовлияния посетителей, экскурсовода и экспозиции. Такое сочетание самым благотворным образом влияет на познание и восприятие человека.

Культурно-образовательная деятельность — одна из основных граней музея, теоретической основой которой является музейная педагогика — существенная часть музейной коммуникации. Весь спектр музейной деятельности находит практическое применение в системе высшего профессионального образования. Музей истории технического университета сохраняет и культивирует традиции вуза, его исторический, научно-технический и творческий потенциал, развивает, поддерживает и пропагандирует корпоративную культуру университета, ведет учебную, научную, просветительскую, воспитательную, профориентационную, издательскую и рекламную деятельность» [6, с. 107].

Важнейшим результатом деятельности музейной сети Забайкальского государственного университета являются постоянное взаимодействие с общественностью, учреждениями науки, образования и культуры, национально-культурными объединениями края, выстраивание партнерских отношений, расширение посетительской аудитории и использование новых технологий и методов работы. Сотрудничество с разными по своему тематическому и социальному содержанию учреждениями и организациями ведет к расширению числа действующих партнеров музея. Регулярное проведение тематических выставок из музейных фондов способствует реализации социокультурной и межкультурной коммуникаций вузовского музея.

Ныне научно-образовательный музейный центр Забайкальского государственного университета зарекомендовал себя как современный научно-исследовательский, культурно-образовательный и коммуникативный центр, успешно функционирующий как центр сохранения и ретрансляции историко-культурного наследия высшей школы России, природного, научно-технического и творческого потенциала обширного Сибирского региона.

Литература

1. Тихонов И. Л. Музей истории Санкт-Петербургского университета // Санкт-Петербургский университет. 2012. № 7(3849). С. 113–114
2. Боголепова Л. З. Экспликация проблем музеев истории вузов в современном социокультурном пространстве региона // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 3. С. 76.
3. Кулагин Ю. В. Воспоминания о первом ректоре Читинского политехнического института. Чита: Изд-во ЧитГУ, 2010. 114 с.

4. Забайкальский государственный университет: Геологический музей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.geo.zabgu.ru> (дата обращения: 17.12.16).

5. Забайкальский государственный университет: Музей истории [Электронный ресурс]. URL: <http://museum.zabgu.ru> (дата обращения: 17.12.16).

6. Горощенова О. А. Музей истории Иркутского государственного технического университета: особенности работы вузовского музея // Известия Иркутского государственного университета. 2012. № 2 (3) [Электронный ресурс]. URL: <http://isu.ru/izvestia> (дата обращения: 17.12.16).

THE ROLE OF MUSEUMS IN EDUCATION AND EDUCATIONAL PROCESSES MODERN HIGH SCHOOL

Alexei D. Aryanov

Ph.D. in History, Associate Professor,
East Siberia State University of Technology and Management
40V, Klyuchevskayast, Ulan-Ude, 670013, Russia

The article deals with the problems of the role and place of science and educational museum center of Trans-Baikal State University (earlier - Chita Polytechnic Institute, Chita State Technical University, Chita State University) in the preservation of historical and cultural heritage of the Siberian university, the processes of formation of the unique museum collections and promote research and education and natural heritage of the region, problems of moral and heroic and patriotic education of students and young people. The analysis of the image of the successive, educational, research and outreach functions-tions of university museums and their importance in the system of higher education.

Keywords: education; university; museum; profile; students; traditions; culture; catalogs; funds; exhibits; exhibitions.

УДК 069

МУЗЕЕФИКАЦИЯ СОВЕТСКОГО НАСЛЕДИЯ: ПРИНЦИПЫ И ПОДХОДЫ

© Белоусова Ольга Федоровна

бакалавр,

Кемеровский государственный институт культуры

Россия, 650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17

E-mail: lelik.belousova.belousova@yandex.ru

Создание музеев советского быта — новое и перспективное направление современного отечественного музееведения. Несмотря на то, что музеи, посвященные советскому быту, активно создаются, методика сохранения историко-культурного наследия данного периода до конца не разработана. Кроме того, отсутствуют четкие границы понятия «советский быт», что также затрудняет процесс музеефикации в данной области. Зачастую музеи создаются интуитивно, в виде познавательно-развлекательных площадок, что не может способствовать эффективному сохранению рассматриваемого пласта историко-культурного наследия. Оптимизировать деятельность в обозначенном направлении можно посредством определения основных подходов и принципов, а также методов построения экспозиций при создании тематических музеев, посвященных советскому быту. На основе анализа существующего опыта сохранения советского быта в современной России определяются основные подходы к музеефикации советского наследия: виртуальная, традиционная и народная музеефикация, выявляются доминирующие в данном направлении принципы: принцип фрагментации музеефицируемого объекта, интерактивности, аполитичности, аттрактивности и информативности. Установлено, что применение данных принципов в музеях советского быта возможно посредством создания экспозиций на основе ансамблевого и музейно-образного методов.

Ключевые слова: музей; музеефикация; советский быт; культура быта; материальная культура; нематериальное наследие; экспозиция; виртуальный музей; метод построения экспозиции; интерактивность.

Среди проблем, связанных с развитием музейной деятельности в России, пристальное внимание исследователей в области музееведения в последние годы привлекает вопрос музеефикации историко-культурного наследия советского периода. Советский быт начинает осознаваться как объект историко-культурного наследия, в связи с чем его начинают активно музеефицировать. Связано это с тем, что данный объект приобретает музейную ценность, значимость для музеефикации. Музейная ценность предметов советского быта заключается в их способности нести информацию об определенном историческом периоде. Кроме того, материальные и нематериальные свидетельства советского прошлого стремительно утрачиваются в естественной социокультурной среде, и есть риск их полного исчезновения. Так как понятие «советский быт» включено в научный оборот с недавнего времени, его границы обозначены недостаточно четко и сформулированное учеными понятие советского быта еще отсутствует в научной, в том числе музееведческой, литературе. Понятие «советский быт» состоит из двух компонентов: «советский» — относящийся к государственной власти Советов, свойственный, принадлежащий СССР [12], и «быт» — жизненный уклад, повседневная жизнь [12]. С понятием «быт» непосредственно граничит понятие «культура быта», что означает вещественную среду обитания (квартира, дом, предметы интерьера) и одновременно отношение к ней. Культура быта включает в себя также и организацию этой среды, в которой проявляются эстетические вкусы, идеалы и нормы человека и общества [11]. Таким образом можно говорить, что советский быт — это жизненный уклад, повседневная жизнь граждан, в которой проявляются эстетические вкусы, идеалы и нормы человека и общества со времени существования Советского Союза.

Для того чтобы определиться, какие предметы материального культурного наследия советского прошлого должны или могут храниться в музеях, необходимо выделить хронологические рамки «советского быта», что также вызывает определенную сложность, так как невозможно точно определить, когда советский быт сформировался, а еще тяжелее установить, когда он был утрачен. В жизни советского гражданина достаточно долгое время присутствовали предметы, созданные в период дореволюционной России, а в бытовой жизни российского гражданина до сих пор присутствуют элементы советского. Можно выделить три компонента, из которых состоит материальная культура, бытовавшая в советский период. Во-первых, это мощный слой материальной культуры прошлой, дореволюционной, эпохи. В наиболее полном виде он был представлен в деревне и в небольших старинных

городах. Некоторые элементы материальной культуры дореволюционной эпохи, например, традиционная крестьянская изба с покрытием «на курицах», стали исчезать лишь в 1960–1970-е гг. вместе с интерьером и предметами быта. В городах предметы старого быта стали исчезать раньше и быстрее. В городах новых, возникших в советскую эпоху, такие предметы исключительно редки. Второй слой — это предметы советской эпохи. При этом, в силу нестабильности и мобильности людей, вещи 1920–1930-х гг. быстро исчезали из домашнего обихода, оставаясь в домах преимущественно очень пожилых людей, не имевших не только желания, но и финансовых возможностей заменить их новыми. Третий сравнительно тонкий слой — предметы заграничного происхождения. Их массовый приток в Советский Союз пришелся на военное и послевоенное время в форме поступлений носильных вещей от союзников по антигитлеровской коалиции в виде подарков и в виде трофеев из стран Центральной Европы и Германии. Основной массив подарков и трофеев оказался в семьях лиц высокого положения: в семьях, близких к властным структурам, генералитета, служащих в военных подразделениях либо служащих на транспорте. Предметы иностранного происхождения, привезенные из служебных командировок и туристических поездок, приходятся исключительно на последние 25–30 лет советской истории, равно как и вещи, официально импортировавшиеся в страну советской внешней торговлей [2, с. 4–5].

На основе сказанного можно принимать за хронологические границы советского быта период конца 1930–1990-х гг., хотя допускается условность обозначенных границ. Связано это в первую очередь с тем, что в разных регионах Советского Союза неодинаково в одно время внедряется материальная культура советского быта. Неравномерному распространению советских предметов в данную эпоху способствовала такая генетическая черта советской жизни, как тотальный дефицит (отсутствие в торговле необходимых вещей), сопровождавший советского человека на протяжении всей советской истории. Дефицит был причиной и того, что в быту большое место занимали рыночные вещи кустарного производства, особенно мебель, предметы интерьера.

Музеефицировать советский быт стали в начале XXI в. Объединяющим элементом движения музеефикации советского быта является последнее тридцатилетие существования СССР. У большинства участников движения музеефикации данного периода это время пришлось на относительно благополучное детство и отрочество эпохи «застоя», что способствовало позитивному восприятию данного периода. Первые действия в области музеефикации советского быта осуществлены в виртуальном пространстве. И первый подход к музеефикации советского наследия можно обозначить как виртуальная музеефикация: создание музеев, которые существуют только в сетевом пространстве. Ярким примером такого музея может считаться Виртуальный музей советского быта «Коммунальная квартира», иллюстрирующий повседневную жизнь советского гражданина в «коммуналке». Экспозиция включает в себя видеозаписи коммунальных квартир и их обитателей, сделанные в Санкт-Петербурге в 2006 г., а также фотографии, аудиозаписи интервью и другие документы личного происхождения. Все материалы снабжены подробными комментариями и в совокупности дают представление о своеобразном быте, стереотипах и стратегиях поведения жильцов «коммуналок» [3]. В 2004–2006 гг. появились многочисленные тематические сайты, форумы, сообщества в блогосфере. На сайтах и форумах, посвященных советскому времени, были представлены описания различных вещей, культурных артефактов, а посетители сайтов могли и могут поделиться своими воспоминаниями по теме на форуме, что обеспечивает постоянное взаимное обогащение знаниями о советской жизни [1, с. 8–9].

Сегодня наблюдается переход от виртуальной к материальной музеефикации советского быта, осуществляемый в двух направлениях: в государственных музеях и при создании «народных музеев». Второй подход к музеефикации советского быта можно обозначить как «традиционная музеефикация», то есть создание экспозиций, посвященных советскому быту, в музеях коллекционного типа. Такие экспозиции появились в государственных музеях, в первую очередь в краеведческих, а также профильных музеях. Подобные экспозиции в основном демонстрируют устройство квартиры в рабочем бараке или коммуналке 1950-х гг., «хрущевке» 1960-х гг., «брежневке» 1970–1980-х гг., т. е. при их создании предпочтительным стал ансамблевый метод. В мировой музейной практике именно ансамблевые экспозиции получили наибольшее распространение, поскольку они легко воспринимаются посетителями и оказывают сильное эмоциональное воздействие. Перед посетителем предстает не просто предмет, а некая «картина советского быта». Примером музея с традиционным подходом к музеефикации является «Музей истории крестьянского быта» в селе Красное Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области. Музей является профильным и посвящен быту жителя русской деревни. В музее действует постоянная экспозиция «Быт и культура 50–70 гг. XX в.», где представлен быт

крестьян 50–60-х гг., в горнице создатели постарались передать дух и эпоху того времени. Экспозиция построена ансамблевым методом, в помещении воссоздана советская комната с мебелью и предметами декора, бытовой техникой, предметами посуды и элементами одежды. Все это дает возможность ощутить бытовую историю недавнего прошлого [5].

Однако подобные экспозиции не позволяют посетителю в полной мере «погрузиться» в прошлое, удовлетворить потребность в ностальгии. Поэтому в городах России стали реализовываться «народные проекты» музеев СССР: советских игровых автоматов, советского детства, советской индустриальной культуры и т. п. Такие тематические музеи являются итогом реализации третьего подхода — «народной музеефикации». Примечательно, что данные проекты создаются не профессиональными музейщиками, а любителями, которые первыми отреагировали на потребности общества презентовать материальное наследие XX в. в музейных экспозициях так, чтобы это привлекало внимание. Наиболее известными примерами народной музеефикации СССР являются Музей советского детства в Севастополе (2010), Музей социалистического быта в Казани (2011), Музей-резиденция «Арткоммуналка» в подмосковной Коломне (2011), Музей советского автопрома в Иванове (2015), Музей быта советских ученых в Москве (2010–2011), Музей СССР в Новосибирске (2009) и др.

Движение «народной музеефикации» советского в современной России — перспективное направление отечественного музееведения, которое имеет несколько общих черт: во-первых, оно подпитывается сильными ностальгическими эмоциями, когда настроение эпохи застоя и позитивное отношение к ней важнее сухих исторических фактов. Возникший запрос на ностальгию по застою был вызван неудовлетворенностью ходом и результатами рыночных реформ и экзистенциальными потребностями в обретении ценностной почвы под ногами. Во-вторых, движение «народной музеефикации» носит принципиально не экспертный характер — его инициаторами и активистами выступают не профессиональные музейщики, а обычные люди [1, с. 8–9].

Музей советского быта пользуется огромной популярностью у посетителей, но вызывает многочисленные нарекания музейных специалистов, которые считают, что музей, где возможность использования экспонатов заложена в самой музейной концепции, не может считаться музеем, называют современные частные «музеи СССР» аттракционами, воспроизводящими советские реалии, познавательно-развлекательными площадками с коммерческим уклоном. Действительно, музей не может экспонировать предметы таким образом, что очевиден риск их утраты. Музей должен прежде всего обеспечивать сохранение объектов историко-культурного наследия.

Создавая тематический музей советского быта, нужно найти баланс между музейным использованием предмета и возможностью заинтересовать посетителя, поэтому необходимо придерживаться нескольких принципов при формировании экспозиций. Первый принцип: фрагментация музеефицируемого объекта, что подразумевает под собой то, что не стоит при создании экспозиции выставлять в огромном беспорядочном количестве невостребованные предметы материальной культуры, а необходимо фрагментировать музеефицируемый объект, сформировать концепт и выделить наиболее значимые его стороны, на основе этого выстраивать музейную экспозицию. Принцип фрагментации музеефицируемых объектов грамотно применен в «Музее повседневной культуры Ленинграда 1945–1965 гг.» в Санкт-Петербурге. Данный музей посвящен бытовой культуре города в первые послевоенные десятилетия. Экспозиции музея выстроены на основе фрагментации объектов и сформированной концепции с учетом пространственно-временных осей. Таким образом, музей представляет собой полноценный, не нарушающий временное и предметное пространство музейный продукт [7].

Привлечь в музей посетителя можно за счет принципа интерактивности. Данный принцип реализуется в рамках культурно-образовательных форм, таких как интерактивная экскурсия, конкурсы, кинопросмотры, встречи с интересными людьми и др. [8]. А также за счет включения в экспозицию мультимедийных технологий, создания прикладных экспозиций, которые предполагают использование предметов по их первоначальному назначению. Возможность такого использования достигается за счет включения в экспозиционное пространство предметов из научно-вспомогательного фонда, а не основного. Научно-вспомогательный фонд историко-культурного наследия советского периода нетрудно сформировать из-за вещественной избыточности советского материального наследия. Для интерактивных экспозиций необходимо использовать дублированные, то есть имеющиеся в фондах музея в нескольких экземплярах предметы, из которых соответственно и должен состоять научно-вспомогательный фонд. Принцип интерактивности активно используется в «Музее социалистического быта» в Казани. Здесь в рамках культурно-образовательной деятельности в интерактивной форме

презентуется нематериальное культурное наследие: каждое воскресенье в 15:00 проводят «квартирники» [6]. В СССР «квартирником» называли концерты в обычной квартире, домашней обстановке, которые организовывали рок-музыканты, не имеющие возможности проводить официальные публичные выступления из-за противоречий с культурной политикой государства [13]. На таких «квартирниках» в музее выступают как местные, так и популярные по всей России рок-музыканты. Принять участие в данном мероприятии и почувствовать себя В. Бутусовым или А. Макаревичем может любой желающий.

Третьим принципом создания музейной экспозиции советского быта является аполитичность. Музейная аполитичность подразумевает под собой безразличное отношение к политике [10]. Применяя данный термин к музею советского быта, стоит отметить, что предметы, составляющие экспозицию музея, не должны либо в меньшей мере должны обращать внимание экскурсантов музея на политику государства того периода, вызывающего многочисленные споры и порождающего дискуссии. Принципа аполитичности придерживаются многие тематические музеи советского быта, это и «Музей ретро мототехники и предметов эпохи СССР» в Иркутске, и «Музей быта советских ученых» в Москве, и «Музей советского быта» в Воронеже и другие.

Также при создании музея советского быта стоит учитывать такие принципы, как аттрактивность и информативность. Аттрактивность — это внешняя привлекательность экспозиции. Но даже если музейная экспозиция будет внешне привлекательной, но не будет предоставлять достоверной информации, экспозиция будет невостребованной и неинтересной. Поэтому необходим также принцип информативности — способность предметов в экспозиции нести достоверную информацию [9].

При создании экспозиции, посвященной советскому периоду, используются разнообразные методы построения музейной экспозиции. Методом построения экспозиции называется научно обоснованный, исходящий из содержания экспозиции порядок группировки и организации экспозиционных материалов [9]. Он отражает содержание и форму, характер интерпретации экспонатов, взаимодействие научной и художественной составляющих проектирования. Сегодня используется широчайший диапазон экспозиционных средств и методов построения экспозиции. При создании музея, посвященного советскому быту, советское наследие может презентоваться ансамблевым и музейно-образным методами. Ансамблевый метод построения экспозиции — метод, при котором воссоздается и сохраняется целый ансамбль музейных предметов со связями, существовавшими между ними в среде бытования [4, с. 345]. Музейно-образный метод построения экспозиции схож с тематическим методом, но он наполнен образностью и эмоциональностью. При создании музейно-образной экспозиции создается определенный образ музейными средствами. Основной образности экспозиции должны стать сам подбор и дальнейшая группировка экспонатов. Важную роль в создании музейно-образной экспозиции играют цвет и свет, а также аудиовизуальные системы [4, с. 345–346].

Данные методы наиболее приемлемы для презентации советского быта в связи с тем, что за счет них можно глубоко раскрыть тему советского быта во всех ее проявлениях, одновременно вызвав интерес посетителя. Это, например, не осуществимо при использовании систематического метода, основную структурную единицу которого составляет систематический ряд. Однако в ряде случаев данный метод оказывается уместным. Примером музея, в котором экспозиции выстроены на основе трех обозначенных методов, является «Музей ретро мототехники и предметов эпохи СССР» в Иркутске. В музее представлены десятки образцов мотоциклов, мотороллеров, мопедов, отполированных до блеска. Сам зал оформлен в виде гаража — на простых стеллажах стоят швейные машины, пылесосы и магнитофоны — бобинные и самые первые кассетные, стены украшают знамена с советской символикой, плакаты и старые фотографии. При создании данной экспозиции использовались два метода: систематический и музейно-образный. Также музей включает в себя экспозиции на основе ансамблевого метода: музей занимает значительную площадь и включает в себя экспозиции, презентующие жилые комнаты разных периодов советского прошлого: коммунальная квартира, деревенская комната, комната партийного рабочего и др.

Советский быт как объект историко-культурного наследия — это не просто совокупность предметов, свидетельств эпохи, это совокупность материальных и нематериальных объектов в их взаимосвязи. И задача музейной экспозиции, презентующей советский быт, — актуализировать прежде всего нематериальные объекты, овеянные материальными компонентами которых являются предметы. Но в музеях чаще всего экспонируют именно материальное наследие, забывая о его нематериальной составляющей, а это в корне неправильно. Ведь именно через нематериальное наследие, кинематограф, музыку, нравы, традиции мы лучше воспринимаем какую-либо определенную эпоху советского времени, и

материальное наследие, бесспорно, обладает музейной ценностью наряду с материальным наследием. При создании музея советского быта необходимо помнить и об этом.

В заключение стоит отметить, что создание музеев, презентующих советские реалии при использовании различных подходов к музеефикации, таких как виртуальная, традиционная и народная, — перспективное и актуальное направление. На основе анализа существующего опыта музеефикации советского быта в современной России можно выявить следующие принципы музеефикации советского наследия: фрагментации музеефицируемого объекта, интерактивности, аполитичности, аттрактивности и информативности. Применение данных принципов в музеях советского быта можно осуществить за счет создания экспозиций на основе таких методов, как ансамблевый и музейно-образный.

Литература

1. Абрамов Р. Н. Музеефикация советского. Историческая травма или ностальгия? // Человек. 2013. № 5. С. 99–111.
2. Беловинский Л. А. История советской материальной культуры: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальностям «Музейное дело и охрана памятников» и «Музеология». М.: Изд-во МГУКИ, 2012. 313 с.
3. Коммунальная квартира. Виртуальный музей советского быта [Электронный ресурс]. URL: <http://kommunalka.colgate.edu/index.cfm> (дата обращения: 10.12.2016).
4. Музейное дело России / под ред. М. Е. Каулен. М., 2010. 676 с.
5. Музей истории крестьянского быта в с. Красное [Электронный ресурс]. URL: <http://museum.skrasnoe.ru> (дата обращения: 10.12.2016).
6. Музей социалистического быта в Казани [Электронный ресурс]. URL: <http://muzeisb.ru> (дата обращения: 10.12.2016).
7. Музей повседневной культуры Ленинграда 1941–1945 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://1945-1965.com> (дата обращения: 10.12.2016).
8. Озерова Д. Е. Культурно-образовательная деятельность музеев в России и за рубежом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/2165009> (дата обращения: 10.12.2016).
9. Российская музейная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp> (дата обращения: 15.12.2016).
10. Словарь музейных терминов: учеб.-метод. пособие / сост. О. И. Захарова. Красноярск: Изд-во Сиб. федер. ун-та, 2013.
11. Культура быта [Электронный ресурс]. URL: http://studopedia.ru/10_229684_kultura-bit.html (дата обращения: 15.12.2016).
12. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <http://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 15.12.2016).
13. Школа жизни. Познавательный журнал [Электронный ресурс]. URL: <https://shkolazhizni.ru/culture/articles/27885> (дата обращения: 15.12.2016).

THE MUSEUMIFICATION OF THE SOVIET HERITAGE: PRINCIPLES AND APPROACHES

Olga F. Belousova

Bachelor's Degree Student,
Kemerovo State Institute of Culture
17, Voroshilov str., Kemerovo, 650056, Russia

The creation of museums of Soviet life — a new and promising direction of the modern domestic museology. But despite the fact that the museums dedicated to the Soviet way of life, actively creating the technique of preservation of historical and cultural heritage of this period to be finalized. Furthermore, there are no clear boundaries of the concept of «Soviet life,» which also complicates the process of museumification in this area. Often museums are created intuitively, in the form of informative and entertaining sites that cannot contribute to the effective conservation of the considered reservoir of historical and cultural heritage. To optimize the activities in a designated direction by identifying key approaches and principles as well as methods to construct exhibits at the creation of thematic museums dedicated to the Soviet way of life. Based on the analysis of existing conservation experience of Soviet life in modern Russia defines the main approaches to the preservation of the Soviet legacy: virtual, traditional and folk preservation, identifies dominant in this direction principles: the principle of fragmentation mouseoverimage object, interactivity, apolitical, attractiveness and informative. It is established that the application of these principles in the museums of Soviet life, possibly through the creation of exhibits based on the ensemble and the Museum of imaginative methods.

Keywords: museumification; soviet everyday life; culture life; material culture; intangible heritage; exhibition; a method of constructing of exhibition; virtual museum; interactivity.

УДК 069(=943.81)

МУЗЕЕФИКАЦИЯ СЕМЕЙНО-РОДОВЫХ КУЛЬТОВ ШОРЦЕВ© **Гарелик Полина Дмитриевна**

бакалавр,

Кемеровский государственный институт культуры

Россия, 650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17

E-mail: polly.garelik@gmail.com

В статье рассматриваются способы музеефикации семейно-родовых культов шорцев на разных этапах комплектования коллекций музеев Кемеровской области предметами, связанными с данным древнейшим пластом духовной культуры. На основе анализа музейных фондов и данных об экспедициях установлено, что основными способами музеефикации семейно-родовых культов являются включение в музейное собрание их материализованных воплощений, музейных предметов и фиксация нематериальных объектов посредством материальных носителей. Второй был применен первыми исследователями культуры шорцев, чьи материалы хранятся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого и Российском этнографическом музее, и не использовался в области сохранения семейно-родовых культов шорцев практически ни в одном из музеев Кемеровской области. Также определены этапы комплектования коллекций предметами, связанными с данным пластом наследия. Выявлено, что ко второй половине XX в. семейно-родовые культы утратили свое значение, а в настоящее время подверглись полному исчезновению в среде бытования.

Ключевые слова: музей; музеефикация; комплектование; нематериальное культурное наследие; традиционная культура; духовная культура; семейно-родовые культы; шорцы; музейный предмет; коллекции музеев.

Внимание к сохранению нематериального культурного наследия в целом и духовной культуры в частности обусловлено тенденциями унификации мира под влиянием глобализационных процессов, отрицательно воздействующих на процессы формирования и поддержания национально-культурной идентичности. В сохранении нематериального культурного наследия ведущую роль играет музей. Одним из направлений музейной деятельности, в рамках которого происходит преобразование историко-культурных или природных объектов в объекты музейного показа с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, научной, художественной ценности, является музеефикация. Она предполагает не только фиксацию и консервацию традиции, но и ее дальнейшую актуализацию. Посредством музеефикации возможно сохранить и передать культурные традиции народа. Элементы нематериального наследия в рамках музеефикации могут быть не только сохранены, но и воссозданы и актуализированы путем музейной интерпретации, научной реконструкции и ревитализации.

Под термином «нематериальное культурное наследие», согласно международной конвенции об охране нематериального культурного наследия, понимается совокупность основанных на традиции форм культурной деятельности и представлений человеческого сообщества, формирующая у его членов чувство самобытности и преемственности. К нематериальному культурному наследию относятся обычаи, знания и навыки, язык, устный эпос, музыка, танец, игры, мифология, ритуалы, ремесла, традиционные формы коммуникации и экологические представления, знаки и символы и т. п. [8].

По отношению к преобразованию нематериальных объектов в музейные объекты применяется термин, впервые употребленный Шмитом, — музеефикация, которая предполагает этапы их выявления, исследования, консервации, экспозиционной интерпретации и дальнейшего использования в качестве объектов музейного показа [6].

Можно выделить два основных способа музеефикации нематериальных объектов: сохранение их посредством музейных предметов, овеществленных компонентов нематериального наследия, и фиксации нематериальных объектов на материальных носителях. Это могут быть сведения об обрядах, праздниках, технологиях и др., зафиксированные на аудио-, видео-, цифровых носителях и оформленные в качестве определенного фондового собрания. Но самым распространенным способом музеефикации является комплектование фондов музеев предметами музейного значения, материализованными воплощениями культов. В данном случае под музеефикацией нематериального культурного наследия подразумеваются выявление, комплектование, хранение, учет, систематизация, научное

описание материализованных объектов, связанных с нематериальным наследием, а именно инструментов, предметов обрядовой сферы, артефактов, связанных с выражением знаний и навыков.

Древнейшим пластом духовной культуры шорцев являются семейно-родовые культы. До XX в. расселение шорцев имело родовой характер, часто селение состояло исключительно из родственников [9, с. 251]. Каждый род имел своих покровителей, они верили в духов гор, реки, огня. Родовой характер проявлялся в представлениях об отношениях между людьми и горами, определенным родом и горой. Считалось, что есть хозяин горы, реки, леса. Духов-хозяев угощали водкой, абырткой, талканом. Представитель рода обращался к хозяину с просьбой. В тайге главной просьбой была удача при охоте на зверя [13, с. 242]. Часть духов покровительствовала семейному очагу. Веру в данных духов можно обозначить как семейно-родовые культы.

У шорцев были такие семейно-родовые культы, как домашние покровители «Орекенеры», дух-хранитель детей «Умай» и духи, связанные как с охотничьим промыслом, так и с домашним очагом, — «Канаттулар» и «Апшак».

«Орекенеры» — предки по женской линии, покровительницы очага и детей, основной функцией которых была забота о благополучии семьи, увеличении рода, охране здоровья детей, домашнего очага и скота [4, с. 143]. Термин «Орекен» означает старуха. Представления о духах-«Орекенерах» восходят к женскому роду, это связано с тем, что женщина после замужества порывала с духами отцовского рода. В чужом доме она могла быть в безопасности, имея своих духов — духов материнского рода. Они охраняли новый дом женщины, очаг, имущество. Считалось, что «Орекенеры» бережно относятся к дому и выгоняют тех, кто зашел в отсутствие хозяев с целью забрать что-то из вещей. Также они заботились о продолжении рода. По представлениям шорцев, женщина, не получившая покровителей рода, либо сама умрет во время родов, либо родит мертвого или слепого ребенка. Внешний вид и благополучие будущего ребенка шорцы напрямую связывали с тем, насколько качественно и изящно изготовлены «Орекенеры». Культовые фигурки духов-покровительниц шились из мягких тканей и представляли собой упрощенные изображения человека [1, с. 123–145].

Исключением были изображения духов-покровителей с короткими руками и выпуклостями на месте грудей. Встречались «Орекенеры», соединенные попарно, иногда по три и более фигурок вместе, их высота обычно не превышала 15 – 20 см. Пара изображала мужа и жену. Домашних покровителей хранили в берестяном туесе на печке, полке под крышей дома или в амбаре. Их угощали салом и маслом. Считалось, что если небрежно относиться к ним, они могли «насылать» болезни на членов семьи.

Самым древним по происхождению являлось божество «Умай». О существовании духа или божества «Умай» было известно уже миссионеру В. Вербицкому, который сообщил о нем самые общие и краткие данные в своем словаре, где под словом «Умай» понимался добрый дух, хранитель младенцев [10, с. 265]. В «Умай-иче» шорцы видели доброго хранителя детей. Словом «Умай» называли душу ребенка с момента рождения до трех лет, также называлась у шорцев пуповина младенца, которую зашивали в кожаный мешочек и подвешивали к колыбели. Считали, что «Умай» все время находится с ребенком, пока тот в колыбельном возрасте. Полагали, что если ребенок смеется или разговаривает во сне, значит, он разговаривает с «Умай», а если плачет, значит, «Умай» на время покинуло его.

Знаком присутствия этого божества в доме был оберег в виде небольшого лука и стрелы — для мальчика, и берестяная «колыбелька» с низкими бортиками, проткнутая веретенцем со светлым лоскутком, — для девочки. Его прикрепляли над колыбелью или местом, где родился ребенок. Белый лоскуток отпугивал злого духа «Айна», охотившегося за душой ребенка [13, с. 242]. В некоторых домах шорцы клали в колыбель девочки под изголовье одну только стрелу, завернутую в беличью шкурку или кусочек кендырной ткани [2, с. 245]. Сделанный оберег вешали при первом укладывании ребенка в колыбель, при этом приглашали шамана, и снимали, когда ребенок подрастал и переставал спать в колыбели. Подкармливали «Умай» зернышками кедрового орешка, во время проведения обряда угощали талканом.

Кроме оберега для ребенка около двери дома или юрты привешивали коготь или лапу медведя «Апшак», считалось, что этим можно защитить от «Айна» вход в юрту [2, с. 245].

Большое значение в жизни шорцев имели духи-покровители охоты, связано это было прежде всего с тем, что без удачной охоты жизнь семьи не могла быть благополучной. Воплощением переходного духа «Канаттулар» была естественная двухрожковая развилка ветки березы с тряпочкой посередине, он одновременно покровительствовал и охотничьему промыслу, и охране дома от злых сил. Его изображение хранили в амбаре или под крышей и «угощали» жирной пищей и кашей без соли. За

пренебрежительное отношение «Канаттулар» насылал болезни, мешал охотникам прицеливаться в зверя, мелькая перед глазами [11].

Изучение духовной культуры шорцев началось еще в начале XX в., первым этнографам удалось зафиксировать сведения о семейно-родовых культах и включить их впоследствии в материалы музейных собраний. Сегодня семейно-родовые культы шорцев утрачены в современной социокультурной среде, об этом свидетельствуют полевые исследования студентов кафедры музейного дела Кемеровского государственного института культуры, проведенные в 2015 и 2016 г. на территории поселка Усть-Анзас. Однако материализованные воплощения семейно-родовых культов сохранились в музеях благодаря сборам в ходе экспедиций исследователей начиная с начала XX в. и музеефикации культов посредством комплектования предметов, о вещественных компонентах нематериального культурного наследия. Также сохранились архивные данные, фотоматериалы, благодаря которым есть возможность дальнейшего изучения этого древнейшего пласта духовной культуры.

Первые коллекции, отражающие семейно-родовые культы шорцев, сформировались не в музеях Кемеровской области, регионе, где проживают шорцы, а в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (МАЭ РАН) и Российском этнографическом музее в Санкт-Петербурге. Самая большая и уникальная коллекция шорской культуры находится в МАЭ (Санкт-Петербург).

Коллекция МАЭ в 1927 г. пополнилась благодаря Н. П. Дыренковой и И. Д. Старынкевич. Ими были переданы в музей изображения духов-«Орекеннеров», духа-покровителя детей «Умай», духа-покровителя охоты «Канаттулар», собранные в результате экспедиции в Кузнецкий район Сибиряка. В 1930-е гг. происходило комплектование большого собрания предметов шорской культуры. Они получили название «Новоэкспорт» и предназначались по решению Народного комиссариата торговли РСФСР на продажу за границу, но как невостребованные были частично переданы в 1932 г. в фонды Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Основными собирателями коллекций среди шорцев в 1932 г. были известный алтайский ученый-этнограф А. В. Анохин и А. И. Новиков [5, с. 148–158].

Кроме предметов, представляющих собой материализованные воплощения родовых культов, сохранились исчерпывающие этнографические материалы исследователей, которые находятся в архиве МАЭ. Н. П. Дыренкова начинала свои исследования как этнограф-фольклорист, ею был выпущен сборник шорского фольклора, кроме того, многие ее этнографические материалы содержат информацию о семейно-родовых культах, описание способов охранения ребенка у шорцев и «Орекеннеров», их зарисовки. Особо ценны фотографии, сделанные Н. П. Дыренковой в ходе экспедиции 1927 г., хранящиеся в МАЭ. Здесь запечатлены воплощения духов-покровителей детей, подвешенных над колыбелью, эпизод обряда лечения ребенка. Л. П. Потаповым описаны пережитки материнского рода, непосредственно с которым связаны семейно-родовые культы, подробно описано божество «Умай», а также охотничьи поверья и обряды [7].

В 1930-е гг. в рамках «Новоэкспорта» предметами шорских коллекций благодаря этнографам Л. П. Потапову и А. К. Супинскому пополнились один из крупнейших этнографических музеев Европы, Российский этнографический музей [12].

Комплектование коллекций по шорцам в музеях Кемеровской области началось позже, чем в музеях Санкт-Петербурга. Анализ коллекций музеев Кемеровской области показал, что в шести из них имеются коллекции по духовной культуре шорцев. Это Новокузнецкий и Осинниковский краеведческие музеи, Музей этнографии и природы Горной Шории, историко-культурный и природный музей — заповедник «Томская Писаница», Музей археологии, этнографии и экологии Сибири КемГУ, эко-музей «Тазгол». Из перечисленных способов сохранения нематериального культурного наследия семейно-родовые культы шорцев в данных музеях не включены в музейное собрание, а также зафиксированные на материальных носителях нематериальные объекты, используется только способ музеефикации, предполагающий комплектование коллекций предметами музейного значения, о вещественными компонентами нематериальных объектов.

Чаще всего в музейных коллекциях встречаются «Орекенеры». В Новокузнецком краеведческом музее «Еже киж» («Орекеннер») представляет собой антропоморфное изображение, изготовленное в начале XIX в. и обнаруженное этнографом Г. С. Блыским во время экспедиции в Горно-Шорский район в 1927 г. Изготовленный из кендырной ткани в виде прямоугольного мешочка, «Орекеннер» выглядит как две сшитые друг с другом фигурки, набитые паклей. Область лица отмечена пришитой

посередине фигурки полоской ситца, глаза сделаны из бусин. Описание двух других предметов «Ежи кижжи» полностью совпадает с предыдущим, за исключением того, что фигурка одного из них обшита полоской черного сатина, а другие обернуты лоскутом розового ситца в белый горох. Сходный с этими предмет «Ежи кижжи» («Орекеннер») представляет собой три сшитые друг с другом фигурки. У двух из них туловище посередине обернуто полоской ситца, а голова увенчана птичьим перышком.

В фонде музея также имеются предметы «Ежи кижжи» («Орекеннер») в виде единичного антропоморфного изображения, сшитого из кендырной ткани в виде прямоугольного мешочка, набитого паклей и зашитого с двух сторон, область лица у «Орекеннера» отмечена пришитой посередине фигурки полоской ткани черного цвета, глаза сделаны из белых бусин. Предназначение всех вышеперечисленных предметов, их устройство, время и место бытования полностью совпадают друг с другом.

Осинниковский краеведческий музей хранит два культовых предмета. «Орекенеры» представляют собой фигурки, не соединенные между собой, изготовленные из кендырной ткани в виде мешочка, набитого паклей. Они расположены в экспозиции музея под общим названием «Кермезеки», область лица у них отмечена пришитой посередине фигурки полоской ткани красного цвета у одного и синего у другого, из черных бусин сделаны глаза. Предметы датированы началом XIX в. и обнаружены в Новокузнецком районе.

«Орекенеры» также имеются в Музее археологии, этнографии и экологии Сибири КемГУ. Здесь они представляют собой три одинаковые, соединенные друг с другом антропоморфные фигурки, сшитые из кендырной ткани и набитые кендырными волокнами, глаза выполнены из бисеринок, середина фигурки обернута полоской черной сатиновой ткани. Олицетворяли духов-предков по женской линии или родоначальниц, покровительниц очага и семейного благополучия, как и все перечисленные ранее. Изготовление данных культовых предметов относится к началу XX в., место бытования — пос. Тоз. В фонд музея поступили в результате экспедиций в начале 1990-х гг.

В Музее этнографии и природы Горной Шории «Орекеннер» представлен в виде двух скатанных из кендырного волокна и обшитых кендырной ткани фигурок, не сшитых между собой, вертикальный шов, выполненный неровными косыми стежками, проходит сзади, в области лица пришиты глаза и рот из черных бисеринок. Изготовлен предмет в начале XX в., местом его бытования является пос. Эльбеца Таштагольского района. В музей «Орекеннер» поступил в 1980–1990-е гг. [3, с. 33].

Если «Орекенеры» можно встретить практически во всех музеях Кемеровской области, имеющих коллекции по шорцам, то с воплощением духа «Умай» дела обстоят сложнее. Ни в одном из музеев Кемеровской области не обнаружено ни одного изображения духа-покровителя детей. Известно, что такие изображения хранятся только в МАЭ им. Петра Великого и представляют собой разные вариации. Это деревянный лучок со стрелой, модель лука и стрелы с прикрепленным кусочком заячьей шкурки, а также культовый предмет «Умай» в виде маленькой берестяной люльки, насквозь проткнутой деревянной стрелой [3, с. 36].

Другой культовый предмет «Канаттулар», воплощение духа покровителя охоты, можно встретить в фонде Музея археологии, этнографии и экологии Сибири КемГУ. Он представляет собой ветку с развилкой, прямоугольный лоскут ткани подогнут с одной стороны и в него продернута кендырная веревочка, привязанная концами к развилкам ветки. Предмет изготовлен в начале XX в. в Мысковском районе, а в музей поступил в 1992–1994 гг. от Д. А. Функа, которым в эти же годы в музей был передан культовый предмет «Апшак», представляющий собой отсеченную высушенную лапу зверя, которая использовалась как оберег от злых духов [3, с. 37].

Таким образом, семейно-родовые культы шорцев являются древнейшим пластом их нематериальной культуры и являются дошаманистскими, их возникновение связано с существованием материнско-родового строя, в котором главенствующая роль принадлежала женщине, и расселением по родам. К семейно-родовым культам шорцев относятся духи-покровители «Орекенеры», божество «Умай», «Канаттулар» и «Апшак».

Чтобы обеспечить сохранность нематериального культурного наследия, его необходимо зафиксировать на материальных носителях и вместе с материализованными компонентами преобразовать в музейные предметы. Для обозначения этого процесса используется термин «музеефикация». Таким образом, музеефикация объектов нематериального культурного наследия может осуществляться через фиксацию их на материальных носителях, включение в музейное собрание материалов, зафиксированных в полевых дневниках, архивных данных об экспедициях, фото- и видеисточниках, фонозаписях. А также комплектование коллекций музеев предметами музейного значения, овеятыми компонентами нематериальных объ-

ектов. Работа музея с нематериальным культурным наследием должна включать основные стадии, такие как выявление, комплектование, учет, изучение и актуализация.

Комплектование музейных коллекций по шорцам происходило в несколько этапов. Первые коллекции были созданы в МАЭ им. Петра Великого и Российском этнографическом музее, они обладают уникальными собраниями предметов семейно-родовых культов шорцев. Большинство предметов было собрано в 1920–1930-е гг. благодаря выдающимся этнографам Н. П. Дыренковой и И. Д. Старынкевич, А. В. Анохину, Л. П. Потапову, сборы которых в ходе экспедиций в Горную Шорию пополнили фонды музеев не только путем комплектования музейных предметов, но и за счет включения в музейное собрание фотографий, описей, полевых дневников. В Кемеровской области процесс сохранения семейно-родовых культов шорцев начался немного позже, но уже с конца 1920-х гг. в музей г. Новокузнецка поступали отдельные предметы от исследователей Кузнецкого края Д. Т. Ярославцева, К. А. Евреинова, Г. С. Блынского. Фонды Осинниковского музея были пополнены благодаря сборам в Новокузнецком районе под руководством Д. В. Кацюбы В результате экспедиций 1990-х гг. под руководством В. М. Кимеева предметами семейно-родовых культов шорцев были пополнены фонды Музея археологии, этнографии и экологии Сибири КемГУ. В коллекциях музеев чаще всего встречаются воплощения духов-покровителей очага и детей «Орекеннеров», а изображения переходных духов «Канаттулар» и «Апшак» — покровителей охоты и домашнего очага — представлены только в Музее археологии, этнографии и экологии Сибири КемГУ. В музеях Кемеровской области не выявлено ни одного воплощения духа «Умай», покровителя детей.

Основным способом сохранения родовых культов в музеях Кемеровской области является комплектование коллекций предметами, овеществленными компонентами данного объекта нематериального наследия. Такой способ, как фиксация нематериальных объектов на материальных носителях, музеями Кемеровской области используется редко, данный способ применялся в основном музеями Санкт-Петербурга.

В естественной социокультурной среде семейно-родовые культы полностью утрачены, сохранились лишь фрагментарные воспоминания о них. Начиная с 1960–1980 гг. предметы культа перестали выявляться исследователями в экспедициях, вероятно, именно в этот период культы подверглись разрушению. В настоящее время единственными свидетельствами о семейно-родовых культах шорцев являются материалы музейных собраний, исследование которых позволит не только реконструировать утраченные культы, но и будет способствовать эффективной их актуализации на базе музея. Внимание исследователей в большей степени сконцентрировано на проблемах презентации нематериального наследия, в то время как презентация начинается именно с сохранения. На основе данных о музеефицированных предметах культа имеется возможность реконструкции обрядовых действий, наибольшим потенциалом при этом обладает экомузей «Тазгол».

Литература

1. Дыренкова Н. П. Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков // Памяти В. Г. Богораза (1865–1936): сб. ст. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 123–145.
2. Дыренкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая // Статьи и этнографические материалы. СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2012. 408 с.
3. Кимеева Т. И. Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. Ч. 5. 135 с.
4. Кимеева Т. И. Культура народов Притомья как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – начало XX в.). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. 309 с.
5. Кимеева Т. И. Этапы формирования шорских этнографических коллекций в музеях России // Вестник КемГУКИ. 2016. № 34. С. 148–158.
6. Музеефикация [Электронный ресурс] // Российская музейная энциклопедия-словарь музейных терминов. URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?93> (дата обращения: 16.12.2016).
7. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН: Отдел этнографии Сибири [Электронный ресурс]. URL: http://www.kunstkamera.ru/index/museums_structure/research_departments/department_of_siberia/ (дата обращения: 16.12.2016).
8. Нематериальное культурное наследие [Электронный ресурс] // Российская музейная энциклопедия-словарь музейных терминов. URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?31> (дата обращения: 16.12.2016).
9. Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. Л.: Изд-во академии наук СССР, 1953. Ч. 2. 383 с.
10. Потапов Л. П. Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник. М.: Науча, 1973. С. 265–286.

11. Потапов Л. П. Охотничьи поверья и обряды у алтайских турков [Электронный ресурс] // Электронная библиотека истории, культуры и этнографии Сибири МАЭ им Петра Великого. URL: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/ELibrary.html> (дата обращения: 16.12.2016).

12. Российский этнографический музей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.museum.ru/M147> (дата обращения: 16.12.2016).

13. Токарев С. А. Ранние формы религии. М.: Изд-во политической литературы, 1990. 622 с.

THE MUSEUMIFICATION OF THE FAMILY AND TRIBAL CULTS SHORS

Polina D. Garelik

Bachelor's Degree Student,

Kemerovo State Institute of Culture

17, Voroshilov str., Kemerovo, 650056, Russia

The article discusses how the preservation of family and tribal cults Shors at different stages of the collections of the museums of the Kemerovo region objects associated with the ancient formation of the spiritual culture. Based on the analysis of Museum collections and data about the expeditions established that the main methods of preservation of family and tribal cults are the inclusion in the Museum collection they persisted embodiments, Museum objects, and fixation of intangible objects by means of tangible media. The second was used by the first researchers of culture of the Shors, whose materials are stored in the Museum of Anthropology and Ethnography. Peter the Great and the Russian Museum of Ethnography, and has not been used to preserve family and tribal cults Shors almost none of the museums of the Kemerovo region. Also the stages of the collections of objects associated with the formation of heritage, it was revealed that the second half of the twentieth century family and clan cults lost its importance, and to date has been the complete disappearance in the medium of existence.

Keywords: museum; museumification; acquisition; intangible cultural heritage; traditional culture; non-material culture; family ancestral worship; shors; museums object; collection of museums.

УДК 069

МУЗЕЙНЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ВЫСТАВОЧНЫЙ ПРОЕКТ КЛУБА «НАСЛЕДИЕ»© **Константинова Наталья Николаевна**

кандидат исторических наук, ученый секретарь,
Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова
Россия, 672000, г. Чита, ул. Бабушкина, 113
E-mail: Asyapogod@yandex.ru

В статье приводятся основные концептуальные положения образовательно-выставочного проекта клуба «Наследие», действующего в Забайкальском краевом краеведческом музее, как пример использования данного вида музейной просветительной деятельности в региональных музеях. Дано краткое описание некоторых мероприятий указанного музея в рамках этого проекта.

Ключевые слова: образовательно-выставочный проект; клуб «Наследие»; музейное мероприятие; музейный спектакль; концепция; сценарий; персонажи; научные сотрудники; волонтеры.

В Забайкальском краевом краеведческом музее им. А. К. Кузнецова (далее —ЗККМ) действуют различные образовательные программы, рассчитанные на ту или иную возрастную категорию посетителей. Для старшей школьной, студенческой и взрослой аудитории долгое время проводилась широко распространенная во многих музеях страны Музейная гостиная. В ее рамках главным образом осуществлялись камерные, салонные мероприятия с музыкальным сопровождением, приуроченные к знаменательным датам и событиям, связанным с историей и культурой XIX в., как правило, не обязательно с экспозицией или выставкой. В рамках Гостиной не всегда можно было осветить ту или иную региональную этнографическую, историческую тему XVII–XIX вв., с другой стороны, в антураже не каждой выставки или экспозиции можно было проводить такое массовое мероприятие, как Музейная гостиная.

В этом пришлось убедиться, когда в музее проводилась выставка «Забайкалье: три века с Китаем», посвященная 320-летию заключения первого русско-китайского договора (Нерчинского), 60-летию установления дипломатических отношений Советского Союза с КНР и современному приграничному сотрудничеству (2009 г.). Экспозиция отражала разнообразные (экономические, культурные, научные) связи Забайкалья с Китаем на протяжении всей истории взаимоотношений этих территорий. В одном из комплексов выставки был представлен портрет П. А. Кропоткина, состоявшего на службе в 1860-х гг. в ГУВС, не раз посетившего Забайкалье, проживавшего в Чите, а в 1864 г. под видом купца в сопровождении нескольких казаков совершившего тайную экспедицию в Маньчжурию. Поскольку в 2009 г. исполнилось 145 лет этой экспедиции, было проведено мероприятие, связанное с этим событием.

Сам по себе сюжет этой экспедиции (а он описан в воспоминаниях Кропоткина, в его переписке, в исследованиях некоторых историков, например, Анисимова) [1; 5] очень увлекательный, изобилует и опасными, и комичными случаями, в которые попадали Кропоткин со своими спутниками. В то же время он имеет огромную познавательную составляющую: описание природы, ландшафта, населенных пунктов, нравов и обычаев местных жителей, историко-культурных объектов, т. е. всего того, что встречалось на пути путешественникам. Руководствуясь имеющимися по теме данными, был разработан сценарий «Тайно по Маньчжурии к Амуру...». Он включал эту богатую информацию, также предусмотрено действие в антураже экспозиции по истории XIX в., где представлены кабинет создателя музея А. К. Кузнецова и интерьер купеческой гостиной. Роли, предусмотренные сценарием, исполняли сотрудники музея, в ходе представления использовались подлинные предметы соответствующей эпохи: географические карты, книги, рукописи, инструменты, с помощью которых осуществлялась в XIX в. съемка местности, настольный чернильный прибор, образцы горных пород, монгольская и китайская традиционная одежда, столовая утварь. Также привлекались средства мультимедиа, с помощью которых демонстрировались карта с маршрутом экспедиции, портрет Кропоткина, его карандашные рисунки, выполненные во время путешествия, виды китайского городка Айгуна и русского Благовещенска. Гости мероприятия стали старшеклассники и студенты читинских колледжей, а также вузовские преподаватели, краеведы и ученые. Состоялся познавательный инсценированный рассказ (музейный спектакль) с двумя его ведущими, действующими лицами, со слайд-фильмом.

Это музейное мероприятие отличалось от тех, которые проводились в рамках Музейной гостиной, другими целями и задачами, иной методикой. В связи с этим сотрудники отдела истории и этнографии, которые организовали данное мероприятие, пришли к выводу о проведении экспозиционно-выставочных мероприятий в иной форме и под другим названием. Поскольку проблематика экспозиций и выставок, которые курирует историко-этнографический отдел, касаются истории и этнографии, автору статьи пришла мысль проводить их в рамках своеобразного клуба, а клубу дать название «Наследие». Так появился еще один музейный образовательно-просветительно-выставочный проект — клуб «Наследие». В сентябре 2012 г. были разработаны его концепция и положение, заслушанные на научно-методическом совете, утвержденные администрацией [4; 8].

Здесь следует обратиться к концептуальным направлениям и нормативным положениям клуба «Наследие», которые изложены в указанных документах. Клуб организуется отделом истории и этнографии ЗККМ с целью реализации образовательных и просветительских программ на базе постоянных исторических и этнографических экспозиций, временных выставок, проведения массовых просветительских, патриотических, познавательных мероприятий, связанных со знаменательными датами российской и региональной истории. Для этого разрабатываются концепции, сценарии мероприятий, если есть необходимость, участники проводят исследовательскую работу, разыскивают и изучают архивные материалы, материалы периодики, готовятся к тем или иным мероприятиям, которые представляют собой сочетание исторического повествования, декламацию исторических документов, воспоминаний от лица ведущих или исполняющих ту или иную роль. Действо разворачивается на фоне экспозиции или выставки, сопровождается демонстрацией видео или слайдов. Участниками клуба могут быть не только сотрудники указанного отдела, но и других отделов и подразделений музея, а также преподаватели вузов и учителя школ, студенты и школьники, при этом предпочтение отдается в первую очередь учащимся и студентам-историкам, культурологам, которые проходят музейную практику, волонтерам из числа тех же студентов и школьников. Активно участвуют приглашенные гости — известные в крае ученые, общественные деятели, представители властных структур, деятели образования и культуры. Беседа с приглашенными, компетентными в тех или иных вопросах, — важная составляющая заседания клуба. Еще раз подчеркнем, что специфика работы клуба заключается в том, что итогом исследовательской работы, изучения той или иной темы истории и культуры региона является проводимое в рамках клуба мероприятие. Самое основное и, на первый взгляд, могущее вызвать вопросы — это то, что постоянное членство в клубе не предусматривается; в зависимости от готовящегося мероприятия, встречи или иного просветительского действия привлекаются желающие и заинтересованные лица как для активного, так и пассивного участия. Таким образом, в рамках деятельности клуба «Наследие» осуществляется содействие профессионально-гуманитарному образованию, повышению интеллектуально-культурного уровня и патриотическому воспитанию молодежи; оказывается научно-методическая помощь культурно-просветительным и образовательным учреждениям; осуществляется распространение опыта работы клуба среди музейных работников.

Руководствуясь указанными нормативными положениями, отдел истории и этнографии подготовил и провел первое заседание клуба «Церковь каменная, о пяти маковицах да книга — пища духовная, словесная...», посвященное дню старопечатной книги и 300-летию церкви Успения Божьей Матери (с. Калинино Нерчинского района Забайкальского края). Необходимо напомнить, что Успенская церковь была заложена по указу Петра I в 1706 г., освящена в 1712 г., а праздник «День православной книги», который стал отмечаться с 2009 г., приурочен к годовщине выхода первой печатной книги талантливого русского художника-гравера, публициста и просветителя Ивана Федорова. Он со своим помощником Петром Мстиславцем на Московском печатном дворе Ивана Грозного 1 марта 1564 г. завершил печатание «Апостола». Эта дата — 1 марта (14 — по новому стилю) 1564 г. — считается началом книгопечатания на Руси.

Замечательно то, что во время разработки сценария и изучения фондовой коллекции старопечатных книг в собрании православных изданий была выявлена уникальная книга, датированная началом XVII в. Это «Сказания св. Епифания Кипренского о деяниях святых апостолов». В концовке этой книги, что отличало первые русские печатные тексты, приведены слова: «Напечатана ... сия духовная книга художеством и трудами многогрешного Ивана Андроникова сына Невежина и прочих... работников, трудившихся любезными трудами...». А Иван Андроников — сын Андроника Невежи, который был учеником, а затем последователем первопечатника Ивана Федорова. Факт выявления в фондах такого раритета послужил размещению его в экспозиции и популяризации посредством мероприятия в рамках заседания клуба «Наследие».

Мероприятие, на которое были приглашены студенты истфака Забайкальского педуниверситета и техникума отраслевых технологий, преподаватели и журналисты, проходило в зале этнографии и было привязано к разделу постоянной экспозиции «Включение Забайкалья в систему российской государственности», где представлено данное издание, и к небольшой временной выставке «Первая от Байкала, белокаменная...» (кроме различных православных изданий конца XIX — начала XX в. были размещены фотографии Посольского монастыря, Успенской церкви в разные исторические периоды, фото священников Успенской церкви — отца и сына Ивана Григорьевича и Николая Ивановича Знаменских, первый похоронен у стен церкви, второй стал последним священником, репрессирован).

По ходу инсценированного рассказа демонстрировался слайд-фильм. Было трое ведущих, автор сценария (Н. Н. Константинова) руководила действием, сотрудники исполняли роли настоятеля Успенского монастыря Боголепа, Нерчинского воеводы Деревнина, крестьянина с. Монастырское (ныне с. Калинино), епископа Михаила, сына последнего настоятеля Успенской церкви Вадима Знаменского. Сценарий основан на документальных источниках XVIII в., повествующих об Успенской церкви нынешнего с. Калинино, данных дореволюционной периодики, воспоминаниях очевидцев, исследованиях краеведов [2; 3; 6; 7]. В процессе инсценированного рассказа ведущие и исполнявшие роли сотрудники обращались к постоянной экспозиции, диораме, выставке. Чудесным образом накануне читинский умелец принес в музей макет Успенской церкви, что помогло ведущему при описании церкви. Затем слово было предоставлено автору проекта реставрации Успенской церкви архитектору В. И. Кулешу, который рассказал о художественных достоинствах этого историко-культурного объекта.

Из рассказа ведущих и выступлений персонажей участники заседания узнали об историко-культурном значении Успенской церкви, о начале заселения края, его христианизации, о двух точках зрения на дату основания Успенского монастыря: 1664-й или 1712 г., об истории монастыря со времени строительства главного храма — церкви Успения Пресвятой Богородицы. Зачитывались документы о приписанных к монастырю деревнях с крестьянами, давалось описание монастыря, монастырских работ, утвари главного храма Успенского монастыря, рассказывалось о династии священников Знаменских, которые служили в Успенской церкви, о трагической участи последнего настоятеля храма Н. И. Знаменского (был репрессирован вместе с матушкой и детьми, тоже священниками). В повествование о библиотеке Успенской церкви был включен рассказ о старопечатных книгах, представленных в постоянной экспозиции и на выставке (мини-экскурсия). Говорилось о гонениях на церкви и их служителей, об участии Успенской церкви, ее утвари и книгах в советское время. В заключении один из персонажей — потомок Знаменских — Вадим Знаменский зачитал свои детские воспоминания о последней пасхальной службе в Успенской церкви (май 1929 г.), о плачевном состоянии церкви в 1933 г.

Очередное заседание клуба «Наследие» состоялось на базе выставки «Музейные редкости», на которой были представлены предметы японской лаковой живописи, китайского, европейского и российского фарфора, художественные изделия из кости, нефрита и дерева, живописные произведения российских и забайкальских художников, в том числе предметы коллекции нерчинского золотопромышленника М. Д. Бутина. Мероприятие прошло в форме радиомоста под названием «Голоса из прошлого». В нем приняли участие студенты истфака и художественного отделения Забайкальского госуниверситета. В основу сценария была положена история формирования художественной коллекции ЗККМ, сюжеты, связанные с именами художников произведений, представленных на выставке (В. Верещагин, И. Айвазовский, М. Паллен, И. Гуркин, И. Сверкунов и др.), с техникой изготовления фарфора, лаковой живописи, а также ситуации, произошедшие с людьми, имевшими отношение к представленной коллекции (М. Д. Бутин, Г. Ц. Цыбиков, К. Д. Логиновский, М. Д. Игнатьева, А. К. Кузнецов, А. В. Харчевников, Д. М. Головачев, Л. А. Пуляевский). Все действие сопровождал слайд-фильм, продемонстрировавший художественные произведения, портреты художников и названных ранее забайкальских исследователей и меценатов. Как создавалась художественная коллекция ЗККМ, что демонстрировалось на выставке и как попали представленные предметы в краеведческий музей в Читу? На данном мероприятии об этом «рассказали» сами свидетели тех событий, давно ушедшие от нас, то есть названные забайкальские исследователи и меценаты, музейные деятели и краеведы прошлого. Корреспондентами (ведущими), которые помогли «общаться» с ними в рамках этого своеобразного радиомоста, выступили сотрудники музея.

Когда в зале, где была устроена выставка, гости рассаживались по местам, звучала музыка И. Корнелюка из фильма «Мастер и Маргарита», создавая атмосферу таинственности, загадочности,

мистики. В зале вместе со студентами-слушателями находились корреспонденты, а другие действующие лица, деятели прошлого, — за перегородками выставки, т. е. их не было видно. Корреспонденты задавали им вопросы, те «отвечали», завязывалась беседа, деятели прошлого в микрофоны из-за перегородок «рассказывали», «вспоминали». И эти рассказы были связаны с выставкой, отдельными ее витринами, комплексами, экспонатами. Сами корреспонденты тоже рассказывали. Например, о лаковой живописи японских мастеров, об особенностях этой техники, обращаясь к экспонатам в витрине, т. е. корреспондент проводил мини-экскурсию. Если «говорили» деятели прошлого, корреспонденты также показывали экспонаты в витрине. Например, Мария Дионисовна Игнатьева, которая в 1915 г. передала в музей чайный сервиз «Дракон» (он был представлен на выставке), «вспомнила» о своем муже Дмитрие Феоктистовиче: он был купцом 2-й гильдии, был попечителем различных учреждений в Чите, даже гласным Читинской городской Думы! «Рассказала», что они жили на Коротковской улице, в уютном особнячке, что они вечерами любили пить чай из чашечек этого сервиза. Она также дала описание сервиза, «рассказала» о китайской символике дракона, о технике кракле. Затем корреспондент добавил рассказ о легенде появления этой техники.

Во время «беседы» корреспондента с этнографом прошлого К. Д. Логиновским последний «рассказал» о себе, что в конце XIX в. много раз бывал в экспедициях, из которых привозил этнографические предметы и передавал в Читинский музей, что представленная на выставке миниатюрная вещица — это табакерка для нюхательного табака, она фарфоровая, с изображением на фоне пейзажа мужских фигур, что в 1895 г. он был в экспедиции в Маньчжурии и там ее на что-то обменял... Затем, «нетерпеливо перебивая» его, «вступал» Г. Ц. Цыбиков: «Не только Вы, Карп Данилович, выезжали в экспедиции. Чего стоит мое путешествие в Тибет, в Лхасу, куда европейцам под страхом смерти путь был закрыт! Но я три года был там — с 1899 по 1902! Я прошел туда из Забайкалья через западную оконечность Китая и не только с научными целями, но и выполняя задание русской разведки! Потом, как вы знаете, дорогие гости музея, об этом путешествии я рассказал в своей фундаментальной книге «Буддист-паломник у святынь Тибета». А эту милую вещицу — футляр для бумажного веера из шелка с ручной вышивкой — я приобрел по пути, в Китае, кажется, на базаре (веер куда-то задевался)...» (все перечисленные персонажами предметы демонстрировались в витринах).

Таким образом состоялась встреча, на которой использованы разнообразные формы коммуникации: рассказ, беседа, мини-экскурсия, музыкальное сопровождение, компьютерные технологии, приемы и методы, подсказанные телевидением. А самое главное — состоялось нетрадиционное и неординарное по замыслу действие с ореолом загадочности и мистики. Само действие, насыщенное рассказом с интересными и разноплановыми фактами, голоса представителей прошлого, краткие реплики и мини-экскурсии корреспондентов не позволяли ни на минуту студентам отвлечься, заставляли их обращаться к экспонатам. Как иногда бывает на традиционных экскурсиях, здесь не было скуки, все было заинтриговано развивавшимся действием сценария.

Здесь приведены лишь некоторые мероприятия клуба «Наследие». Их значительно больше. Надо отметить, что такие мероприятия требуют значительных затрат: длительность разработки сценария (изучение литературы, исследование документальных источников и материалов старой периодики, выявление фондовых материалов), успех реализации которого во многом зависит от всесторонних знаний его разработчика; многочисленные репетиции, на которые, как правило, у сотрудников не хватает времени из-за выполнения других разнообразных видов музейной деятельности; подготовка реквизита (как правило, в музее это подлинные экспонаты, в редких случаях новоделы). Наконец, проведение таких мероприятий подходит для крупных музеев со значительным штатом сотрудников (как показала практика, привлечение волонтеров для исполнения ролей еще больше затрудняет и замедляет процесс подготовки такого своеобразного музейного спектакля). Тем не менее нельзя исключать возможность привлечения к такой работе студентов-волонтеров, которые сами должны выступать в роли ведущих и исполнителей ролей, что способствует укреплению связей музея с вузом или другим образовательным учреждением и послужит воспитанию молодых людей на примере истории и культурных достижений родного края.

Литература

1. Анисимов С. Путешествия П. А. Кропоткина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1943. 130 с.
2. Казакова Т. П. Нерчинский Успенский монастырь (1706–1764) // Нерчинское Забайкалье: архивный вестник. 2003. № 6. С.82–87.
3. Карелин И. Нерчинский Успенский монастырь // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1883. № 45. 5 нояб. С. 571–579.
4. Концепция образовательно-выставочного проекта «Клуб “Наследие”» // ЧОМ. Научный архив ЗККМ.
5. Кропоткин П. А. Записки революционера. М.: Мысль, 1966. 504 с.
6. Кудрявцев С. Первая от Байкала, белокаменная... (о церкви Успения Пресвятой Богородицы в селе Калинино) // Забайкалье: наука, культура, жизнь. 2003. № 3(7), июнь. С. 44–45.
7. Кулеш В. И. Спаси и сохрани...// Забайкалье: наука, культура, жизнь. 2003. № 3(7), июнь. С.41–42.
8. Положение образовательно-выставочного проекта «Клуб “Наследие”» // ЧОМ. Научный архив ЗККМ.

MUSEUM EDUCATIONAL AND EXHIBITION PROJECT CLUB «HERITAGE»

Natalia N. Konstantinova

Ph.D. in History, Academic Secretary,

Transbaikal Regional Museum of Local Lore and History named after A.K. Kuznetsov

113, Babushkin st., Chita, 672000, Russia

The article presents the main conceptual points of the educational and exhibition project Club “Heritage” which functions at Transbaikal regional museum. It is featured in the article as an example of the application of this kind of educational activity in regional museums. A short description of several museum events conducted as part of the project is given.

Keywords: educational and exhibition project; Club «Heritage»; museum event; museum performance; concept; script; characters; research staff members; volunteers.

УДК 069+39

РАЗРАБОТКА МАСТЕР-КЛАССА ПО ИЗГОТОВЛЕНИЮ ТРАДИЦИОННОЙ ЖЕНСКОЙ РУБАХИ БАЧАТСКИХ ТЕЛЕУТОВ

© Родионова Дарья Дмитриевна

кандидат философских наук, доцент,
Кемеровский государственный институт культуры
Россия, 650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17
E-mail: dasha.d.rodionova@yandex.ru

© Родионов Семен Григорьевич

научный сотрудник,
Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница»
Россия, 650099, г. Кемерово, ул. Томская, 5а
E-mail: rodionov.smn@gmail.com

В статье описан опыт кафедры музейного дела КемГИК по подготовке и реализации проектного подхода к практико-ориентированной подготовке студентов-музеологов. На примере разработки мастер-класса по изготовлению традиционной женской рубахи бачатских телеутов подробно описаны этапы кроя и шитья женской рубахи, что, по мнению авторов, позволяет сохранить и актуализировать технологию создания данного элемента одежды коренных малочисленных народов Кузбасса. Акцентируется внимание на том, что в ходе работы основным методом воспроизведения рубахи был избран метод моделирования, поскольку метод реконструкции подразумевает использование подлинных элементов для воссоздания, а метод моделирования допускает некоторую долю условности. Авторы статьи описывают как саму технологию кроя, так и количество необходимых материалов, необходимых для создания элемента традиционного женского костюма бачатских телеутов.

Ключевые слова: рубаха; бачатские телеуты; подготовка музейных специалистов; элемент одежды.

Подготовка музейных специалистов в современной высшей школе направлена на практико-ориентированное обучение. В соответствии с ФГОС ВО по направлению подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» у бакалавров должны быть сформированы компетенции, в том числе направленные на осуществление проектной деятельности. Например, способность к участию в разработке выставочных и экспозиционных проектов (ПК-10); способность к участию в разработке отдельных разделов проектов региональных программ сохранения и освоения культурного и природного наследия, в том числе в туристической сфере (ПК-11). В связи с этим одной из разработок, направленных на формирование данных компетенций, стал студенческий проект, посвященный сохранению историко-культурного наследия коренных малочисленных народов Кемеровской области. Проект посвящен моделированию традиционной рубахи телеутов [10].

Для ознакомления с технологиями традиционных ремесел наиболее приемлемой формой может служить мастер-класс, который органично вписывается в культурно-образовательную деятельность этнографического музея для обучения элементам традиционных технологий ремесел, в том числе по народному костюму. В условиях современности народный традиционный костюм сохраняется преимущественно в музейных собраниях. Относительно традиционной рубахи телеутов «кунек» стоит отметить, что она устойчиво сохраняется в естественной среде проживания бачатских телеутов. Исследования материалов музейных коллекций свидетельствуют о том, что с начала XX в. не подверглись изменению ни ее крой, ни технологии декорирования. Изменяются только качество использованного для шитья текстиля и фурнитура [1].

Поэтому вызвала интерес возможность реконструкции данного образца традиционной культуры в то время, пока не исчезли носители традиций. Были изучены образцы традиционных рубах из коллекций музеев Кемеровской области, проведены беседы с телеуткой по национальности Л. И. Тыдыковой, занимающейся сохранением традиционного декоративно-прикладного искусства и владеющей технологиями декорирования и шитья, характерного для женских ремесел телеутов.

Таким образом, приведем основные этапы реконструкции традиционной рубахи бачатских телеутов — изучение материалов музейных собраний, фактуры текстиля для шитья рубахи, качества фурнитуры.

В ходе работы основным методом воспроизведения рубахи «кунек» был избран метод моделирования, т. к. метод реконструкции подразумевает использование подлинных элементов для воссоздания, а метод моделирования допускает некоторую долю условности. Текстиль подбирался с учетом изученных музейных образцов, но все равно не являлся аутентичным подлинникам [2].

Была разработана методика воспроизведения рубахи, включающая снятие выкройки методом калькирования на прозрачную пленку; обмер деталей традиционной рубахи «кунек» (спинки, полок, рукава и др.); подготовка выкройки на основе полученных данных; подбор фурнитуры, соответствующей традиционной. Далее осуществлялась подготовка эскизов, выполняемых с изображением двух видов: вид спереди (на фигуре в полный рост), вид сзади (без изображения фигуры). Техника цветового решения композиции выбрана с учетом фактуры ткани.

Описание рубахи составлено согласно общей характеристике внешнего вида костюма в целом и характеристике его основных деталей. Таким образом, платье-рубаха «кунек» выглядит следующим образом: из парчи красного цвета, туникообразного покроя, с боковыми клиньями чабу,вшитыми от проймы рукава до подола. Воротник узкий, стоячий, из красного драпа, на картонной прокладке. На лицевой стороне черным шнурком, перевитым золотой нитью, выполнен прямоугольник по всей длине воротника. Внутри него по краям воротника нашиты поставленные на угол берестяные квадратики акча, вышитые золотой нитью в технике плоской глади. Пазушный разрез прямой, обшит шелковым красным шнурком тек, образующим на левой стороне 9 петель для литых медных пуговиц сферической формы. В верхней части платья изнутри до середины линии груди и спинки пришита подоплека из х/б синей ткани. Рукав широкий, слегка зауженный к обшлагам. Имеются квадратные ластовицы из зеленого с цветочным рисунком шелка. Подол изнутри подшит полоской х/б красной ткани, обшлага рукавов — широкой полосой шелковой ткани [7].

В процессе изготовления рубахи использовались разнообразные группы швейных материалов, от которых зависят срок службы, внешний вид и качество изделия. Для построения технологического процесса большое значение имеет правильный выбор материалов, которые характеризуются определенными пошивочными свойствами.

Для изготовления телеутской рубахи нам понадобилось 3 м парчи, 1 м белой хлопчатобумажной ткани, 1 м креп-сатина (красного цвета), фетр 50 на 25 см, косая бейка (черного цвета), витой шнур 1 м, люрекс (золотые и серебряные нити).

Согласно разработанной выкройке ткань раскраивалась с учетом припусков на швы. Длина изделия в готовом виде 125 см, длина рукава — 49 см, воротник 50 на 5 см. Полотнище ткани, равной длине спинки и переда, откладывается с припуском 1 см. Дальше вырезается горловина и делается пазушный разрез спереди рубахи до середины линии груди.

Из оставшейся ткани выкраиваются по направлению нитей два одинаковых прямоугольных лоскута, предназначенных для рукавов; для этого надо ткань перегнуть по линии продольного шва и отрезать вытянутые треугольные клинья, равные длине рукава.

С изнанки до середины линии груди и спинки пришивается подклад из хлопчатобумажной ткани. Рукава притачиваются к изделию. Из креп-сатина выкраиваются полоски 8 см и делаются на рукава манжеты. Дальше из основного материала выкраиваются клинья и вшиваются по бокам изделия. Между клиньями и рукавами вшивалась ластовица 12 на 12 см. Далее пришивается предварительно декорированный воротник. Пазушный разрез обшивается шнурком, образующим с одной стороны петли для застегивания на ряд пуговиц сферической или неправильной сферической формы. Подол платья обшивается полоской красного цвета шириной 7 см. В результате проделанной работы была изготовлена рубаха с учетом национальных особенностей.

Оптимальным методом воссоздания традиционной телеутской рубахи «кунек» стал метод моделирования, допускающий некоторые условности в технологии изготовления, выборе материала. Последовательность изготовления — от снятия выкройки, раскроя, декорирования деталей и сшивания — может быть применена при проведении целого цикла мастер-классов, объединенных общей темой — изготовление элемента традиционного костюмного комплекса.

Традиционная одежда бачатских телеутов отличается простотой кроя и сложностью декора, обладающего особой символикой. Форма национальной одежды складывалась веками, во многом она обусловлена бытовыми условиями проживания этих народов: жизнь в природных условиях требовала удобной одежды, которая не должна сковывать движения; суровый климат явился причиной многослойности костюмов [5].

Крой мужской и женской одежды почти одинаков. Основу традиционного гардероба составляют рубаха, штаны, распашная одежда (халаты разных видов). Тело должно быть максимально закрыто: эту задачу решали высокие воротники-стойки, длинные рукава, длинные подола, многослойность одежды. Материал для изготовления одежды менялся, но основа кроя, орнаментация, типы украшений оставались неизменными.

Традиционную одежду бачатских телеутов можно увидеть не только в музейных коллекциях, но и на национальных праздниках. Молодое поколение осваивает технологию шитья предметов одежды, как правило, на уроках технологии (вариативный компонент) и на занятиях в кружках, студиях в рамках дополнительного образования.

Традиционная рубаха телеутов играет в женском костюмном комплексе значительную роль. Выполняя утилитарную функцию, она служит натальной верхней одеждой, при этом праздничная отличается изысканностью материала (парча, шелк). Другой функцией женской рубахи считается оберегательная, что выражается в ее декорировании — кованных сферических пуговицах, символизирующих лунный знак, вышитых «акча» на воротнике и нагруднике. С женской рубахой связан целый ряд технологических приемов, которые характерны и для остальных элементов костюмного комплекса телеутов. Например, обшивка вдоль грудного разреза шнуром «тек» и пр. Технологические приемы традиционной одежды являются частью нематериального культурного наследия и поэтому нуждаются в детальном изучении.

Технологические приемы, связанные с изготовлением традиционной женской рубахи бачатских телеутов, включают целый ряд процессов: выявление особенностей ее кроя, где преобладают древние формы (туникообразная основа); техника плетения шнура для декоративной отделки; перевитие канта зигзагообразно золотой нитью; вышивка двумя иглами в технике плоской глади ромбиков «акча». Технологические приемы отражают многовековой опыт народа по изготовлению одного из элементов традиционной женской одежды, он является таким устойчивым, что не претерпел утраты в условиях современности.

Каждый этап основных технологических процессов воспроизведения женской рубахи на основе музейных методов был описан и зафиксирован. Были рассмотрены основные элементы и технология изготовления телеутской рубахи. Подготовлен обзор сопутствующей одежды бачатских телеутов, сформулированы и описаны проектные решения создания рубахи, сшита телеутская рубаха. Весь процесс был зафиксирован, отображен в электронной презентации с соответствующим описанием и будет выложен на сайте Бековского историко-этнографического музея «Чолокой» [3].

Таким образом, подготовлен, во-первых, «пошаговый» мастер-класс, который позволяет максимально точно воспроизвести пошив телеутской рубахи для продвижения и популяризации его в информационной среде, во-вторых, изготовлена женская рубаха, которая будет использована в мероприятиях, проводимых этнографическим коллективом «Пшеничка» для актуализации историко-культурного наследия в музеях Кемеровской области

Литература

1. Глушкова П. В., Кимеева Т. И. Реконструкция технологий изготовления традиционного женского костюма бачатских телеутов по материалам музейных собраний // *Мода и дизайн: исторический опыт, новые технологии*. СПб.: Изд-во СПб ГУПТД, 2016. С. 52–58.
2. Глушкова П. В., Бердикова Е. С. Музеефикация традиционной игры телеутов как объекта нематериального культурного наследия // *Культура и искусство: поиски и открытия*. Кемерово, 2016. С. 123–128.
3. Историко-этнографический музей «Чолкой» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cholkoi.ru/> (дата обращения: 18.12.2016).
4. Кимеев В. М. Этнокультурные функции экомuzeя // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2008. С. 222–234.
5. Кимеева Т. И. Реконструкция технологий традиционной вышивки тюркоязычных народов Кузбасского Притомья как один из способов актуализации культурного наследия // *Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах — важнейшие факторы стабильности России: сб. науч. тр.* Омск: Наука, 2016. С. 392–394.
6. Кимеева Т. И., Ондар А. Б. Традиционный костюм тюркоязычных народов Сибири в собраниях музеев: история изучения и актуализация // *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. 2016. № 2. С. 25–27.
7. Кимеева Т. И., Тыдыкова Л. И. Традиции и ремесла бачатских телеутов. Кемерово, 2011. 120 с.

8. Родионова Д. Д. Владение информационно-коммуникационными технологиями как фактор подготовки квалифицированных специалистов в сфере музейной деятельности // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2015. № 22. С. 106–109.

9. Родионова Д. Д., Поддубиков В. В. Коренные народы азиатской части России в информационном пространстве интернета: о проекте web-энциклопедии «Выдающиеся деятели науки и культуры — представители коренных народов российского Севера, Сибири и Дальнего Востока России» // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 25. С. 64–71.

10. Родионова Д. Д., Кагакина Е. А. Модель подготовки бакалавров на основе согласования образовательных и профессиональных стандартов (на примере направления 072300 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2–7. С. 121–125.

DEVELOPMENT OF MASTER CLASS FOR TRADITIONAL WOMEN'S ATTIRE BACHAT TELEUTS

Daria D. Rodionova

Ph.D. in History, Associate Professor,
Kemerovo State Institute of culture
17, Voroshilov str., Kemerovo, 650056, Russia

Semen G. Rodionov

Researcher,
Historical, cultural and natural museum-reserve “Tomsk Pisanitsa”
5A, Tomskaya st., Kemerovo, 650099, Russia

The article describes the experience of the department of museums KemGIK on the preparation and implementation of the project approach in the practice-oriented training of students, museologists. For example, the development of the master class for manufacturing traditional women's shirt Bachat Teleuts stages of cutting and sewing women's shirts are described in detail, that according to the authors allows co-stored and updated technology to create the element of clothes of Indigenous Peoples of Kuzbass. Attention is drawn to the fact that in the course of the main method of reproduction was a shirt from Bran simulation method as reconstruction method involves the use of authentic items for recreation, and the method of modeling, allows for some degree of conditionality. The authors describe how the technology itself is cut and the number of necessary materials needed to create an element of traditional female costume Bachat Teleuts.

Keywords: shirt; Bachat Teleuts; training museum professionals; item of clothing.

УДК 069:71

ПОДХОДЫ К МУЗЕЕФИКАЦИИ ГОРОДСКИХ ПАРКОВ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

© Силкина Марина Николаевна

бакалавр,

Кемеровский государственный институт культуры

Россия, 650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17

E-mail: marina.silkina.96@mail.ru

Статья посвящена проблемам музеефикации материального и нематериального историко-культурного наследия в городских парках советской эпохи. Изучается история появления и развития городских парков. Парки культуры и отдыха рассматриваются как площадки, на которых культурный отдых совмещался с широкой политико-воспитательной работой. Подробно описываются организация паркового пространства в 1920–1940-х гг., направление работы и популярность парков. Отмечается важность планировочных элементов парка культуры и отдыха советского периода. Выявляется особенный архитектурный стиль данного периода — конструктивизм. Парковая скульптура становится главной составляющей художественного образа парков.

Немаловажная роль отводится нематериальному наследию советских парков. Выделяются основные элементы структуры духовного пространства в парках. Центральные парки культуры и отдыха являются местами распространения счастливых романтических моментов трудящихся.

Ключевые слова: культура Советского Союза; город; городской парк; советский период; парк культуры и отдыха; политико-воспитательная функция; материальное культурное наследие; советская скульптура и архитектура; нематериальное культурное наследие; советская молодежь.

XX в. в отечественной истории — век советской эпохи. Культура СССР, несмотря на все внутренние проблемы и противоречия, имела единую цель, объединившую и направившую огромные народные массы: «строительство нового общества «равных» — коммунизма. Для такого строительства должен был появиться новый человек — носитель социалистических и коммунистических ценностей. Советский человек — это хранитель идеалов справедливости, герой, борец, рабочий, оптимист, активист, патриот, товарищ, спортсмен, эрудит. Воспитание такого человека было главной задачей государства, которая реализовывалась через учреждения образования и культуры. Одним из типов таких учреждений стал парк культуры и отдыха. Он был пространством конструирования идеального человека и идеального общества» [7].

Н. Л. Шайгарданова подчеркивает, что парк культуры и отдыха — уникальный тип парка со своей спецификой и историей. После распада СССР они оказались забыты, брошены и медленно разрушались. Сегодня интерес к паркам культуры и отдыха становится все более очевидным и проявляется в восстановлении и реконструкции сохранившихся парков, а также создании ностальгических парков [8].

Изначально понятие «городской парк» получило широкое распространение во второй половине XIX в. В этот период времени искусство создания садов и парков заняло важное место в градостроительстве. Р. Н. Романов отмечает, что в 1818 г. император Александр I высказал пожелание о необходимости устройства «публичных садов», после чего во многих губернских и уездных центрах стали появляться парки, скверы и бульвары. Затем в связи с масштабными переменами в экономической жизни России обозначились новые тенденции и в социально-культурной сфере. В городах формировались культурные инновации, находившие выражение в появлении новых форм социальных контактов, досуга и развлечений. Эволюция садово-паркового строительства в это время характеризовалась появлением городских парков разного назначения, в том числе общедоступных озелененных территорий, которые одновременно служили местом отдыха и проведения праздничных торжеств представителями различных слоев городского общества [6].

По мнению О. Н. Ворониной, к концу XIX — началу XX в. пейзажный парк решается как культурно-эмоциональная программа с последовательным перетеканием в пространстве живописных картин, гибкими маршрутами и глубокими семантическими корнями. Общественный парк приобретает укрупненный масштаб, обилие входов, связанных прямыми «деловыми» дорогами, делает его городским пространством. Информативность и многофункциональность пространства усиливается историческими, зоологическими, ботаническими, театральными и спортивными темами [1].

Новый виток развития паркового строительства России приходится на 20–30-е гг. XX в., когда появляются парки культуры и отдыха. Е. С. Кочухова и Е. И. Рабинович акцентируют внимание на том, что в это время возникновение центральных парков в крупных городах СССР является одним из элементов выстраиваемой культурной политики. Новый парк транслировал идею формирования социалистического образа жизни и выступал работающим инструментом этого формирования. Города СССР в 1920-е – 1930-е гг. оказываются местом масштабного социального эксперимента по изменению крестьянских масс и созданию советского горожанина. Новый горожанин — уже не крестьянин и не мещанин, что влечет за собой особые отношения с природой и городом. В официальном новом советском мире город перестает быть местом, где возможны приватность, уют, материальное потребление и праздность, это площадка для развертывания нового быта. Природа в городе должна быть окультурена специфически — это место не материального, но духовного производства и (или) необходимый элемент городской среды, существование которого обусловлено точными расчетами [4].

Любопытно, что основными направлениями работы парка культуры и отдыха были:

- 1) массовая оздоровительная работа и создание надлежащих условий для рабочего и его семьи;
- 2) организация мероприятий для поднятия культурно-политического и производственно-технического уровня рабочих и их семей;
- 3) участие парков культуры и отдыха в проведении важнейших народно-хозяйственных политических кампаний;
- 4) на территории парков культуры и отдыха должна быть развита массовая, художественная работа, в основном и главным образом организуемая творческой самодеятельностью самих рабочих и их семей, посещающих парки, с одновременным показом лучших образцов профессионального театра, музыкального искусства и т. д.;

5) особое внимание должно быть обращено на организацию отдыха, физкультуры, спорта применительно к различным возрастным группам рабочих и отдельных профессий» [5, с. 52].

Популярность первых парков культуры и отдыха среди советских рабочих и членов их семей обусловила повсеместное их распространение. Парк культуры и отдыха был в каждом городе СССР, в крупных городах обязательно были Центральный парк культуры и отдыха и сеть районных парков. Это учреждение культуры благодаря особой организации пространства и тщательно продуманной программе воспитательной работы с успехом выполняло свою основную задачу [10].

Таким образом, велико материальное наследие советских городских парков, сохранившихся до наших дней. Неповторима советская скульптура и архитектура, отражавшая идеалы того времени. Например, скульптуры политических лидеров коммунистического общества, образцовых советских людей: пионеров, физкультурников, заводских рабочих, а также деятелей науки.

По информации Н. Л. Девятовой, в оформлении каждого парка можно было увидеть бюсты Ленина и Сталина, Маркса и Энгельса — вождей и идеологов, которые возглавили движение и помогут трудящимся прийти к поставленной цели мирового коммунизма; включение в оформление ворот образцов рабочих и присутствие изображения герба СССР на воротах [3].

Вдоль главной аллеи парка нередко устанавливались флаги с гербами союзных республик — знак распространения идей коммунизма, укрепления коммунистического пути развития, единства рабочих во всех уголках мира. Во внутреннем пространстве парка на площадях и вдоль аллей устанавливались скульптуры рабочих, крестьян и детей: «Пионер с горном», «Девушка с веслом», «Крестьянка со снопом ржи», «Юноша со штангой», «Купальщица» и т. д. Важен тот факт, что в городских парках располагались также скульптуры с целью популяризации спорта и здорового образа жизни («Лыжники», «Юноша на старте», «Юноша со штангой» и т. д.). Отличаются скульптуры деятелей политики, культуры: это уже самостоятельные образы без обязательного включения элементов, указывающих на род занятий. Например, скульптуры Сталина, Кирова, Ленина, Горького, Маяковского и т. д. Эти лица следовало знать каждому советскому человеку, эти люди были примером верности социалистическим и коммунистическим идеалам. Имелся ряд скульптур вождей в детском возрасте, например, «В. И. Ленин в детстве». Смысл и значение таких образов — показать возможность любого человека стать великим, что герои не родились таковыми, а стали ими в результате упорного труда [9]. В связи с научными достижениями СССР в 1950–1960-х гг. и освоением космоса в парках появляются бюсты Юрия Гагарина, Валентины Терешковой, Алексея Леонова, модели и макеты космических кораблей.

Характерными планировочными архитектурными элементами парков культуры советского периода были арочные и каскадные фонтаны. В центральной части фонтанов занимали свое место скульп-

туры девушек в народных костюмах. Вход в парк украшали монументальные арки и колонны. Внутри парка располагались партеры, веранды, эстрады и ротонды, которые служили танцевальными площадками и сценами для горожан. Кроме того, в центральных парках были расставлены беседки и террасы, выполненные в характерном для данного периода архитектурном стиле — конструктивизме. Особое место в организации паркового пространства занимали цветочные портреты выдающихся деятелей искусств, скамейки, прогулочные дорожки с мостиками [9]. В течение 1940–1950-х гг. большое внимание в Советском Союзе уделялось героям Гражданской войны и Великой Отечественной войны. Поэтому в городских парках для увековечивания памяти исторических событий и героев были организованы работы по установлению стел, бюстов и памятных плит. Вдоль аллей размещались баннеры с именами и портретами погибших воинов. Благоустраивались стилизованные набережные, вблизи которых располагались парки. По периметру устанавливались ограды по замыслу известных советских архитекторов.

Интересен и тот факт, что в советских городских парках культуры и отдыха огромное значение придавалось нематериальному культурному наследию. Веселая музыка и песни, транслируемые в парке, духовой оркестр — обязательные элементы, которые были включены в структуру парков трудящихся [2]. Центральные парки культуры и отдыха были местами культурного времяпровождения большей части советской молодежи. В летние вечера молодые люди приглашали друг друга в городские парки, где были организованы танцевальные площадки, конкурсные программы. На набережных, которые входили в структуру парков, были расставлены скамейки, где парни и девушки могли полюбоваться закатом и вечерним видом на город. Молодые семейные пары прогуливались по освещенным тропинкам парков, строя планы на будущее. В дневное время суток парки становились площадками концентрации студенчества: одни — читали лекции, готовились к экзаменам, другие — репетировали показы и представления для успешной сдачи сессии. Кроме того, в советских городских парках культуры проводились спортивные состязания и соревнования, поэтому парки являлись местом спортивного духа, победы и достижений. Исходя из вышесказанного можно констатировать, что советские городские парки, с одной стороны, являлись площадкой романтических встреч, первых поцелуев, первой юношеской влюбленности, переживаний и счастливых моментов, а также незабываемых студенческих лет, радости за отличные отметки. С другой стороны, в них присутствовала атмосфера счастья и надежды во время состязательных мероприятий.

Литература

1. Воронина О. Н. Парки и социальные проблемы начала XXI в. [Электронный ресурс]. URL: <http://alairn.ru/kg/7/?nid=261&a=entry.show> (дата обращения: 10.12.2016).
2. Девятова Н. Л. Парк как социокультурная форма [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/park-kak-sotsiokulturnaya-forma> (дата обращения: 10.12.2016).
3. Девятова Н. Л. Ценности советской эпохи в символике парка культуры и отдыха // Молодые ученые – транспорту: сб. науч. тр.: в 3 ч. Екатеринбург: Изд-во УрГУПС, 2009. Ч. 3. С. 243–247.
4. Кочухова Е. С. Культурно-политический комбинат под открытым небом: Центральный парк 1930-х и клубные сады 1920-х: случай Свердловска [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-politicheskij-kombinat-pod-otkryтым-nebom-tsentralnyy-park-1930-h-vs-klubnye-sady-1920-h-sluchay-sverdlovsk> (дата обращения: 10.12.2016).
5. Лунц Л. Б. Парки культуры и отдыха. М.: Стройиздат, 1935.
6. Романов Р. Н. Городские парки в Сибири как места отдыха и развлечений во второй половине XIX в. – начале XX в. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/городские-парки-в-сибири-как-места-отдыха-и-развлечений-во-второй-половине-xix-в-начале-xx-в> (дата обращения: 10.12.2016).
7. Россия и Грузия: диалог и родство культур: материалы симпозиума / под ред. В. В. Парцвания. СПб., 2003. Вып. 1.
8. Шайгарданова Н. Л. Парк культуры и отдыха как явление культуры и воплощение советского идеологического проекта: автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2014. 25 с.
9. Шайгарданова Н. Л. Парк культуры и отдыха: из советского прошлого в российское настоящее [Электронный ресурс]. URL: <http://www.journal-discussion.ru/publication.php?id=1105> (дата обращения: 10.12.2016).
10. Шайгарданова Н. Л. Специфика и смыслы парка культуры и отдыха [Электронный ресурс]. URL: <http://open.gu-ural.ru/public/vestnik/2013-02> (дата обращения: 10.12.2016).

APPROACHES TO MUSEUMIFICATION OF CITY PARKS OF THE SOVIET PERIOD

Marina N. Silkina

Bachelor's Degree Student,
Kemerovo State Institute of culture
17, Voroshilov str., Kemerovo, 650056, Russia

This article focuses to problems of museumification of material and non-material historical and cultural heritage in city parks of the Soviet era. The history of emergence and development of city parks is studied. Recreation parks are considered as platforms on which cultural rest was combined with broad political-education work. The organization of park space of the 1920–1940th years, the area of work and popularity of parks is in detail described. Importance of planning elements of recreation park of the Soviet period is noted. Special architectural style of this period — constructivism comes to light. The park sculpture becomes the main component of an artistic image of parks.

The important part is assigned to non-material heritage of the Soviet parks. Basic elements of structure of spiritual space in parks are allocated. The Central parks of culture and leisure are places of distribution of spirit of the happy romantic moments of workers.

Keywords: culture of the Soviet Union; city; city park; soviet period; recreation park; political-education function; material cultural heritage; soviet sculpture and architecture; non-material cultural heritage; soviet youth.

УДК 069

ИНТЕРАКТИВНАЯ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МУЗЕЙНАЯ ПРОГРАММА КАК ФОРМА АКТУАЛИЗАЦИИ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

© Глушкова Полина Валерьевна

кандидат культурологии, преподаватель,
Кемеровский государственный институт культуры
Россия, 650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17
E-mail: polina-glushkova@mail.ru

В статье рассматривается инновационная форма деятельности современного музея — интерактивная культурно-образовательная программа, посредством которой осуществляется актуализация нематериального культурного наследия, что является эффективным способом сохранения данного пласта наследия, стремительно утрачивающегося в среде бытования. При соблюдении требований к программе, основными из которых являются презентация подлинных объектов историко-культурного наследия и интерактивность, можно установить коммуникацию посетителя и подлинного объекта историко-культурного наследия, обеспечить трансляцию культурно значимой информации, передачу культурных кодов. Посетитель в данном случае становится полноправным участником музейной коммуникации, а не пассивным слушателем. Элементарные формы, входящие в программу, и методы актуализации нематериального наследия должны быть обусловлены категорией презентуемого нематериального объекта.

Ключевые слова: музей; актуализация; историко-культурное наследие; нематериальное культурное наследие; культурно-образовательная деятельность; музейная программа; музейный предмет; музейная коммуникация; интерактивность; интерпретация.

В настоящее время актуальна проблема сохранения нематериального культурного наследия. Специфика нематериальных объектов заключается в том, что эффективное их сохранение возможно только при условии актуализации, включения их в современную социокультурную среду. Актуализация объектов нематериального наследия может осуществляться в рамках экспозиционно-выставочной и культурно-образовательной деятельности музея. Наиболее эффективная актуализация возможна посредством реализации культурно-образовательной деятельности, так как в данном случае процесс передачи культурно значимых смыслов осуществляется через посредника, способного донести до посетителя не всегда понятный ему язык музея [9, с. 11].

Культурно-образовательная деятельность осуществляется посредством реализации различных форм. Традиционными являются такие формы, как экскурсия, лекция, консультация [12]. Традиционные формы под влиянием актуальных процессов модернизируются, наряду с ними появляются инновационные формы [1, с. 69]. Наибольшую популярность в последнее время приобретают комплексные формы культурно-образовательной деятельности, включающие несколько элементарных форм, такие как музейный праздник и музейная программа. Комплексные формы имеют преимущество перед элементарными, т. к. в их рамках может применяться неограниченный комплекс методов и приемов, присущих различным формам.

Сегодня посетитель становится не только зрителем, но и активным участником музейной коммуникации, в связи с чем к музейным культурно-образовательным мероприятиям предъявляется еще одно важное требование: они должны быть интерактивными. Это означает, что посетитель принимает непосредственное участие в процессе актуализации наследия. При этом необходим переход от пассивной роли посетителя-созерцателя к посетителю — полноправному партнеру процесса музейной коммуникации [2, с. 29]. Таким образом, одной из оптимальных форм культурно-образовательной деятельности, направленных на актуализацию нематериального наследия, является интерактивная музейная программа. Несмотря на популярность данной формы, методические основы ее проектирования и реализации разработаны слабо.

Интерактивную музейную программу можно определить как комплексную форму культурно-образовательной деятельности музея, направленную на актуализацию историко-культурного наследия при активном участии посетителей в процессе музейной коммуникации. Координатором музейной программы выступает интерпретатор (от лат. *interpretatio*). Интерпретатор — также новое поня-

тие для музейной деятельности. Если раньше в музееведении доминировало такое понятие, как «экскурсовод», т. е. человек, ведущий экскурсию, роль экскурсанта, посетителя музея здесь практически не учитывалась, то понятие «интерпретатор» ориентировано на активное перманентное взаимодействие с посетителем. Интерпретатор выступает связующим звеном, он истолковывает знаки, заключенные в музейных предметах, выступает в роли переводчика с языка музея на язык, который будет понятен посетителям. Задача интерпретатора — не только максимально доступно изложить материал, но способствовать тому, чтобы посетитель почувствовал погружение в атмосферу. Интерпретатор в отличие от экскурсовода не «переводит» визуальные высказывания в вербальную форму, а помогает посетителю «читать» данные визуальные высказывания, понимать «язык» музейных предметов [2, с. 21].

Успешность реализации музейной интерактивной культурно-образовательной программы будет зависеть от того, насколько планомерно пройдены основные этапы ее разработки, к которым относятся определение темы, цели и задач, изучение литературы, источников, в том числе материалов музейных собраний, отбор презентуемых объектов историко-культурного и природного наследия, выбор соответствующего экспозиционного пространства, выбор форм культурно-образовательной деятельности, методики презентации объектов историко-культурного наследия, выбор необходимых средств: музейных предметов, их воспроизведений, костюмов, научно-вспомогательных материалов и т. д.

Отметим, что в настоящее время единая форма методической разработки культурно-образовательной программы отсутствует. Музеи сами разрабатывают таковую, а некоторые и вовсе в каждом индивидуальном случае составляют новую, в то время как методическая разработка должна отражать основные положения, обозначенные ранее. В связи с этим особенно важно готовить квалифицированных специалистов-музеевдов, компетентных в данной области, основываясь при этом на практико-ориентированных формах обучения [10].

При выборе темы интерактивной музейной культурно-образовательной программы стоит ориентироваться на ее актуальность, соответствие профилю музея, уникальность. Зачастую музеи не учитывают профильную направленность, однако только при соответствии профилю возможно осуществить актуализацию подлинного объекта историко-культурного наследия.

Другой значимый вопрос при разработке интерактивной культурно-образовательной программы — критерии отбора объектов для презентации. Помимо того, что объект должен соответствовать теме программы, он должен иметь потенциал для воспроизведения в данном музейном пространстве, но самое главное — объект должен быть подлинным (в ряде случаев подлинник заменяется воспроизведением, но осуществленным исключительно на основе подлинного объекта). Только в данном случае можно говорить о соответствии интерактивной программы критерию «музейности» и осуществлении в рамках программы музейной коммуникации. «Музейность» в данном случае условно и упрощенно трактуется как использование в рамках программы материалов музейных собраний [6, с. 98]. В противном случае данное мероприятие превращается в рекреационную форму, которая может реализовываться современным музеем, но не относится к собственно музейной деятельности. Презентуемыми объектами могут выступать как музейные предметы, так и музеефицированные (или музейного значения) недвижимые и нематериальные объекты. Но основная цель программы — актуализация объектов нематериального наследия. Презентация музейных предметов и музеефицированных недвижимых объектов неизменно связана с актуализацией их нематериальной компоненты. При презентации традиционного костюма актуализируется технология его изготовления, при презентации архитектурного сооружения — технология строительства и т. д. Транслируя нематериальные объекты историко-культурного наследия, необходимо опираться на материальные носители, посредством которых они зафиксированы. В этом случае музей выполняет свою основную функцию — аккумуляцию культурно значимой информации, ее организацию и трансляцию с опорой на предметно-источниковую базу [4, с. 109].

При выборе пространства для реализации программы возможны такие варианты, как музеефицированный объект историко-культурного наследия, смоделированная историко-культурная среда, музейная экспозиция на основе ансамблевого метода, тематическая экспозиция. Выбор экспозиционного пространства не менее важен, чем подбор презентуемых объектов, так как в данном случае осуществляется трансляция смыслов, заключенных в экспонируемых музейных предметах или музеефицированных объектах историко-культурного наследия. Предпочтительным пространством для интерактивной программы могут стать ансамблевая экспозиция в музеях коллекционного типа или музе-

ефицированный недвижимый объект в ансамблевых и средовых музеях, так как в данном случае возможно обеспечить погружение посетителя в презентуемый исторический период. Подлинный недвижимый объект историко-культурного наследия при использовании его в качестве пространства для проведения интерактивной музейной программы выступает дополнительным источником информации в формируемой коммуникативной модели, способен выступать транслятором «семантической», «историко-культурологической», «эстетической» информации [3, с. 56].

Поскольку интерактивная культурно-образовательная программа — комплексная форма культурно-образовательной деятельности, то, соответственно, может включать любые элементарные формы, но наиболее широко применяются театрализованная экскурсия, мастер-класс, ролевая игра, игровое занятие. Методика реализации культурно-образовательной программы будет формироваться на основе методов, используемых в рамках элементарных форм, и методов актуализации нематериального культурного наследия.

Под нематериальным культурным наследием принято понимать «обычаи, формы, представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними предметы, артефакты и культурные пространства, признанные обществом в качестве части их культурного наследия» [7]. К нематериальному наследию относятся духовная культура, производственная деятельность, традиционные действия и элементы бытового уклада [8, с. 420]. Из вышесказанного видно, что объекты нематериального культурного наследия неоднородны. Исследователи выделяют три категории объектов нематериального наследия в зависимости от их формального выражения:

- *I категория:* выраженные в физической форме аспекты культуры и традиции определенного человеческого сообщества (обряды, танцы, ремесла, производственные и бытовые процессы);
- *II категория:* формы выражения, не заключенные в физическую форму (язык, вербальные фольклорные формы);
- *III категория:* символические и метафорические значения объектов, составляющих материальное культурное наследие (мировоззрение, суеверные представления и т. д.) [11].

Кроме того, важным является характер взаимосвязи нематериального объекта с его материальными носителями, овеществленными компонентами. В данном аспекте можно выделить также три категории:

1. Нематериальные объекты, результатом реализации которых является материальный объект. Сюда относятся технологические процессы, способы производства и т. д. Фактически нематериальный объект не может существовать без материализованного воплощения. Объекты данной категории легко интерпретировать или реконструировать посредством материального носителя.

2. Нематериальные объекты, реализация которых предполагает использование материальных объектов: обряды, бытовые процессы. Объекты данной категории опосредованно связаны с материальным объектом, поэтому интерпретация их через данный объект сложна и не всегда однозначна.

3. Нематериальные объекты, которые могут существовать без материального объекта: фольклор, язык и т. д. В данном случае сохранить, а впоследствии интерпретировать объект возможно только на основе фиксации его на материальном носителе.

От категории объекта, а также степени сохранности его в современной социокультурной среде будет зависеть методика актуализации. В научной литературе выделяются следующие методы актуализации объектов нематериального культурного наследия: фиксация, реконструкция, моделирование, конструирование, театрализация, интерпретация посредством материальных носителей, ревалоризация, ревитализация [5, с. 78–79].

Наиболее распространенными и широко используемыми являются такие методы, как фиксация, моделирование, интерпретация и театрализация. Под фиксацией понимается трансляция объекта нематериального культурного наследия носителями традиции. Соответственно, условие применения данного метода — наличие носителя традиции. В том случае если носитель традиции отсутствует, то возможно прибегнуть к методу моделирования. Моделирование — воссоздание объекта нематериального культурного наследия с высокой степенью достоверности, но с долей условности. При моделировании создается имитационная модель объекта нематериального культурного наследия. При использовании метода моделирования обязательным условием является воспроизведение объекта на основе сведений о нематериальном объекте, зафиксированных на материальном носителе, то есть фоно-, аудио-, видеозаписи, фотоисточники, полевые дневники этнографов и т. д. Помимо материальных носителей, фиксирующих нематериальные объекты, носителями обозначенных объектов мо-

гут являться музейные предметы и музеефицированные недвижимые объекты историко-культурного наследия. Для актуализации объектов, заключенных в них, можно применить метод интерпретации, направленный на раскрытие семантического поля музейного предмета, выявление его связи с нематериальным объектом.

В рамках интерактивных культурно-образовательных программ могут применяться такие приемы, как интерактивность и театрализация. Театрализация — включение объекта нематериального культурного наследия в современную среду с использованием приемов, характерных для театрального искусства. Прием интерактивности предполагает включение посетителя в процесс актуализации наследия.

Помимо презентуемых в рамках программы нематериальных объектов и музейных предметов, представленных в экспозиции, на базе которой реализуется программа, важную роль будут играть научно-вспомогательные материалы, к которым можно отнести костюмы интерпретаторов, предметы, задействованные в процессе презентации объекта, и т. д. В качестве научно-вспомогательных материалов могут выступать воспроизведения музейных предметов, изготовленные с высокой степенью достоверности. Воспроизведения, выполненные на основе метода реконструкции или моделирования, будут представлять собой снятые информационные поля музейных предметов, которые, в свою очередь, также будут транслироваться участникам коммуникационного акта, реализуемого посредством культурно-образовательной программы.

Таким образом, музейная интерактивная программа как комплексная форма культурно-образовательной деятельности музея отвечает современным требованиям реализации процесса музейной коммуникации. Данная форма не только способствует трансляции культурно значимых смыслов, заключенных в музейных предметах и объектах, но предоставляет неограниченные возможности для актуализации объектов нематериального культурного наследия. Основным условием реализации данной программы является презентация подлинных музеефицированных объектов историко-культурного наследия или их воспроизведений, представляющих собой снятые с них информационные поля. Посетитель подобной программы — полноправный участник музейной коммуникации, за счет чего возможна реализация образовательной (в широком смысле) функции музея.

Литература

1. Галкина Т. В. О классификации современных базовых форм музейно-педагогической деятельности в российских музеях // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 10. С. 69–74.
2. Гнедовский М. Б. Современные тенденции развития музейной коммуникации // Музееведение. Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности. М., 1989. С. 16–35.
3. Дмитриева Е. К. Язык архитектуры как один из путей расширения коммуникативных возможностей мемориального музея // Музееведение. Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности. М., 1989. С. 55–67.
4. Дукельский В. Ю. Музей и культурно-историческая среда // Музееведение. Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности. М., 1989. С. 107–117.
5. Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М.: Этерна, 2012. 432 с.
6. Мавшенко Е. В. Музейный праздник в исторической перспективе и научной рефлексии // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 2(6). С. 96–101.
7. Международная конвенция по охране нематериального культурного наследия, Париж 17 октября 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: fapcom.ru/files/Konventsiya_ob_ohrane_nematerial_nogo_kul_turnogo_naslediya.pdf (дата обращения: 12.12.2016).
8. Музейное дело России / под ред. М. Е. Каулен. М., 2010. 676 с.
9. Никишин Н. А. «Язык музея» как универсальная моделирующая система музейной деятельности // Музееведение. Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности. М., 1989. С. 7–15.
10. Родионова Д. Д., Кагакина Е. А. Применение технологий практико-ориентированного обучения при подготовке специалистов направления «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» // Научный диалог. 2016. № 3. С. 329–340.
11. Российская музейная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp> (дата обращения: 12.12.2016).
12. Юхневич М. Ю. Я поведу тебя в музей. М.: Изд-во РИК, 2011. 223 с.

INTERACTIVE CULTURAL AND EDUCATIONAL MUSEUM PROGRAM AS A FORM OF ACTUALIZATION OF NON-MATERIAL HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE

Polina V. Glushkova

Ph.D. in Cultural Studies, Lecturer,
Kemerovo State Institute of Culture
17, Voroshilov str., Kemerovo, 650056, Russia

The article discusses an innovative form of cultural and educational activities of the contemporary Museum — an interactive cultural and educational programs, through implementation of which the actualization of the intangible cultural heritage. Mainstreaming intangible heritage at the Museum — one of the most effective ways of preserving this piece of heritage is rapidly tracevalues in the environment of existence. In compliance with program requirements, including the presentation of authentic objects of historical-cultural heritage and interactivity, it is possible to establish a communication of the visitor and the true object of historical and cultural heritage, to ensure the broadcast of culturally significant information, the transmission of cultural codes. The visitor in this case becomes a full participant in the Museum of communication rather than a passive listener. The basic forms included in the program and methods of mainstreaming intangible heritage must be attributed to the intangible category of the presented object.

Keywords: museum; actualization; cultural heritage; non-material cultural heritage; cultural and educational activities; museums program; museums object; museums communication; interactivity; interpretation.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ПРАВОВЫЕ ПРОЦЕССЫ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

УДК 327(571.5)

РЕГИОНЫ ПРИБАЙКАЛЬЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ: ФАКТОРЫ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

© Кайдан Дарья Алексеевна

магистрант,

Иркутский государственный университет

Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1

E-mail: kaydan.darya@mail.ru

В статье рассмотрены основные факторы международного сотрудничества Иркутской области и Республики Бурятия. Акцентируется внимание на особенностях трансграничного сотрудничества Прибайкалья. В целом тенденции выстраивания международных связей характеризуются географическим положением региона, наличием природных и рекреационных ресурсов, ориентацией на потребности китайского рынка. Несмотря на некоторые различия в выстраивании трансграничного сотрудничества между Иркутской областью и Республикой Бурятия, они сталкиваются с едиными обстоятельствами кооперации и вызовами взаимодействия. Автор приходит к выводу, что в настоящее время большинство факторов трансграничного взаимодействия региона и угроз национальной безопасности продиктованы особенностями внутренней политики Российской Федерации по отношению к Прибайкалью в контексте новых реалий российско-китайских отношений и курсом на встраивание этих территорий в хозяйственное и экономическое пространство АТР.

Ключевые слова: Прибайкалье; межрегиональное сотрудничество; регион; национальная безопасность; трансграничное взаимодействие; вызовы.

Устойчивое развитие восточных регионов России сегодня является одной из главных задач, которую президент РФ В. В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию в 2013 г. назвал «национальным приоритетом на весь XXI в.» [1]. Реализация новой стратегии комплексного социально-экономического развития Дальнего Востока и Сибири призвана не только поднять производственную базу восточных регионов, но и помочь России встроиться в современную глобальную систему и ответить на новые экономические и геополитические вызовы.

Эти факторы вкупе со ставшим еще более актуальным после событий 2014 г. «поворотом на Восток» во внешней политике России способствовали тому, что о восточных регионах страны снова заговорили не только в контексте национальной безопасности, но и как о площадке для реализации экономических интересов России в АТР. Прибайкалье, являясь одновременно и центром географического пространства РФ, и периферией, находящейся вдали от финансовых и управленческих центров, вовлечено в трансграничное субрегиональное взаимодействие с близлежащими восточными соседями Российской Федерации, что превращает регион в стратегически важный с точки зрения национальной безопасности. В связи с этим необходимо рассмотреть внутренние и внешние факторы, влияющие на международное сотрудничество Иркутской области и Республики Бурятия, вызовы, с которыми сталкиваются регионы в процессе реализации курса на международное сотрудничество.

Географическое положение региона является одновременно и фактором успешного трансграничного взаимодействия и постоянной проблемой государственной безопасности России. Такая дуальность вызывает определенные сложности в определении места субъектов Федерации во внешнеэкономической стратегии страны. Зачастую федеральные и региональные органы власти не способствуют эффективной борьбе с угрозами национальной безопасности РФ, а, наоборот, создают искусственные барьеры для трансграничного сотрудничества регионов, которое в настоящее время является важным фактором конкурентоспособности Прибайкалья. Регион расположен на основных транспортных магистралях, соединяющих европейскую часть РФ с Дальним Востоком и странами АТР. При этом внутренняя граница Бурятии с Монголией является частью государственной границы Рос-

сийской Федерации; Иркутская область не имеет общей границы с соседними государствами. В этом контексте географическое положение региона выступает одним из главных конкурентных преимуществ, заключающихся в потенциальной возможности создания транспортного коридора с современной инфраструктурой.

Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и северо-востока КНР [2] подразумевает масштабное строительство и реконструкцию пропускных приграничных пунктов и сопутствующей инфраструктуры для оптимизации поставок сырья из восточных регионов России в Китай. План реализации данной программы и экспортная ориентированность экономик Иркутской области и Республики Бурятия на КНР создают ряд вызовов, в основе которых лежит географическое положение региона на карте России.

Главным вызовом является непосредственное попадание Прибайкалья на орбиту регионального влияния Китайской Народной Республики. Вне всякого сомнения, сотрудничество с провинциями северо-востока КНР, с одной стороны, помогает регионам Прибайкалья развиваться, однако, с другой — создает комплекс угроз и рисков, затрудняющих функционирование трансграничной региональной системы. В качестве примеров здесь можно назвать неравный характер партнерства с явным перекосом выгод в пользу китайских компаний и инвесторов, демографическую асимметрию территорий Прибайкалья и близлежащих китайских провинций с постепенно увеличивающейся антропогенной нагрузкой на территорию Иркутской области и Республики Бурятия, появление в регионе китайских бизнес-структур, не заинтересованных в долгосрочном развитии Прибайкалья. Значительный природно-ресурсный потенциал (лесные, минеральные, водные, биологические ресурсы) Прибайкалья является определяющим фактором международного сотрудничества. Природное богатство Иркутской области и Республики Бурятия создает возможности и риски для трансграничного сотрудничества по двум направлениям.

Первое связано с реализацией регионами РФ своего сырьевого потенциала на китайском рынке. Поэтапное включение Прибайкалья в систему мирохозяйственных связей в АТР становится основным условием его сбалансированного социально-экономического развития. Усиление позиций Иркутской области и Республики Бурятия в экономическом пространстве стран АТР на протяжении длительного времени осуществлялось путем наращивания сырьевого потенциала и освоения минеральных и лесных ресурсов, в избытке имеющихся на территории региона. Возможное привлечение китайских инвесторов к разработке сырьевых ресурсов создает потенциальную выгоду для реализации имеющегося потенциала.

Обратной стороной этого является попадание Прибайкалья под влияние фактора взаимодополняемости экономик трансграничного региона. Китай испытывает значительный дефицит природного сырья, которым располагают соседние российские регионы. Инвестиционная привлекательность территории для бизнесменов из КНР в настоящее время фактически ограничивается проектами по освоению и первичной переработке природных ресурсов. Рост наукоемких производств и научно-техническое развитие региона в целом не являются приоритетным направлением сотрудничества регионов северо-востока КНР с Иркутской областью и Республикой Бурятия и остаются лишь на уровне планов и декларативных заявлений со стороны российской политической элиты. Примером этому может служить до сих пор не реализованный проект En+ Group, HUAWEI и Правительства Иркутской области по созданию одного из крупнейших в Азии центров обработки данных (ЦОД) и сопутствующей инфраструктуры [3]. В современных условиях данная тенденция кажется неблагоприятной для Прибайкалья с точки зрения долгосрочных перспектив, так как она фактически позиционирует регионы Прибайкалья как инновационные аутсайдеры и ставит их в еще более неравное положение по сравнению с соседними стремительно развивающимися провинциями северо-востока КНР. Очевидным является и то, что сырьевая направленность экспорта создает зависимость региона от китайских внешнеторговых приоритетов и, следовательно, угрозу региональной экономике и национальной безопасности.

Вторым направлением, генерирующим как возможности, так и риски, является развитие туристического кластера Прибайкалья и соответствующей инфраструктуры. Действительно, турпоток из регионов КНР на Байкал увеличивается с каждым годом. Так, в 2015 г. в Бурятии побывало 8 тыс. жителей КНР [4]. В Иркутской области за аналогичный период эта цифра достигла более 17 тыс. человек [5]. Глава Китайской туристической ассоциации Вэй Сяоань в мае 2016 г. заявил, что озеро Байкал является самым перспективным направлением для туристов из Поднебесной. Ожидается увели-

чение турпотока, через какое-то время на Байкале можно будет принимать до миллиона китайских туристов в год [6].

Основной возможностью сотрудничества с КНР, появившейся в последнее время, является совместное российско-китайское взаимодействие по вопросу создания зоны туристско-рекреационного типа. Не вызывает сомнений, что потенциал Иркутской области в привлечении китайских туристов и инвесторов отличается от такового в Республике Бурятия. Здесь главным козырем являются транспортная доступность и наличие соответствующей инфраструктуры.

В октябре 2016 г. китайская сторона объявила, что сумма потенциальных инвестиций в туристический проект на Байкале может составить 11 млрд долл. США, выделенных на строительство современных туристических объектов и сопутствующей транспортной и логистической инфраструктуры. Данный проект вписывается в концепцию экотуризма на Байкале, так как обязательным условием его реализации является соблюдение экологических норм и требований законодательства по охране озера [7]. Естественная природная среда является в настоящее время основным рекреационным ресурсом, поэтому идея экологического туризма продвигается и в Республике Бурятия. Здесь в первую очередь речь идет об особой экономической зоне туристско-рекреационного типа «Байкальская гавань», региональных зонах экономического благоприятствования и сопутствующей им инфраструктуре.

По мнению главного редактора журнала «Россия и Китай» В. Бережных, экологический туризм может спасти Байкал от загрязнений бытовыми стоками (замена изношенных сетей, реконструкция очистных сооружений и т. д.), тотальной вырубки леса, браконьеров, безденежья муниципальных образований, расположенных на побережье [8].

Какие же могут существовать угрозы и вызовы, связанные с интенсивным приходом китайского бизнеса в туристическую сферу Прибайкалья, а туристов из Поднебесной на берег озера Байкал? Существуют опасения алармистского характера, подогреваемые заявлениями региональной прессы насчет превращения Байкала в «туристическую колонию» Китая. Активно используется тезис о том, что уже сейчас значительная доля средств проходит мимо туристических ресурсов (банков, турфирм, гостиниц, ресторанов) Прибайкалья. Китайский турбизнес, пользуясь отсутствием четких ограничений с российской стороны, стремится к полной автономии. Большая часть туристов из КНР практически не соприкасается с российской инфраструктурой. У них свои турфирмы, самолеты, гостиницы, рестораны, гиды, центры обмена валюты [9]. Существует также мнение, что российское природоохранное законодательство адаптируемо к интересам иностранного бизнеса и в будущем есть реальная опасность значительных экологических издержек и истощения природных территорий.

Таким образом, возможности и вызовы трансграничного сотрудничества Иркутской области и Республики Бурятия в экономической сфере основываются на особенностях социально-экономического развития регионов Прибайкалья и сложившихся на этом фоне предпосылок выстраивания международных контактов. Основным потенциалом и одновременно риском в этой сфере являются инвестиционные перспективы региона.

Характеризуя инвестиционную составляющую сотрудничества, упомянем тот факт, что Прибайкалье традиционно не относится к инвестиционно привлекательным регионам РФ. По данным Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в регионах России за 2016 г., Иркутская область входит в группу 2В (средний потенциал — умеренный риск), находится на 18-м месте по инвестиционному потенциалу и на 50-м месте по уровню инвестиционного риска. Бурятия же входит в группу 3В2 (незначительный потенциал — умеренный риск), находится на 50-м месте по инвестиционному потенциалу и на 70-м месте по уровню инвестиционного риска [10]. К причинам, объясняющим столь незначительные позиции Прибайкалья в региональном рейтинге, можно отнести высокую составляющую транспортных издержек при перевозке грузов и пассажиров, наличие изолированно работающих энергосистем и энергорайонов, затратность и неэффективность структуры энергоисточников. Недостаточно развитая энергетическая и транспортная инфраструктура продолжает оставаться основным ограничителем привлечения инвестиций в Иркутскую область и Республику Бурятия [11]. В силу этих причин регион стал ориентироваться на китайских инвесторов и возможности, связанные с привлечением именно китайского капитала в инфраструктурные проекты, на создание благоприятного климата и льгот для бизнесменов из Поднебесной. Суммарный объем инвестиций из КНР в Иркутскую область с 2007 по 2013 г. составил 283,6 млн долл. США. В 2013 г. этот показатель достиг 11,5 млн долл., тогда китайская доля в общем объеме инвестиций Иркутской области составила 11,7% [12]. Инвестиционное сотрудничество Республики Бурятия с КНР развито слабо. Суммарный

объем инвестиций из Китая в экономику Республики Бурятия в 2013 г. составил всего 3,6 млн долл. [13]. В 2016 г. на VIII Ярмарке зарубежных инвестиций в Китае и в рамках серии мероприятий по реализации проекта «Великий Чайный путь» Иркутская область и Республика Бурятия представили китайскому бизнесу свой туристический потенциал [14]. Исходя из итогов мероприятий, в среднесрочной перспективе ожидается интенсификация инвестиционного сотрудничества [15]. Вероятной проблемой, с которой может столкнуться Прибайкалье на пути привлечения китайского капитала (в том числе и в туристическую сферу), является потенциальная зависимость региональных экономик и социально-экономического развития региона от интересов и потребностей Китайской Народной Республики и возможность лоббирования проектов китайской стороной, что формирует вероятные угрозы региональной безопасности Иркутской области и Республики Бурятия. Кроме того, это ведет к усилению позиций иностранных бизнес-структур на территории региона. Присутствие крупного китайского бизнеса в Иркутской области и Республике Бурятия диктует определенные условия взаимодействия и контактов между иностранным и российским бизнесом, населением региона. Лесопереработка, строительство, овощеводство, торговля и турбизнес сегодня являются самыми уязвимыми с точки зрения законодательства областями, где предприниматели из Китая находят множество лазеек для осуществления своей зачастую незаконной деятельности. Например, по словам эксперта «Сибирской байкальской ассоциации туризма» Г. Солониной, купленный китайцами леспромхоз в селе Шаманка Шелеховского района Иркутской области является одним из многочисленных примеров того, как предпринимательство меняет не только деловые отношения в регионе, но и жизнь местных жителей, оставляя их без работы (так как все работники являются китайцами) и затрудняя передвижение (единственный паром, связывающий село с транспортной магистралью, контролируется леспромхозом) [16].

Одним из условий инвестирования капитала КНР в реализацию долгосрочных и среднесрочных проектов является найм китайских рабочих и использование китайского оборудования, что создает неясные перспективы формирования новых рабочих мест для местного населения и промышленного развития Прибайкалья. Трансграничное положение Прибайкалья по отношению к КНР и Монголии делает регион транзитным коридором для передвижения международных миграционных потоков, местом временного заработка китайских рабочих.

Развитие Прибайкалья сегодня невозможно представить без использования трудовых ресурсов из Китая. Существует реальная потребность Иркутской области и Республики Бурятия в импорте рабочей силы в промышленность, строительную и сельскохозяйственную отрасль. В условиях упомянутого выше фактора взаимодополняемости территорий, острого демографического давления в Китае и наличия пустующих земель и рабочих мест в Прибайкалье временная миграция китайских рабочих в регион вполне обоснована. Стоит принять во внимание тот факт, что приехавшие на заработки китайцы представляют собой достаточно маргинальную группу, не желающую ассимилироваться, что в условиях отсутствия в РФ устоявшейся институциональной системы решения миграционных проблем и откровенного эксплуатационного характера использования иностранной рабочей силы создает потенциал для конфликтных ситуаций. Кроме того, сформировавшийся еще в 1990-е гг. в сознании людей образ китайского «торгаша» во многом определяет отношение населения Прибайкалья к мигрантам. По мнению профессора В. И. Дятлова, образ, созданный на основе культурной чужеродности и стремления ее сохранять, противостояния культурной интеграции в местное общество, сильной связи с родиной, общинности и предприимчивости мигрантов, на фоне потрясений в стране в конце прошлого века сложился мощный стереотип, который актуален и сегодня [17]. Огромные китайские торговые площади, подобные Китай-городу в г. Иркутске, являются фундаментом для формирования негативного образа китайских рыночных «муравейников». Это формирует целый пласт противоречий, проблем и, как следствие, конфликтов. Причинами тому являются незаконные формы ведения бизнеса, уклонение от уплаты налогов и сборов, демпинг на рынке труда и товаров, вывоз капиталов, культурная отчужденность, импорт криминала, корруммирование чиновников и т. д.

Таким образом, анализ факторов, влияющих на трансграничное сотрудничество и региональную безопасность, позволяет сделать вывод, что Прибайкалье как часть российско-китайского трансграничья является стратегически важным регионом и имеет большое значение для реализации геополитических и экономических интересов РФ на международной арене и обеспечения национальной безопасности страны. Выгодное географическое и геополитическое положение на транспортно-логистических магистралях, наличие природных ресурсов и рекреационного потенциала, активизация

взаимодействия на межгосударственном уровне являются главными факторами, влияющими на международное сотрудничество Иркутской области и Республики Бурятия. Поэтому перспективы трансграничного взаимодействия региона рассматриваются как российской политической элитой, так и китайскими партнерами исходя из наличия этих факторов. Вызовы, с которыми сталкивается Прибайкалье в контексте трансформации мировой политико-экономической системы и места России в ней в процессе выстраивания трансграничных связей, обусловлены не только геополитическими претензиями соседних стран. Определенный диссонанс для национальной безопасности РФ формируют и внутренние проблемы системы вертикали власти, выстраивания отношений с регионами внутри страны. Для того чтобы адекватно отвечать вызовам времени, необходимо выработать такую стратегию трансграничного сотрудничества Прибайкалья с соседними странами, в которой дивиденды, получаемые за счет факторов взаимодействия, будут перевешивать генерируемые угрозы для национальной безопасности.

Литература

1. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата обращения: 25.01.2017).
2. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и северо-востока КНР на 2009–2018 гг. // Право РФ и КНР [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinaruslaw.com/RU/CnRuTreaty/004/201035210624_735729.htm (дата обращения: 25.01.2017).
3. En+ Group, HUAWEI, CDS, ЛАНИТ и Правительство Иркутской области создадут один из крупнейших в Азии ЦОД [Электронный ресурс]. URL: <http://www.enplus.ru/press/enplus/1860/> (дата обращения: 25.01.2017).
4. Бурятия становится популярна среди китайских туристов [Электронный ресурс]. URL: <http://newsbabr.com/bur/?IDE=147133> (дата обращения: 25.01.2017).
5. Крюков Д., Новопашина Н., Папандина А. Кластер на Байкале: как Дерипаска и китайцы хотят заменить ЦБК туристами [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/business/27/10/2016/5811fe609a7947829b3be54f> (дата обращения: 25.01.2017).
6. Турассоциация Китая планирует привозить на Байкал миллион туристов в год [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irk.ru/tourism/news/20160517/china/> (дата обращения: 25.01.2017).
7. Китай вложит \$11 млрд в развитие туризма на Байкале [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/russia/533746> (дата обращения: 25.01.2017).
8. Китайские инвестиции в туризм на Байкале [Электронный ресурс]. URL: <http://ruchina.org/china-article/china/1215.html> (дата обращения: 25.01.2017).
9. Китайцы скупают Иркутск [Электронный ресурс]. URL: <http://baikal-info.ru/kitaycy-skupayut-irkutsk> (дата обращения: 25.01.2017).
10. Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://asi.ru/investclimate/rating/> (дата обращения: 25.01.2017).
11. Конкурентные преимущества и угрозы Дальнего Востока и Байкальского региона [Электронный ресурс]. URL: <http://www.protown.ru/information/hide/7734.html> (дата обращения: 25.01.2017).
12. Китайско-российские отношения переживают наилучший период в истории [Электронный ресурс]. URL: <http://irkutsk.chineseconsulate.org/rus/lqdt/t1232290.htm> (дата обращения: 25.01.2017).
13. Торгово-экономическое сотрудничество Республики Бурятия с Китайской Народной Республикой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economy.govrb.ru/upload/iblock/458/Китай.docx> (дата обращения: 25.01.2017).
14. Иркутская область принимает участие в 8-й Ярмарке зарубежных инвестиций в КНР [Электронный ресурс]. URL: <http://irkobl.ru/news/218114/?type=special> (дата обращения: 25.01.2017).
15. Бурятия презентует свой туристический потенциал в Пекине [Электронный ресурс]. URL: <http://www.visitburiatia.ru/news/section-105/item-284928/> (дата обращения: 25.01.2017).
16. Ползучий захват: китайская экспансия дотянулась до Байкала [Электронный ресурс]. URL: <http://pvo-info.ru/?p=30807> (дата обращения: 25.01.2017).
17. Дятлов В. И. Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов [Электронный ресурс]. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Dyatlov-2010-3-4.pdf (дата обращения: 25.01.2017).

**THE PRIBAIKALYE REGIONS IN INTERNATIONAL COOPERATION:
FACTORS OF CROSS-BORDER COOPERATION AND NATIONAL SECURITY**

Dar'ya A. Kajdan

Master's Degree Student,

Irkutsk State University

1, Karl Marx St., Irkutsk, 664003, Russia

The paper discusses the main factors of international cooperation of the Irkutsk region and the Republic of Buryatia. The attention is focused on the features of the Pribaikalye region in terms of cross-border cooperation. Overall, tendencies of building international relations are characterized by the geographical location of the region, the presence of natural and recreational resources in its territory, and orientation to the needs of the Chinese market. Despite some differences in forming cross-border cooperation between the Irkutsk region and the Republic of Buryatia, they are faced with common challenges and circumstances of cooperation. The author comes to the conclusion that most of the factors of cross-border cooperation in the region and threats to national security dictated by the peculiarities of domestic policy of Russia relative to the Pribaikalye region in the context of the new realities of the Russian-Chinese relations and the course for integration of these territories into the space of the AP region.

Keywords: The Pribaikalye regions; international cooperation; the region; national security; cross-border cooperation.

УДК 39.544

СОДЕЙСТВИЕ АЗИАТСКОГО БАНКА РАЗВИТИЯ ТРАНСГРАНИЧНОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ СТРАН СУБРЕГИОНА БОЛЬШОГО МЕКОНГА

© Кубрикова Юлия Александровна

преподаватель,

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Россия, 670013, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40в

E-mail: u3012@yandex.ru

В статье рассматривается история взаимодействия Азиатского банка развития со странами субрегиона Большого Меконга. К странам указанного субрегиона относятся Таиланд, Вьетнам, Малайзия, Лаос, Мьянма. Кратко приведены основные теоретические положения, а также экономические, политические предпосылки и факторы оказания банком официальной помощи развитию стран субрегиона Большого Меконга в историческом разрезе. Процесс взаимодействия банка и стран субрегиона рассматривается с самого его начала и до настоящего состояния, включая периоды присоединения стран к программам финансирования банка и полномасштабного финансирования отдельных стран, запуск основной программы развития в 1992 г., переход непосредственного управления к региональной интеграционной организации. Проанализированы основные направления, показатели и результаты оказания официальной помощи развитию субрегиона.

Ключевые слова: Азиатский банк развития; официальная помощь развитию; страны субрегиона Большого Меконга; трансграничное сотрудничество.

Еще в 1960-х гг. развивающиеся страны, бывшие колонии, оказались в центре внимания сообщества развитых стран мира и международных организаций, таких как ООН и другие. Новым экономическим положением стала теория «двойного дефицита», согласно которой содействовать промышленному развитию бывших колоний должен был приток капитала извне. На практике данное положение было реализовано странами Организации экономического сотрудничества и развития, в рамках которой в 60-е гг. начало свою деятельность «движение доноров».

Сотрудничество Японии со странами Азии было важным дипломатическим шагом в рамках ее новой мирной внешней политики, позволявшим создать новый образ державы и закрепить отношения сотрудничества на политическом уровне в регионе.

В качестве лидера на экономической и политической арене азиатского региона Япония взяла на себя ответственность за создание благоприятных условий для экономического развития его стран посредством официальной помощи, в том числе Азиатского банка развития (далее — АБР). Данная позиция была выражена в так называемой доктрине Фукуды 1960-х гг.

Как региональная организация АБР реализовывал программы в рамках официальной помощи развитию и стал инициатором многих программ региональной интеграции в Азии.

Региональная интеграция в странах субрегиона Большого Меконга, географически близких, но довольно сильно разобщенных по политическим и идеологическим причинам, была принята АБР в качестве стратегического ориентира для достижения экономического развития и стабильности в регионе.

Особое внимание в регионе уделялось созданию возможностей трансграничного экономического сотрудничества двух или более граничащих стран, которое сегодня является одним из перспективных направлений региональной экономической интеграции во всем мире.

Основным мотивом развития трансграничного сотрудничества является содействие экономическому росту страны за счет развития приграничных регионов. В приграничных регионах происходит интенсификация экономической деятельности вследствие увеличения объема торговли и инвестиций, растет занятость и доходы местного населения, снижается уровень бедности. Таким образом преодолеваются ограничения внутреннего рынка, «запускаются» циклы экономического роста, что сопровождается общим повышением уровня жизни.

Кроме экономических выгод трансграничному сотрудничеству способствуют положительные достижения в сфере международной политики, такие как увеличение взаимного доверия населения граничащих стран, развитие сотрудничества на государственном уровне, рост политического доверия, рост уровня безопасности и стабильности на границах [1].

Развитие транспортных и коммуникационных сетей, а также энергетики является важнейшей составляющей трансграничного сотрудничества. Порой такие географические факторы, как наличие на границах горных участков, густых лесов или джунглей, пустыни и другие, препятствуют этому [2].

Как правило, приграничные регионы слабо развиты, удалены от коммерческих и промышленных центров и столиц. Поэтому во многом успешность трансграничного сотрудничества зависит от региональных организаций [3].

Региональные организации могут иметь различные организационные формы, режимы и касаться разных сфер деятельности. Например, они могут быть формальными — регулируемые многосторонними соглашениями или неформальными — в форме форумов или программ. Это могут быть организации, обладающие собственными финансовыми средствами, направляемыми на финансирование интеграции (например, Азиатский банк развития), или комитеты на государственном уровне. По режиму деятельности организация может быть консультирующей, а может обладать полномочиями по регулированию или финансированию. В соответствии со сферами деятельности можно выделить организации с конкретными функциями в области политики, безопасности, торговли, инфраструктуры, финансовой сфере или же в нескольких сферах [4].

Страны субрегиона Большого Меконга достигли существенных успехов в данном направлении. Термин «субрегион Большого Меконга» (далее — СБМ) по инициативе АБР стал использоваться в области экономического сотрудничества для обозначения региона, ранее известного как Индокитай. Экономическое сотрудничество в регионе стало возможным благодаря преодолению межгосударственных противоречий в области идеологии и территориального деления, внутренних конфликтов, что, в свою очередь, благоприятно сказалось на достижении политического равновесия внутри региона.

Субрегион включает пять стран (Мьянма, Таиланд, Вьетнам, Лаос, Камбоджа) и два региона КНР (Гуанси-Чжуанский автономный район и провинция Юньнань).

Всего с 1966 по 2016 г. АБР оказал официальную помощь странам СБМ на сумму 29,6 млрд долл. США [5].

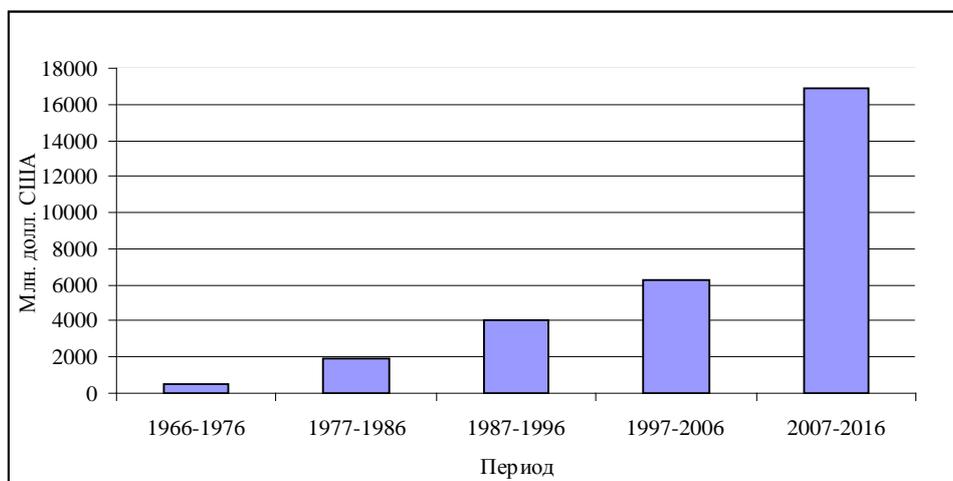

Рис. 1. Объем официальной помощи АБР пяти странам субрегиона Большого Меконга в 1966–2016 гг. (составлено автором по данным [5])

Финансирование Вьетнама и Камбоджи стало осуществляться в полном масштабе с 1993 и 1992 гг. соответственно, после приобретения ими статуса мирных, рыночно ориентированных государств. Финансирование Мьянмы осуществлялось лишь с 1972 по 1987 г. и затем было возобновлено лишь в 2012 г.

Финансовая помощь включала гранты, льготные займы, техническую поддержку десятков проектов в каждой стране в течение года. Основной целью финансирования СБМ являлось создание транспортной, энергетической и коммуникационной инфраструктуры, которая позволила бы объединить страны региона между собой и создать условия для выхода на другие страны Азии.

Первое исследование транспортных сетей стран субрегиона (Таиланд, Вьетнам, Лаос) было принято АБР в 1969 г. В 1992 г. началась реализация Программы развития субрегиона Большого Меконга АБР.

К настоящему времени результаты сотрудничества, поддерживаемого АБР, другими международными организациями и правительствами стран СБМ, выразились в создании сети транспортного сообщения, энергетических и коммуникационных сетей по всему региону. С 1992 г. до настоящего времени завершены либо находятся в стадии завершения все основные проекты по созданию инфраструктуры в субрегионе на сумму более 11 млрд долл. [6]. Были созданы эффективные транспортные коридоры по основным направлениям перемещения товаров и передвижения туристов — восток–запад, север–юг и Южный транспортный коридор. На их основе в регионе активно развиваются зоны трансграничного экономического сотрудничества. Поставленная в области развития туризма цель достигнута — сегодня регион рассматривается как место туристского назначения.

Постепенно произошел переход от непосредственного управления АБР стратегией регионального развития к созданию региональной интеграционной организации. В 2003 г. главами государств субрегиона (за исключением КНР) была создана организация АКМЕКС (АСМЕКС), целью которой является сотрудничество в регионе для его устойчивого развития и уменьшения бедности (в соответствии с целями тысячелетия ООН) [7].

Основной сферой деятельности АКМЕКС стало развитие трансграничного сотрудничества — транспортной инфраструктуры, трансграничных экономических зон и множества проектов, содействующих осуществлению взаимной торговли и инвестиций в странах субрегиона. Так, был создан план развития трансграничных зон субрегиона, согласно которому в 2003–2008 гг. создано и обустроено несколько таких зон.

Зоны трансграничного экономического сотрудничества в субрегионе Большого Меконга реализуются в следующих формах:

- трансграничный рынок товаров;
- трансграничный индустриальный парк;
- трансграничная эко-торговля, агро-коридоры;
- беспошлинные приграничные зоны;
- приграничная игорно-развлекательная, туристско-торговая зоны и др.

Основные выгоды в этих зонах принадлежат малому бизнесу, частным торговцам, фермерам стран субрегиона. Данные свидетельствуют о повышении экономической активности и уровня жизни населения деревень приграничных регионов. Для организации торговли в приграничных зонах были введены процедуры «единого окна», снижены временные затраты на таможенные процедуры. Особенностью индустриальных парков в приграничных зонах данного региона является неформальный характер их создания — практические шаги предшествуют заключению соглашений и планам их развития [8].

Приграничная торговля играет существенную роль во внешней торговле стран субрегиона. Так, для Таиланда доля приграничной торговли в торговле со странами субрегиона повысилась с 50% в 2000 г. до 70% в 2007 г. [9]. Львиная доля торговли Мьянмы и Китая — приграничная [10, с. 76]. Структура торговли по странам значительно различается. Так, основным поставщиком готовой продукции широкого потребления, а также инвестиционных товаров в страны субрегиона является Китай. Таиланд в рамках приграничной торговли экспортирует автомобили, мотоциклы, технику, товары из пластика и стали, химические, пищевые и медицинские товары, стройматериалы, ткани и одежду. Экспорт Мьянмы — это в основном обработанная и необработанная древесина, природный газ, морепродукты, продукты животноводства, фрукты, овощи, камни и украшения. Из Лаоса поставляется древесина, бурый уголь и одежда, произведенная в КНР [9].

В целом создание инфраструктуры для развития трансграничного бизнеса стало большим вкладом в экономический рост стран СБМ. Это подтверждается динамикой роста их ВВП, рассчитанного по паритету покупательной способности (далее — ППС) (табл. 1).

Таблица 1

ВВП стран и регионов Большого Меконга в 2010–2014 гг., в млрд долл.

Регион / страна / провинция	2010	2011	2012	2013	2014
СБМ*	2,007	2,178	2,391	2,573	2,732
Камбоджа	35	39	42	46	51
КНР, пров. Гуанси	289	334	370	408	446

КНР, пров. Юньнань	218	254	293	334	364
Лаос	23	26	28	32	35
Мьянма	170	197	216	235	255
Таиланд	888	914	998	1,043	1,07
Вьетнам	382	414	444	476	513

Источник: по данным Greater Mekong Subregion Statistics on Growth, Infrastructure, and Trade. Second Edition // Greater Mekong Subregion Eighth Economic Corridars Forum. Cambodia. Phnom Penh. 3–4 August 2016

В период с 2010 по 2014 г. ВВП всех рассматриваемых стран возрастал. При этом наибольшие темпы роста были характерны для провинций КНР в 2010–2014 гг., наибольшие для Лаоса — в 2011 и 2014 гг., для Камбоджи в 2014 г. (табл. 2).

Таблица 2

Темпы роста ВВП стран и регионов Большого Меконга по ППС в 2010–2014 гг., в % [11]

Регион / страна / провинция	2010	2011	2012	2013	2014
СБМ	9,9	8,5	9,8	7,6	6,2
Камбоджа	7,2	9,3	9,2	8,6	11,1
КНР, пров. Гуанси	11,4	16,7	15,6	10,6	10,2
КНР, пров. Юньнань	9,3	10,8	16,2	15,3	14,1
Лаос	8,3	7,8	11,9	6,2	13,5
Мьянма	9,8	15,6	9,6	8,8	8,3
Таиланд	8,8	2,9	9,3	4,5	2,5
Вьетнам	6,2	7,7	8,4	7,2	7,1

При оценке результатов интеграционного процесса в приграничных регионах может использоваться показатель инвестиций местных правительств. В данном случае темпы экономического роста отвечают их усилиям: объемы инвестиций, сделанных местными администрациями КНР в СБМ, превышают объемы инвестиций местных администраций других стран СБМ (табл. 3).

Таблица 3

Доля инвестиций местных администраций в общем объеме инвестиций в СБМ, 1992–2003 гг., в % [2]

	Доля, %
Не включая трех проектов КНР	24
Включая три проекта КНР	42
Доля трех проектов КНР в общем объеме инвестиций в СБМ	57

Однако доля внутрирегиональной торговли во всем внешнеторговом обороте стран и провинций СБМ, включая пять стран и две провинции КНР, постоянно повышается, не превышая при этом 8% (табл. 4). В объем внутрирегиональной торговли не включается оборот с индустриально развитыми странами Азии — Японией, Южной Кореей, Сингапуром. Также большую долю во внешней торговле стран СБМ занимают другие провинции Китая, не входящие в СБМ.

Таблица 4

Объем и доля внутрирегиональной торговли стран и провинций СБМ [11]

	2010	2011	2012	2013	2014
Доля внутрирегиональной торговли во всем внешнеторговом обороте СБМ, %	5,9	6,1	6,5	6,9	8,0
Объем внутрирегиональной торговли, млрд долл.	207	265	302	343	413

Очевидно, что приграничное сотрудничество не является ведущим фактором роста ВВП. Более 90% внешнеторгового оборота стран СБМ приходится на страны, не входящие в данный регион. В первую очередь, это торговля с индустриально развитыми странами Азии — Японией, Южной Кореей, Сингапуром. Также большую долю во внешней торговле стран СБМ занимают другие провинции Китая, не входящие в СБМ. Тем не менее развитие приграничной торговли стран СБМ, несомненно, вносит свой вклад в создание ВВП посредством развития удаленных от центра регионов, способствуя повышению занятости и созданию доходов населения. Доля внутрирегиональной торговли во внешнеторговом обороте стран СБМ увеличилась с 2% в 1992 г. до 8% в 2014 г. [11, с. 19]. Реализация инвестиционных проектов, проектов в рамках программ финансовой помощи АБР и функционирование региональной организации экономического развития (АКМЕКС) стали основными факторами, которые способствуют развитию приграничной торговли стран СБМ.

Литература

1. Expert Hearing and Workshop Project Management of Cross-Border Cooperation GIZ, 2012.
2. Hong Song. Increased Connectivity in Asia: Empirical Evidence and Issues // Asian Economic Cooperation and Integration: Prospects, Problems and Challenges. Asian Development Bank, 2005.
3. Expert Hearing Cross-Border Cooperation and Trade Facilitation in Asia Bangkok, 27–28 November, 2013 Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit (GIZ) GmbH, 2013.
4. Linn J. F., Pidufala O. The Experience with Regional Economic Cooperation Organizations. The Brookings Global Economy and Development Working Paper Series, 2008.
5. ADB Through the Decades. Mandaluyong City, Philippines: Asian Development Bank, 2016. Vol. 1–5.
6. Overview of the Greater Mekong Subregion // Официальный сайт программы GMS.
7. URL: <http://www.acmecorg.com> (дата обращения: 20.01.2017).
8. Expert Hearing and Workshop Project Management of Cross-Border Cooperation. GIZ, 2014.
9. Tsuneishi Takao. Development of Border Economic Zones in Thailand: Expansion of Border Trade and Formation of Border Economic Zones // IDE DISCUSSION PAPER. No. 53. May. 2008.
10. Koshy Mathai, Geoff Gottlieb, Gee Hee Hong, Sung Eun Jung, Jochen Schmittmann, and Jiangyan Yu. China's Changing Trade and the Implications for the CLMV Economies, 2016 // International Monetary Fund [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/dp/2016/apd1601.pdf> (дата обращения: 20.01.2017).
11. Greater Mekong Subregion Statistics on Growth, Infrastructure, and Trade. Second Edition // Greater Mekong Subregion Eighth Economic Corridors Forum. Cambodia. Phnom Penh. 3–4 August 2016.

ASSISTING THE CROSS-BORDER COOPERATION IN THE GREATER MEKONG SUBREGION BY ASIAN DEVELOPMENT BANK

Yulia A. Kubrikova

Lecturer,

East Siberia State University of Technology and Management

40V, Klyuchevskaya st., Ulan-Ude, 670013, Russia

The article discusses the history of the interaction of the Asian Development Bank with the countries of the greater Mekong subregion through the provision of official development assistance. The countries of the GMS include Thailand, Vietnam, Malaysia, Laos, Myanmar. In the article, basic theoretical principles as well as economic and political background and factors in the provision of official development assistance by Asian Development Bank to the countries of the greater Mekong subregion are summarized in historical context. The process of development of cooperation of the Asian Development Bank and the countries of the subregion considered from the beginning to the present time, including the periods of the accession of countries to the financing programs of the Asian Development Bank and the beginning of full-scale funding of individual countries, the launch of a major programme of development in 1992, and the transition of direct control to a regional integrational organization. The directions, performance and results of the realization of official development assistance are considered as well.

Keywords: Asian Development Bank; official development assistance; the countries of the greater Mekong subregion; cross-border cooperation

УДК 346.22(091)

ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОСУДАРСТВА В КОЧЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

© Дугарова Сержена Жигмытовна

доктор исторических наук, доцент,

Бурятский государственный университет

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: dugarova_s@mail.ru

Проблема становления государства у различных народов относится к числу вечных. При этом большинство трудов обществоведов посвящено возникновению государства в оседло-земледельческих обществах. Между тем интересны и иные варианты социальной эволюции, в частности, формирование государственности в кочевом пастушеском обществе, в том числе зарождение средневекового монгольского государства. Ключевым вопросом изучения истории средневекового кочевого государства и права является определение природы его возникновения. Противоречия во взглядах различных исследовательских школ на решение обозначенной проблемы обусловлены концептуальными различиями цивилизационного и формационного подходов к типологии государства и права. Выработка современного методологического подхода к изучению вопросов происхождения государства актуальна для российской исторической науки, отказавшейся в конце прошлого столетия от господствовавшей методологии исторического материализма, но так и не выработавшей пока равноценную альтернативу. И по сей день в учебной и научной литературе данная проблема излагается преимущественно с точки зрения социально-экономических и антропологических теорий XIX в. Формирование современной методологии не может ограничиться одним лишь заимствованием достижений европейской науки, для которой также характерно отсутствие единства взглядов в оценке общественно-политического строя средневековых кочевников, в частности монголов. Характеризуя основные направления в рассмотрении проблем становления государственности монгольских народов, необходимо рассматривать государство как политическую и правовую организацию для защиты от произвола, удовлетворения и обеспечения материальных и духовных ценностей, достижения политических и общественных целей. Подобный подход позволяет выявить общие закономерности возникновения государства у народов с разным социально-экономическим укладом. В статье рассмотрены основные тезисы теоретического анализа генезиса государства.

Ключевые слова: государство; право; средневековая Монголия; генезис; общество; предпосылки; кочевое государство; эволюция.

Происхождение государства является одним из фундаментальных вопросов обществоведческих наук. Становление государственности — объективный исторический процесс. Государство появляется только тогда, когда есть определенные необходимые условия, которые в общих категориях могут быть сформулированы следующим образом.

Для образования сложного стратифицированного общества необходима достаточная численность населения, которая порождает потребность в более развитых формах управления. Большому обществу необходима какая-то форма принятия решения. И если не появятся люди, имеющие право, способности и достаточную силу для того, чтобы принимать решения, то оно распадется.

Интенсивность контактов внутри общества определяется высокой плотностью населения, что приводит в конечном счете к необходимости создания государства. Общая численность монгольских кочевников в XIII в. была достаточно внушительна, чтобы считать ее типичной для государственно-организованного населения [2, с. 55].

Общество должно контролировать определенную территорию — место, где оно проживает. Со временем такая территория может стать недостаточной для поддержания благополучия населения. В одних случаях, например на Маркизских островах, демографическое давление на пищевые ресурсы, разрушительные войны привели к голоду и нищете, и вождеская организация распалась. В других случаях, как у ацтеков или кочевников, средствами решения проблемы были завоевания и торговля. Во всех случаях рассматриваемое общество сохраняло свою исконную территорию.

Должна существовать система производства избыточного продукта для содержания специалистов и привилегированных категорий населения. Специалисты — это политические, религиозные, административные деятели, к их числу относятся ремесленники, торговцы, служащие. Сбор излишков может осуществляться в форме налога, дани или даже грабежа. До тех пор пока собирается достаточ-

но средств, чтобы платить правителям, священникам и наконец, нуждающимся, сложная социально-политическая структура может сохраняться и расширяться. Бедная экономика не допускает установления и даже появления такого типа общества. Если снизятся доходы, политическая организация, в конце концов, разрушится, как это случилось на о. Пасхи [10, с. 6].

Там, где общество занимает большую территорию, но люди живут в маленьких деревенских общинах, ведут только натуральное хозяйство, имеют ограниченные контакты с внешним миром, стратифицированная социально-политическая структура не появляется. Просто нет необходимости в лидерах или управленцах. Домохозяйства заботятся о себе сами, и существует лишь несколько возвышающихся над ними институтов.

Чтобы стало возможным развивать принципы власти и статуса, у лидеров должны быть задачи. Такие задачи появляются, когда экономическая деятельность требует сотрудничества на более постоянной основе, чем прежде, или когда возникает потребность в пастбищах, водных ресурсах.

Общество кочевников базировалось на кочевом скотоводстве, представлявшем специфическую хозяйственную систему. Стадо в хозяйстве кочевника было способно не только удовлетворить практически все жизненные потребности скотовода и его семьи, но и являлось источником богатства. Продукты животноводства можно было выгодно обменять на разнообразные товары. При этом отметим, что заинтересованность кочевников в подобных контактах с земледельческим обществом не была односторонней. Торговля стала взаимовыгодным для обеих сторон динамичным процессом взаимодействия кочевого и земледельческого обществ [1, х. 196; 3, х. 68; 4, х. 223; 5, х. 166; 7, х. 243; 8, х. 76].

Тесное взаимодействие земледельческого и скотоводческого обществ явилось важнейшей предпосылкой возникновения государства.

При этом наиболее емким рынком сбыта продукции скотоводческого кочевнического хозяйства могли быть только оседло-земледельческие центры. Торговля как постоянный, налаженный, институционально сложившийся обмен продуктами между двумя типами хозяйств предполагала создание условий, необходимых для обеспечения безопасности подобных отношений.

Следует подчеркнуть, что степная аристократия не могла обойтись без центров политической власти, ремесла и торговли. Появление в этом качестве городов является еще одним свидетельством расширения хозяйственных возможностей населения и развития социально-политической системы общества.

Торговля между земледельцами и кочевниками заключалась в обмене не жизнеобеспечивающими продуктами, а их излишками, что является взаимовыгодным. Ни кочевники, ни земледельцы не могут, занимаясь аграрным производством, одновременно совмещать свой труд с посредническими функциями в этих отношениях. Поэтому города как торговые центры обеспечивают условия взаимовыгодного сотрудничества кочевников и земледельцев.

Весомый аргумент в пользу признания скотоводческой экономики как системы, производящей излишки, вытекает из работы А. Тойнби, рассмотревшего кочевой мир сквозь призму сравнительного анализа и единых для кочевых и оседлых обществ критериев экономического роста, технического прогресса и духовных ценностей [9, с. 167].

Использование именно этих критериев и такого анализа необходимо для правильного понимания места кочевников в мировой истории [6, с. 126].

А. Тойнби отмечает определенные преимущества кочевой цивилизации перед земледельческой и проводит параллель между кочевничеством и промышленным производством: «Если земледelec производит продукцию, которую он может сразу же потреблять, кочевник, подобно промышленнику, тщательно перерабатывает сырой материал, который иначе не годится к употреблению. Эта непрямая утилизация растительного мира через посредство животного создает основу для развития человеческого ума и воли». Таким образом, ученый признает, что кочевники совершили в сфере экономической прорыв, создав систему более выгодную, чем земледелие.

Для объяснения и оправдания существования иерархической административной организации, неравенства в кочевом обществе должна существовать идеология, которая даст возможность людям, находящимся в менее выгодном положении, понять и принять его. Если такой идеологии нет, то формирование государства становится невозможным, складываются другие типы социальной организации.

Наличие указанных условий одновременно в одном месте — исключительное явление, но сами по себе они недостаточны для развития государства: необходимо внутреннее или внешнее воздействие, которое положит начало трансформациям. Это может быть внешняя угроза, недостаток ресурсов, появление новых идей, верований.

Так, например, у монголов наряду с объективными предпосылками сложились особые конкретно-исторические условия, совокупность которых ускорила появление государства. Таковыми стали частые внутренние распри между отдельными племенами и их союзами, выдвижение лидера в лице Тэмуджина (Чингисхана), сумевшего мирным и военным методами объединить враждовавшие племена под своим началом.

Необходимо подчеркнуть, что такая совокупность, очевидно, не всегда приводила к формированию более сложной социально-политической организации, это происходило только тогда, когда факторы взаимоусиливались и возникала позитивная обратная связь.

Таковы закономерности возникновения государственности в самых общих чертах. Эти же условия следует признать необходимыми для формирования государства в кочевом обществе.

Литература

1. Бира Ш. Монголын түүх, соел, түүх бичлэгийн судалгаа. Улаанбаатар: Олон улсын монгол судлалын холбоо, 2001. 216 х.
2. Далай Ч. Ойрад монголын түүх (тэргүүн боть). Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академийн түүхийн хүрээлэн, 1985. Х. 55–57.
3. Далай Ч. Ойрад монголын түүх. Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академийн түүхийн хүрээлэн, 2002. Х. 68.
4. Дамдинсүрэн Ц. Хуучин монголын бичигээр. Улаанбаатар: Олон улсын монгол судлалын холбоо, 1957. 245 х.
5. Дашням И. Монгол улсын төр эрх зүйн түүх уламжлал. Улаанбаатар: Монгол улсын Их сургууль, эрдэм судлал дээд сургууль, 2005. 324 х.
6. Железняков А. С. О соотношении кочевой цивилизации с монгольской цивилизацией // *Mongolian Great Empire (formation, growth, decline)*. Ulaanbaatar, 2005. С. 125–129.
7. Нацагдорж Ш. Халхын түүх. Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академийн түүхийн хүрээлэн, 1963. 354 х.
8. Санждорж М. Монгол төрийн түүхээс (XIII–XIX зуун). Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академийн түүхийн хүрээлэн, 2006. 217 х.
9. Тойнби А. Постигение истории. М., Прогресс, 1991. С. 323.
10. Claessen H. J. M. and Skalník P. The Early State: Theories and Hypotheses. P. 3–29.

GENESIS OF STATE, ITS PATTERNS AND FEATURES IN A NOMADIC SOCIETY

Serzhena Zh. Dugarova

DSc in History, Associate Professor,
Buryat State University
24a, Smolin st., Ulan-Ude, 670000, Russia

The state building problem lies among the perennial ones. The majority of works on social science devoted to the state emerged in settled agricultural societies. Meanwhile, the other scenarios of social evolution are also of interest, particularly the way the state was set up in a nomadic pastoral society, as well as its birth in medieval Mongolia. The key issue in studying nomadic medieval state and law history is to determine the nature of its origin. Contradictions on the matter lie within the conceptual differences of civilizational and formational approaches to the typology of state and law. The developing of modern methodological approach became a relevant issue for the Russian historical science as at the end of the last century it gave up the dominant methodology of historical materialism, but failed to develop the equal alternative. The aforementioned point manifests itself in studies on the early forms of state among nomadic nations. Until now the educational and scientific literature present the issue primary in terms of socio-economic and anthropological theories of the XIX century. The developing of modern methodology can't come down to pure borrowing from European science that doesn't have a solid assessment of socio-political system of medieval nomads, the Mongols in particular. Describing the main ideas on studying the state building among Mongolian nations, we should point out that the state is defined as a political and legal organization aimed to fight misconduct, to provide material and moral values, to achieve political and social goals. This approach allows identifying patterns of emergence of state among different nations with different social and economic structure. The article has the main points of theoretical analysis of the genesis of the state.

Keywords: State; law; medieval Mongolia; genesis; society; prerequisites; nomadic state; evolution.

УДК 94(470+571)

РУССКАЯ ПОЛИЦИЯ ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ ДЖОРДЖА КЕННАНА

© Хармаев Юрий Владимирович

кандидат юридических наук, доцент,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: kharmaev@mail.ru

В статье автор рассматривает недостатки деятельности современной российской полиции со ссылкой на исторический экскурс в исследованиях американского писателя Джорджа Кеннана о русской полиции XIX в. Одним из факторов, воздействующих на неправомерную деятельность властей и чиновников, является состояние и активность гражданского общества. Проведенное автором исследование и сравнительная историческая характеристика являются попыткой найти пути решения существующих проблем в деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: деятельность полиции; коррупция; история; Сибирь; отношения власти и населения.

Несмотря на оптимистичные выступления главы ВЦИОМ Валерия Федорова об изменении отношения россиян к деятельности государственных институтов власти в положительную сторону [5], связанном, по его мнению, с улучшением социально-экономического положения в стране к концу 2016 г. (что выглядит, мягко говоря, странно. — прим. Ю. Х.), все же отмечается неудовлетворенность общества работой правоохранительных органов. В свое время с надеждой и воодушевлением граждане оценили появление федерального закона «О полиции» [8, с. 278], который предполагал заметное улучшение жизни россиян в социальной сфере, конкретнее, в области противодействия преступности, и, конечно, кардинальные изменения в деятельности правоохранительных органов.

За небольшой период времени с момента реформирования органов внутренних дел происходила неоднократная смена количественного и качественного кадрового состава данного силового ведомства. После перехода из милиционеров в полицейские и сокращения штата на 20% наблюдался определенный рост численности сотрудников, вызванный перераспределением функций, что было связано с ликвидацией федеральной службы по контролю за незаконным оборотом наркотических средств (далее — ФСКН) и федеральной миграционной службы (далее — ФМС). На 7 июля 2016 г. предельная штатная численность сотрудников МВД составляла около 1,068 млн чел. [9]. К осени 2016 г. указом президента России максимальное количество сотрудников органов внутренних дел сокращено более чем на 163 тыс. чел. и их численность установлена в количестве 904 881 чел.

Вместе с тем следует отметить, что в последние годы существования СССР на одного сотрудника милиции приходилось 467 человек (количество жителей тогда составило 293 млн), тогда как в России это один полицейский на 129 жителей страны (при общем количестве населения — 143 млн чел.) [7]. По замыслу авторов реформы, ожидалось резкое повышение профессионализма работников ОВД и возврат доверия населения к их деятельности. С сожалением следует признать, что пока не произошло ни того, ни другого.

Сам министр внутренних дел В. А. Колокольцев, выступая перед депутатами Государственной думы, довольно самокритично признал, что «ход реформы министерства внутренних дел в нынешнем виде не соответствует заявленным целям, определенных изменений требует структура ведомства, которая была разработана после объявленной реформы» [3].

Среди выявленных недостатков в деятельности правоохранительных органов можно назвать следующие:

- неэффективные и слабые профилактические позиции полиции;
- высокая текучесть кадров на местах (среди участковых, сотрудников уголовного розыска);
- искусственно завышенный штат центрального аппарата МВД России;
- кадровая политика при назначении нового руководителя, когда вместе с ним приходит его «команда», что расценивается на местах, как «клановость» в оперативно-служебной деятельности;
- проявления коррупции со стороны отдельных сотрудников.

Для анализа причин и условий перечисленных недостатков необходимо провести исторический экскурс в недалекое прошлое России. Особенно интересно рассмотреть отношения, которые складывались у населения с представителями власти и чиновниками на местах. Известный афоризм Ф. Ницше вполне уместен для данного случая: «Каждый народ заслуживает своего правителя» [2].

Общеизвестно, что силовые подразделения существовали во все времена, при любой системе власти и всегда привлекали к себе повышенное внимание. Известные отечественные криминологи XIX в. Д. А. Дриль, И. Я. Фойницкий, С. К. Гогель и др. посвятили изучению пенитенциарной политики государства, деятельности полицейских органов немало научных исследований и трудов [13–18].

Помимо названных ученых к этому списку можно причислить известных русских писателей Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, В. М. Дорошевича, С. В. Максимова и др. [10–12], которые убедительно и талантливо в своих сочинениях показали имеющиеся во внутренней, в частности пенитенциарной, политике государства проблемы.

Очень интересным видится описание существующей действительности в России со слов и наблюдений иностранных граждан. Наша страна, ее политическое строение всегда притягивали умы и взоры многих зарубежных исследователей, путешественников, ученых и писателей. Джордж Кеннан, американский писатель, в течение 16 месяцев изучал русское революционное движение тюрьмы и ссылку в России. Вернувшись в США в 1891 г., он издал ряд статей о содержании каторжан и ссыльных в России, они были сформированы в отдельный выпуск под названием «Сибирь и ссылка» и переведены на все европейские языки.

Одна из глав указанного сочинения посвящена описанию русской полиции, ее места и значения в системе государственного управления. По нашему мнению, указанные автором недостатки деятельности русской полиции интересны как сравнительная характеристика одного из важных государственных институтов в правоохранительной системе государства.

С первых строк Дж. Кеннан поражается тому, насколько отличается положение русской полиции в России от такового в других европейских государствах и США. Если у последних функции полиции ограничиваются предупреждением и раскрытием преступлений, а также охраной порядка в общественных местах, то в России полиция занимает особое место и, по мнению автора, ей свойственны чрезмерно расширенные полномочия, которые, в конечном счете, порождают ситуации, связанные с коррупционными рисками. Многочисленные формуляры и распоряжения, идущие «сверху» для исполнения населением на местах, становятся удобным инструментом вымогательства чиновников в полицейской форме.

По сравнению с современной ситуацией в XIX в. отчетливо наблюдается огромная разница в самой системе функциональных обязанностей, возлагаемых на полицейские органы. В 21-м столетии согласно ведомственным нормативно-правовым актам в деятельности российской полиции наблюдается тенденция освобождения от не свойственных ей функций, кроме основной стратегической — борьбы с преступностью. Тем самым остерегая, в конечном счете, правоохранительные органы от лишних коррупционных возможностей и рисков.

Дж. Кеннан в своем сочинении сначала показывает структуру русской полиции, имеющую четыре подразделения:

1) сельская полиция, состоящая из урядников и избранных сельским обществом «сотских», «десятских»;

2) городская полиция;

3) тайная или сыскная полиция;

4) политическая полиция или корпус жандармов.

В связи с тем, что урядники получали небольшую заработанную плату, очень сложно властям было подобрать на такие должности порядочных и честных кандидатов и, по мнению писателя, устраивались на них «крайне невежественные и глупые люди» [4, с. 140]. Те, которые чуточку поумнее, находили любые способы, используя предоставленную властями возможность осуществлять исполнительно-распорядительную деятельность, «выжимать последние соки из крестьянина» [4, с. 141].

Автор отчетливо показывает на страницах дневника разнообразные и хитроумные способы вымогательства и взятки, которыми умело пользовались представители русской полиции в Сибири. Читателю становится очевидно, каким большим кругом и перечнем функций наделены полицейские в обыденной жизни, более пяти тысяч поручений приходилось на данную структуру в соответствии с действующим сводом законов. Вполне логичным видится вывод автора о том, что полицейский чи-

новник «не в состоянии разобраться в этих бесчисленных циркулярах, предписаниях, распоряжениях и т. д.», и это все является помехой «всякой личной инициативе, всякой свободной деятельности» [4, с. 139].

С высоты прожитых лет вполне объяснимо такое отношение крестьянства к представителям власти, ведь прошло не более 20–25 лет после ликвидации в России крепостного права. Население России так и не успело реализовать как следует свои гражданские права, а в XX в. уже «советская» система внедряла свое «видение» демократии на протяжении почти 70 с лишним лет. Лишь с конца двадцатого столетия общество начинает понимать и ощущать на себе дарованные ему демократические свободы, которые, к примеру, в Европе и других странах имеют более двухсотлетнюю историю.

Дж. Кеннан в разговоре с чиновником небольшой деревушки близ Иркутска фиксирует, какие оправдания использует последний для получения взяток с крестьян. По мнению писателя, все берут взятки: его непосредственный начальник «становой», начальник «станового» — «заседатель» и, наконец, губернатор. Если он не стал бы брать взятки, то «его тотчас бы арестовали или выгнали со службы, так как он хочет быть честнее самого губернатора» [4, с. 143].

Примерно в этот же временной период, во второй половине XIX в., в работах польского исследователя Агатона Гиллера [1, с. 6], который проходил военную службу в Сибири можно видеть знакомую ситуацию, характерную для местных начальников в связи с их коррупционными проявлениями [6, с. 8]. Вот как описывает А. Гиллер неправомерные действия чиновников во время прохождения службы: «Правительственные чиновники кроме жалованья от государства получают такое же жалование от людей, которые арендовали право продажи водки. Это жалование превосходит нередко казенное содержание чиновника и распространено во всей России. От губернатора до полицейского комиссара все чиновники содержатся за счет так называемого откупа; в Сибири горняки, казаки, даже некоторые линейные офицеры жалование получают с откупа, который является ничем иным как взятничеством» [1, с. 11].

Вполне понятно, почему государством был установлен строгий запрет на издание статей и самой работы американского писателя. По мнению властей, Дж. Кеннан в своих работах распространяет о России клеветнические измышления, причиняет вред репутации российского государства, тем самым дает толчок русскому революционному движению. Официальное опровержение русского правительства не могло рассеять впечатления от этих книг. Поэтому после всего произошедшего писателю был запрещен въезд в Россию. В Российской империи книга была строго запрещена, и лишь в 1905–1906 гг. появилось несколько ее переводов. На западе художественное сочинение американского писателя выдержало уже 15 изданий. Увлекательно написанная книга Дж. Кеннана о сибирской ссылке до сих пор не потеряла своей ценности как источник, описывающий и объясняющий сегодняшние проблемы в обществе, в том числе в деятельности правоохранительных органов.

В качестве заключения можно сделать следующие выводы.

Пороки и недостатки, характерные для Российской империи и ее граждан, также талантливо высмеивались в сатирических произведениях известных русских писателей и общественных деятелей (Н. В. Гоголь, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. П. Чехов, М. М. Зощенко и др.). Несмотря на то, что Дж. Кеннаном описана деятельность полицейских чиновников в Сибири середины XIX в., такое положение вещей характерно и для современной России.

Прошло всего 156 лет со времени отмены крепостного права в России. Однако следует в очередной раз признать, что для истории два столетия срок небольшой. Взаимоотношения простых граждан и представителей власти всегда привлекают всеобщее внимание. Менталитет населения не меняется быстро, но практика и опыт западных государств дает определенную надежду на то, что Россию ожидает хорошее будущее.

Правонарушающее поведение и неправомерная деятельность властей и чиновников иногда напрямую зависит от состояния и активности гражданского общества. Проведенное исследование и сравнительная историческая характеристика деятельности полицейских чиновников в разные периоды времени показывает остроту и актуальность обозначенных проблем, что требует новых путей их разрешения.

«История учит, что она ничему не учит» — это не то правило, которому будут следовать умные люди. Хорошее знание истории помогает не только лучше понимать происходящее (потому что все новое — это хорошо забытое старое), но и зачастую предсказывать, что будет дальше.

Литература

1. Giller A. Opisanie zabajkalskij krajiny. Lipsk, 1867. Т. 1–3. С. 5–25.
2. Афоризмы о народе [Электронный ресурс]. URL: <https://elims.org.ua/aphorism/aforizmu-o-narode> (дата обращения: 27.01.2017).
3. Гурьянов Н. Проблемы не сократились [Электронный ресурс]. URL: <http://vz.ru/society/2012/10/17/602952.html> (дата обращения: 27.01.2017).
4. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка: в двух частях / ред. Ф. Дедова, Н. Максимова, С. Нечетного, А. Рудина; пер. с англ. И. Н. Кашинцева. СПб.: Вл. Распопов, 1906. ЛII, 286 с.
5. Квасников В. Отношение россиян к власти резко улучшилось [Электронный ресурс]. URL: <http://www.the-village.ru/village/city/situation/249045-vlasthttp://www.interfax.ru/russia/529088> (дата обращения: 27.01.2017).
6. Сливовская В., Шостакович Б. С. Агатон Гиллер как исследователь Восточной Сибири и первый историк сибирской ссылки поляков // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. Иркутск, 2000. Вып. 1(13). С. 8.
7. Сигида А. 129 россиян на одного полицейского [Электронный ресурс]. URL: <http://mirnov.ru/arhiv/mn967/mn/06-1.php> (дата обращения: 27.01.2017).
8. Хармаев Ю. В. ФЗ «О полиции» и современные проблемы ОВД // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. Вып. 2. С. 278–279.
9. Штатная численность МВД сокращена на 163 тысячи человек [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/russia/529088> (дата обращения: 27.01.2017).
10. Чехов А. П. Остров Сахалин // Правда. 1985. С. 4.
11. Дорошевич В. М. Сахалин (каторга). М.: Сова, 2009. 190 с.
12. Максимов С. В. Сибирь и каторга. М.: ЭКСМО Пресс, 2001. 476 с.
13. Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872.
14. Фойницкий И. Я. Ссылка на запад в ее историческом развитии и современном состоянии. СПб., 1881.
15. Гогель С. К. Вопросы уголовного права, процесса и тюремоведения: собрание исследований. СПб., 1906.
16. Дриль Д. А. Ссылка и каторга в России: Из личных наблюдений во время поездки в Приамурский край и Сибирь. СПб., 1898.
17. Малиновский И. А. Ссылка в Сибирь: Публичные лекции, читанные в Томске в ноябре 1899 г. Томск, 1900.
18. Гран П. К. Каторга в Сибирь: Извлечение из отчета о служебной поездке начальника ГТУ П. К. Грана в Сибирь в 1913 г. СПб., 1913.

“RUSSIAN POLICE” THROUGH THE EYES OF THE AMERICAN WRITER GEORGE KENNAN

Yuri V. Kharmaev

Ph.D. in Law, Associate Professor,

Buryat State University

24a, Smolin st., Ulan-Ude, 670000, Russia

The author considers the shortcomings of the modern Russian police with reference to the historical excursus to studies of the American writer George Kennan on the Russian police of the XIX century. Illegal activity of the authorities and their officials often depends on the state and activity of civil society. Conducted research and comparative historical characteristic attempts to find solutions to existing problems in law enforcement.

Keywords: police activity; corruption; history; Siberia; relations between the authorities and public.

УДК 372.4(091) (571.54)

ОБ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНА КОНСТИТУЦИОННОЙ ЮСТИЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

© Будаев Капитон Аюрзанаевич

кандидат юридических наук, профессор,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: kmkaf@yandex.ru

В статье рассматривается процесс формирования и деятельности Конституционного суда Республики Бурятия как органа конституционного контроля. Автор прослеживает процесс развития федерального и регионального законодательства об органах конституционного контроля в России начиная с формирования Комитета конституционного надзора и до установления современной системы конституционных и уставных судов. Особое внимание в статье уделено процессу создания Конституционного суда Республики Бурятия как эффективного инструмента защиты прав и свобод граждан России, проживающих на территории республики. С опорой на исторические документы, стенограммы заседаний Народного хурала (парламента) Республики Бурятия автор показывает, как понимание особой роли и места Конституционного суда в системе разделения властей позволило сформировать необходимую законодательную базу для его функционирования. Автором подробно освещается практика работы Конституционного суда Республики Бурятия, категории рассматриваемых им дел, что показывает востребованность органа конституционной юстиции в первую очередь в области правозащитной деятельности. В статье также освещаются проблемы, с которыми сталкивается Конституционный суд Республики Бурятия на современном этапе, в частности, в связи с временным приостановлением действия закона «О Конституционном суде Республики Бурятия» в 2013 г. Автор показывает, как в результате взаимодействия научной общественности, депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации, депутатов Народного хурала Республики Бурятия с привлечением Конституционного суда Российской Федерации были сделаны шаги по восстановлению деятельности Конституционного суда как высшего органа конституционного контроля в республике.

Ключевые слова: Конституция РФ; конституционный надзор; конституционный контроль; конституционная юстиция; Республика Бурятия; конституционный суд; Народный хурал; права и свободы личности; разделение властей.

Впервые в нашей стране орган конституционного контроля был создан в СССР. Законом об изменениях и дополнениях Конституции СССР от 1 декабря 1988 г. учрежден Комитет конституционного надзора СССР, который начал функционировать в апреле 1990 г. и прекратил свое существование в конце 1991 г. в связи с распадом Советского Союза. В РСФСР тоже планировалось создание Комитета конституционного надзора, даже успели принять Закон об изменениях и дополнениях в Конституцию РСФСР от 27 декабря 1989 г., однако до формирования состава комитета не дошло. 15 декабря 1990 г. в Конституцию РСФСР были внесены изменения, где вместо Комитета конституционного надзора учреждался Конституционный суд России. Тогда российские депутаты поступили очень правильно и дальновидно. Конституционный суд России выступил в качестве эффективного судебного органа для защиты конституционных прав и свобод. Об этом свидетельствует деятельность Конституционного суда Российской Федерации за прошедшие четверть века.

В субъектах Российской Федерации о создании органов конституционной юстиции заговорили в 1991 г. В ряде республик в составе Российской Федерации были созданы комитеты конституционного надзора, поскольку аналогичный орган существовал в СССР и планировался в РСФСР. Изначально субъекты Российской Федерации ориентировались на создание комитетов конституционного надзора, но затем по образцу Конституционного суда в стране предпочтение стали отдавать конституционным судам в республиках, уставным — в краях и областях.

Важным фактором, способствовавшим созданию судебных органов конституционного контроля сначала в республиках, затем в других субъектах Российской Федерации, стала и Концепция судебной реформы в Российской Федерации, одобренная по представлению президента 24 октября 1991 г. Верховным советом РСФСР [2]. Она также вытекала из того положения, что согласно Федеративному договору, конституциям и уставам субъектов Российской Федерации контроль за соблюдением их основных законов относится к исключительной компетенции последних. Поэтому субъекты Россий-

ской Федерации вправе были сами устанавливать организационно-правовые формы осуществления такого контроля и до принятия соответствующего федерального нормативного акта.

Поскольку Россия провозглашена федеративным, демократическим и правовым государством, то в основе его организации лежит принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Данный принцип был прописан в Декларации о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, принятой 12 июня 1990 г. Съездом народных депутатов РСФСР, а через два года — в статье 3 действовавшей в то время Конституции РСФСР, где закреплялось положение о том, что «система государственной власти в Российской Федерации основана на принципах разделения законодательной, исполнительной и судебной властей...».

Новая Конституция, принятая на референдуме 12 декабря 1993 г., отразила изменения, произошедшие в жизни России, определила качественно новый этап в развитии страны, утвердила новые правовые и политические концепции. В послании президента России Д. А. Медведева еще в 2008 г. было отмечено, что «принятие в 1993 г. Основного закона, провозгласившего высшей ценностью человека, его жизнь, его права и собственность, стало беспрецедентным событием в истории российской нации» [3]. Конституция закрепила права человека и социальные обязательства государства, утвердила разделение властей, парламентаризм, независимость судебной власти, многоукладность экономики, стала надежной основой правовой системы Российского государства.

По мнению председателя Конституционного суда Российской Федерации В. Д. Зорькина, Конституция 1993 г. — одно из главных достижений постсоветской эпохи. В Конституции мы получили тот правовой фундамент, который обеспечил политическую, экономическую, социальную целостность России. Именно Конституция является высшей универсальной формой легитимации России в ее нынешних пределах. Конституция представляет собой правовую основу организации России в виде современного цивилизованного государства как политического сообщества народа под властью права [8].

В соответствии с Конституцией Российской Федерации государственная власть осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 10). Причем Конституция Российской Федерации четко указывает, что на федеральном уровне государственную власть в Российской Федерации осуществляют президент Российской Федерации, Федеральное собрание (Совет Федерации и Государственная дума), правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации (ч. 1 ст. 11), а на региональном уровне государственную власть осуществляют образуемые субъектами Российской Федерации органы государственной власти (ч. 2 ст. 11). Таким образом, данное конституционное положение исходя из федеративного характера нашего государственного устройства предоставляет право самим субъектам решать вопросы образования органов государственной власти. Наконец, дискуссии о том, быть или не быть конституционным (уставным) судам субъектов Российской Федерации, был положен конец принятием федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», где были закреплены базисные положения о том, что данные суды:

- а) это часть судебной системы Российской Федерации (ч. 2 ст. 4);
- б) прописаны как суды субъектов Российской Федерации (ч. 4 ст. 4);
- в) создаются и упраздняются законами субъектов Российской Федерации (ч. 2 ст. 15);
- г) формируются назначением (избранием) судей, председателей и заместителей председателей судов на должность в порядке, установленном законами субъектов Российской Федерации (ч. 8 ст. 13);
- д) определяют соответствие законов субъекта Федерации, нормативных правовых актов органов государственной власти субъекта Федерации, органов местного самоуправления субъекта Федерации конституции (устава) субъекта Федерации, а также осуществляют толкование конституции (устава) субъекта Федерации (ч. 1 ст. 27);
- е) рассматривают вопросы, отнесенные к их компетенции, в порядке, установленном законом субъекта Федерации (ч. 3 ст. 27);
- ж) выносят решения, которые не могут быть пересмотрены иным судом (ч. 4 ст. 27);
- з) финансируются за счет средств бюджета соответствующего субъекта Федерации (ч. 2 ст. 27).

И, конечно, положительную роль в организации Конституционного суда сыграло и то, что Россия — федеративное государство, так же как, например, и Федеративная Республика Германия, где во всех землях (а их 16) давно созданы и реально действуют конституционные суды, которые стоят на страже конституции земель и наряду с Федеральным конституционным судом защищают права и свободы граждан ФРГ, проживающих на территории земель.

Первоначальным этапом учреждения в Республике Бурятия органа конституционного контроля явилось принятие Конституции Республики Бурятия в феврале 1994 г. В ней предусматривается, что на территории Республики Бурятия наряду с федеральными судами действует Конституционный суд Республики Бурятия, который является высшим органом судебной власти по защите конституционного строя республики.

25 октября 1994 г. на третьем заседании второй сессии Народного хурала первого созыва был принят закон «О Конституционном суде Республики Бурятия». Представлял проект закона депутат В. И. Яковлев: «Уважаемые депутаты Народного хурала Республики Бурятия. Президентом представлен в порядке законодательной инициативы на ваше рассмотрение проект закона Республики Бурятия о конституционном суде. Он подготовлен с учетом предложений и замечаний, поступивших по законопроекту, обсуждавшемуся в первом чтении Верховным советом Республики Бурятия, а также положений нового Закона о Конституционном суде Российской Федерации» [4].

Большая часть выступавших на заседании была единогласно за создание такого органа конституционной юстиции. Основным фактором, тормозившим принятие законопроекта, являлся вопрос о финансовой составляющей деятельности конституционного суда, однако к концу обсуждений депутаты пришли к общему мнению, что «самое дорогое управление — это дешевое».

Депутат Н. М. Белоколов высказал мнение, что «конституционный суд нужен, и никаких двояких подходов тут быть не может. Во всем цивилизованном мире всегда существует арбитр между ветвями власти, который защищает права человека, то, что положено по Конституции. Я думаю, что надо согласиться с созданием этой структуры, и не думаю, что это сильно отяготит наш бюджет. А если мы будем работать над экономикой и развитием доходной части бюджета, то и проблемы такой не будет».

Конституционный суд Республики Бурятия был образован на основании и в соответствии с Конституцией Республики Бурятия и Законом Республики Бурятия от 25 января 1995 г. в результате назначения Народным хуралом Республики Бурятия по представлению президента Республики Бурятия — председателя суда — Олега Валентиновича Хышиктуева и двух судей конституционного суда — Андрея Дашиевича Улымжиева и Елены Александровны Мурзиной. Это были высококвалифицированные юристы, прошедшие хорошую профессиональную школу.

Аппарат состоял из трех человек — бухгалтера, секретаря и делопроизводителя. С первых дней работы суда усилия были направлены на укрепление конституционной законности, на то, чтобы законы были признаны не только органами государственной власти и местного самоуправления, но и гражданами, их объединениями, должностными лицами и способствовали стабильности государственного устройства Республики Бурятия, защите основных прав и свобод граждан [11].

В соответствии с Конституцией Республики Бурятия и законом «О Конституционном суде Республики Бурятия» Конституционный суд наделен правом по запросам соответствующих лиц и в установленном порядке проверять конституционность законов Республики Бурятия, иных нормативных правовых актов органов государственной власти Республики Бурятия, органов местного самоуправления, межрегиональных договоров и соглашений.

Разрешение споров о компетенции между исполнительным и законодательными органами государственной власти республики, органами государственной власти и органами местного самоуправления, а также между органами местного самоуправления относится к компетенции Конституционного суда Республики Бурятия. Кстати, такого рода дел было немало в практике конституционного суда. По спорам о компетенции только между правительством (высшим исполнительным органом) и Народным хуралом (парламентом) было рассмотрено судом за прошедшие годы более десяти дел.

Одним из важных и относительно часто применяемых полномочий суда является проверка по жалобам граждан на нарушение их конституционных прав и свобод, конституционности закона Республики Бурятия, иного нормативного правового акта органов государственной власти и органов местного самоуправления в Республике Бурятия, примененного или подлежащего применению в конкретном деле. За прошедшие годы более половины дел рассмотрено судом именно по защите конституционных прав граждан.

Интенсивность деятельности Конституционного суда Республики Бурятия сопоставима с таковой в других субъектах Российской Федерации. Конституционным судом Республики Бурятия с 1995 г. по февраль 2012 г. рассмотрено 128 дел, по ним принято 46 постановлений, 2 заключения, 80 определений, из них 9 определений по прекращению дел в связи с отменой или внесением изменений в нормативные правовые акты до рассмотрения дела в суде и отзывом обращений.

Необходимо иметь в виду, что Конституционный суд Республики Бурятия в 1998 г. не работал из-за перевода на другую работу председателя суда и начал функционировать снова только с марта 1999 г., после избрания нового председателя. За период деятельности Конституционного суда Республики Бурятия поступило 20 запросов от президента Республики Бурятия, 6 — от правительства Республики Бурятия, 3 — от депутатов Народного хурала Республики Бурятия, 3 — от органов местного самоуправления, 13 — от прокурора Республики Бурятия, 3 — от общественных организаций и 118 — от граждан РФ, проживающих на территории Республики Бурятия.

По результатам рассмотрения поступивших запросов, обращений и жалоб граждан Конституционным судом Республики Бурятия были проверены на соответствие Конституции Республики Бурятия 87 нормативных правовых актов, в том числе 37 законов Республики Бурятия, 14 постановлений Верховного совета Бурятской АССР и Народного хурала Республики Бурятия, 13 постановлений правительства Республики Бурятия, 5 указов президента Республики Бурятия, 6 постановлений мэра города Улан-Удэ, 2 решения Улан-Удэнского городского совета депутатов, 2 постановления главы администрации района, 2 решения районных советов депутатов, 1 устав муниципального образования и 2 приказа министерств (Министерства социального обеспечения и Министерства образования Республики Бурятия), из них более 75% были признаны не соответствующими положениям Конституции Республики Бурятия.

В 2001, 2003, 2007 и 2009 гг. по инициативе Конституционного суда Республики Бурятия совместно с Народным хуралом и правительством Республики Бурятия были выпущены брошюры с текстом Конституции Республики Бурятия на русском и бурятском языках (руководителем редакционной коллегии являлся председатель суда).

В 1996 и 2011 гг. коллективом авторов под общей редакцией председателя Конституционного суда Республики Бурятия (в 1996 г. — О. В. Хышиктуева, в 2011 г. — К. А. Будаева) опубликованы Комментарии к Конституции Республики Бурятия.

Конституционный суд Республики Бурятия совместно с правительством и Народным хуралом Республики Бурятия проводил различные публичные мероприятия, круглые столы, конференции, публиковал статьи на конституционно-правовые темы, выпускал брошюры с текстом Конституции Республики Бурятия, комментарии к Конституции Республики Бурятия, сборники по итогам конференций, Вестник Конституционного суда Республики Бурятия. Все это было направлено на пропаганду положений конституций Российской Федерации и Республики Бурятия, решений Конституционного суда Российской Федерации с целью повышения правовой культуры и правосознания жителей республики, преодоления правового нигилизма среди них.

Конституционный суд Республики Бурятия, одного из субъектов Российской Федерации, созданный в 1995 г., в период своей деятельности прилагал максимальные усилия, чтобы Конституция Республики Бурятия была реально действующей, а не декларативной, на деле защищала конституционные права и свободы граждан, закрепленные в главе 2 (в статьях 15–59), повышала качество принимаемых нормативных правовых актов органов государственной власти и местного самоуправления, что способствовало росту уровня доверия к ним со стороны населения. Решения суда способствовали претворению в жизнь общефедеральных конституционных принципов на уровне республики, таких как разделение властей, самостоятельность органов законодательной, исполнительной и судебной власти, четкое разграничение их полномочий, взаимный контроль, равенство всех перед законом и судом и др.

Несмотря на это, исполнительный и законодательный органы Республики Бурятия после отставки председателя Конституционного суда Республики Бурятия в феврале 2012 г. по достижении предельного возраста пребывания в должности судьи в соответствии с законом «О Конституционном суде Республики Бурятия» не приняли мер по избранию председателя суда. Двое оставшихся судей, не имея кворума, не могли рассматривать дела, доработав до окончания 5-летнего срока, на который были избраны (до апреля 2013 г.), и перешли на другую работу. Народный хурал (парламент) Республики Бурятия 5 ноября 2013 г. первым в стране приостановил действие закона Республики Бурятия от 25.10.1994 г. № 42-1 «О Конституционном суде Республики Бурятия» [1] ввиду отсутствия источников финансирования, хотя бюджет Конституционного суда Республики Бурятия за весь период его существования не превышал 0,03% годового бюджета республики.

Закон Республики Бурятия «О Конституционном суде Республики Бурятия» от 25.10.1994 г. приостановлен с 1 января 2014 г. по 31 декабря 2016 г. законом Республики Бурятия от 5 ноября 2013 г.,

который затем был признан утратившим силу, и принят новый закон Республики Бурятия от 15 декабря 2014 г. о приостановлении деятельности суда до 31 декабря 2017 г.

За 2012–2013 гг. в средствах массовой информации республики был опубликован ряд статей в защиту Конституционного суда Республики Бурятия: «что будет с самым действенным институтом защиты прав граждан, доказавшим свою эффективность на практике — Конституционным судом Бурятии — нам выяснить не удалось» (Станислав Белобородов) [7], «в то же время только Конституционный суд мог бы разрешить серьезные споры, касающиеся спорного продолжения полномочий Народного хурала или, например, разрешить вопрос с полномочиями нынешнего мэра Улан-Удэ Александра Голкова» (Владимир Бадмаев) [5], «к тому же Конституционный суд — это прежде всего политический орган, следящий за исполнением Конституции, по которой Бурятия — между прочим, демократическое правовое государство. С утратой работоспособности этого института Конституция превращается в пустую бумажку, а ее статьи становятся — ни к чему не обязывающими пожеланиями из прошлого» (Владимир Бадмаев) [6].

Борьба за восстановление деятельности Конституционного суда продолжилась уже на официальном уровне, этим активно занималась Общественная палата Республики Бурятия. Депутат Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации В. М. Мархаев в конце 2013 г. обратился с письмом к президенту Российской Федерации В. В. Путину, на которое получил ответ от начальника Государственно-правового управления Администрации президента Российской Федерации, помощника президента Российской Федерации Л. И. Брычевой. Она, выступившая в 2005 г. в защиту Уставного суда г. Санкт-Петербурга, также вступилась за Конституционный суд Республики Бурятия. В своем письме она указала, «что действие закона Республики Бурятия “О Конституционном Суде Республики Бурятия” невозможно приостановить без ущерба для нормального функционирования Конституционного суда Республики Бурятия. При этом ни Конституция Республики Бурятия, ни федеральное законодательство не предоставляют законодателю право приостанавливать деятельность действующих судов». Письмо Л. И. Брычевой было направлено полномочному представителю президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе (ныне губернатору Красноярского края) В. А. Толоконскому для урегулирования ситуации с принятием указанного закона.

К 2014 г. в СМИ республики продолжались выступления за возобновление деятельности Конституционного суда Бурятии: «это не инструмент власти, это наш инструмент, инструмент народа (Виталий Хониноев, председатель общественной организации «Правовая поддержка»); «мы получили ответ из структуры Президента России о том, что шаги нашего хурала неправильные» (Вячеслав Мархаев, депутат Государственной думы России); «в отличие от судов общей юрисдикции, конституционное правосудие не предполагает массового обращения. Оно имеет место там и тогда, где и когда имеется нарушение Конституции» (Павел Дудин, председатель Комиссии по правам человека Общественной палаты Бурятии) [12].

Вячеслав Наговицын, глава Республики Бурятия, высказался так: «Работа Конституционного суда не упразднена, а приостановлена. При необходимости его работа может быть возобновлена».

Депутат госдумы В. Мархаев (ныне член Совета Федерации от исполнительной власти Иркутской области) вместе с помощником Алдаром Эрдынеевым, аспирантом юридического факультета Бурятского государственного университета, подготовили запрос, собрали требуемые в соответствии со ст. 125 Конституции Российской Федерации подписи одной пятой депутатов Государственной думы и направили запрос в Конституционный суд Российской Федерации.

3 марта 2015 г. принято Определение Конституционного суда Российской Федерации, где сформулирован ряд правовых позиций, которыми должны впредь руководствоваться исполнительные и законодательные органы государственной власти субъектов Российской Федерации. Во-первых, в решении суда указано, что закон о бюджете как особый нормативный правовой акт, предназначенный для обеспечения финансовой основы осуществления конституционных полномочий органов публичной власти, не может использоваться ни для изменения правового статуса конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации, его полномочий, порядка образования и деятельности, ни для приостановления и прекращения его деятельности. То, что произошло в Бурятии, является недопустимым вмешательством законодательной власти в функционирование институтов правосудия, нарушает установленные Конституцией Российской Федерации положения о разделении властей, самостоятельности органов судебной власти, независимости судей и финансировании судов, которые должны обеспечивать независимое осуществление правосудия (статьи 10, 120, 124). Кроме того, Кон-

ституционный суд Российской Федерации подчеркнул, что федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» не предусматривает возможности приостановления деятельности каких-либо судов, включая конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации.

В сентябре 2015 г. Народный хурал (парламент) Республики Бурятия отменил принятый им Закон о приостановлении действия закона «О Конституционном суде Республики Бурятия», то есть исполнил решение Конституционного суда Российской Федерации от 3 марта 2015 г. Однако формирование нового состава Конституционного суда Республики Бурятия несколько затянулось, так как исполнительная и законодательная власть Республики Бурятия не могли договориться по ряду вопросов о внесении изменений и дополнений в закон «О Конституционном суде Республики Бурятия». Наконец, 17–18 ноября 2016 г. Народный хурал Республики Бурятия на очередной двадцатой сессии принял поправки в данный закон, и в январе 2017 г. глава Республики Бурятия В. В. Наговицын объявил конкурс на замещение должности председателя Конституционного суда Республики Бурятия. Будем надеяться, что ориентировочно через полгода Конституционный суд Республики Бурятия начнет свою деятельность по защите прав и свобод граждан России, проживающих в республике, а также реализацию других своих полномочий, предусмотренных в Конституции Республики Бурятия.

Литература

1. О приостановлении действия и признании утратившими силу отдельных законодательных актов Республики Бурятия: закон Республики Бурятия № 92-V, принят Народным хуралом Республики Бурятия 5 ноября 2013 г. // Бурятия. 2013. № 153. 21 нояб.
2. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С. А. Пашин. М.: Республика, 1992.
3. Российская газета. 2008. № 4787. 6 нояб.
4. Стенограмма третьего заседания второй сессии Народного хурала Республики Бурятия I созыва от 25.10.1994 г.
5. Бадмаев В. Г. Без суда // Номер один. 2013. № 5.
6. Бадмаев В. Конституция осталась без защитников // Номер один. 2013. № 17.
7. Белобородов С. Суррогаты вместо права // «МК» в Бурятии. 2012. 12–19 дек. С. 4.
8. Зорькин В. Д. Конституция Новой России: к 15-летию принятия // Комментарий к Конституции Российской Федерации. М.: Эксмо, 2009.
9. Краткие итоги очередной 20-й сессии Народного хурала Республики Бурятия пятого созыва // Бурятия. 2016. № 134.
10. Подберезкин И. Конституционный суд Бурятии возобновит работу через полгода // Бурятия. 2016. № 129.
11. Хышиктуев О. В. Становление Конституционного суда Республики Бурятия // Законодательство Республики Бурятия в структуре российского законодательства: теория и практика: материалы науч.-практ. конф., посвящ. Дню Конституции Республики Бурятия (Улан-Удэ, 11 марта 2016 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016.
12. Иринцева Л. Общественная палата выступает за возобновление работы Конституционного суда [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arigus-tv.ru/news/item/62598> (дата обращения: 05.02.2014).

ON THE HISTORY OF FORMATION AND FUNCTIONING OF THE CONSTITUTIONAL JUSTICE BODY IN REPUBLIC OF BURYATIA

Капитон А. Будаев

Ph.D. in Law, Professor,

Buryat State University

24a, Smolin st., Ulan-Ude, 670000, Russia

The article considers the process of formation and functioning of the constitutional control body in Republic of Buryatia — the Constitutional Court. The author traces the development process of the federal and regional legislation on constitutional control bodies in Russia, starting from foundation of the Committee of Constitutional Supervision until establishment of the modern system of constitutional (charter) courts. Special attention in the article is paid to the process of creation of the Constitutional court in Republic of Buryatia as an effective instrument of protection of rights and freedoms of Russian citizens living on the territory of republic. With reliance on the historical documents, verbatim reports of the People's Khural (Parliament) of the Republic of Buryatia sessions the author shows how an understanding of the special role and place of the Constitutional Court of the Republic of Buryatia in separation of powers system allowed to create necessary legislative framework for its functioning. The author explains in detail practice of the Constitutional Court's work, categories of cases resolved, showing the demand of such a constitutional justice body primarily in the field of human rights practices. The article also highlights the problems that Constitutional Court faces nowadays, particularly in connection with the temporary suspension of the law "On the Constitutional court of the Republic of Buryatia" in 2013. The author demonstrates how through an interaction of science society, deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, deputies of the People's Khural of the Republic of Buryatia and the Constitutional Court of the Republic of Buryatia steps for recovery of the Constitutional court as the supreme body of constitutional control in Republic of Buryatia were made.

Keywords: the Constitution; constitutional supervision; constitutional control; constitutional justice; Republic of Buryatia; constitutional court; the People's Khural; individual rights and freedoms; separation of powers.

УДК 34-055.2(510)

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ЖЕНЩИН ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КИТАЯ

© Мурзина Елена Александровна

кандидат юридических наук, доцент,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: elena.murzina.57@mail.ru

Статья посвящена истории нормативного правового регулирования труда женщин по законодательству Китая в период 20–40 гг. XX в. Соблюдая хронологические рамки, автор проводит анализ норм китайского фабричного законодательства об особенностях труда женщин. Изучению истории Китая и развитию китайского права, в том числе и трудового, российские ученые уделяют особое внимание. Однако исследований, посвященных вопросам правового регулирования китайским законодательством трудовых отношений женщин не проводилось. Китайской правовой системе присуща особая специфика, что неоднократно отмечалось российским научным юридическим сообществом. Исследование китайского трудового законодательства, его своеобразия и оригинальности начиная с самых истоков может способствовать лучшему пониманию собственного национального законодательства, в том числе его исторического развития.

Ключевые слова: фабричное законодательство; труд женщин; правовое регулирование труда; трудовое законодательство Китая, Китайская Народная Республика.

Вопросы, касающиеся статуса женщин, их прав и положения в обществе продолжают оставаться предметом различных исследований. При этом по вопросам правового регулирования труда женщин в КНР самостоятельных работ практически нет. В рамках изучения трудового законодательства стран Азиатско-Тихоокеанского региона является актуальным анализ положения китайских женщин в сфере труда не только в современный период, но и в историческом контексте.

История китайского трудового законодательства КНР по сравнению с таковой в России может считаться довольно короткой. До свержения маньчжурской династии (империи Цин) в 1911 г. в Китае не существовало каких-либо норм, регулирующих вопросы труда [1]. Новый период в истории Китая начался после свержения в ходе синьхайской революции империи Цин (в последних числах года синьхай по традиционному календарю, поэтому революция называется синьхайской) [2] и провозглашения в 1912 г. Китайской Республики, перед которой встал вопрос смены государственного устройства, в том числе реформации всей социально-экономической структуры. Тогда и начали появляться правительственные акты, в которых так или иначе закреплялись отдельные нормы о труде.

Женский труд в Китае был распространен и во времена Цинской империи. Однако как таковое правовое регулирование труда женщин в то время отсутствовало. В законах Цинской династии (издания 1910 г.) не было какого-либо признака существования норм о труде. В образовавшейся в 1912 г. Китайской Республике внимание уделялось прежде всего регулированию труда на промышленных и горных предприятиях исходя из особенностей рабочего движения Китая того времени. Например, к таким нормативным актам относятся Правила об эксплуатации горнопромышленных предприятий, опубликованные 11 марта 1914 г., и другие распоряжения скорее не законодательного, а административного характера в области промышленной деятельности [3, с. 74].

Приблизительно с 1920 г., когда в Китае начался подъем революционного рабочего движения, правительство стало уделять большее внимание вопросам так называемого фабричного права (аналога трудовому праву). Несмотря на то, что на тот период времени преобладали предприятия легкой и пищевой промышленности, что предопределяло использование преимущественно женского и детского труда, приоритет в правовом регулировании трудовых отношений отдавался вопросам труда на промышленных предприятиях.

29 марта 1923 г. министерством земледелия и торговли были обнародованы Временные фабричные правила № 233, признаваемые первым законом Китая в сфере труда и распространявшие свое действие на:

- 1) предприятия, которые имеют в обычное время более чем 100 человек рабочих;
- 2) предприятия, работы на которых опасны и вредны для здоровья.

В ст. 2 названных Временных фабричных правил указано, что они одинаково распространяют свое действие на иностранные предприятия, основанные на китайской территории и имеющие тот же характер, что и вышеуказанные [4].

Закрепленные в названных правилах нормы распространяли свое действие на всех работников этих предприятий, в том числе и женщин. Правила регулировали вопросы приема на работу и организации труда несовершеннолетних, время отдыха взрослых и их рабочее время, оплату труда, возмещение последствий полученного работником на предприятии вреда здоровью, обязанности работодателя по обеспечению безопасных условий труда, а также осуществление административными властями контроля за соблюдением на предприятии правил по охране труда работников.

Вместе с тем Временные фабричные правила содержали специальные нормы, посвященные регулированию труда женщин. В частности, для женщин предусмотрено предоставление пяти недель до и после родов с выплатой необходимой суммы денег в целях оказания ей материальной помощи (ст. 20); установлен запрет на привлечение женщин на опасные работы, связанные с чисткой, смазыванием, проверкой, починкой, прикреплением, сменой ремней или веревок, на другую какую-либо опасную работу, когда машины находятся в движении, а также на работы при тех частях машин, где происходит передача силы (статья 21).

Особые правила труда для женщин предусматривали и Правила для горных предприятий, опубликованные министерством земледелия и торговли 12 мая 1923 г., согласно которым женщины могли быть приняты только на легкие работы вне шахт; собственник горного предприятия не имел права нанимать на работу женщин в течение пяти недель до и после деторождения [5].

Таким образом, анализ приведенных правовых норм того времени показывает, что основное внимание уделялось вопросам регулирования труда женщин на тяжелых, опасных и вредных работах, а также предоставлению возможности сохранения здоровья женщин в связи с деторождением. Каких-либо других особенностей регулирования труда женщин нормы того времени не содержали, в остальном на них распространялись те же общие правила труда, что и на мужчин.

Анализируя последующее историческое развитие фабричного законодательства в Китае, следует отметить, что с 1927 г. новое Нанкинское национальное правительство начало предпринимать меры к разработке новых законов по рабочим вопросам с целью показать Лиге Наций и всей Европе, что проблема труда на фабриках и заводах в Китае разрешена в полном соответствии с основными положениями фабричного законодательства в современных буржуазных государствах [3, с. 75]. Уже на тот период времени китайский законодатель в лице правительства предпринимал попытки заимствований из законодательства других буржуазных государств.

Новый Закон о фабриках и заводах, обнародованный 30 декабря 1929 г., разрабатывался и изменялся в течение двух лет. Согласно общим положениям этого закона, он должен применяться в отношении всех предприятий, пользующихся паровыми, газовыми, электрическими и водяными двигателями и практикующих регулярно наем рабочих в количестве от 30 человек. Глава вторая закона посвящена детскому и женскому труду. Однако следует отметить, что, регулируя вопросы женского труда, эта глава содержала лишь требования по ограничению его применения на опасных и вредных работах. Так, ст. 7 указанной главы установлен запрет на применение труда женщин в следующих производствах: «1) при выделке взрывчатых или ядовитых веществ; 2) в помещениях, в которых скопляется пыль или дым от вредных жидкостей; 3) при чистке, смазке, надзоре и ремонте машин на ходу или опасных частей и передач, а также при ремонте и приправке ремней и поясов; 4) при работах с проводами тока высокого напряжения; 5) при обработке жидких минералов и минеральных отбросов; 6) при наблюдении за паровыми котлами; 7) при других неблагоприятных или опасных работах» [6]. Таким образом были установлены определенные ограничения на применение женского труда на опасных и вредных работах.

Также особенности регулирования женского труда нашли свое отражение в других главах и статьях названного закона. В частности, глава III «Рабочий день» устанавливала запрет на использование женского труда в ночное время — в период с 10 часов вечера до 6 часов утра (ст. 13); а глава V «Зарплата» предписывала, что женщины-работницы должны получать ту же плату, что и мужчины в случае, если они выполняют ту же работу и с таким же успехом (ст. 24). Данное условие фактически нивелировало право женщин на равную с мужчинами оплату труда, поскольку вопросы о выполнении женщинами одинаковой работы «с таким же успехом», что и мужчины, фактически оставался на усмотрение предпринимателя-работодателя.

При этом общие положения закона, устанавливающие рабочее время, время отдыха, заработную плату, в полном объеме распространялись на работающих женщин. Так, регулярный рабочий день для взрослых устанавливался в количестве 8 часов, но в случае необходимости его увеличения по местным условиям или по роду производства мог быть продлен до 10 часов (ст. 8), рабочий день мог быть увеличен также при наличии форс-мажора, но не должен был превышать 12 часов в день, и общее количество сверхурочных часов не могло превышать 36 часов в месяц (ст. 10). Каких-либо исключений в этой части для женщин кроме положений вышеприведенной ст. 13 не предусматривалось.

Необходимый период времени, на который должны были освобождаться от работ женщины до и после родов, определялся различными издававшимися в Китае узаконениями общегосударственного и местного значения и определялся в 5, 6 или даже 16 недель. Новым фабричным законом была установлена обязанность предпринимателя предоставлять работающим женщинам отпуск до и после родов в общей сложности на 8 недель (ст. 37). При этом женщинам, которые проработали на фабрике свыше 6 месяцев, предприниматели должны были оплачивать это время пособием в размере обычного заработка, а тем, которые проработали менее 6 месяцев — только в половинном размере [7].

В 1937 г. началась война с Японией, длившаяся 8 лет, затем с 1946 по 1949 г. в стране шла гражданская война, в которой Гоминьдан (делавший упор на буржуазный, капиталистический класс) и Коммунистическая партия Китая (представленная рабочим классом и крестьянством) боролись за власть.

Эти обстоятельства повлияли на то, что трудовое законодательство в Китае практически не развивалось в течение длительного периода времени — с 1930-х вплоть до 1990-х гг. продолжали действовать выше проанализированные правовые нормы.

Литература

1. Мурзина Е. А. К истории правового регулирования труда несовершеннолетних по законодательству Китайской Народной Республики // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 4, № 11. С. 64.
2. История Китая: учебник / под ред. А. В. Меликсетова. М.: Изд-во МГУ; Высшая школа, 2002. С. 371.
3. Голяновский С. К. Законодательные новеллы Нанкина по рабочему вопросу // Вестник Маньчжурии. Manchuria Monitor. 1930. № 6. С. 74–77.
4. Временные фабричные правила // Вестник Маньчжурии. Manchuria Monitor. 1928. № 5. С. 85–86.
5. Правила для горных предприятий // Вестник Маньчжурии. Manchuria Monitor. 1928. № 5. С. 86–87.
6. Закон о фабриках и заводах в Китае // Вестник Маньчжурии. Manchuria Monitor. 1930. № 6. С. 78.
7. Кухтин К. В. Фабричное законодательство Китая // Вестник Маньчжурии. Manchuria Monitor. 1934. № 2. С. 113.

THE HISTORY OF DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF LABOR OF WOMEN UNDER THE LAWS OF CHINA

Elena A. Murzina

Ph.D. in Law, Associate Professor,
Buryat State University
24a, Smolin st., Ulan-Ude, 670000, Russia

The article is devoted to normative legal regulation of women's labor in legislation of China in the period 20-s-40-s of XX century. Following the chronological framework, the author analyzes the norms of Chinese factory legislation about the specifics of women's labor. The study of the history of China, the development of the law of people's Republic of China, including labor rights, Russian scholars have always paid and are paying attention. However, the legal regulation Chinese legislation the labor relations of women special attention has not been paid. The Chinese legal system has a particular specificity, which has been repeatedly noted Russian academic legal community. The study of Chinese labor laws, its uniqueness and originality, since the origins, enables a better understanding of their own national legislation, including its historical development.

Keywords: factory legislation; women's work; legal regulation of labor; labor laws of China; People's Republic of China.

УДК 347.1

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ

© Тумурова Анна Тимофеевна

доктор юридических наук, доцент,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: atumurov09@rambler.ru

© Амагыров Андрей Валерьевич

старший преподаватель,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: tengery90@mail.ru

Статья посвящена исследованию вопросов возникновения механизмов защиты нематериальных благ на примере чести. Помимо этого автором затрагиваются проблемы понимания обычного права, а также обозначается собственная позиция по данному вопросу. В результате исследования были сформулированы следующие выводы. Во-первых, честь как нематериальное благо определенного физического лица возникает только с разложением родоплеменных отношений и становлением государственности. Во-вторых, как объект обычно-правовой защиты изначально честь выступала в качестве ценности, признаваемой не за отдельными физическими лицами, а за целым родом и изначально носила коллективный характер. В-третьих, выступая в качестве объекта правовой защиты, принадлежащего целому роду, защита чести по обычному праву носила публичный (общественный) характер, поскольку была связана с нарушением коллективных интересов и выживанием родовой общины.

Ключевые слова: честь; достоинство; обычное право; правовая защита; генезис; кровная месть; правовой обычай; правовая охрана; обычай; нематериальные блага.

При исследовании термина «правовая защита» представители отечественной юриспруденции, как правило, ограничиваются только анализом положений нормативно-правовых актов, что, безусловно, является необходимым (и, пожалуй, наиболее важным на современном этапе развития государства и права), но не может считаться достаточным для всестороннего изучения данного понятия. Следует отметить, что при этом момент возникновения «правовой защиты» каждый исследователь определяет в соответствии с тем подходом, который используется им при изучении закономерностей происхождения права и государства в целом. Обоснованным выглядит вывод, что защита конкретных ценностей предоставляется правом с момента его возникновения и признания какого-либо блага объектом правовой защиты путем нормативного закрепления соответствующего субъективного права.

Исходя из этого основу для понимания правовой защиты нематериальных благ необходимо искать не только в писаном, но и в неписаном (обычном) праве, а изучение закономерностей ее происхождения на самых ранних этапах становления государственности и последующего развития целесообразнее проводить на примере конкретного нематериального блага, к примеру, чести.

Разнообразие источников и форм права является фундаментальной проблемой юриспруденции. Не вызывает сомнений, что полное исследование обозначенного круга вопросов в рамках одной статьи невозможно. Однако без освещения отдельных аспектов указанной проблематики и обозначения собственной позиции по ряду принципиальных вопросов наше исследование правовой защиты нематериальных благ будет казаться незаконченным, а сделанные выводы неаргументированными. В связи с этим обозначим лишь наиболее важные моменты [2, с. 4–8].

Понимая право как социальный регулятор, основанный на принципе формального равенства, т. е. всеобщей равной меры регуляции общественных отношений, свободы и справедливости, мы можем содержательно отграничить его от иных явлений (обычая, морали, религиозных норм и т. д.). Исходя из этого именно либертарно-юридическая теория будет лежать в основе понимания сущности обычного права и исследования происхождения такого феномена как обычно-правовая защита. Данная теория была подробно обоснована ее автором и последователями, поэтому не нуждается в дополнительном освещении. Отметим лишь, что справедливость как признак права, выделяемый этой теори-

ей, часто является объектом научной критики. Так, Х. М. Думанов и А. И. Першиц в своей работе указывают, что «понятие справедливости, которое некоторые авторы рассматривают как важнейшее в обычном праве, было понятием то ли морального, то ли морально-правового свойства» [5, с. 77]. На наш взгляд, нельзя согласиться с этим утверждением.

В своей работе В. С. Нерсисянц обоснованно говорит о том, что справедливость входит в понятие права, что право по определению справедливо, а справедливость — внутреннее свойство и качество права, категория и характеристика правовая, а не неправовая (не моральная, нравственная, религиозная и т. д.) [11, с. 44]. На наш взгляд, такая точка зрения нуждается сегодня в уточнении. Данный термин, изначально относившийся сугубо к праву, на современном этапе под влиянием изменений в его понимании может быть применен и к иным социальным регуляторам, т. е. правилам поведения, регулирующим общественные отношения. Однако справедливость моральных норм, справедливость обычаев и справедливость права по своей сути содержательно разные категории. В современном понимании справедливость применительно к правилам поведения означает соответствие этих правил принципам, лежащим в их основе. Так, к примеру, говоря о справедливости норм морали, мы имеем в виду соответствие этих правил представлениям людей о добре и зле. Применительно к праву рассматриваемый признак означает соответствие правовых норм принципам всеобщей равной меры регуляции общественных отношений, равенства и свободы. В таком понимании, на наш взгляд, справедливость есть неотъемлемая черта права.

Использование либертарно-юридического подхода позволит выделить внутренний конституирующий признак, присущий всем правовым явлениям (в том числе и обычному праву) и объединяющий их — формальное равенство. Данная черта лежит в основе отграничения права от иных, неправовых, социальных регуляторов. На основе данной гипотезы обычное право и обычай (или иные близкие неправовые явления) без труда могут быть отграничены друг от друга. «Происхождение права представляло собой процесс разложения первобытных отношений, базирующихся на неравенстве, и постепенное формирование новых общественных устоев, основанных на принципе формального равенства» [7, с. 10]. Соответственно можно сделать вывод, что возникновение правовой защиты материальных и нематериальных благ определяется появлением в обществе отношений, построенных на принципе формального равенства, при котором участники наделяются равным правовым статусом.

В этом контексте обычай как социальный регулятор является правилом поведения, возникшим на основе не координационных, а субординационных связей неравноправных участников отношений. По своему существу он не имеет правового содержания, поскольку не закрепляет формального равенства субъектов отношений, регулируемых обычаем. В связи с этим даже санкционирование обычая государством не может придать ему правового характера, т. к. понятие «правовой», как мы выяснили ранее, должно относиться к содержанию правила поведения, а не к способу внешнего проявления или наличию государственной защиты норм.

Вместе с тем общей чертой обычая и обычного права является то, что они возникают в результате непосредственного многократного применения правил поведения, сложившихся в обществе. Если обычай возникает уже при неравноправных отношениях, основанных на половозрастной иерархии, то о возникновении обычного права и, следовательно, о правовой защите нематериальных благ мы можем говорить лишь при создании родовой общины, построенной в соответствии с дуальной формой организации. Две самостоятельно существующие родовые общины, но тесно связанные друг с другом брачно-семейными отношениями, вынуждены взаимодействовать как равноправные участники правовых отношений [14, с. 301]. Нормы обычаев и обычного права схожи по способу создания, но лишь фактическое применение определенного правила, принятого свободными, равноправными участниками (либо их представителями) общественных отношений, является основой создания правового обычая.

Таким образом, обычное право представляет собой совокупность общеобязательных, основывающихся на принципе формального равенства, правил поведения, обеспеченных мерами общественного и (или позднее) государственного принуждения, возникающих на основе отношений между равноправными участниками и в силу длительного фактического применения ставших образцами для регулирования сходных общественных отношений.

Защита конкретных объектов — материальных или нематериальных благ, осуществляемая нормами обычного права (которая может быть названа обычно-правовой защитой материальных и нематериальных благ) представляет собой основывающуюся на принципе формального равенства совокупность мер общественного и (или) государственного принуждения, первоначально возникающих

на основе конкретных договорных отношений между равноправными участниками отношений и применяемых к ним в случае нарушения предписанных правил поведения.

В этом смысле обычно-правовая защита обладает признаками правовой защиты и выступает ее особой разновидностью [1, с. 166–168]. Однако в отличие от мер и гарантий, устанавливаемых в законодательстве, способы обычно-правовой защиты не ограничиваются лишь деятельностью государства и отличаются отсутствием сложных теоретических конструкций. Объектом обычно-правовой защиты первоначально выступают те ценности, необходимость признания которых является очевидной и связана с возможностью выживания родовой общины. Несмотря на то, что обычное право действительно играло ключевую роль лишь в догосударственном обществе и с появлением писаных источников права постепенно уступило место последним, нельзя недооценить его значение в современном мире. Зачастую наибольшую эффективность имеют способы защиты, устанавливаемые самим социумом и обеспечиваемые общественным принуждением, тогда как нормы, создаваемые и гарантированные государством, фактически не применяются.

Приступим к изложению собственной точки зрения по вопросу о закономерностях происхождения и особенностях обычно-правовой защиты нематериальных благ на примере чести.

Во-первых, как отмечалось ранее, возникновение правовой защиты конкретного материального и нематериального блага определяется появлением в обществе отношений, построенных на принципе формального равенства, при котором участники наделяются равным правовым статусом. Честь, как и в целом иные нематериальные блага, в первую очередь представляет собой ценность, служащую для признания наличия субъективных прав у ее обладателя (ключевой составляющей которых является право на защиту), что косвенно сопровождается признанием его в качестве самостоятельного и независимого участника правовых отношений, индивидуализирует его и выражает оценку качеств.

В этом контексте честь как объект правовой защиты не может возникнуть в условиях отношений, при которых лица не обладают личными имущественными или неимущественными правами, частная собственность не выделена, а семья не является обособленным в условиях родовой общины коллективом. Отсутствие субъектов, наделенных не только собственной социальной ролью, но и личными правами, определяет невозможность рассмотрения физических лиц как участников индивидуализированного общественного отношения, являющегося обязательным условием возникновения обычно-правовой защиты чести. Анализируя труды Ф. Энгельса [17], а также современных исследователей [3, с. 6], можно заметить, что подобные обстоятельства возникают только на поздних этапах развития экономических и брачно-семейных отношений, соответствующих начальному периоду становления государства и права. В связи с этим честь как нематериальное благо определенного физического лица возникает только с разложением родоплеменных отношений и становлением государственности.

Во-вторых, несмотря на сделанный чуть ранее вывод, результаты современных исследований обычного права показывают, что «честь» как объект защиты появляется на более ранних этапах развития общества, предшествующих зарождению институтов государственности, и в значительной степени связана с переходом от эндогамных отношений к экзогамным. На примере обычного права бурят А. Т. Тумурова убедительно доказывает, что основы правовых отношений начинают складываться в обществе при возникновении дуальной родовой организации и равноправных отношений между материально автономными, полностью независимыми родовыми общинами, выступающими в качестве полноправных участников брачно-семейных отношений. Как обоснованно отмечает исследователь, «экзогамный брак предполагал установление долговременных отношений между двумя родовыми общинами... Нормы, регулирующие отношения с общиной, с которой они образовывали дуальную родовую организацию, имели иное содержание, чем нормы, которые регулировали внутренние отношения. Разница в содержании определяется их природой. Если внутренние нормы, включающие и табу, были направлены на поддержание мира и согласия в большой семье, где не только труд, но и его результаты были обобществлены на коммунистических принципах и обеспечивались санкцией, которая предусматривала изгнание из общины, то нормы брачные формировались с самого начала как внешние по отношению родовой общине» [15, с. 107].

Следовательно, изначально принадлежность чести в качестве нематериального блага носила не индивидуальный, а коллективный характер и принадлежала только определенному роду как полноправному участнику правоотношений. Индивидуализация понятия «честь», свойственная более поздним источникам (формам) правового регулирования, была обусловлена персонификацией экономических отношений и выделением семьи как самостоятельного коллектива. Обычно-правовая защита

нематериальных благ была направлена не на права отдельного человека или его блага — жизнь, здоровье, честь и т. д., а на единое субъективное право целого рода и его честь, предоставлявшую возможность требовать пресечения посягательств и возмещения причиненного вреда. Действительно, «реализация брачных норм предполагала волевое начало: в ней выражалась коллективная воля, направленная на осознанное вступление в эти отношения в соответствии со свободным волеизъявлением» [15, с. 107].

Подобный вывод можно сделать и при исследовании обычно-правовых норм других народов, в частности, догосударственного алтайского и башкирского обществ. Так, Р. А. Султангареева, анализируя содержание и значение правовых и морально-этических норм, существовавших в башкирском обществе, на примере специфических правил поведения — «йола» затрагивает вопрос об особом институте «Хакы». По ее мнению, данный институт служит для обозначения особых правовых нормативов, которыми являются духовные, нравственные и материальные ценности, принадлежащие к достоинствам коллектива — рода. Одним из ключевых понятий в рамках института «Хакы» служит «ырыу хакы» (ценностность, честь рода). На основе сохранившихся предписаний «Хакы» запечатлелись сведения о выработанной народом системе обязанностей и правовой защите материальных и нематериальных благ единого рода как равноправного участника правовых отношений [13, с. 188]. Аналогичные свидетельства можно увидеть в культуре еврейского народа, во многом сохранившей этническую идентичность и сегодня, а также в истории древних античных государств.

Таким образом, честь как объект обычно-правовой защиты изначально выступала в качестве ценности, признаваемой не за отдельными физическими лицами, а за целым родом, и носила коллективный характер. Любые действия, посягающие на жизнь, здоровье или иные нематериальные блага членов рода, являлись, по сути, оскорблением родовой чести. На более поздних этапах становления государственности, с развитием в первую очередь экономических (появление индивидуальной собственности) и брачно-семейных отношений (выделение семьи), честь как объект защиты постепенно начинает индивидуализироваться, однако привязка к родовой принадлежности субъекта по-прежнему имеет существенное значение.

В-третьих, выступая в качестве объекта правовой защиты, принадлежащего целому роду, защита чести по обычному праву носила публичный (общественный) характер, поскольку была связана с нарушением коллективных интересов и выживанием родовой общины. Смерть лица, на честь которого непосредственно было совершено посягательство, не останавливала применение существующих механизмов защиты. Данное обстоятельство определило цели обычно-правовой защиты чести — пресечение посягательства и предупреждение совершения подобных действий в будущем, выразившееся, как правило, в причинении смерти обидчику. При этом компенсационный аспект данной деятельности, по-видимому, первоначально сводился лишь к моральному удовлетворению коллектива.

В-четвертых, публичный (общественный) характер и цели осуществления обычно-правовой защиты чести обуславливают особенность применяемых способов воздействия на нарушителя (другой род). Несмотря на существующую в юридической науке точку зрения о том, что обычное право не обеспечено нормами общественного принуждения и действует во многом из-за ошибочного представления людей, отметим, что исполнение правовых обязательств, первоначально возникших в брачно-семейной сфере, должно было гарантироваться конкретными мерами физического принуждения. Иначе данные отношения теряли свой правовой характер, поскольку в них отсутствовала общеобязательность, а, следовательно, равная мера регуляции и справедливость. Кроме того, характер таких отношений предполагал иную ответственность в отличие от той, которую несли за нарушение норм, регулировавших внутренние отношения. Как разновидность такой ответственности часто рассматривается институт кровной мести. Однако вопрос о его значении и правовой природе разрешается в юридической науке неоднозначно. Ряд авторов утверждает, что кровная месть не должна рассматриваться как правовое явление. Аргументация такой точки зрения сводится к констатации наиболее проблемных фактов, связанных с кровной мезтью: неограниченность, негуманность, а зачастую и несправедливость [6; 8]. При этом в таком контексте исследователи говорят применительно к современному законодательству, в котором кровная месть прямо запрещена действующим уголовным законодательством.

В связи с этим в рамках предмета нашего исследования интерес представляет иная точка зрения, рассматривающая кровную месть как «универсальный межотраслевой институт обычного права» или важную обычно-правовую норму [4, с. 112; 10, с. 1897]. Как обоснованно отмечает А. Т. Тумурова,

«если за нарушение обычая предусматривалось изгнание из общины, то санкцией за нарушение договора была родовая месть, в основе которой лежал принцип равного воздаяния, равного возмездия, или талион» [15, с. 107]. В этом контексте кровная месть должна быть признана ключевым способом обычно-правовой защиты чести, при изучении которого следует учитывать, что субъектом, применявшим его, был коллектив, связанный кровнородственными связями. Данное обстоятельство обуславливало особенности применения данного способа защиты. Возможность защищать честь представлялась всем членам рода.

Кровная месть оставалась важной мерой защиты и играла ключевую роль вплоть до того момента, когда вещи стали приобретать характер имущества, «что позволило использовать их в качестве эквивалента нанесенного вреда и меры искупления» [16, с. 345]. Данный вывод, в частности, можно сделать, проведя анализ памятника балаганских бурят «Скаска» (1693), нормы которого содержательно близки к нормам Монголо-ойратского устава 1640 г. В обоих документах кровная месть заменена материальным возмещением «анза» [12].

Таким образом, уже на начальных этапах своего существования обычно-правовая защита основывалась на конкретных мерах физического принуждения, хоть и носивших в течение длительного периода времени общественный характер. Безусловно, впоследствии, с возникновением государства, правила поведения стали обеспечиваться его защитой, однако и без таковой они носили характер обычно-правовых норм. При этом также следует учитывать, что отношение со стороны государства к ним не всегда было позитивным. Фактически можно выделить три основные модели взаимодействия обычного права и государства: когда закон (государственное веление) прямо запрещает регулирование общественных отношений обычным правом; когда закон прямо признает обычное право в качестве одного из источников права; когда закон прямо не признает и не запрещает действие обычного права. Однако независимо от отношения государства обычно-правовая норма продолжает существовать до тех пор, пока непосредственно применяется в обществе и обеспечивается мерами физического принуждения с его стороны. Лишь общество как единственный субъект, который создает обычно-правовую норму, может ее отменить.

Разумеется, с окончательной институционализацией государства обычно-правовая система защиты чести и иных нематериальных благ дополнилась новой формой права — законом, который в первую очередь представлял собой нововведения в регулировании публичных отношений и лишь потом формализацию обычно-правовых норм, регулирующих частные отношения. Так, при анализе Великой Ясы Чингисхана можно констатировать наличие в основном публично-правовых норм [9].

Литература

1. Амагыров А. В. К вопросу о соотношении понятий «правовая защита» и «правовая охрана» // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 2. С. 166–168.
2. Амагыров А. В. К вопросу о сущности обычного права бурят (на основе анализа работ А. С. Доброва, отраженных в статьях Г. В. Савенко) // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 2а. С. 4–8.
3. Безроднова К. В. К вопросу о развитии представлений о категориях чести и достоинства: историко-правовой аспект // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 43. С. 6–10.
4. Дгебиа Р. З. Кровная месть в Абхазии в XIX в. // Северокавказский юридический вестник. 2015. № 1. С. 112–116.
5. Думанов Х. М., Першиц А. И. К уточнению понятия «обычного право» // Государство и право. 2005. № 3. С. 77–82.
6. Зюков А. М. Кровная месть: внеправовой обычай и государственно-правовая политика. Владимир: ИП Журавлева, 2009. 160 с.
7. Лапаева В. В., Тумурова А. Т. Процессы генезиса права с позиций принципа формального равенства // История государства и права. 2009. № 2. С. 8–16.
8. Мартыненко Б. К. Неправовые явления: кровная месть, самосуд // Общество и право. 2012. № 3(40). С. 34–37.
9. Молчанов Б., Жанчивдорж М. Обычное право Монголии по закону Чингисхана о «Великой Ясе» [Электронный ресурс] // Право и жизнь. 2003. № 64(12). URL: <http://www.law-n-life.ru/arch/n64.aspx> (дата обращения: 03.05.2013).
10. Мусаева А. Г. Обычай кровной мести в Дагестане // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. С. 1897.
11. Нерсисянц В. С. Философия права: учебник. М.: Норма, 2008. 848 с.

12. Серая А. В. Источники обычного права монгольских племен [Электронный ресурс]. URL: labatr.bsu.ru/public/file/pub/19.doc (дата обращения: 03.05.2013).
13. Султангареева Р. А. Башкирские обряды — йола в свете правовых и морально-этических норм // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4–2. С. 187–193.
14. Тумурова А. Т. Морфология первобытного общества // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 14а. С. 299–304.
15. Тумурова А. Т. Обычное право бурят: историко-теоретическое исследование: дис. ...д-ра юр. наук. М., 2010. 360 с.
16. Хачатуров Р. Л. Обычное право как источник права // Вектор науки ТГУ. 2012. № 4(22). С. 343–346.
17. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Азбука, 2009. 256 с.

ABOUT THE ORIGIN OF THE LEGAL PROTECTION OF HONOR

Anna T. Tumurova

DSc in Law, Associate Professor,
Buryat State University
24a, Smolin st., Ulan-Ude, 670000, Russia

Andrei V. Amagyrov

Senior Lecturer,
Buryat State University
24a, Smolin st., Ulan-Ude, 670000, Russia

The article is devoted to the genesis of mechanisms of protection of intangible benefits, by the example of honor. In addition, the author addresses the problems of understanding of customary law. The author also enunciates his own position on this issue. In particular, the following conclusions were formulated. Firstly, the honor as the intangible benefit of a particular individual appears only with the breakdown of tribal relations and the emergence of statehood. Secondly, the honor as the object of legal protection initially was a value, recognized not for certain individuals, but for the whole clan. In other words, the honor originally had the collective nature. Thirdly, because the honor was an object of legal protection, belonging to the whole clan, protection of honor under customary law had the public character. Violation of the honor was connected with the violation of the collective interests and the survival of the tribal community.

Keywords: honor; dignity; customary law; legal protection; genesis; blood feud; legal practice; legal protection; custom; intangible benefits.

УДК 340.111

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНЕ «ТАМОЖЕННАЯ ПРОЦЕДУРА»© **Гатаулина Ольга Анатольевна**

ассистент,

Бурятский государственный университет

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: orlivik90@mail.ru

Настоящая статья посвящена анализу как самого понятия, так и содержания таможенной процедуры в системе правовых инструментов государства, используемых таможенными органами Российской Федерации. Исследование теоретико-правовых взглядов ученых и законодательного закрепленного в Таможенном кодексе Таможенного союза понятия «таможенная процедура» позволило выявить недостатки в понятийном аппарате. Автор указывает, что доктринальная разработка таможенных процедур в деятельности таможенных органов имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Таким образом, в целях повышения качества правового регулирования в условиях Евразийского экономического союза необходимо раскрыть основные характеристики таможенной процедуры. Сделан вывод, что правовой результат должен иметь отражение в термине «таможенная процедура».

Ключевые слова: административная процедура; таможенная процедура; правовой результат; инструмент правового регулирования; таможенное законодательство.

На современном этапе усилия Российской Федерации направлены на ускорение социально-экономического развития, в том числе посредством правовых инструментов, которые нормативно закрепляются при помощи самостоятельных правовых категорий.

Одним из таких правовых инструментов выступают таможенные процедуры. В первую очередь следует отметить, что они являются частью административных процедур. Многие исследователи в начале XX в. стали разрабатывать понятие процедуры как процессуальной деятельности. Так, по мнению С. К. Гогеля, процедура — это судебный порядок разрешения споров по делам управления, при этом ученый выделял судебную и административную процедуры [1]. В основу теории административных процедур была положена концепция правовой процедуры, действующей в механизме процессуального регулирования. Однако российскими исследователями административная процедура больше представлялась как процессуальная форма. Ю. А. Тихомиров выразил мнение большинства ученых о том, что административная процедура представляет собой нормативно установленный порядок последовательного совершения уполномоченными субъектами права действий в целях осуществления их компетенции и оказания публичных услуг [12]. Ю. Н. Стариков определяет административную процедуру как порядок совершения многочисленных управленческих действий [9].

Как видно из представленных определений, ученые характеризовали административную процедуру как совокупность последовательно нормативно регламентированных действий уполномоченных на то субъектов.

Управленческая деятельность органов исполнительной власти разнообразна, ее порядок регулируется и административными процедурами, в том числе это касается деятельности таможенных органов. Действующее законодательство в сфере таможенных правоотношений определяет в своей деятельности и такую разновидность административных процедур, как таможенные процедуры.

Разработка понятийного аппарата невозможна без раскрытия основных содержательных характеристик любой правовой категории, в том числе и таможенной процедуры.

Впервые термин «таможенная процедура» применялся в п. 21 ст. 11 Таможенного кодекса Российской Федерации от 28 мая 2003 г. № 61-ФЗ [11], где определялся как совокупность положений, предусматривающих порядок совершения таможенных операций и определяющих статус товаров и транспортных средств для таможенных целей. В п. 22 той же статьи понятие таможенная процедура раскрывается через совокупность требований и условий, включающих порядок применения в отношении товаров и транспортных средств таможенных пошлин, налогов и запретов или ограничений, установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственном регулировании внешнеторговой деятельности, а также статус товаров и транспортных средств для таможенных целей в зависимости от целей их перемещения через таможенную границу и использования

на таможенной территории Российской Федерации либо за ее пределами. Анализируя содержание утратившего силу Таможенного кодекса Российской Федерации, можно подчеркнуть, что процедура представляла собой строго установленный порядок последовательно совершаемых действий (этапов), и невыполнение либо ненадлежащее выполнение одного из них могло привести к нарушению таможенных правил.

На современном этапе правовое регулирование таможенных правоотношений осуществляется на основании подписанного Российской Федерации, Республикой Беларусь и Республикой Казахстан Договора о Евразийском экономическом союзе [2] и действующего на Единой таможенной территории Таможенного кодекса Таможенного союза, а также национального законодательства конституции Российской Федерации [5], Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации» от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ [13].

Ст. 4 п. 26 Таможенного кодекса Таможенного союза [10] раскрывает понятие таможенной процедуры, под которой понимается совокупность норм, определяющих для таможенных целей требования и условия пользования и (или) распоряжения товарами на таможенной территории Таможенного союза или за ее пределами. Вышеперечисленное составляет нормативную основу анализа данного правового инструмента. Закрепленное понятие определяется как совокупность правил поведения, норм, что существенно отличается от взглядов на процедуры как систему последовательно сменяющих друг друга актов поведения, направленных на достижение некоторого правового результата. Отсутствие одного из ключевых признаков процедуры, а именно «стадийности», дает нам основание понимать таможенную процедуру как совокупность норм, определяющих правовой статус участников таможенных правоотношений, имеющий статичный характер.

«Стадийность» выделяется как особое свойство процедуры. По мнению А. Е. Помазуева, деятельность состоит из организационных действий, их результаты облекаются в форму промежуточных актов, которые самостоятельно не разрешают дело, но отражают совершение определенных предписаний нормативной основой процедуры действий, приближающих итоговое решение по делу и необходимых для его принятия. Таким образом, границами «стадийности» выступают выраженные в виде промежуточные акты, а содержанием — совершаемые для их принятия организационные действия, которые закрепляются в нормативной модели и качестве набора требований [8].

Основные аспекты понимания таможенных процедур связаны прежде всего с тем, что они являются разновидностью административных процедур и выступают в качестве инструмента правового регулирования. По мнению Н. А. Назаренко, таможенную процедуру можно отнести к правовым нормам (статичность) и к правоотношению (характеризующемуся стадийностью) [6]. Исходя из буквального понимания нормы ст. 4 Таможенного кодекса Таможенного союза целью таможенной процедуры является определение круга правовых условий, при их соблюдении товары, перемещаемые через таможенную границу, могут быть вовлечены в гражданский оборот страны, на территорию которой они ввозятся.

Из данной нормы не вытекает правовой результат, что дает нам основание предполагать, что в терминологической трактовке понятия «таможенная процедура» нет достаточной ясности.

Под правовым результатом мы будем понимать наступившие вследствие осуществления определенной деятельности правовые последствия, связанные с изменениями в правовом статусе потенциальных субъектов правовых отношений [3].

Нельзя утверждать, что отсутствие правового результата в буквальном понимании термина «таможенная процедура» не связано с использованием перемещения товаров через таможенную границу для гражданского оборота. Нелогично было бы перемещать товары через таможенную границу только для того, чтобы поместить их под таможенную процедуру, но должно быть возможно дальнейшее использование товаров в гражданском обороте на таможенной территории. В процессе перемещения правовой статус субъектов фактически не изменяется.

Вместе с тем закрепление юридических понятий дает возможность законодателю создавать лаконичные, информационно насыщенные нормативные акты, четко выражающие его волю, удобные для использования и ясные для понимания, что позволяет излагать нормативный материал, избегая повторений. Формирование понятий в юридической науке происходит в зависимости от присущих им свойств, признаков, таким образом они образуются и классифицируются по общим правилам науки. Кроме того, следует обратить внимание на два основных подхода к определению понятия: первый подход характеризует внешние свойства, второй — внутренние. В свою очередь, внешние свойства

понятия выявляются непосредственно, в внутренние являются логической функцией внешних свойств. По нашему мнению, понятие есть форма выражения, отражающая существенные свойства, связи и отношения предметов и явлений, обобщающая их по определенным специфическим признакам. Таким образом, понятие «таможенная процедура» можно раскрыть двумя способами: путем перечисления признаков и сущностным способом. В научной литературе выделяют следующие признаки:

- процедурные правила, предназначенные для легального применения материально-компенсационных норм;
- набор действий и актов, совершаемых и принимаемых субъектами компетенции;
- стадии деятельности субъектов, последовательность совершения юридических действий [7].

Сущностный подход, по нашему мнению, определяется тем, что законодатель заложил в основу понятия таможенных процедур. Так, ст. 4 Таможенного кодекса Таможенного союза называется «Основные термины...», т. е. более правильным будет называть «таможенные процедуры» термином, нежели понятием. Вопрос связи термина и понятия является дискуссионным, но важно подчеркнуть, что любое понятие, которое обозначается термином, взаимосвязано с другими понятиями в области права (таможенная процедура — термин, юридическая процедура — понятие), они оба являются элементами единой системы. Другими словами, понятие — это совокупность терминов, образующих систему понятий права. В рассматриваемом же случае термин является собирательным, что, на наш взгляд, неполно раскрывает суть таможенной процедуры. Исходя из смысловой нагрузки таможенная процедура представляет собой поэтапное регламентированное перемещение товаров через таможенную границу уполномоченными на то органами с целью вовлечения в гражданский оборот товаров, обеспечивая при этом соблюдение запретов и ограничений, а также взимание таможенных платежей.

Последнее обстоятельство позволяет заключить, что, несмотря на различные подходы к определению таможенной процедуры, она включает в себе весь спектр явлений, определяющих механизмы возникновения и развития в системе правового регулирования.

Согласимся с Т. В. Кашаниной, что понятия в праве должны характеризоваться стабильностью и однозначностью до тех пор, пока действует закон. Текучесть, чрезмерная гибкость юридических понятий отрицательно сказываются на применении права, подрывают его престиж, разрушают право как социальное явление [4]. В заключение необходимо обратить внимание на упущение законодателя, который при разработке термина «таможенная процедура» не смоделировал результат, лежащий в основе последовательно совершенных действий участников таможенных правоотношений, что наводит на мысль о целесообразности изменения качественной, содержательной части изучаемого термина.

Литература

1. Гогель С. К. Губернские присутствия смешанного состава как органы административной юстиции на местах // Вестник права. 1996. № 4. С. 422.
2. Договор о Евразийском экономическом союзе: подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. // Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
3. Каргин К. В. Понятие юридической аргументации // Юридическая техника. 2013. № 7, ч. 1. С. 60–64.
4. Кашанина Т. В. Правовые понятия как средство выражения содержания права // Советское государство и право. 1981. № 1. С. 36–44.
5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
6. Назаренко Н. А., Савченко М. С. О понятии и содержании таможенной процедуры // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 3 (41). С. 231.
7. Никольская А. А. Административные процедуры в системе публичного управления (проблемы административно-правового регулирования): автореф. дис. ...канд. юр. наук. Воронеж, 2007. С. 15.
8. Помазуев А. Е. Административные процедуры доступа граждан к публичной информации: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 2007. С. 12.
9. Стариллов Ю. Н. «Управленческая» и «судебная» концепция административного процесса: развитие, современное значение и взаимодействие // Вестник Воронежского государственного университета. 2006. № 1. С. 134.
10. Таможенный кодекс Таможенного союза: приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27 ноября 2009 г. № 17 // Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

11. Таможенный кодекс Российской Федерации от 28 мая 2003 г. № 61-ФЗ (утратил силу) // Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

12. Тихомиров Ю. А. Административное право и процесс: полный курс. М., 2006. С. 611.

13. О таможенном регулировании в Российской Федерации: ФЗ от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

TO THE QUESTION ABOUT THE TERM «CUSTOMS PROCEDURE»

Olga A. Gataulina

assistant,

Buryat State University

24a, Smolin st., Ulan-Ude, 670000, Russia

This article is devoted to the analysis of concepts and content of the customs procedure in the system of legal instruments of the State used by the customs authorities of the Russian Federation. Study on the theoretical and legal views of scientists and legislative consolidation of the concept of «customs procedures» to the Customs code of the Customs Union has revealed a deficiency in the conceptual apparatus. The author points out that the doctrinal development of customs procedures in the activities of customs authorities has not only theoretical but also practical significance. Thus, it is necessary to disclose the main characteristics of customs procedures, in order to improve the quality of legal regulation in terms of the Eurasian Economic Union. The conclusion of necessity reflected in the term of the legal outcome of the customs procedure which, in my opinion, is a logical term, taking into account the scope of their implementation.

Keywords: administrative procedure; customs procedure; legal result; instrument of legal regulation; customs legislation.

УДК 323+328.1

РОЛЬ МОЛОДЕЖНОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ДЕЙТЕЛЬНОСТИ

© Цыденов Олег Баирович

магистрант,

Бурятский государственный университет

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: ts.ol@mail.ru

Выработка и реализация действенной национальной модели молодежной политики всегда будут одной из актуальных задач правительств всех стран. Молодежный парламентаризм в России — явление молодое, как и новой российской государственности ему двадцать с небольшим лет. Подрастает поколение с высокой социальной ответственностью, которое воспитано на принципах гуманизма и демократии и будет определять развитие общества в перспективе. Молодежный парламентаризм входит в фазу своей активной деятельности и оказывает существенное влияние на политическую систему общества. В статье рассмотрена роль молодежного парламентаризма в России, его место в системе государственной власти. Так, проанализирована деятельность молодежных парламентов за рубежом, проведены параллели с российскими молодежными институтами власти. Сегодня в деятельности молодежных парламентов Российской Федерации существуют некоторые проблемы, и в статье предложены пути их разрешения.

Ключевые слова: парламентаризм; органы власти; законотворчество; консультативно-совещательная структура; молодежный парламент; молодежная палата; молодежная политика; координация; личность; патриотизм; гражданское общество.

Прежде чем говорить о роли молодежного парламентаризма в системе власти, необходимо определить, что такое молодежный парламент и парламент вообще. В условиях глобализации и устойчивого развития во всем мире любое суверенное государство стремится соответствовать современному времени. Права человека, законодательство, система власти отражают современное мироустройство и устройство политической жизни в отдельном государстве. К такой категории можно отнести и молодежный парламентаризм.

Во всех государствах, где реализуется принцип разделения властей, существует парламент. Парламент — это высший законодательный (представительный) орган власти в государстве. Молодежный парламент не является его прямым производным в целом, это прежде всего совещательная структура, в которой представлены лидеры всех социальных и возрастных групп молодежи.

В мировой практике зачатки молодежного парламентаризма появились в начале XX в. в США. Сейчас молодежные парламенты существуют во многих странах мира. В Новой Зеландии молодежный парламент создается при органах законодательной власти, в Египте — при органах исполнительной власти. В некоторых странах молодежный парламентаризм существует больше как социальное явление, нежели политическое. К примеру, в Австралии молодежный парламент — это социальная программа органов государственной власти и молодежных общественных объединений. На наш взгляд, такое расхождение обусловлено разной эффективностью и спецификой реализации молодежных политических программ.

Идею создания молодежного парламентаризма активно стало развивать Европейское сообщество, в рамках которого сегодня осуществляет свою деятельность Европейский молодежный парламент. Он был создан в 1987 г. молодежным фондом Фонтенбло (Оксфорд, Великобритания) как образовательный проект. Представляет собой конференцию, на которой молодые люди имеют возможность свободно выражать свои мысли без какой-либо политической подоплеки, что способствует развитию независимого мышления и личной инициативы.

После I Всероссийского семинара-совещания «Развитие молодежного парламентаризма в Российской Федерации» понятию «молодежный парламент» было дано определение, которое в дальнейшем закрепилось и вошло в оборот в России и за рубежом. Молодежный парламентаризм — «система представительства прав и законных интересов молодежи как особой социальной группы, основанная на создании и функционировании при органах власти или в установленном ими порядке

специальной общественной консультативно-совещательной структуры молодежи — молодежного парламента, а также иных общественных институтов участия молодых граждан в жизни государства», а «молодежное парламентское движение — деятельность, направленная на формирование и развитие общественных консультативно-совещательных структур молодежи на различных уровнях государственного и муниципального управления, направленная на привлечение молодежи к активному участию в жизнедеятельности государства, разработке и реализации им эффективной молодежной политики путем представления законных интересов молодых граждан и общественно значимых идей» [1]. Тогда эти определения давались как некие цели, которые следует достигнуть в ближайшее время. К сожалению, все еще актуальной остается проблема занятости молодого поколения и, как следствие, миграции за пределы нашей страны.

В начале прошлого года на встрече с отечественными бизнесменами В. В. Путин заявил: «У нас нет и не может быть никакой другой объединяющей идеи кроме патриотизма». Именно патриотизм является национальной идеей России. Исследователи справедливо отмечают, что сегодня патриот — это еще и человек, знающий и уважающий национальное законодательство, соблюдающий права и обязанности человека и гражданина. Таким образом, вектор молодежной политики на современном этапе развития нашего общества — патриотическое и правовое воспитание молодежи [2]. В связи с этим формирование правосознания личности через различные политические институты и общественные системы должно быть в числе самых приоритетных направлений деятельности государства.

Молодежное парламентское движение является одной из самых эффективных форм взаимодействия молодежи и органов власти [3, с. 35]. Современный российский молодежный парламентаризм как институт власти и общественный институт призван представлять интересы молодежи и повышать эффективность ее участия в жизни страны, региона, города. Важным шагом в его развитии стало создание Молодежного парламента при Государственной думе РФ, Молодежной парламентской Ассамблеи при Совете Федерации РФ. Это консультативно-совещательные структуры, оказывающие содействие деятельности палат Федерального собрания. Также существует Молодежная дума России, объединяющая представителей различных молодежных общественных и политических структур из регионов Российской Федерации. Среди задач развития молодежного парламентаризма можно выделить следующие: создание условий для консолидации молодежи (на уровне РФ, субъектов РФ) с целью участия в реализации государственной молодежной политики; системное выявление социально активных молодых людей, потенциальных и уже состоявшихся лидеров, обеспечение их дальнейшего становления и роста; создание системы подготовки кадров молодежных парламентов и иных молодежных общественных консультативно-совещательных структур, направленной на формирование кадрового потенциала органов законодательной и исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления [4].

Выделяется несколько форм молодежного парламентаризма, например: молодежный парламент как общественная организация, имеющая юридический статус; молодежный парламент, созданный при органе законодательной власти; объединение при органе исполнительной власти (молодежное правительство). Правовой статус молодежных парламентов различен [3, с. 36]. Стоит обратить внимание на то, что понятие «парламент» подразумевает организацию взаимодействия с органами законодательной (представительной) власти. Происходит некое искажение понятий и даже их подмена, что недопустимо. «Молодость» изучаемого явления, неоднозначность подходов к его развитию со стороны практиков, а также отсутствие теоретических исследований создают широкое поле для полемики [5]. Необходимо понимать, что дальнейшее развитие молодежного парламентаризма в России невозможно без его правового регулирования. Формирование целостной нормативно-правовой базы молодежного парламентаризма послужило бы сегодня хорошей предпосылкой для последующей эффективной работы.

Молодежный парламентаризм в России можно охарактеризовать как государственный проект, который не реализовался в полной мере. Голос молодежи звучит неубедительно и не так ярко, чтобы его услышала общественность. Деятельность молодежного парламента в значительной степени зависит от органа, его учредившего. Региональные молодежные парламенты как самоорганизующиеся системы разрабатывают политику решения социальных проблем молодежи, опираясь в основном на собственные силы. Необходима активная координация со стороны федерального центра через проведение форумов, круглых столов, где молодые законодатели со всех регионов смогут обмениваться опытом, завязать тесное сотрудничество.

В настоящее время молодежные парламентские структуры созданы и действуют практически во всех регионах Российской Федерации (в 80 субъектах). Хотелось бы более подробно рассмотреть деятельность молодежных палат в Республике Бурятия. Молодежная палата при Народном хурале Республики Бурятия структурно состоит из председателя, его заместителей, ответственного секретаря, председателей комиссий и их членов [6]. Комиссии созданы по наиболее важным вопросам деятельности молодежи в Республике: комиссия по труду, занятости и предпринимательству; комиссия по взаимодействию с органами местного самоуправления и внешним связям; комиссия по культуре, образованию, экологии; комиссия по социальным вопросам, патриотическому воспитанию и спорту.

Также на муниципальном уровне действует Молодежная палата при Улан-Удэнском городском совете депутатов [7]. Палата активно сотрудничает с Комитетом по молодежной политике Администрации г. Улан-Удэ в вопросах реализации молодежных проектов. Обе палаты образованы при органах законодательной власти и призваны оказывать содействие их деятельности.

Безусловно, палаты занимаются полезной деятельностью, но не совсем в той сфере, в какой следует: на них возложили функции организаций социально-общественной направленности. Это характерно для большинства молодежных парламентов в российских регионах. Существует множество различных молодежных общественных организаций, которые используют разные механизмы воздействия на политические процессы, такие как демонстрации, шествия, митинги и др. Через эти мирные и законные акции молодая общественность может выразить свою активную гражданскую позицию, свое видение ситуации в обществе. Тогда задача молодежных палат заключается в том, чтобы услышать и принять во внимание предложения для их скорейшей реализации. Молодежный парламент — это прежде всего структура законодательного толка, и он должен заниматься исключительно законотворчеством. Таким образом, через законотворческий процесс члены парламентов должны будут лоббировать интересы молодежи. На наш взгляд, в этом заключается вся сущность молодежного парламентаризма как консультативно-совещательной структуры. Если вернуться к корням, то молодежный парламент в начале прошлого столетия образовывался как школа для будущего законодателя. Что касается форм деятельности молодежных парламентов, сегодня мы наблюдаем некую расплывчатость. Как отмечалось выше, этот вопрос можно отрегулировать путем создания единой нормативной базы, где будут разведены предметы ведения и сфера предполагаемой деятельности. В основу создания такого регулирования и преобразования молодежного парламентаризма в целом должен быть взят успешный опыт мировых государств. К примеру, родоначальник сингапурского «экономического чуда» Ли Куан Ю начал с того, что воспитал поколение образованных и уверенных в своем будущем людей [8]. Молодежные парламенты должны стать площадкой для развития законодательных инициатив молодых депутатов.

В чем же все-таки предназначение молодежных парламентов? Чем должны заниматься молодежные палаты в Республике Бурятия? Ответы на эти вопросы мы попытались найти у самих молодых людей. Отметим, что они проявили активную заинтересованность в проведении этого опроса. И вот некоторые особо волнующие их темы.

Особняком стоит вопрос досуга. Необходимы меры по организации занятости основной массы молодежи, которая на современном этапе в большинстве своем имеет пассивную жизненную позицию. Но это происходит далеко не от того, что молодые люди не знают, чем заняться. Проблема глубже, на нее влияет ряд факторов, тесно переплетающихся друг с другом.

Вернемся к вопросам, которые наиболее остро стоят перед молодежью на современном этапе. Во-первых, это экономическая нестабильность в регионе. Статус республики как депрессивного региона в значительной степени определяет жизненные возможности молодых людей. Создается ощущение бесперспективности личностного и карьерного роста. Нет надежды на улучшение экономической ситуации в ближайшее время. Это длительный, трудоемкий процесс. Но понятно и то, что молодой человек не будет дожидаться лучших времен, а поспешит в более благополучные регионы. Во-вторых, существует недоверие со стороны старшего поколения, их убежденность в том, что квалификация молодых людей не соответствует тем высоким параметрам, которых требует серьезная, осознанная работа. В-третьих, имеются бюрократические преграды на пути реализации задуманного.

Молодые люди очень озабочены проблемой трудоустройства после окончания вуза, в нынешних условиях конкуренция за вакантное место зашкаливает. Образование является важнейшей точкой

опоры для любого человека. Поэтому на первый план выходит его качество. Логично, что студент может предъявить соответствующие требования к процессу обучения. В связи с активным и нелегким процессом внедрения российской системы высшего образования в Европейское пространство у молодежи возникают некоторые сложности. Одним словом, на жизнь молодежи оказывают влияние самые разные общественные, политические, экономические процессы. Государству необходимо задуматься об усилении активности работодателей в организации и проведении студенческих практик как важной части освоения профессиональных компетенций и навыков студентов [9].

Таким образом, молодые люди обозначили наиболее острые проблемы, которыми следует заняться молодежным палатам Бурятии.

Вместе с тем, на наш взгляд не меньшего внимания молодежных палат заслуживают вопросы культуры, науки, спорта, предпринимательской деятельности. На последнем остановимся более подробно.

Бизнес-сообщество сегодня является одним из самых креативных и инновационных слоев российского общества. В связи с этим поддержка молодежного предпринимательства имеет особое значение. В Бурятии развитие малого и среднего предпринимательства происходит в рамках принятого в 2008 г. закона [10], который предусматривает поддержку молодежного предпринимательства. В законе выделены следующие виды такой поддержки: проведение форумов, съездов; обеспечение деятельности молодежных бизнес-инкубаторов и многие другие. Также хотелось бы видеть активное участие крупных предприятий республики в развитии молодежного предпринимательства: например, через организацию на их базе деловых игр. Это должно работать следующим образом: ряд предприятий набирает к себе в команду определенное количество старшеклассников и студентов, по окончании обучения лучшие из них соберутся на форуме, где будут имитировать деятельность международного экономического сообщества. Цель участников — достигнуть максимально выгодных договоренностей для предприятия, которое они представляют. Такая деятельность главным образом будет способствовать формированию класса молодых предпринимателей, зная многие тонкости изнутри, они в дальнейшем смогут открыть собственный бизнес, тем самым создавая новые рабочие места.

В заключение хотелось бы отметить, что молодым парламентариям следует активнее взаимодействовать со всеми профильными комитетами органа, при котором образуется парламент, тем самым увеличивая спектр своего влияния и продвигая интересы молодежи в самых разных областях. При этом деятельность молодежных палат должна осуществляться в рамках не только Основного закона страны, но и региональных конституций или уставов.

Парламент любой страны представляет собой сложное, своеобразное взаимодействие политических, региональных и индивидуальных устремлений. Молодежные парламенты зарекомендовали себя как некий аккумулирующий орган между молодежью и государственной властью, как орган который активизирует позицию молодежи в решении своих проблем. Молодежный парламент может стать значимым институтом власти, если у него будет возможность смело и творчески пропагандировать свои идеи.

Литература

1. Молодежный парламентаризм в Российской Федерации: документы и материалы I Всероссийского семинара-совещания. Рязань, 2003. Ч. 1. С. 8.
2. Российская газета. 2016. № 266(7134). 24 нояб.
3. Зозуля Е. В. Деятельность молодежных парламентов в современной России как форма политического участия // Власть. 2012. № 2. С. 35–37.
4. Молодежные парламенты России. Рекомендации по развитию молодежного парламентаризма в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www/mparliament.ru/documents/02.rar> (дата обращения: 16.01.2017).
5. Ратникова Г. А. Общая характеристика молодежного парламентаризма в России // Современное право. 2013. № 1. С. 7–10.
6. Положение о Молодежной палате при Народном хурале Республики Бурятия (в ред. постановлений Народного хурала РБ от 18 ноября 2005 г. № 1398-III, от 28 февраля 2008 г. № 176-IV).
7. Положение о Молодежной палате при Улан-Удэнском городском совете депутатов (в ред. Решения Улан-Удэнского городского совета депутатов от 29 октября 2015 г. № 145–13).

8. Селезнев П. С. Сингапурская модернизация: инновационный опыт для России // Власть. 2014. № 7. С. 165–172.

9. Шевелева Н. А., Лаврикова М. Ю. Некоторые проблемы нового этапа развития юридического образования // Закон. 2014. № 1. С. 41–45.

10. О развитии малого и среднего предпринимательства в Республике Бурятия: закон РБ № 568-IV от 7 ноября 2008 г.

THE ROLE OF YOUTH PARLIAMENTARISM IN CONTEMPORARY RUSSIAN ACTIVITIES

Oleg B. Tsydenov

Master's Degree Student,

Buryat State University

24a, Smolin st., Ulan-Ude, 670000, Russia

The development and implementation of effective national model of youth policy will always be one of the urgent tasks of all governments. Youth parliamentarism in Russia — is a young phenomenon. As a new Russian statehood her twenties. The younger generation with a high level of social responsibility, which is brought up on the principles of humanism and democracy. The truth is that they are part of the society, which in the future will determine its development. Parliamentary culture remains central to modern political process. Sees, youth parliamentarism is included in the active phase of its activities and is an influential participant in the political system of society. The article considers the role of youth parliamentarism in Russia, its place in the system of state power. Also examined the activities of youth parliaments abroad, and the parallels with Russian youth institutions. Some problems that exist today in the activities of youth parliaments in the Russian Federation, and ways to resolve them.

Keywords: parliamentarism; authorities; lawmaking; consultative-deliberative structure; Youth Parliament; Junior Chamber; youth policy; coordination; personality; patriotism; civil society.

УДК 342.56(931+73) (09)

ОСОБЕННОСТИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ МЕЖДУ ОРГАНАМИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ АВСТРАЛИЙСКОГО СОЮЗА И ШТАТОВ

© Цыремпилова Елена Бато-Мунхоевна

аспирант,

Бурятский государственный университет

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: e.tsyrempilova@yandex.ru

В статье описываются особенности разграничения компетенции между органами судебной власти Австралийского Союза и штатов. В статье отмечается, что Высокий суд Австралии рассматривает апелляции как из федеральных судов, так и из судов штатов. В связи с этим в Австралии существует единое общее право. Другой особенностью австралийской судебной системы является то, что суды штатов могут осуществлять федеральную судебную юрисдикцию. Поэтому некоторые требования, предъявляемые к федеральным судам, применяются и к судам штатов. В частности, в австралийском конституционном праве существует доктрина строгого отделения федеральной судебной власти от других ветвей власти. Высокий суд определил, что действие данной доктрины распространяется и на суды штатов, поскольку они осуществляют федеральную судебную юрисдикцию.

Ключевые слова: федерация; федерализм; компетенция; разграничение компетенции; разграничение предметов ведения и полномочий; судебная система; разграничение судебных полномочий; Высокий суд Австралии; Конституция Австралийского Союза; Австралийский Союз.

Исследователи Максвелл Кэмерон и Тулия Фаллети определяют федерализм как конституционную политическую систему, которая создает отдельные органы исполнительной, законодательной и судебной ветвей правительства на субнациональном уровне [4, р. 246]. Они подчеркивают, что «субнациональные правительства, которые не могли интерпретировать и применять свое собственное законодательство, были бы юридически и политически зависимы от суверенитета центральной судебной системы» [4, р. 248]. Э. И. Кларк, один из составителей Конституции Австралии, также считал, что без законченной системы судов, независимых от Союза и штатов, не может быть истинной федерации [7, р. 253].

В решении по делу *Australian Securities and Investments Commission v Edensor Nominees Pty Ltd* Высоким судом было разъяснено, что судебная юрисдикция штатов — это «компетенция по разрешению дел, которой суды штатов обладают согласно Конституции и законам штатов»¹, а федеральная судебная юрисдикция — это «компетенция по разрешению дел, установленная Конституцией и законами Союза»².

Вопросы, относящиеся к федеральной юрисдикции, определены в главе III Конституции Австралии. Ст. 71 Конституции устанавливает, что судебная власть в Австралийском Союзе возложена на федеральный верховный суд, который носит название Высокого суда Австралии, а также на федеральные суды, созданные парламентом, и любые другие суды, обладающие федеральной юрисдикцией. Федеральная юрисдикция, согласно Конституции Австралии, включает осуществление судебной власти в отношении вопросов, перечисленных в ст. 75 и 76 Конституции, а также вопросов, установленных федеральным законом (на основании ст. 76 и 77 Конституции).

Единственный суд, прямо предусмотренный Конституцией Австралийского Союза — Высокий суд Австралии — был учрежден в 1903 г. Ст. 75 Конституции перечисляет полномочия, являющиеся первичной юрисдикцией Высокого суда, лишить которых его можно только приняв поправку к Конституции:

- дела, возникающие по какому-либо международному договору;
- дела, относящиеся к консулам или иным представителям иностранных государств;

¹ Решение Высокого суда Австралии по делу *Australian Securities and Investments Commission v Edensor Nominees Pty Ltd* (2001) 204 CLR 559 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/cases/cth/HCA/2001/1.html>

² Там же.

- дела, по которым стороной является Австралийский Союз или представитель Австралийского Союза;

- дела между штатами, между резидентами различных штатов или же между штатом и резидентом другого штата;

- дела, по которым требуется судебный приказ, запрет или же запретительная норма против должностного лица Австралийского Союза.

Помимо полномочий, перечисленных в ст. 75 Конституции, Союз в соответствии со ст. 76 может наделить Высокий суд дополнительной первичной юрисдикцией по следующим категориям дел:

- дела, возникающие согласно Конституции Австралии или связанные с ее толкованием;

- дела, возникающие согласно любым законам, принятым парламентом Союза;

- дела адмиралтейской и морской юрисдикции;

- дела, имеющие отношение к одному и тому же предмету, утвержденному законами различных штатов.

На основании последнего пункта Федеральный парламент еще не передавал Высокому суду полномочий. Как отмечают Г. Моунс и Дж. Троун, ясно, что на основании клаузулы 75 (iv) Высокий суд имеет юрисдикцию в спорах между штатами. Следовательно, может быть, что в данную клаузулу включаются и частные споры по вопросам, попадающим под правовые системы разных штатов. Например, если человек умер в одном штате, а его имущество находится в другом, должно быть определено, какой штат имеет право наложить налог на наследство [5, р. 327].

Вопросы, относящиеся к юрисдикции Высокого суда, были предложены еще во время конвента 1891 г. Э. И. Кларком и Ч. Кингстоном [11, р. 88], они были включены в окончательный текст Конституции практически неизменными.

На основании ст. 73 Конституции Высокий суд не только является судом первой инстанции, но и судом апелляционной инстанции. Особенностью австралийской судебной системы является то, что Высокий суд рассматривает апелляции как из федеральных судов, так и из судов штатов.

В ст. 71 и 72 Конституции подразумевается, что парламент может создавать и иные федеральные суды. С 1970-гг. Союз начал создание своей собственной системы судов. В настоящее время парламентом Союза созданы Федеральный суд Австралии, Суд Австралии по семейным делам, Федеральный окружной суд Австралии (до 2013 г. — Федеральный магистратский (мировой) суд).

Конституция Австралии не содержит положений относительно системы органов судебной власти штатов. В ст. 73 Конституции Австралии есть только положение о том, что Высокий суд рассматривает апелляции из верховных судов штатов. Следовательно, единственным судом штатов, наличие которого прямо предусмотрено и гарантировано Конституцией Союза, является верховный суд штата. Верховные суды штатов в большинстве своем были основаны задолго до образования Австралийского Союза. В каждом штате и на территории существует собственная система судов, нижними звеньями которой являются магистратские и окружные суды, а верхним звеном — верховный суд штата.

Судебные системы штатоподобных территорий схожи с судебными системами штатов. Конституционный статус судов территорий, правовая природа их юрисдикции и степень, с которой положения главы III Конституции применяются к ним, вызывают определенные споры¹.

Суды штатов осуществляют судебную юрисдикцию штатов. Кроме этого парламент Союза в соответствии с п. 3 ст. 77 Конституции Союза имеет право наделять суды штатов федеральной юрисдикцией. Это называется «автохтонным методом» («*autochthonous expedient*»)². Таким образом, особенностью австралийской судебной системы является то, что суды штатов помимо юрисдикции штатов осуществляют также федеральную юрисдикцию, составляя тем самым институционально интегрированную судебную систему (в отличие от судебной системы США, в которой предусмотрено полное отделение федеральных судов от судов штатов).

Предоставление федеральному парламенту возможности наделять суды штатов федеральной юрисдикцией было обусловлено тем, что создание полного набора федеральных судов первой ин-

¹ См. напр.: Решение Высокого суда Австралии по делу *Kruger v Commonwealth* (1997) 190 CLR [Электронный ресурс]. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/cases/cth/HCA/1997/27.html>; Решение Высокого суда Австралии по делу *Re Governor, Goulburn Correctional Centre, Goulburn; Ex parte Eastman* (1999) 200 CLR 322 [Электронный ресурс]/ URL: <http://www.austlii.edu.au/au/cases/cth/HCA/1999/44.html>

² Решение Высокого суда Австралии по делу *R v Kirby; Ex parte Boilermakers Society of Australia (Boilermakers case)* (1956) 94 CLR 254 [Электронный ресурс]/ URL: <http://www.austlii.edu.au/au/cases/cth/HCA/1956/10.html>

станции принесло бы существенные траты [2]. В связи с тем, что суды штатов могут осуществлять федеральную юрисдикцию (п. 3 ст. 77 Конституции Союза), а Высокий суд рассматривает апелляции из судов штатов (ст. 73 Конституции Союза), Высокий суд сделал вывод о существовании в Австралийском Союзе единого общего права¹. В 1987 г. Союзом и каждым из штатов были изданы законы, предоставляющие федеральным судам право осуществлять юрисдикцию штатов. Целью этого «перекрестного наделения» («cross-vesting») было сделать необязательным рассмотрение вопроса о том, находится разбирательство или его часть в рамках федеральной юрисдикции или нет [12]. Однако в 1999 г. Высокий суд отменил данное решение. Высокий суд Австралии посчитал, что федеральные суды не могут осуществлять правосудие по вопросам, входящим в юрисдикцию штатов, поскольку в Конституции нет отдельного положения Конституции Австралии, позволяющего это².

Отделение судебной власти от законодательной и исполнительной является одним из фундаментальных принципов австралийского конституционного права. Это выражается в следующем. Во-первых, федеральная судебная власть не может реализовываться никакими другими органами, кроме действующих на основании Главы III Конституции Союза. Так, в 1915 г. Высоким судом было принято решение, что Межштатная комиссия, образованная в 1912 г., не может осуществлять судебные полномочия³. Во-вторых, федеральные судебные органы не могут обладать никакими другими полномочиями, кроме судебных. Федеральный суд примирения и арбитража имел полномочие разрешать корпоративные споры через согласительные процедуры. В решении по делу *R v Kirby; Ex parte Boilermakers Society of Australia (Boilermakers case)* Высокий суд признал данное полномочие несудебным и постановил, что осуществление судом несудебных полномочий является нарушением принципа разделения властей⁴.

Высокий суд определил, что поскольку суды штатов осуществляют федеральную юрисдикцию, они должны соответствовать некоторым требованиям, предъявляемым к федеральным судам. В частности, Высокий суд постановил, что в главе III Конституции Союза подразумевается, что суд, осуществляющий федеральную судебную власть, должен быть независимым и беспристрастным органом⁵. В то же время до 1996 г. не существовало доктрины отделения судебной власти от законодательной и исполнительной на уровне штатов. Так, например, в 1994 г. Верховный суд Виктории в решении по делу *City of Collingwood v State of Victoria and Anor* определил, что в Конституции Виктории отсутствуют положения об отделении судебной власти⁶.

До 1996 г. Высокий суд не распространял действие федеральной доктрины разделения властей на суды штатов, осуществлявших федеральные судебные полномочия. В частности, в решении по делу *Le Mesurier v Connor* судьи Э. Нокс, Дж. Рич и О. Диксон пояснили, что «Парламент может создавать федеральные суды и имеет над ними и их организацией достаточную власть. Но суды штатов являются судебными органами другой государственной власти. Они создаются законом штата; их существование зависит от законов штатов»⁷.

Однако позиция суда была изменена в поворотном решении по делу *Kable v Director of Public Prosecutions (NSW)*, когда большинство судей признали, что штаты не могут возлагать на суды полномочия, несовместимые с осуществлением ими федеральной юрисдикции. Высоким судом было признано, что законодательство Нового Южного Уэльса, передающее несудебные полномочия Вер-

¹ Решение Высокого суда Австралии по делу *Lange v Australian Broadcasting Corporation* (1997) 189 CLR 520 at 563 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/cases/cth/HCA/1997/25.html>

² Решение Высокого суда Австралии по делу *Re Wakim; Ex parte McNally* (1999) 198 CLR 511 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/cases/cth/HCA/1999/27.html>

³ Решение Высокого суда Австралии по делу *New South Wales v Commonwealth (Wheat Case)* (1915) 20 CLR 54 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/cases/cth/HCA/1915/17.html>

⁴ Решение Высокого суда Австралии по делу *R v Kirby; Ex parte Boilermakers Society of Australia (Boilermakers case)* (1956) 94 CLR 254 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/cases/cth/HCA/1956/10.html>

⁵ Решение Высокого суда Австралии по делу *North Australian Aboriginal Legal Aid Service Inc v Bradley* (2004) 218 CLR 146 at 29 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/cases/cth/HCA/2004/31.html>

⁶ Решение Верховного суда Виктории по делу *City of Collingwood v State of Victoria and Anor [No 2]* (1994) 1 VR 652 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.austlii.edu.au/cgi-bin/sinodisp/au/cases/vic/VicRp/1994/46.html>

⁷ Решение Высокого суда Австралии по делу *Le Mesurier v Connor* (1929) 42 CLR 481 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/cases/cth/HCA/1929/41.html>

ховному суду Нового Южного Уэльса, противоречит Конституции¹. Системы судов штатов должны отвечать конституционным требованиям для того, чтобы поддерживать должное функционирование интегрированной судебной системы, созданной главой III Конституции².

Позиция Высокого суда в юридическом сообществе в целом воспринимается положительно, однако и ее критикуют. Судья Д. Доусон, не согласившийся с мнением большинства в решении по делу *Kable*, аргументировал свое мнение тем, что «в Австралии нет единой судебной системы. Каждый из штатов имеет свою собственную иерархию, установленную законодательством штата. Федеральные суды, созданные на основании ст. 71 Конституции, составляют другую систему»³. Также он отмечал, что глава III не требует соответствия судов штатов атрибутам федеральных судов, Конституция приняла их как «существующие институты»⁴.

Адъюнкт-профессор Г. Эпплбай отмечает, что различия между штатами дают возможность для инноваций и конкуренции [1, р. 676]. Он пишет, что сложно совместить идею разнообразия и экспериментирования в судебных системах штатов с концепцией интегрированной судебной системы и корректированием институциональной целостности судов через набор минимальных необходимых характеристик. Несмотря на это, Высокий суд неоднократно, даже во время расширения доктрины *Kable*, утверждал, что остается пространство для субнационального разнообразия. В теории это было бы верно. Тем не менее совершенно ясно, что подход Высокого суда к формулировке доктрины *Kable* сокращает это пространство [1, р. 681].

Таким образом, разграничение судебных полномочий между Союзом и штатами в Австралии имеет следующие особенности:

- Высокий суд Австралии рассматривает апелляции как из федеральных судов, так и из судов штатов. В связи с этим в Австралии существует единое общее право;

- суды штатов могут осуществлять федеральную судебную юрисдикцию. Поэтому некоторые требования, предъявляемые к федеральным судам, применяются и к судам штатов. В частности, в австралийском конституционном праве существует доктрина строгого отделения федеральной судебной власти от других ветвей власти. Высокий суд определил, что действие данной доктрины распространяется и на суды штатов, поскольку они осуществляют федеральную судебную юрисдикцию.

Литература

1. Appleby G. The High Court and *Kable*: A Study in Federalism and Rights Protection // *Monash University Law Review*. 2014. Vol. 40. No. 3. P. 673–697.
2. Bailey K. H. The Federal Jurisdiction of State Courts // *Res Judicatae*. 1941. Vol. 26. P. 109–117.
3. Buchanan R. The Shifting Balance in Federal State Relations: Its Impact on the Australian Judicial System // *University of Tasmania Law Review*. 2012. Vol. 31(1). P. 1–36.
4. Cameron M., Falleti T. Federalism and the Subnational Separation of Powers // *Publius*. 2005. Vol. 35. P. 245–271.
5. Moens G., Trone J. *The Constitution of the Commonwealth of Australia Annotated*. Chatswood: LexisNexis Butterworths, 2012. 576 p.
6. Murray S. Australian State Courts and Chapter III of the Commonwealth Constitution — Interpretation and Re-Interpretation and the Creation of Australian Constitutional «Orthodoxy» // *Giornale di Storia Costituzionale*. 2012. № 24. P. 145–158.
7. Official Report of the National Australasian Convention Debates, Sydney, 2 March to 9 April, 1891. Sydney: G. S. Chapman, Acting Government Printer, 1891. 964 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/download/officialreportn00walegoog/officialreportn00walegoog.pdf> (accessed 30.02.2017).
8. Stellios J. *The Federal Judicature: Chapter III of the Constitution*. Chatswood: LexisNexis Butterworths, 2012. 587 p.
9. Stellios J. The Centralisation of Judicial Power within the Australian Federal System // *Federal Law Review*. 2014. Vol. 42. P. 357–388.
10. *The Australian Federal Judicial System* / ed. by B. Opeskin, F. Wheeler. Melbourne: Melbourne University Press, 2000. 537 p.

¹ Решение Высокого суда Австралии по делу *Kable v Director of Public Prosecutions (NSW)* (1996) 189 CLR 51 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.austlii.edu.au/cgi-bin/sinodisp/au/cases/cth/HCA/1996/24.html>

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

11. Williams J. M. The Australian constitution: a documentary history. Carlton: Melbourne University Press, 2005. 1288 p.

12. Griffith G., Kennett G. Judicial Federalism // The Australian Federal Judicial System / ed. by B. Opeskin, F. Wheeler. Melbourne: Melbourne University Press, 2000. P. 56–57.

THE PECULIARITIES OF THE DIVISION OF JUDICIAL POWERS BETWEEN THE AUSTRALIAN COMMONWEALTH AND STATES

Elena B.-M. Tsyrempilova

PG student,

Buryat State University

24a, Smolin st., Ulan-Ude, 670000, Russia

The article is devoted to the peculiarities of the distribution of powers between the judicial authorities of the Commonwealth and the states. It is noted that the High Court of Australia hears appeals from both the federal courts and the courts of the states. Therefore, there is a single Australian common law. Another feature of the Australian judicial system is that state courts can exercise federal jurisdiction. In this regard, some of the requirements to be met by the federal courts, apply to the state courts. In particular, in the Australian constitutional law there is the doctrine of strict separation of the federal judiciary from the other branches of government. The High Court found that this doctrine applies to the state courts, since they carry out federal jurisdiction.

Keywords: federation; federalism; competence; distribution of powers; the judiciary; delineation of judicial power; the High Court of Australia; the Constitution of the Commonwealth of Australia; Commonwealth of Australia.

Научное издание

ЯНВАРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ,
ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ ЮРИЯ ПЕТРОВИЧА ШАГДУРОВА

*Материалы
международной научно-практической конференции
(Улан-Удэ, 19 января 2017 г.)*

*Редакторы
З. З. Арданова, Д. Н. Гармаева, Ж. В. Галсанова, Е. П. Евдокимова, С. В. Сазонова
Компьютерная верстка Ж. В. Галсановой*

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 13.10.17. Формат 60x84 1/8.
Уч.-изд. л. 23,34. Усл. печ. л. 29,29. Тираж 100. Заказ 254.
Цена свободная.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии Издательства
Бурятского государственного университета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а